

В.А.Зарин

Запад и Восток

в мировой

истории

XIV-XIX вв.

**Западные концепции
общественного развития
и становление мирового рынка**

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
1991

Ответственный редактор
Л. А. ФРИДМАН

Редактор издательства
Л. А. РОЩИНА

- Зарин В. А.
334 Запад и Восток в мировой истории XIV—XIX вв.: (Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка).— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.— 264 с.
ISBN 5-02-017188-3

В монографии рассматриваются вопросы: почему Западная Европа смогла подчинить себе более богатые и могущественные страны Востока, создать колониальные империи и заложить основы мирового рынка, какова роль политических структур и идеологии в обеспечении технического прогресса различных обществ и др.

З 0503010000-089 33-91
013(02)-91

ББК 63.3(4)+63.3(5)

Научное издание

Зарин Виктор Аркадьевич

ЗАПАД И ВОСТОК В МИРОВОЙ ИСТОРИИ XIV—XIX вв.

Западные концепции общественного развития
и становление мирового рынка

Заведующий редакцией Я. Б. Гейшериш. Редактор Л. А. Рощина. Младший редактор Л. В. Исаева. Художник Л. Л. Милалевский. Художественный редактор Б. Л. Резников. Технический редактор Г. А. Никитина. Корректор Р. Ш. Чемерис.
ИБ № 1675

Сдано в набор 24.09.90. Подписано к печати 18.03.91. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 16,5. Усл. кр.-отт. 16,9. Уч.-изд. л. 18,9. Тираж 1850 экз. Изд. № 7090. Зак. № 389. Цена 4 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ISBN 5-02-017188-3

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1991

ВВЕДЕНИЕ

Социологические и политэкономические проблемы экономически слаборазвитых регионов мира являются наименее разработанными и дискуссионными. К ним примыкает проблема мирохозяйственных отношений, также имеющая различные интерпретации в советской литературе. Таким образом, ощущается острая необходимость дальнейших теоретических исследований, обобщений и анализа не только современных явлений, но и исторического процесса иерархического построения мирового экономического пространства.

В перспективной комплексной научной программе исследований ведущих советских академических институтов «Исторические пути развития народов Азии, Африки и Латинской Америки» подчеркивается, что «любой научный анализ современности невозможен без глубокого знания истории и учета факторов преемственности исторических эпох и структур. Это особенно необходимо при анализе проблем современных афро-азиатских и латиноамериканских стран, в которых прошлое живет в настоящем, традиция пока нелегко сдает свои позиции, а временами испытывает своего рода подъем. Имея в виду, что большинство исследований будет посвящено конкретным периодам истории, необходима одновременно ориентация на комплексный подход к истории Азии, Африки и Латинской Америки как единому, неразрывному историческому процессу на базе освоения уже накопленного и продолжающего накапливаться конкретно-исторического материала» [25].

Среди проблем, намеченных в программе, можно назвать следующие фундаментальные направления: первоначальное накопление капитала в Западной Европе и Восток; история колониализма; промышленный переворот в Западной Европе и Восток; генезис капитализма в Японии. Все они рассматриваются в данной работе, хотя автор, естественно, не претендует на исчерпывающее их освещение.

Историко-экономические исследования сложных общественных явлений — давняя традиция. Они служат определенной гарантией от излишней «актуальности», зачастую переходящей в увлечение «модной» тематикой и методикой. Сочетание элементов историко-генетического и структурно-функционального анализа представляется наиболее целесообразным при исследо-

вании этапов становления и развертывания мирового рынка и его составной части — колониальной периферии.

Системный подход позволяет всесторонне изучить объект. Система, состоящая из элементов (подсистем), обладает интегральными характеристиками, присущими ей как целому (единому объекту) и отсутствующими у ее элементов. На основе первоначального изучения системы как целого, ее описания и объяснения возникает возможность разработки методов дальнейшего исследования. Характер недетерминированной системы определяется как внешним воздействием окружающей среды, так и в значительной степени рядом предшествующих во времени состояний самой системы, т. е. ее историей. Поэтому одним из основных средств исследования системы «центр — периферия» мирового капиталистического хозяйства (мирового рынка и колониализма) является комплексное изучение технических, экономических, военно-политических факторов, сформировавших и поддерживавших эту систему в течение более 400 лет ее существования.

Особый интерес вызывают причины и характер технических изменений в центре, влияние технического прогресса * на становление мирового рынка и обратная связь — ускорение капиталистической модернизации центра, влияние промышленной революции на периферию. Важно проследить взаимодействие внутренней политико-экономической динамики системы «центр — периферия» с внешними силами: некапиталистическим окружением (как пассивное, так и активное противодействие в экономической и политической сфере); внутриевропейской реакцией (отношение феодальных и капиталистических элементов к развитию колониализма и мирового рынка).

Становление колониальной системы капитализма во многом определило исторические судьбы различных регионов Старого и Нового Света. На рубеже XV—XVI столетий в результате Великих географических открытий и последовавшей за ними колониальной экспансии история становится всемирной. Формирующиеся экономические и военно-политические отношения приводят к созданию мирового рынка, а позднее (к концу XIX в.) и мирового капиталистического хозяйства, постепенно сложившегося на базе международного разделения труда. Как отмечает Г. Широков, «в советской экономической литературе сложилась традиция определять функции колониальных и зависимых стран в мировом капиталистическом хозяйстве как поставщиков сырья, рынок сбыта готовых изделий и сферу приложения капитала для развитых капиталистических государств. За таким широким определением скрываются три важных момента: разновременность складывания этих функций; изменения значения

* Технический прогресс в данной работе в зависимости от контекста трактуется как рационализация средств, в том числе институциональных, для осуществления конкретных целей, повышающих адаптивный потенциал общества.

в внутреннего содержания каждой из этих функций; сдвиги в соотношении этих функций» ([142, с. 4]; см. также [135]).

Изучение этапов становления мирового рынка включает в качестве важнейшего объекта анализ колониальной экспансии. И не только потому, что она имела далеко идущие кумулятивные последствия для народов Азии, Африки и Латинской Америки, но и в силу непосредственной, не связанной со значительными временными лагами взаимозависимости процесса развертывания мирового рынка с динамическим изменением экономической и политической роли составляющих его основных регионов, их внутренних экономических структур и баланса сил европейских государств. Причем социально-экономические и технические изменения под воздействием мирового рынка происходили в европейских странах быстрее, чем в попавших под европейское влияние странах Востока.

Следует отметить, что колониальная экспансия и формирование мирового капиталистического рынка хотя и взаимосвязанный, но не тождественный процесс. Приоритетное внимание целесообразно уделить колониальной торговле, в силу того что, расширяясь, она охватывала все новое экономическое пространство — атлантическое и афро-азиатское — и тем самым способствовала преобразованию региональных рынков в единый и частично создавала предпосылки для промышленной революции в Западной Европе и колониально-капиталистической трансформации экономического базиса неевропейских обществ. Это несколько не умаляет значение в генезисе европейского капитализма таких традиционных направлений международной торговли, как средиземноморская и балтийская. Более того, их роль необходимо принимать во внимание при рассмотрении промышленной революции. Однако, учитывая основную направленность данной работы — сопоставление развития Запада и Востока и их роли в процессе становления мирового рынка, анализ внутривневропейских направлений торговых потоков нам представляется второстепенным.

В последние годы западная монографическая литература по экономической истории нового времени, в частности колониализма, включает как публикации консервативных ученых, так и леворадикальные исследования. Но большинство западных исследователей сосредоточивается на отдельных проблемах или регионах. Значительное внимание уделяется, например, торговому проникновению европейцев в Азию, формированию атлантического экономического пространства, средиземноморской и балтийской торговле, внутренним предпосылкам развития капитализма в Европе. Обобщающие работы по основополагающему вопросу — о становлении и эволюции капитализма в Европе и внешнеэкономических факторах данного процесса — принадлежат, как правило, леворадикалам. Их исследования, выполненные в абстрактно-теоретическом стиле, что само по себе, естественно, не являются недостатком, отличаются селективным

подходом к историко-экономическому материалу, определяемым идеологизированными целями. Это заставляет очень осторожно относиться к выводам авторов таких работ. Вместе с тем зарубежные публикации вводят в научный оборот много новых данных, причем эти данные относятся, как правило, не к области традиционной истории войн и политических событий, а охватывают экономическую, социальную, техническую области.

Советские исследователи, как отмечал Г. Ф. Ким, в последние годы сравнительно мало занимались историей колониализма. В свое время значительным шагом вперед в осмыслении проблем новой истории вообще и колониального взаимодействия Запада и Востока в частности явилась книга «Века неравной борьбы» [50] из трехтомной монографии «Национально-освободительное движение». Значительный вклад в разработку указанных проблем внес Н. А. Симония [125]. Г. К. Широков в книге, касающейся в основном современного экономического развития стран Азии и Африки, также рассматривает ряд актуальных проблем новой истории [141]. Наконец, коллективная монография «Эволюция восточных обществ» многосторонне обосновала тезис о синтезе современного и традиционного на Востоке [146]. «Обобщая позиции советской школы в этом вопросе, — писал Г. Ф. Ким, — можно сформулировать следующие положения: колониальные отношения в широком смысле слова не простая сумма несвязанных, удерживаемых лишь силой, элементов. Это синтезированный общественно-производственный организм, в основе которого лежит международное разделение труда между метрополиями и колониями» [75, с. 65].

Историко-экономическое и теоретическое исследование иерархии построения мирового рынка чрезвычайно важно для сбалансированной оценки роли колоний и зависимых стран в процессе становления капитализма, а это, в свою очередь, дает возможность глубже осмыслить и пропикнуть в суть современных экономических, политических, религиозных, культурных и иных аспектов отношений «центр — периферия». Исследование на «среднем» уровне абстракции позволяет прийти к определенным теоретическим выводам и оценкам и осветить актуальные вопросы экономической и социальной истории за счет расширения круга анализируемых проблем и их междисциплинарного сравнительного изучения, ликвидируя таким образом отдельные белые пятна, которые не только сохраняются, но иногда и остро проявляются в процессе совершенствования человеческих знаний.

Теоретические вопросы становления мирового рынка связаны не с современными концепциями, имеющими в качестве предмета изучения зрелые институционализированные формы международных экономических отношений, а скорее с более общими моделями генезиса капитализма и историко-экономического процесса в целом. Этим вызвано обращение к сюжетам, которые на первый взгляд охватывают более широкий круг вопро-

сов по сравнению с непосредственными задачами настоящего исследования.

В работе рассматриваются немарксистские концепции развития, мирового хозяйства. Выделяются ключевые направления: веберианская социология, современный институционализм, теории «мировых систем», которые наименее изучены в отечественной литературе. Рассмотрение концепций М. Вебера, К. Полани и некоторых других преследовало и иную цель. Как отмечает В. Шейнис, до последнего времени усвоение и адаптация теоретического потенциала западных обществоведных конструкций в советской науке происходили в форме «критики буржуазных теорий» [140, с. 5]. Поэтому представляется целесообразным познакомить нашего читателя с этим инструментарием и с позитивной точки зрения.

В историческом плане исследование системы «центр — периферия» предполагает прежде всего сопоставление и типологизацию моделей позднего феодализма в Западной Европе, Китае и Османской империи, обладавших в тот период наибольшим «потенциалом развития». Такой подход позволяет выявить структурно-функциональные особенности западноевропейского феодализма, в недрах которого происходило становление капиталистических производительных сил, а на этой основе — развертывание мирового рынка и системы колониального угнетения.

Типологическое исследование позднего феодализма — необходимый шаг в определении структурообразующих факторов капиталистической эволюции, в выявлении предпосылок европейской колониальной экспансии и становления мирового рынка. Ответ на вопрос о причинах экспансии заключается в особенностях западноевропейской модели феодализма, на определенном этапе функционально обеспечивавшей экономический подъем, технический и научный прогресс, развитие мореплавания и рост внешней торговли.

Исследование сложнейшего многофакторного генезиса капитализма в Западной Европе требует соответствующей методологии. Интерпретациям в духе детерминизма, жестких причинно-следственных связей, характерных для физических теорий XIX в., современные ученые, и прежде всего Н. Бор, В. Гейзенберг и другие, противопоставили вероятностную теорию, в рамках которой получил признание принцип дополнительности. Например, волна и частица неразличимы, но проявляются как частные, «дополнительные» образы одной и той же сущности. «Каузальность, — подчеркивал В. И. Ленин, — обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи...» [23, с. 144].

В коллективной монографии «Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса» содержится ряд методологических предпосылок для сравнительно-исторического изучения Запада и Востока. Так в историко-социологической структуре, по терминологии авторов структуре Б, к числу направлений откло-

нения производственных отношений (структура А) от производительных сил М. А. Барг и Е. Б. Черняк относят, в частности, временно решающую или неподчиненную роль обратных связей по линии надстройка — производственные отношения — производительные силы (см. [36, с. 44—122]). Наличие многочисленных обратных связей между различными подсистемами (технико-экономическая, социально-политическая, культурно-цивилизационная), характер их взаимодействия с внешней (природно-географическая, военно-политическая) средой в ходе становления капиталистического способа производства затрудняет выделение «первичного звена» социальных сдвигов.

Неадекватное применение монистического подхода к исследованию движущих сил формационной динамики приводит к малопродуктивным результатам. Констатация ведущей роли производительных сил в процессе общественных изменений для автора данной работы явно недостаточна. Требуется выяснение побудительных причин технической модернизации, так как, сопоставляя Запад и Восток на временном срезе XIV—XVI вв., мы сталкиваемся с проблемой замедленного, по сравнению с Европой, социально-экономического развития мусульманского и китайского обществ, несмотря на аналогичное или даже более высокое развитие производительных сил в восточных обществах. Если последовательно применять вульгаризованную в популярной и учебной литературе схему Маркса, то пришлось бы «запрограммировать» переход ряда азиатских стран к капитализму ранее, чем западноевропейских. Это, безусловно, противоречит реальным историческим фактам, однако не мешает «находить» на Востоке аналогичные западным предпосылки для автономного капиталистического старта (см. [102]).

Сам К. Маркс строго очертил область своих исследований, выступив против превращения его исторического очерка о возникновении капитализма в Западной Европе «в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются...» [6, с. 120]. Такое же мнение высказывал В. И. Ленин в полемике с народником Михайловским, который утверждал, что Марксова теория «разъяснила человечеству его прошлое». «Ведь это же все сплошная фальшь! — писал В. И. Ленин. — Теория претендует только на объяснение одной капиталистической общественной организации и никакой другой». Он подчеркивал, что «Маркс говорит только об одной „общественно-экономической формации“, о капиталистической, т. е. говорит, что исследовал закон развития только этой формации и никакой другой...». «Гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом, в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал *научный анализ одного общества и одного прогресса — капиталистического*» [22, с. 133, 143].

С другой стороны, все хорошо знакомы с пятичленной фор-

мүлой Маркса. Так что же считать парадигмальным: эту конструкцию, которая все больше обростает у некоторых ученых-марксистов построениями по принципу *ad hoc*, или анализ капиталистического общества, данный в «Капитале»? Какова степень универсальности Марксовой теории, иначе говоря, степень применимости данной концепции к исследованию докапиталистических обществ и анализу посткапиталистического развития, общественной динамики в целом и рациональных критериев ее оценки?

Ортодоксальный марксизм пытается объяснить всю историю человеческого общества как последовательную смену общественных формаций (или способов производства): первобытнообщинной, античной, или рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической. Каждая общественная формация завершается социальной революцией. Развитие общественно-экономической формации рассматривается как естественноисторический процесс, происходящий в жесткой зависимости от развития производительных сил данного общества, т. е. совершенствования орудий труда и навыков людей, их применяющих.

Таким образом, развитие общества в конечном счете зависит от прогресса техники в широком понимании этого термина. Сам же технический прогресс представляется гарантированным, вопрос о его причинах и условиях не ставится и не исследуется. Большинство марксистов, особенно попавших под влияние Г. В. Плеханова, представляли себе историческое развитие детерминированным, неизбежным. Хотя они и признавали роль политической власти и насилия в истории, но всегда стремились причины всех изменений свести к росту производительных сил. Такое толкование истории было практически процессом мониторинговой подборки и обработки фактов.

Рост и совершенствование производительных сил, или материальной базы общества, заменили саморазвитие «мыслящего духа» как движущей силы всемирной истории в философской системе Гегеля. Вместе с тем развитие производительных сил доступно для эмпирического исследования на основе исторических фактов. Поэтому, вполне естественно, требует выяснения, какие исторические данные имелись в распоряжении Маркса, когда он сформулировал свою теорию развития общества.

В законченной форме взгляды К. Маркса на вопросы исторического развития изложены еще в его предисловии к работе «К критике политической экономии», написанной в 1859 г. Маркс высказывает две основные идеи о роли производительных сил в революционных изменениях общества. Сначала он утверждает, что эпоха социальной революции наступает тогда, когда материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, превратившимися в оковы для их дальнейшего развития. А изменение экономической основы общества приводит к перевороту в его идеологической и политической надстройке. Вслед

за этим излагается мысль о том, что любая общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и не созреют материальные условия для появления новых, высших производственных отношений в старом обществе. Первое положение рассматривает производительные силы как двигатель социальной истории и их развитие как причину революционных изменений; второе — отводит им более пассивную роль предпосылок для новых производственных отношений, развивающихся в условиях предыдущей общественной формации.

В середине XIX в. историческая наука не могла дать Марксу достаточного количества фактов, подтверждающих применимость его теории к развитию докапиталистических обществ. Европейские историки тогда были знакомы с политической историей Греции и Рима, публиковали книги о феодализме в Европе, много внимания уделяли изучению английской и французской революций. Однако археология не накопила еще данных об эволюции земледелия, история техники находилась в зачаточном состоянии. Поэтому так неубедительно звучит сейчас единственный, пожалуй, пример, который приводит Маркс для конкретизации своих представлений о соответствии общественных отношений производительным силам: «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом» [2, с. 133]. Ручная мельница использовалась задолго до возникновения феодализма и даже рабовладельческих государств, а капитализм пережил применение паровых мельниц.

Взгляды К. Маркса могли сформироваться на основе только двух известных тогда процессов разрушения старых способов производства: одним была эпоха буржуазных революций в Европе, а другим — крушение Римской империи. В первом случае бурное развитие промышленности, совпавшее с социальными революциями, послужило Марксу доказательством правильности его теории. Конец античной цивилизации не был, однако, примером роста производительных сил. Более того, в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс прямо говорят об упадке земледелия и промышленности на закате Римской империи, убыли населения и разрушении производительных сил (см. [19, с. 22]).

Следовательно, К. Маркс и Ф. Энгельс не предполагали, что становление феодализма было вызвано предшествующим развитием производительных сил. Сложнее, безусловно, обстоит дело с вопросом, были ли созданы в античном обществе предпосылки для возникновения феодализма. Само распространение римской экспансии на обширные территории, развитие крупного земледелия и последующее постепенное изживание рабского труда в земледелии и ремесле можно считать предпосылкой для возникновения феодализма, но эти процессы нельзя без натяжки считать показателем развития производительных сил.

Однако К. Маркс поставил античность перед феодализмом в ряду сменяющихся общественных формаций. В этом сказана логика построения единой схемы исторического развития человечества, а последующая догматизация этой схемы означала попытку поместить между античностью и феодализмом социальную революцию. «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся», — заявил И. Сталин в своей речи на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. После этого нескольким поколениям советских историков пришлось подгонять факты и собственные убеждения к этой официальной концепции. Содержанием развернувшейся между ними дискуссии была, разумеется, не критика такого ничем не обоснованного утверждения, а выработка методики привязывания фактов к взглядам, декларируемым высшим авторитетом.

Учение о последовательной смене общественно-экономических формаций, в ходе которой побеждают более прогрессивные формы общественных отношений, а также о неизбежном развитии к социализму предполагает веру в непреложные законы исторического развития и детерминированность важнейших исторических событий и явлений. Схема здесь такова: капитализм, сменивший феодализм, победил потому, что он прогрессивнее, а феодализм был прогрессивнее рабовладельческого общества, которое он сменил, социализм же победит капитализм, поскольку он прогрессивнее всех остальных форм общественной жизни. И только после этого прекратится революционизирующее воздействие производительных сил на социальную динамику.

Перечень догм и стереотипов можно продолжить. При их разработке и распространении игнорировалось строгое, но неписаное правило научной жизни, отмеченное Т. Куном: нельзя обращаться по вопросам науки к главам государств и народным массам, только профессионалы могут компетентно оценить научные достижения (см. [82]).

Марксистские политэкономы-ортодоксы для характеристики общего кризиса капитализма использовали лишь мрачные краски: стагфляция, структурная безработица, сужение сферы господства капитализма в «третьем мире». В действительности наряду с этим в капиталистической экономике широкое применение нашли достижения микроэлектроники, робототехники, информатики, атомной энергетики, мощный толчок получило ресурсосбережение и производство новых материалов, не за горами экономический эффект от крупномасштабного использования биотехнологии. Конечно, успешное развитие мирового капитализма связывалось с существованием колониальной или постколониальной периферии мирового капиталистического хозяйства, которая якобы с самого начала была поставщиком сырья и сельскохозяйственных товаров и рынком для избыточных промышленных товаров и капиталов. Таким образом,

сформировалось устойчивое представление о том, что колониальная экспансия задержала развитие народов Востока, находились и терялись «автономные» предпосылки генезиса капитализма вне Европы в зависимости от политической конъюнктуры.

В то же время в литературе стало общим местом при сравнении европейской и восточной моделей феодализма акцентировать внимание, с одной стороны, на преобладании частновладельческих отношений, а с другой — на государственной собственности на средства производства. Появились термины «государственный феодализм», «государственный способ производства» и т. п. Чрезвычайная роль политической надстройки в социальной и хозяйственной жизни восточных обществ бесспорна. Новейшие исследования установили также значительное распространение института частной феодальной собственности, прежде всего в Китае. Следовательно, выводить различия между европейской и восточной моделями феодализма из принципиально несовпадающей структуры производственных отношений было бы некорректно. Анализируя структуру феодальных производственных отношений на Востоке и Западе, важнее отметить, что их окружала качественно иная политическая, идеологическая и социокультурная среда.

Дифференцированный характер социально-политических структур позднего западноевропейского феодализма создал условия для его разложения и экспансии капиталистического уклада. Сформировался надстроечный механизм включения и активизации капиталистических производственных отношений, в том числе института рынка. Техническое и организационное новаторство, которое позднее было принято обозначать термином «прогресс», приобрело постоянный, самоподдерживающийся характер, превратилось в европейскую традицию, но лишь после институционализации капиталистических общественных структур. Со второй половины XVII в. взаимосвязь производительных сил и производственных отношений в Западной Европе стала более однозначной, но, конечно, не прямолинейной.

Безусловно, такой подход к общественному развитию страдает односторонностью, но он позволяет выявить некоторые причины отсутствия капиталистических элементов на Востоке, где социально-политическая структура общества не только не благоприятствовала созданию нового экономического пространства, но и периодически блокировала и сужала его. В Западной Европе плюрализм политических и идеологических (религиозных) форм, самоуправление городов, юридически защищенный правовой и экономический статус различных социальных слоев, включая непосредственных производителей, создавали благоприятные условия для экономического роста. Социальная структура общества была такова, что плоды этого роста доставались не только классу феодалов.

Эффект распределения доходов в Западной Европе сраба-

Удал принципиально иначе, чем на Востоке, где сравнительно более высокий прибавочный продукт монополизировался бюрократической элитой. Бюрократия на Востоке довольствовалась тем, что она могла выжать из крестьянства, а также ремесленной и торгово-купеческой прослойки при помощи военной силы. Представления о технических и организационных улучшениях как целенаправленной экономической политике там попросту не могло возникнуть. Более того, практически любые нововведения воспринимались враждебно, так как их носители могли стать ядром новых, конкурирующих с бюрократией элит. Особенно в этом отношении характерен Китай, который отказался от такого «новшества», как заморские военные экспедиции. Позднее, когда возникло желание имитировать хотя бы европейские военно-технические достижения, даже Османская империя, находившаяся в непосредственном контакте с европейцами, осуществляла их с большим запозданием и трудом.

Различия западных и восточных социально-политических структур складывались под непосредственным воздействием экологической среды обитания. В Западной Европе начиная с VIII—IX вв. относительно суровые климатические условия стимулировали технические и агрикультурные новшества. Длительный период феодальной раздробленности, вероятно также связанный с особенностями земледелия, сопровождался многочисленными междоусобными, а после национальной консолидации и межгосударственными войнами. Выявился определенный «рационализирующий эффект» этих столкновений для эволюции ремесла и военной техники. Так как конфронтации происходили в основном между государствами, находившимися на примерно одинаковом уровне развития, разрушения не носили столь крупномасштабного характера, как на Востоке, и не вызывали очередную волну примитивной феодализации. Географическое положение Западной Европы этому способствовало.

Причинно-следственные связи европейской модели развития можно представить в виде меняющейся иерархии факторов общественных сдвигов. «Первичным звеном» в иерархии факторов, определявших специфику западноевропейской эволюции раннего и зрелого феодализма, была природно-климатическая и географическая среда. Комплекс экологических условий определял как характер развития и применения орудий труда, так и специфику социальной организации. Впрочем, более непосредственное влияние окружающей среды на хозяйственные и политические структуры на ранних этапах развития человеческого общества можно отметить повсеместно. «Во всех формах общества, где господствует земельная собственность, — отмечал К. Маркс, — преобладают еще отношения, определяемые природой» [13, с. 44]. По мере экономического подъема и усложнения социальной структуры, явно обозначившихся с XI—XIII вв., дополнительным стимулом для технических сдвигов в Западной Европе становится взаимодействие экономической и

социально-политической подсистем, ориентирующихся на адаптацию к внешней природно-географической среде путем целенаправленного развития экономики с XVI—XVII вв.

Постепенно социально-политические факторы активизации технического прогресса трансформировали последний в первичную движущую силу общественных изменений. Поиски «ведущего звена» для Европы подводят к следующей по своей последовательности схеме развития общества: внешняя для системы природно-географическая среда; социально-политическая подсистема; технико-экономическая (включая рынок) подсистема. Восток прошел только через две стадии. Так называемое естественноисторическое развитие «снизу» было заблокировано редистрибутивным вмешательством государства.

Это не укладывается в догматическую схему «базис — надстройка», но весьма напоминает колебания маятника экономической политики в СССР, где крайними точками пока остаются военный коммунизм и НЭП. Однако аналогии между восточными формами феодализма и социализмом этим не ограничиваются. Они гораздо глубже и имеют прежде всего структурный характер: пирамидальный (недифференцированный) тип политических механизмов, поглощение государством собственности и хозяйственных функций автономных производственных единиц, господство распределительной экономической политики, враждебное отношение к безличным хозяйственным связям, основанным на деньгах и типичным для рыночной экономики. Данный перечень можно продолжить вплоть до регламентации жилья и стандартов потребления, но картина и так ясна.

С позиций сегодняшнего дня парадоксальным представляется, что в условиях относительного отставания Европы от Азии в европейском обществе сформировался социально-политический механизм, стимулировавший рост производительных сил, поворот к хозяйственной инициативе, а не введение бюрократического контроля и государственного распределения продукции. Объяснить это может концепция «динамического баланса сил», которая рассматривается в настоящей работе. Впоследствии картина изменилась. Осознание хозяйственной отсталости, а вернее, попытки ее преодоления способствовали установлению авторитарных режимов в странах, осуществлявших политику частичной модернизации.

Наиболее сложной и зачастую нежелательной проблемой для стран, выбравших путь «догоняющего» развития, оказалась институционализация важнейшего элемента производственных отношений капитализма — рыночного механизма. Формирующая и рационализирующая роль рынка для технического прогресса и становления современной цивилизации в целом зачастую остается на втором плане. Однако без развития мирового рынка невозможно представить ни промышленную революцию, ни современную НТР, обязанных своим триумфальным

шествием обратным связям в системе техника — наука — экономика.

Отношение к экономике как средству адаптации человека к внешней природно-географической среде общественной системы постоянно меняется и усложняется. Вместе с тем трансформируется и роль самой экономики в жизни общества. Преодолевая ограничения, накладываемые окружающей средой, несмотря на все прогнозы эколессимистов, технико-экономический прогресс создает предпосылки для решения сложнейших социальных проблем. Пока «конца» экономики не предвидится, хотя проповедь хозяйственной эсхатологии была и остается важнейшим фактором идеологической легитимации правления авторитарных режимов. С этим связана вторая функция экономики как средства бюрократического контроля над массами.

Представление о саморазвитии производительных сил при социализме и бесконфликтном характере их взаимосвязей с производственными отношениями расчистило путь для безответственных политических экспериментов бюрократического слоя, не имеющих ничего общего с рационально ориентированной и целенаправленной экономической политикой, призванной генерировать научно-технический прогресс. Бюрократизация управленческих механизмов характерна также для развитых капиталистических стран. На этот факт ссылаются явные и тайные сторонники административной системы, подчеркивая универсальность процессов бюрократизации по мере усложнения хозяйственных структур любого общества. Наиболее эрудированные авторы делают реверанс в сторону М. Вебера, который якобы обосновал данный тезис. При этом игнорируется принципиальное замечание немецкого ученого об отличии бюрократии в двух общественных системах. Если выразиться кратко, то бюрократия на Западе подконтрольна обществу и ориентирована на обслуживание интересов различных социальных групп.

Рационалистическая бюрократия на Западе в рамках как государственных, так и хозяйственных структур контролируется соответственно законодательной и судебной властью, советами директоров и собраниями акционеров. Она действует по рационально установленным нормам целенаправленных, корректно сформулированных и обнародованных законов, предписаний, правил, наконец, «оценивается» эффективным и этически нейтральным рыночным механизмом. Напротив, на Востоке общество подконтрольно иерархически структурированной неопатримониальной бюрократии, которая озабочена в первую очередь собственным воспроизводством и блокированием автономных центров силы в хозяйственной и политической сфере. Отсюда деятельность партийных и хозяйственных функционеров, направленная на подрыв товарно-денежных отношений, формирующихся элементов рынка, идеологический шум в «эфире», призванный заглушить голоса протывников или даже реформаторов единственно верного учения Там, где нет монополизма в

экономике, нет монополизма и в политике. Это прекрасно понимали еще во времена Адама Смита. Понимают противники рынка и сейчас. В социалистических странах до последнего времени преобладающей формой регулирования общественных процессов было бюрократически регламентированное подчинение харизматическому или квазихаризматическому авторитету и его штабу.

Реальные и весьма упрямые исторические факты свидетельствуют о том, что технический прогресс в широком смысле этого слова оказывает стабилизирующее влияние на социальную и политическую систему, а не приводит в результате конфликта производительных сил и производственных отношений к социальным революциям. Напротив, отсутствие или блокирование технических и соответственно экономических сдвигов, характерное для социалистических и части развивающихся стран, поставило их на грань хозяйственного и гражданского кризиса.

Необходимость выявления исторических, политических, идеологических, мирохозяйственных причин становления столь разных на Западе и Востоке механизмов поощрения социальной и экономической динамики в основном определила цель и предмет данной книги. Структура работы подчинена сравнительному анализу исторических условий формирования стабильных (саморегулирующихся) общественных систем на одном полюсе мирового рынка (Запад) и факторов, деформировавших данный процесс в период зарождения и развертывания индустриальной цивилизации и глобализации мирового развития, — на другом (Восток).

КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
И МОДЕРНИЗАЦИИ

Представление об экономическом и социальном прогрессе, промышленном росте как непереносимом условии поддержания политической стабильности возникло, даже по масштабам писаной истории человечества, сравнительно недавно — в XVII—XVIII вв. Деление на экономически передовые и отсталые страны, растущая пропасть между ними явно обозначились с началом промышленной революции в Великобритании, хотя предпосылки складывались еще в эпоху позднего феодализма. В настоящее время термины «отсталость» и «слаборазвитость» не только не являются синонимами, но и служат предметом острых идеологических споров. Леворадикалы трактуют «слаборазвитость» экономики «третьего мира» как результат колониальной экспансии, приведшей к прямому ограблению, систематической перекачке ресурсов, дезинтеграции национальных хозяйств, культурной и социальной деградации и т. п. В то же время промышленная революция, по их мнению, не могла бы произойти вне военно-политических и экономических структур мирового рынка, обеспечивавших вышеописанный процесс. Консервативные исследователи, напротив, применяют термин «отсталость» обширных периферийных районов современного мира, связывая ее с социально-экономическими и культурно-цивилизационными особенностями этих стран, уходящими корнями в их многовековую доколониальную историю, и подчеркивая автономный характер индустриализации на Западе.

В западной науке не сложилось единых критериев для оценки социально-экономических изменений. Шведский ученый Г. Мюрдаль подчеркивает различное восприятие им понятий «рост» и «развитие». «Развитие», — считает он, — нечто большее, чем увеличение промышленного производства... Это движение к цельной общественной системе. Другими словами, сюда включается не только промышленное производство, распределение и способы производства, но и уровень жизни, институты, социальные отношения и политика» [230, с. 729]. Еще более неопределенным является понятие «модернизация». Его очевидная нейтральность требует известного уточнения. Представляется, что употребление термина «модернизация» наиболее адекватно при сравнительном историческом изучении западных и восточных обществ. Причем применительно к послевоенному периоду мо-

дернизацию целесообразно рассматривать как переход от традиционного согласовательного или харизматического типа нововведений к современному, осуществляемому на основе обезличенных критериев и ведущему к их независимому освоению в дифференцированных структурах.

Из такого понимания следует, что модернизация это не столько достижение современных стандартов потребления или организации массового производства на базе индустриальной технологии, сколько создание рационального рыночного механизма общественного воспроизводства и дифференцированных институтов регулирования социальных конфликтов, т. е. системы, способной к адаптации в ответ на изменения внутренних или внешних условий равновесия и самонастройке. Однако экономический подход возобладал, и динамизация хозяйственного роста, создание национальной индустриальной базы, диверсификация внешнеэкономических связей в большинстве стран «третьего мира» рассматривались как первоочередные задачи и основа для преодоления отсталости, достижения «второй», экономической независимости, повышения жизненного уровня населения и проведения социальных преобразований, нацеленных на переход от традиционного общества к современному.

Стратегии «догоняющего развития», получившие распространение в 50—60-е годы, ориентировали молодые национальные государства на создание отсутствующих компонентов «идеальной» модели модернизации (капитальные ресурсы, новая технология, управленческий опыт, предпринимательская инициатива и т. п.). Компенсационный механизм стран-имитаторов включал прежде всего использование внешних ресурсов (помощи, предпринимательского и ссудного капитала) и расширение экономических функций государства, активизацию его непосредственного участия в сфере производства.

В 70-е годы проявилась иррациональность государственной политики жесткого регулирования развития. Экономический и социальный кризис принял многообразные формы. «Цена» импортзамещающей индустриализации оказалась слишком велика по сравнению с теми надеждами, которые на нее возлагались. Акцент на крупную промышленность обострил положение в сельском хозяйстве и продовольственную проблему в целом. «Демографический взрыв» поглотил значительную часть прироста ВВП и отрицательно сказался на размывании традиционных структур. Неоднозначность общественных сдвигов в освободившихся странах потребовала углубленного изучения не только современных событий, но и исторического прошлого Востока. Процесс «переоценки ценностей» выдвинул на первый план творческое наследие М. Вебера* и соответствующий по-

* Макс Вебер (1864—1920) — известный немецкий историк, социолог, экономист. Его многогранное творчество оказало значительное влияние на современное западное обществоведение (см. [55]).

нятийный аппарат: «харизматическая модернизация», «неопатримониализм», «модернизация без демократизации» и ряд других.

На уровне нормативных ценностей и ориентиров развития происходит консолидация неоконсервативной идеологии на базе самых различных направлений, начиная от неоклассического и кончая школой М. Вебера. В области теоретического анализа конкурирующие парадигмы менее совместимы, поскольку неоклассическое направление концентрируется на экономической подсистеме развивающегося общества, абстрагируясь от социальных, политических, демографических и ресурсно-экологических факторов. Веберианская макросоциология и институционализм рассматривают хозяйственное развитие как один из элементов многофакторного общественного процесса, где политическая и социокультурная подсистема определяют его сущность. Исходя из веберовской концепции (она рассматривается ниже) модернизация отсталого общества невозможна без изменения идеологического климата, общественной психологии, структурно-функциональной дифференциации социально-политической подсистемы традиционного общества, которая должна обеспечить экономический рост и институционализацию рыночных структур. В конечном счете предполагается «вытеснение» традиционного сектора, укрепление позиций национального частного капитала, консолидация рынка в качестве рационализирующего хозяйственного инструмента и т. д.

Если последователи Вебера сосредоточивают свое внимание на переменах в обществе, обуславливающих его переход в современное состояние, то неоклассическая теория делает упор на способах организации совместной деятельности в этом обществе. При этом рынок выступает не как эволюционная стадия, а как наиболее эффективный и этически нейтральный механизм решения возникающих проблем. Активизация рынка «сверху» и «извне», рекомендуемая либеральными социологами и экономистами, наталкивается на значительные трудности на уровне конкретной экономической и социальной политики (сокращение различных форм государственного регулирования, приватизация государственного сектора, свобода для частной инициативы и т. п.).

Блокирование импульсов капиталистического развития в ряде районов «третьего мира» зачастую принимает противоречивые, конфликтные формы, приводя к попятному движению. Частичная модернизация экономически отсталого общества через дистрибутивную модель обладает значительной привлекательностью для авторитарных политических режимов, так как больше соответствует характеру функционирования традиционных структур и не связана со сложным процессом активизации рыночных стимулов производства.

Привнесение элементов капитализма «извне» способствовало резкому изменению баланса сил внутри традиционного общест-

ва в пользу потенциалов капиталистической модернизации*. Укрепление позиций предпринимательского капитала, рыночных механизмов происходит отнюдь не в условиях «социального согласия», что в ряде стран вызывает перемещение маятника общественной динамики в обратную сторону. Консолидация авторитарных политических и экономических структур, бюрократии, использующей для легитимации своей деятельности квазимодернизаторские и (или) религиозные идеологии, вступает в конфликт с частнопредпринимательской активностью, социальными группами, отстаивающими рыночную, а не административно-распределительную модель модернизации.

Если обратиться к истории, то станет ясно, что колебания маятника социально-экономических изменений «третичной» модели капиталистической эволюции (подробнее см. [146]) напоминают тенденции экспансии и конфронтации товарно-денежных рыночных и административно-распределительных механизмов экономической жизни, которые существовали в доколониальных обществах и в конечном счете приводили к господству последних, блокированию спонтанного капиталистического развития (например, поздний мусульманский и китайский феодализм XV—XVII вв.).

В Западной Европе абсолютистско-феодалная реакция, распространившаяся на экономическую подсистему общества, включала ограничение прав сословно-представительных учреждений, самоуправления городов и подавление мультицентризма хозяйственной и социально-политической структуры позднего европейского средневековья, являвшегося его наиболее характерной чертой по сравнению с мусульманским и китайским феодализмом. Однако в странах «первичной» модели капиталистического развития феодальная реакция была сметена ранними буржуазными революциями. Там, где она победила (Испания, Германия, Италия), развитие остановилось, произошла натурализация хозяйственной жизни.

Во «вторичной» модели имитация достижений передовых капиталистических стран зачастую происходила в виде заимствований прежде всего военно-технических новшеств с целью поддержания стабильности некапиталистического общества и лишь затем разворачивалась модернизация более широкого типа, охватившая при помощи государства широкий спектр отраслей народного хозяйства, включая сельское. Модернизация подстегивалась также возрастающей включенностью таких государств не только в военно-политические, но и в экономические структуры мирового рынка.

* Естественно, что концепция «традиционного общества» ни в коей мере не отражает сложность социально-экономических изменений в доколониальных обществах. Сдвиги происходили и ранее, но не достигали «порогового» уровня автономного капиталистического развития, выливаясь в харизматическую модернизацию, создававшую новую, некапиталистическую традиционную структуру.

В рамках «третичной» модели роль государства гораздо более значительна, чем во «вторичной», хотя ее гипертрофия имеет под собой ряд объективных причин, приводящих к разрастанию бюрократического аппарата, обеспокоенного собственным воспроизводством и возникновением конкурирующих экономических и политических структур внутри общественной системы. Он ориентируется на цели, противоположные первоначальному, функционально ограничивая механизм капиталистической модернизации.

Таким образом, если в «первичной» модели становление капитализма разворачивается за счет структурно-функциональных особенностей позднефеодального западноевропейского общества, обеспечивавших взаимодополняющий технический прогресс и экспансию рыночных механизмов, то во «вторичной» модели капитализм привносится на национальную почву государством-имитатором. В рамках «третичной» модели капиталистическая трансформация берет начало в колониальной экспансии, становлении мирового рынка и международного разделения труда и лишь затем включаются внутренние национальные факторы.

1. Типология западной экономической теории и концепций развития

Идеологической и теоретической базой формирования немарксистских концепций модернизации явились основные направления западного обществоведения, в частности неокейнсианская и неоклассическая школа, ранний и современный институционализм, веберианская макросоциология и структурализм. Чтобы адекватно представить идейные истоки и сущность теоретических конструкций современных концепций модернизации, целесообразно провести типологизацию существующих направлений немарксистской мысли. Наиболее существенным критерием для этого может служить трактовка проблем общественного развития, технических и социальных сдвигов, особенно многофакторного процесса становления мировой системы капитализма.

Общая схема развития западной экономической мысли представляется в следующем виде: 1) ортодоксальная линия — классическая политэкономия, неоклассическая школа, кейнсианство и неокейнсианство, неоклассический синтез, посткейнсианство (левое кейнсианство) и неоконсервативные концепции (монетаризм, экономика предложения, теории рациональных ожиданий и т. п.); 2) развитие и формирование гетеродоксии, т. е. оппозиционных по отношению к общепринятым нормам исследований, — немецкая «историческая школа», ранний институционализм, макросоциологические исследования экономики, экономическая антропология, современный институционализм, теории «периферийной экономики».

В основе данной типологии лежат различные методология, предмет, задачи и уровень анализа. В рамках первого направления происходило дробление предмета исследования, исключение из анализа политических, социальных, ресурсно-экологических факторов, влияющих на развитие экономической подсистемы, становление «чистой» экономической теории. Теория концентрировалась на трактовке равновесных состояний общества и проблемах экономического роста в рамках самодостаточных капиталистических социальных структур («закрытые» модели).

В рамках второго направления происходило формирование многофакторного подхода, размывание дисциплинарных границ при исследовании историко-экономических проблем, складывались альтернативные марксизму модели историко-экономического процесса и перспектив общественного развития, в том числе освободившихся стран.

Дополнительным аналитическим инструментом изучения немарксистских концепций отсталости и развития «третьего мира» может служить общая классификация теорий общественных изменений. Выделение «ведущего звена» в процессе социальных сдвигов, причин нововведений, модернизации и их содержания (революция или реформа) позволяет дифференцировать взгляды на генезис, эволюцию и исторические перспективы капитализма.

В основе типологии немарксистских концепций развития находится статическая или динамическая интерпретация функционирования общественной системы, а также группировка факторов (военно-политические, социокультурные, технико-экономические, ресурсно-экологические), определяющих характер и направления общественных изменений. Представляется она следующей: 1) рассмотрение капитализма как вечного и естественного строя, проблема динамического анализа не ставится (классическая и неоклассическая школа политэкономии); 2) общественная динамика определяется случайной комбинацией разнобразных факторов; направленность и характер изменений малопредсказуемы и не поддаются аналитической оценке (немецкая «историческая школа»); 3) содержание и направленность общественных изменений зависят прежде всего от развития техники и технологии, в свою очередь детерминированного сдвигами в общественной психологии и идеологии; различные типы социальных систем эволюционируют в направлении индустриального и постиндустриального обществ (ранний и современный институционализм); 4) концепция «идеальных типов правления» М. Вебера как основа систематизации и анализа историко-экономического процесса; 5) теории, рассматривающие развитие как результат взаимодействия экономических и социально-политических структур центра и периферии мировых и региональных систем (теории «мировых систем», различные концепции «зависимого развития»).

В 50—60-е годы господствующее положение в немарксист-

ской политэкономии занимали неоклассические и неокейнсианские «теории роста». Их безусловный авторитет в практике хозяйственного регулирования в развитых капиталистических государствах способствовал рассмотрению стратегии роста как универсального метода, приемлемого для модернизации экономики даже бывших колоний. Успехи, порожденные длительным периодом бурного послевоенного развития, питали преждевременный оптимизм в отношении перспектив «третьего мира». «Теории роста» акцентировали внимание на потенциально возможном увеличении объема национального дохода, максимально сузив предмет исследования и ограничив количество факторов, определяющих условия долговременной эволюции экономической подсистемы. Но довольно скоро западные ученые осознали, что использование «чистой» экономической теории даже для решения узкопрактических задач имеет незначительную аналитическую ценность*.

Недостаточность их моделей, не учитывавших социально-политическую среду модернизации, привела к усилению идеологических позиций институционального направления, веберианской макросоциологии и структуралистских «теорий зависимости». Теоретическое осмысление причин отсталости и перспектив развития получило новый импульс, стимулировало сравнительные социэкономические исследования не только текущих, но и долгосрочных изменений хозяйственных и политических институтов.

В настоящее время изучение проблем отсталости и развития «третьего мира» все больше приобретает междисциплинарный характер. Условно можно выделить два основных направления немарксистской мысли, в рамках которых наиболее активно разрабатываются концепции модернизации освободившихся стран: макросоциологию, или «социологию развития», и современный институционализм. Размывание дисциплинарных границ фактически привело к интеграции этих направлений, активно применяющих комплексный исторический подход при моделировании глобальных тенденций развития современной цивилизации.

Сближение современной социологии (во всяком случае, того направления, которое представлено Т. Парсонсом, Н. Смелсером, С. Эйзенштадтом, Э. Шилсом, Д. Беллом, Р. Ароном и др.) и институциональной экономической теории (Г. Мюрдаль, А. Гручи, В. Гордон, Дж. Гэлбрейт, К. Допфер, К. Капп, П. Георгеску-Рёген и др.) не случайно. Это сближение частично определяется влиянием, которое оказали на эволюцию теорий развития один из основателей макросоциологии, М. Вебер, и основоположник институционализма Т. Веблен. Впрочем, кар-

* Рассмотрению западных концепций общественной модернизации освободившихся стран, интерпретации внутренних и внешних детерминантов «слаборазвитости» в марксистской литературе уделяется значительное внимание (см. [80; 89; 117; 124; 128; 132]).

тина слияния этих мощных интеллектуальных течений в последние годы модифицируется вторжением в пределы смежных социальных дисциплин неоклассической школы (М. Фридмен, Дж. Стиглер, Г. Беккер и др.), которая вновь претендует на роль метатеории, способной благодаря средствам микроанализа систематизировать «внешние» для экономики политические и социальные процессы.

2. Проблемы социально-экономического развития в работах представителей немецкой «исторической школы»

В середине XIX в. основатели немецкой «исторической школы» Ф. Лист (1789—1846) и Б. Гильдебрант (1812—1878) занимались проблемами стадий экономического роста (см. [73, 215]). В 1893 г. в Германии вышла книга К. Бюхера «Возникновение народного хозяйства». «Его публикации, — отмечал американский экономист Б. Хозелитс, — составили основу для дальнейших дискуссий о проблемах экономических стадий в Германии и в некоторой степени в других странах» [204, с. 193]. Он создал широко известную классификационную схему.

Концепция «стадийности развития» отражала недовольство и неприятие некоторыми экономистами абстрактных теоретических построений эпигонов классической школы. По мнению представителей немецкой «исторической школы», классики не давали ответа на вопрос о причинах возникновения и развития капитализма. Известный американский социолог Д. Белл подчеркивал, что «западные теории общественного развития — В. Зомбарта, М. Вебера, Е. Ледерера, И. Шумпетера, Р. Аро-на — являются диалогами с историческими схемами К. Маркса» [156, с. 41].

Схема К. Бюхера предполагала деление экономического процесса на три основных стадии: 1) домашнее хозяйство; 2) городское хозяйство; 3) национальная экономика (или народное хозяйство) [45, с. 62—63]. Для стадии домашнего хозяйства, по Бюхеру, характерно отсутствие развитой системы обмена и производство исключительно для собственного потребления. На следующей стадии осуществляется непосредственный обмен, производство для личного потребления дополняется производством для потребителя-заказчика, создается рыночный механизм. Город (включая прилегающие сельские районы) становится центром промышленности и вместе с тем рынком, превращается из союза для взаимной обороны горожан в автономную территориальную хозяйственную единицу, где осуществляется обмен продуктов между производителями и потребителями. Внутри этих городских территорий существовали собственные денежное обращение, мера веса и т. д.

Третья стадия экономического развития — образование на-

ционального хозяйства, по представлениям Бюхера, являлась главным образом плодом политической централизации в конце средних веков, т. е. результатом возникновения национальных государств и территориальных союзов. Не экономическое развитие ведет к национальному объединению, считал Бюхер, а верховная власть (князей, королей, императоров) через меркантилизм приводит к созданию замкнутой по отношению к внешнему миру национальной экономики. Абсолютная монархия, по мнению этого немецкого экономиста, вызвала к жизни институты, которые не могли бы возникнуть самостоятельно: мануфактуры, национальный рынок, кредитные учреждения, торговый флот [45, с. 73].

По этой схеме буржуазный либерализм только продолжил то, что было начато абсолютизмом. Он разрушил остатки домашнего и мелкого городского хозяйства, отменил привилегии отдельных социальных групп, открыв простор для свободной конкуренции и равноправия — истинно национальных хозяйственных форм. Не стесненное различными привилегиями и монополиями предприятие, по мнению Бюхера, взяло на себя производство товаров и другие экономические функции. Происходит капиталистическая инфильтрация всего хозяйственного организма. Свободная конкуренция способствовала замене замкнутого государственного хозяйства эпохи меркантилизма на открытое национальное хозяйство; класс предпринимателей, располагающий капиталами и имуществом, по выражению Бюхера, осуществил громадные экономические преобразования нового времени [45, с. 71—79].

К. Бюхер считал, что каждая из описанных им стадий может сосуществовать с другими при преобладании одной из них. В соответствии с методологическими принципами «исторической школы» он не стремился к выяснению сущности и связей хозяйственных явлений, к теоретическим обобщениям и предсказаниям перспектив экономического развития.

Популярность схемы Бюхера среди экономистов и социологов в начале XX в. объясняют тем, что он обобщил ряд известных представлений о развитии экономики, циркулировавших в немецкой науке того времени. Такими были представления об ойкосном (замкнутом) характере античного хозяйства, исследования и описания экономики средневекового города. Возник даже спор между К. Бюхером и Г. Шмоллером о приоритете деления экономической истории общества на стадии развития. В своей книге «Основы общего учения о народном хозяйстве» [251] Г. Шмоллер писал о пяти экономических формах — деревенской, городской, территориальной, национальной и мировой. Концепция «стадийности развития» в мало отличающихся вариантах прослеживается и у других представителей немецкой «исторической школы».

Деление экономической истории на стадии было основано на большом материале. Однако использованные исторические фак-

ты, касающиеся европейского региона, лимитировали обобщения. Неизбежно возникал вопрос о своеобразии европейского развития и причинах появления индустриального общества именно в Европе. Интересно, что К. Бюхер относил экономику античного мира (Греции и Рима) к стадии домашнего хозяйства. Он придерживался мнения К. Робертуса о замкнутом типе экономики древнего общества. Только экономика городов развитого средневековья могла, с его точки зрения, считаться подлинным городским хозяйством. Эти воззрения Бюхера вызвали возражения известного немецкого историка Э. Мейера и русского ученого М. Ростовцева. Их подход к экономической истории Греции и Рима был, можно сказать, «модернизаторским». В экономической жизни периодов эллинизма и позднереспубликанского Рима они были склонны видеть только количественные, а не качественные отличия от эпохи зарождающегося капитализма в Европе. В завязавшейся дискуссии, длившейся несколько десятилетий, приняли участие многие видные ученые, в том числе М. Вебер, поддержавший Бюхера и высказавший ряд собственных соображений о своеобразии античной экономики и отличиях хозяйства античных и средневековых городов.

Взгляды М. Вебера на греко-римскую историю изложены в монографиях «Аграрная история древнего мира», «Город», в статьях «Социальные причины гибели древнего мира», «Хозяйство и общество в императорском Риме» [48; 260; 261]:

1. Античная цивилизация в своих развитых формах опиралась в основном на рабство. В этих условиях рабочая сила представляла собой постоянный капитал в гораздо большей степени, чем другие орудия производства, стоимость которых для античной мастерской и виллы пренебрежительно мала. Экономическое своеобразие эксплуатации рабов заключалось в относительно высоких затратах на покупку и содержание рабочей силы и успешности военных походов, обеспечивающих дешую рабочую силу.

2. Широкое применение рабов в крупных хозяйствах препятствовало всякому техническому прогрессу, эффективности труда. Рабов можно было использовать только на хороших почвах при условии низких цен на землю и на самих рабов. Поэтому они привлекались к возделыванию плантаций винограда и оливковых деревьев, к скотоводству, но не к выращиванию злаков, где требовался интенсивный труд и заинтересованность в конечном результате. Подневольность рабского труда препятствовала его применению в крупном производстве, для которого характерен единый взаимосвязанный процесс, основанный на разделении труда. Вместо этого происходит специализация рабов по их обязанностям и производимым предметам.

3. Древние Греция и Рим дали относительно мало нового в организации производства и в области техники по сравнению с Древним Востоком. Существенным нововведением было толь-

ко широкое применение железа в военном деле и создание дисциплинированного войска, состоявшего из тяжеловооруженных гоплитов.

4. Античная цивилизация — это в основном береговая культура городов-государств (полисов), живущих на доходы от морской торговли, захватнических войн, работоторговли и т. п. Полис представлял собой военную организацию равноправных граждан-воинов. Он является центром потребления, а не производства. В его экономической сфере преобладали торговые интересы. Внешние связи полиса были чрезвычайно слабыми из-за несовершенства наземного транспорта. Это одна из причин невозможности организации крупного производства в городе — узости рынка, преобладания торговли предметами роскоши, дороговизны хлеба. Другая — низкая покупательная способность бедных слоев свободного населения, их малые потребности. Рабовладельческие плантации были рентабельны до тех пор, пока был возможен сбыт продукции в городских центрах.

5. По мере завоевания внутренних областей Азии и Европы римская вилла проникла далеко на север. Шел процесс укрупнения земельных владений, которые уже не могли существовать по образцу карфагено-римских плантаций. С прекращением территориальных завоеваний иссяк приток дешевых рабов. Кроме того, рабский труд был неэффективен на северных землях. Эксплуатация рабов и раньше приводила к стремлению превратить их в источник ренты, не связанный с денежными затратами и предпринимательским риском. Это достигалось предоставлением в пользование рабам так называемых пекулий — участков земли, другого имущества. В крупных земельных владениях все чаще обработку земли вели арендаторы (колоны). В то же время крупные поместья постепенно теряли связь с городским рынком и превращались в натурально-хозяйственные комплексы, удовлетворяющие собственные нужды.

Таким образом, античный полис в рамках Римской империи перестал быть рынком сбыта для продукции поместий, терял свое значение как потребитель; внутренняя торговля в империи слабеет и превращается в тонкую сеть над натурально-хозяйственной основой. Поздняя империя возвращается к методам управления восточных деспотий. Потребности государства во все большей степени покрываются натуральными поставками; финансовая политика способствует натурализации хозяйства; государственные монополии и бюрократизация пресекают возможность возникновения крупных денежных состояний. Однако, опираясь на натуральное хозяйство, стало невозможно содержать профессиональную армию и защищать огромные по своей протяженности границы империи. Войско, пополняемое парварами, все больше теряло черты профессиональной армии, позднеримское общество постепенно приобретало феодальные черты. Происходило разрушение цивилизации изнутри. Падение Западной Римской империи означало уничтожение аппарата

Разносторонние научные интересы М. Вебера, как известно, не ограничивались изучением особенностей античной цивилизации. Наибольшее внимание немецкого ученого привлекала проблема генезиса капитализма, что первоначально нашло отражение в его дискуссиях с В. Зомбартом. В. Зомбарт выделял три стадии развития экономики: индивидуальную, переходную и социальную. Они отличаются, по его мнению, степенью социального взаимодействия членов общества. В качестве критерия он брал уровень обмена (торговли) между единицами общества — от полной автаркии домохозяйств в древности до разделения труда при капитализме. Каждой стадии, по Зомбарту, соответствует свой экономический принцип, своя идеология. Так, для первых двух стадий определяющим является принцип «пропитания», «существования», а для капитализма — «приобретения», «стяжательства». Таким образом, Зомбарт перенес дискуссию о стадиях развития из области экономической истории в область социальной психологии.

Развитию капиталистического «духа» и соответствующей экономической мотивации В. Зомбарт посвятил книгу «Буржуа», вышедшую в 1913 г. [66]. Возникновение капитализма, по его мнению, было результатом изменений «духа», т. е. в экономической этике европейцев. Такое объяснение было направлено в первую очередь против марксизма и марксистского понимания исторического процесса. Вместе с тем Зомбарт не объяснял причины изменений в самой экономической идеологии, вызывающей переход от одной стадии к другой.

После появления работ К. Бюхера и В. Зомбарта среди немецких экономистов и историков развернулись полемика и диспуты, цель которых состояла в том, чтобы связать «теории стадий» с исторической и экономической реальностью, а также оценить их роль для экономического роста. Так, М. Вебер рассматривал стадии как понятия, не имеющие конкретного воплощения в исторической действительности, но служащие инструментом исторического исследования, средством классификации и сравнительного анализа. Уже после того как Зомбарт опубликовал свою работу «Современный капитализм», М. Вебер выступил с серией статей под названием «Протестантская этика и дух капитализма» [264]. В противоположность Зомбарту, подчеркивавшему наличие в самом «духе» капитализма авантюрных и агрессивных черт, Вебер искал истоки капитализма в повседневной деятельности ремесленников, предпринимателей и коммерсантов протестантов. Он считал, что именно идеи пуритан, их суровый и строгий духовный склад стимулировали развитие капитализма. М. Вебер отмечал, что приписывать индийскому, китайскому или мусульманскому купцу, мелкому торговцу, ремесленнику, кули меньшую «жажду наживы», чем протестанту аналогичной профессии, значило бы противоречить оче-

видным фактам. Вернее обратное: для пуританизма типично рациональное этическое сдерживание «стремления к наживе».

Во многих работах Вебера видны следы размышлений о причинах расхождения судеб цивилизаций Запада и Востока. Он считал, что рациональность вообще, или экзистенциальная рациональность, присуща всей осмысленной человеческой деятельности. Однако, по его мысли, на Западе сложился особый тип рациональности. И дело не только в распространении групповой рациональности — она реализовалась на Востоке в деятельности военной и бюрократической элиты, а в охватившем широкие социальные слои стремлении к рациональному переустройству мира. «Если такое развитие имело место только на Западе, — отмечал немецкий ученый, — то причину этому следует искать в специальных чертах его общей культурной эволюции, которые присущи только ему. Лишь Запад знает профессиональную администрацию, специализированный аппарат, право, основанное на концепции гражданства. Зачатки этого института в античности и на Востоке никогда не смогли развиться. Только Запад знает рациональное право, исполняемое юристами, рационально интерпретируемое и применяемое; лишь на Западе можно найти идею о гражданах, так как только там существуют города в особенном смысле. Далее, Запад обладает наукой в современном смысле слова. Глубина индийской философии была недоступна европейцам, но рациональная наука и связанная с ней рациональная технология были неизвестны другим цивилизациям. Наконец, западная цивилизация отличается от других наличием людей с рациональной этикой жизненного поведения. Магия и религия существуют везде, но религиозная основа для такого жизненного порядка, который при последовательном осуществлении ведет к открытому рационализму, опять же присуща только цивилизации Запада» [262, с. 232—233].

Немецкий ученый не признает хозяйственной этики, которая, по его мнению, была бы только религиозно детерминирована. Она обладает автономной закономерностью, основанной на определенных географических и исторических особенностях. Под хозяйственной этикой религий М. Вебер понимал коренящиеся в психологических и прагматических религиозных связях практические импульсы к действию: «Полностью достигнуто было то и другое — расколдование мира и перемещение пути к спасению из созерцательного „бегства от мира“ в активное аскетическое его „преобразование“ (если отвлечься от нескольких рационалистических сект, имеющих повсюду) — только в больших церквях и сектах аскетического протестантизма. Милость божья и избранность человека подтверждались именно в повседневности. Правда, не в повседневности как таковой, а в методически рационализированной повседневной деятельности на службе бога. Рационально поднятая до призвания, она стала подтверждением избранности к спасению. Секты религиоз-

ных виртуозов Запада создали ферменты для методической рационализации жизненного поведения, в том числе хозяйственной деятельности, а не средства для освобождения от бессмысленности мирской жизни, к которому стремились общины верующих в Азии» (цит. по [113, с. 67]).

Взаимодействие религиозных идей протестантизма и экономического поведения привели, с точки зрения Вебера, к возникновению «духа капитализма», т. е. рациональной промышленной и коммерческой деятельности. Она характерна для нового времени и явилась причиной разрыва с типичным для средних веков традиционализмом. По мнению Вебера, хозяйственная этика протестантизма ориентировала человека на реализацию своего профессионального призвания, поиск религиозного «спасения» в активной аскезе, повседневной трудовой деятельности, методическом преобразовании окружающего мира. Так считает Вебер, формировался идеологический «климат» для развития капитализма. В то же время буддизм вел к отрешению от окружающего мира, конфуцианство — к приспособлению, ислам — к завоеванию мира и т. д. Целенаправленный рационализм мирного капиталистического приобретательства М. Вебер противопоставляет традиционализму докапиталистических обществ, часто связанному с приобретением богатства путем финансирования войн, военных экспедиций, откупов, ростовщичества.

К работам М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» и «Три чистых типа легитимного правления» восходит концепция «традиционного общества» и детерминантов общественных изменений, используемая многими западными социологами и экономистами. Продолжающаяся по сей день в немарксистской экономической и социологической литературе полемика вокруг «Протестантской этики и духа капитализма» М. Вебера игнорирует тот факт, что автор был не первым, кто обратил внимание на связь протестантизма с развитием капитализма в европейских странах. Ф. Энгельс во многих своих произведениях останавливался на взаимоотношениях между повышением экономического значения бюргерства и движением за церковные реформы. Особенно полно взгляды на этот вопрос он сформулировал в известном «Введении к английскому изданию „Развития социализма от утопии к науке“». В 1892 г., за 10—15 лет до Вебера, Ф. Энгельс писал, что «в кальвинизме нашло себе готовую теорию второе крупное восстание буржуазии. Это восстание произошло в Англии» [17, с. 308].

Ф. Энгельс расценивал кальвинизм как обобщенное выражение буржуазной идеологии той эпохи. В первую очередь его интересовали политический и макроэкономический аспекты этого учения, а не его этическое влияние на индивидуальное сознание. Характеризуя религиозное творчество Кальвина, Энгельс подчеркивал: «Его догма отвечала требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии. Его учение о предопределе-

лении было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих. Определяет не воля или действие какого-либо отдельного человека, а милосердие могущественных, но неведомых экономических сил» [17, с. 308].

Вебер же на первый план выдвигает изменение этических норм бюргерства под влиянием религиозных убеждений и уже на этой основе конструирует макросоциологическую модель общественных сдвигов. Отсюда — рассуждения о неповторимости генезиса капитализма именно в Европе, резкая грань между европейским, азиатским и африканским направлениями развития. Рациональность объявлялась Вебером исключительной особенностью развития Запада. Именно западную цивилизацию он характеризовал как самую рациональную систему, аналогии которой не наблюдалось на Востоке.

Современный капитализм, по Веберу, отличается рациональной организацией труда и уничтожением барьеров между внутренней экономикой обособленных групп и внешней экономикой, между внутренней и внешней этикой, утверждением принципа обезличенной этики деловых отношений. Капитализм, по Веберу, существует там, где потребности, независимо от их характера, покрываются при помощи предпринимательства. Самые общие предпосылки этого новейшего промышленного капитализма, по мнению немецкого ученого, состоят в следующем: 1) рациональное использование капитала как нормы для всех предприятий, работающих на удовлетворение повседневных потребностей; 2) собственность частных хозяйств на вещные средства производства (землю, приборы, машины, орудия и т. п.); 3) свободный рынок (свобода от нерациональных стеснений обмена); 4) рациональная, т. е. строго рассчитанная и поэтому механизированная, техника производства и обмена; 5) твердо фиксированное рациональное право; 6) свободный труд, т. е. наличие таких людей, которые не только имеют право свободно продавать на рынке свою рабочую силу, но и экономически вынуждаются к этому [49, с. 177].

Влияние немецких ученых на эволюцию немарксистской политекономии имело двоякий характер. Концепция «стадийности развития» (с присущими ей методологическими принципами), классическим выразителем которой был К. Бюхер, оказала воздействие на ранний этап развития институциональной теории (ее последним не критическим представителем стал У. Ростоу). В то же время метод «чистых типов правления» М. Вебера, связанный с его работами по социологии религии, дал толчок к структуралистским исследованиям как в рамках современного институционализма, так и в некоторых разделах западной социологии (К. Полани, Т. Парсонс и др.). Две волны влияния немецкой «исторической школы» отделены одна от другой как хронологически, так и теоретически. Это необходимо учитывать

при анализе концепций современных ученых, использующих положения своих предшественников.

3. Макросоциологические модели общественных изменений

Влияние М. Вебера на социологизацию экономической теории, в первую очередь институциональной, на появление значительного количества социально-психологических моделей эволюции общественных структур, в том числе развивающихся стран, весьма значительно. Распространение его идей в послевоенные годы совпало с теоретическим кризисом, охватившим западную экономическую науку. Не случайно на XVI Международном конгрессе исторических наук, проходившем в Штутгарте (ФРГ) в 1985 г., одной из центральных проблем обсуждения являлась тема: «Макс Вебер и методология истории». Именно Вебер стремился преодолеть разрыв между теоретиками и историками хозяйства, объединить разнонаправленные исследования в рамках общего подхода к анализу экономических и социальных процессов.

Объяснение экономических и политических явлений с точки зрения социально-психологического поведения масс подвело М. Вебера к созданию своеобразной типологии форм правления, которую широко используют его последователи. В работе «Три чистых типа легитимного правления» [264] Вебер рассматривает такие идеально-типические виды правления, как рационально-легальное, традиционное и харизматическое. Необходимо отметить, что речь идет не о последовательных стадиях развития, а об идеальных типах правления — логических конструкциях, которые могли служить для систематизации исторической действительности и не обязательно связаны с развитием во времени. Данная типология, возможно, даст нам ответ на вопрос, куда же поместить «культ личности», не предусмотренный марксистской схемой развития от низшего к высшему.

Под легальным правлением Вебер подразумевал строй, основанный на твердо фиксированном рациональном праве. Образцы такого правления он видел в современном строе и частично в греко-римской античности. Традиционным он называл такое правление, при котором права и обязанности правителей и подчиненных определяются сложившимися нормами, их нарушение ставит под угрозу легитимность, т. е. законность, правления. К этому типу Вебер относил патриархальные и патримонические общества, феодальные и абсолютные монархии. О третьем типе правления Вебер писал: «Харизматическое правление осуществляется в силу страстной преданности личности правителя и веры в ее дарования — харизму, т. е. магические способности, дар откровений — пророчества и геройство, силу духа и ораторский талант» [264, с. 159]. Харизматическое прав-

ление он рассматривал как переходную, нестабильную фазу исторического развития.

Первое издание Большой Советской Энциклопедии дает следующее определение харизмы: «Харисма, в понимании христианской церкви, — даруемая „духом“ способность к совершению чрезвычайных и даже чудесных действий, пророчества, исцелений и т. п.» [24, с. 444]. М. Вебер придал этому термину гораздо более широкое значение, распространив его на сходные формы социального поведения. У него харизмой называются «качества личности, слышущие за чрезвычайные (первоначально магически обусловленные, встречающиеся у пророков, исцелителей, мудрецов, охотничьих вождей и военных героев), благодаря которым она считается наделенной сверхъестественными, или сверхчеловеческими, или по меньшей мере особыми, не всякому доступными силами и способностями, почитается как ниспосланная богом или как образец для подражания — „вождь“» [267, с. 140].

Вера в таких пророков или вождей возникла еще в период, предшествующий писаной истории человечества, и восходит к первобытной магии, поклонению колдунам, вождям — всякому, кто проявляет больше знаний и опыта, чем рядовой член общины. Специфически европейской форме политической жизни присущ харизматический вождь — «великий демагог». Когда человек, наделенный харизмой, добивается политического господства, то, по Веберу, наступает харизматическое правление независимо от того, в какую историческую эпоху это происходило.

Элементы харизматического творчества содержатся в любом изобретении, научном открытии, произведении искусства. Теперь это принято называть эвристическим решением. Несмотря на растущую рационализацию научного и технического творчества, эвристический элемент не может быть из него устранен и должен сопутствовать повседневной деятельности. Харизматическое творчество в политике, религиозной сфере, военном деле и особенно в управлении для Вебера явления совершенно другого порядка и масштаба.

Важнейшей чертой харизматического правления является отсутствие твердых правил. Вождь не руководствуется законом или традицией. Наоборот, он сам творит их. Право формируется из изречений пророка, мудреца: «Написано, но я говорю вам». «Великий демагог» опирается на провозглашаемое им естественное или революционное «право». Харизматические движения возникают в момент глубокого политического, экономического или идейного кризиса. Там, где традиционная или легальная форма правления не может найти выхода из чрезвычайной ситуации, приходит харизматическое движение (в древности преобладала пророческая религиозная проповедь или военная диктатура), которое разрушает старую социальную систему.

Все три типа правления Вебера являются легитимными, т. е.

основаны на признании законности существующей власти, готовности подчиняться ее распоряжениям. Однако мотивы признания данного типа правления во всех трех случаях различные: при легальном правлении они носят характер рациональной убежденности в законности действий, избранного порядка; при традиционном правлении легитимность базируется на святости существующих с давних пор обычаев и норм социальной и политической жизни; при харизматическом правлении его легитимность обеспечивается эмоциональной преданностью масс религиозному пророку, военному вождю или партийному лидеру.

Харизматическое правление — это ключевое понятие, применяемое современными социологами для анализа политического и социально-экономического развития. М. Вебер рассматривал харизматическое творчество личности и авторитет как величайшую историческую силу. До появления западноевропейского рационализма в XVIII в. харизма являлась, по существу, единственной формой революционного преобразования человеческого мышления и бытия. Вебер писал: «Харизматическая власть и власть традиционалистская в прошлом охватывали наиболее существенные отношения господства — подчинения. „Новое“ право может привнести в сферу установленного традицией лишь обладатель харизмы, оно утверждается прокличаниями пророков или предписаниями военных вождей. Откровение и меч, выходя за рамки повседневности, вводили новые отношения. Однако, совершив свое предназначение, оба они попадали под власть повседневности. После смерти пророка или военного предводителя возникал вопрос о преемнике. Решение этого вопроса всегда приводило к возникновению правил. С этого начинается процесс традиционализации» [113, с. 72].

Таким образом, М. Вебер не ограничивался противопоставлением «традиционное — рациональное». В его системе рассматривается и такой вид изменений, как харизматическая модернизация, которая в последующем приобретает характер традиции. Однако это не модель циклического развития, аналогичная представлениям античных авторов; стабилизация общественной системы, по Веберу, может быть достигнута на более высоком техническом уровне и опираться на иную по содержанию традицию. Для М. Вебера традиционная форма правления не была обязательно связана с аграрной экономикой. Скорее, ограничение рыночного хозяйства государственными монополиями и сословными интересами, отсутствие формального рационального права и т. д. являются в его теории «идеальных типов» правления или господства, проявлениями традиционализма в экономической сфере.

Модель развития Вебера, рассматривающая изменения общества как чередование харизматического творчества с периодами институционализации, во время которых общественная система традиционализируется благодаря сохранению и культи-

вированию нововведений, необходимых для его выживания в условиях экономического и социального кризиса, резко отличается от телеологических концепций прогресса, в том числе и марксистской, в рамках которой представление о прогрессе сочетается с идеей насильственной революции.

Сегодня харизматический авторитет зачастую выступает не в обычной для прошлого религиозно-пророческой форме, а во внешне рациональной оболочке. Лицо, облаченное харизмой, вещает не от имени сверхъестественной силы, а как глашатай идей прогресса, исторической необходимости, единственно верного научного мировоззрения и т. п. Происходит синтез представлений об исторической миссии вождя и его партии с прогрессистской идеологией. Идея прогресса становится существенной частью идеологической легитимации харизматического правления, но подход к преобразованию экономики сохраняет иррациональные черты, свойственные религиозным учениям в прошлом. Программа выхода из кризиса на практике отражает взгляды и интересы узкой группы лиц, захвативших власть, и неизбежно носит черты догматичности, односторонности и произвольности, вызванные необходимостью борьбы за авторитарный политический и идеологический контроль над обществом.

Вместе с тем харизматическое правление сохраняет легитимный характер только до тех пор, пока не исчезли основания для этого господства, не достигнута цель, во имя которой было установлено это правление. Харизматик путем постоянных успехов должен доказывать, что он правитель милостью божьей, что его предвидения сбываются. Без признания обоснованности, т. е. без идеологического оправдания, харизматическое правление воспринимается как тирания и теряет устойчивость. Это положение имеет чрезвычайно важные последствия. Все сравнительно просто, если харизматик — пророк или основатель новой религии, тогда бороться против идолопоклонства или против «мирского нечестия» можно достаточно долго. Гораздо сложнее положение «великого демагога». Этот тип харизмы — явление типично европейское. От античности до начала XX в. только в Европе существовали вожди, которые боролись во имя чисто политических и экономических целей, не смешивая их с религиозными нормами. В XX в. вожди появляются и в Азии, и в Африке, и в Латинской Америке.

Что должен делать «великий демагог», когда его цель достигнута и может возникнуть вопрос о ликвидации чрезвычайного режима или, наоборот, цель оказалась недостижимой, а власть остается в руках «великого демагога» и его приверженцев. Он стремится править во имя целей, которые не должны обнаружить себя как нереальные или, наоборот, слишком краткосрочные и немедленно осуществимые. Он вынужден обещать своим сторонникам реальные блага в близком будущем. Действия эти достаточно противоречивы. Когда вождь запутывается в противоречиях, то, как правило, ищет выход в войне, в чист-

ке рядов своих сторонников, которые усомнились или могут усомниться в его миссии. Условия возникновения и прихода харизматического вождя к власти в значительной степени определяют форму последующего правления. Возникшая в результате кризиса власть, чтобы оправдать свое существование, должна периодически воспроизводить чрезвычайные ситуации внутри страны и в отношениях с внешним миром.

М. Вебера наиболее интересовала ситуация, которая возникает после смерти основателя нового учения. Для его последователей становится необходимым поддерживать источник харизмы, иначе их правление лишается идейного обоснования, становится шатким. Вопрос о провозглашении нового пророка (вождя) является основным для сохранения харизматического правления. Из необходимости поддерживать источник харизмы в конце концов появляется харизма по должности (римский папа, имамы, партийные руководители и т. д.).

С другой стороны, харизматическое движение ищет выхода в укреплении своих позиций путем рутинизации, т. е. создания новых традиций: кодификации священного писания, праздников, обрядов, ритуалов, поклонения основателю харизмы. Постепенно такое правление превращается в традиционное.

Главное препятствие к этому — окружение вождя и созданная им партия, которая в случае его смерти или гибели выдвигает нового харизматика. Сам вождь нуждается в них для поддержания своего господства и организации управления и вынужден в той или иной форме оплачивать преданность членов партии и своего штаба. Соглашение членов штаба между собой может парализовать правление вождя, поскольку он сильнее каждого из них, но слабее всех их, вместе взятых. Борьба между вождем и отдельными членами штаба — характерная черта харизматического правления. Вера и признание считаются долгом последователей вождя. Если есть конкурент, то неизбежна борьба между «справедливостью» и «грехом». Поэтому подобные учения отрицают компромисс между различными группами как метод политической борьбы.

Харизма соответствует мутации биологических видов, а традиция — селекции. Биологическая эволюция путем мутации и естественного отбора предполагает гибель огромного числа живых организмов. Для человеческого общества такой метод адаптации исключительно неэкономичный. Пока человечество делилось на множество мелких групп, постоянное чередование харизматического и традиционного правления, сопровождающееся революциями, войнами, гибелью людей и разрушением материальных ценностей, было возможным. В условиях современного взаимозависимого мира рационализация политических и экономических решений с учетом их последствий представляется единственной альтернативой гибели цивилизации.

В реальном обществе, по мнению Вебера, черты всех трех типов правления смешиваются и переплетаются в различных

сочетаниях, но преобладает какой-нибудь один из них *. Типам правления должны соответствовать и формы экономической активности членов общества. При традиционном правлении экономическая деятельность скована и руководствуется различными правовыми и идеологическими ограничениями, унаследованными от предков. Легальное правление предполагает преобладание рационально ориентированной, основанной на стремлении к получению прибыли хозяйственной деятельности. Целенаправленные нововведения, способствующие увеличению прибыли, в таком обществе не встречают препятствий. Харизматическое правление чуждо экономическим расчетам и повседневной хозяйственной деятельности; оно сопровождается различными уравнительными учениями. Безличные экономические связи, основанные на денежном обращении, ему враждебны.

М. Вебер понимал, что его типология форм правления и общественных отношений исключает понятие «прогресс» и поэтому избегал этого термина в своих работах. Уже в начале века у некоторых социологов и экономистов появилось стремление заменить понятие «прогресс» терминами: «развитие», «изменение», «модернизация». Вебер признавал реальным только технический прогресс, который он трактовал весьма широко.

«Везде и без исключения, — писал М. Вебер, — законное понятие прогресса связано в наших дисциплинах с „техническим“ прогрессом, или, если так можно сказать, со „средствами“ для достижения однозначно поставленной цели. Нигде это понятие не поднимается до уровня „конечных“ ценностей» [264, с. 298]. Следовательно, по Веберу, прогресс это совокупность средств для реализации конкретных целей и сам по себе не представляет конечной ценности. Отрицание социального прогресса как самоцели исторического процесса приводит, с одной стороны, к рационализации понятия «прогресс», а с другой — к признанию «технического прогресса» единственным мерилom экономических и социальных изменений.

Возникновение рыночного механизма Вебер считал результатом общей тенденции европейского мышления и взаимоотношений в обществе к рационализации и, следовательно, проявлением «технического прогресса» в широком смысле этого понятия. В отличие от многих других общественных структур и институтов рынок для Вебера является рациональным по преимуществу. «Как контраст ко всем другим типам социальных действий, — отмечает он, — объединение через обмен на рынке является архетипом всех рациональных социальных действий»

* Связь между ними определяется преобладающей формой правления. Так, в США рационально-легальное правление дополняется, по Веберу, харизматической деятельностью президента, обладающего значительной властью. Сочетание рационального и харизматического на микроуровне предполагает исследование дисперсии харизмы среди различных социальных групп. В традиционное или харизматическое общество элементы рационализма могут быть привнесены извне и использованы как для поддержания господствующих форм правления, так и для их трансформации.

[263, с. 191]. Товарно-денежные отношения создают общество, связанное материальными интересами, которые возникают из рыночного обмена. Безличные отношения, основанные на общепринятых нормах торговли и конкуренции, являются, по мнению Вебера, характерными чертами рыночной экономики.

М. Вебер хотя и не признает социального прогресса, но рациональное ведение хозяйства он целиком связывает с развитием капиталистического предпринимательства и противопоставляет всем предшествовавшим хозяйственным формам, как иррациональным, основанным на традиции, отношениям социального статуса, корпоративных привилегиях, использовании политической власти.

Представление о прогрессе, в том числе социальном, существовало уже в XVIII в. и пропагандировалось такими известными учеными, как А. Тюрго, М. Кондорсе. Однако тогда идея прогресса была отражением в идеологической сфере растущего технического, военного и политического превосходства Европы над остальным миром. Большинство социологов, историков и экономистов XIX в. (О. Конт, Г. Спенсер и др.) представляли историческое развитие как движение от сакрального государства к светскому, буржуазному. Отличительной частью такого прогресса было подчинение в той или иной форме европейским государствам почти всего мира.

В известной книге Дж. Б. Бари дается следующее определение прогресса: «Идея прогресса человечества — это теория, являющаяся синтезом прошлого и предсказанием будущего. Она основана на таком толковании истории, которое рассматривает мир в постоянном развитии (*pedefemtīm progredients*) в определенном и желательном направлении и приходит к заключению, что этот прогресс будет длиться вечно. Идея эта вмещает и представление о том, что в конечном счете будет достигнута величайшая цель всего человечества — всеобщее благополучие, что явится оправданием всего процесса цивилизации, ибо в противном случае направление такого развития не было бы желательным» [161, с. 5].

М. Вебер отрицал научность применения термина «прогресс» к социальной области, считая такое его использование «оценочным суждением». Из этого следует, что параллель между Вебером, с одной стороны, и Контом, Спенсером, идеями которых развивает Бари, — с другой, совершенно неправомерна. Трудно представить большую противоположность в методике теоретического подхода к общественным изменениям, чем столь различная трактовка на первый взгляд простого термина «прогресс».

Идея прогресса использовалась европейскими государствами при проведении целенаправленной технической и экономической политики, освящала своим авторитетом становление капитализма и колониальной системы. В этой связи представляется целесообразным кратко остановиться на современной дискуссии

по поводу представления о прогрессе в докапиталистических обществах. Наиболее репрезентативна литература об античных Греции и Риме. Но сопоставление взглядов на общественные изменения древних с современными концепциями позволяет лучше понять идеологический климат в докапиталистических обществах в целом.

Анализ политических взглядов античных авторов подводит к выводу, что в ту эпоху основной идеей политической мысли был не прогресс, или развитие, а стабилизация существовавших форм государственной жизни. Изменения воспринимались как деградация, разрушение существующих «правильных» форм государственного управления, бесконечная цепь политических переворотов, совершаемых с противоположными целями.

В древности государственные деятели, как видно из их речей, приводимых или сочиненных Фукидидом, и высказываний Аристотеля, понимали значение военных, тактических и технических нововведений в борьбе великих держав того времени, но не имели представления о значении прогресса техники для производства, развития экономики в целом.

Поражает очевидный контраст в мышлении античных авторов: с одной стороны, тонкий многосторонний анализ военного противоборства между государствами и причин внутrigосударственных политических переворотов, а с другой — полное отсутствие каких-либо попыток разработать то, что теперь именуют программами экономического и культурного развития. У античных авторов нельзя обнаружить ничего похожего на попытку найти выход из политического кризиса средствами технического прогресса и увеличения производства тех благ, которые были предметом раздора и переделов между демократами и олигархами. Для «смягчения» социальных противоречий практиковали выселение неимущих в колонии, предпринимали военные экспедиции, но никто не рекомендовал увеличить производство с использованием новой техники. Античные социальные утопии не связаны с представлениями о возможностях техники, что так характерно для утопий нового времени. Дошедшие до нас утопии (государство Ямбула) и пародии на них (комедии Аристофана) говорят о возвращении к «золотому веку» через равенство или общность имущества, снижение потребностей и простоту управления. В научной литературе, посвященной возникновению идеи прогресса, доминировало мнение, что античному мышлению было совершенно чуждо представление о социальном прогрессе. Эту позицию подробно обосновывает Дж. Б. Бари.

Однако во второй половине шестидесятых годов взгляды Дж. Б. Бари подверглись критике в книгах Л. Эдельштейна и Р. А. Нисбета. Первый посвятил этому вопросу монографию «Идея прогресса в классической древности» [188]. Во введении к ней он высказал свое отрицательное отношение к распространенному мнению об отсутствии идеи прогресса в древности.

Популяризацию подобной трактовки Эдельштейн приписывает Бари, который, с его точки зрения, аргументацию во многом заимствовал у О. Конта, и указывает на то, что еще в XIX в. это мнение не было всеобщим [188, с. XII—XIV]. Эдельштейн отрицает приверженность древних исключительно к концепции циклического развития и утверждает, что в истории культуры (искусства и науки) в отличие от политической динамики античные авторы пользовались историческими категориями [188, с. XXI—XXIII].

Основным аргументом самого Л. Эдельштейна является отрицание того определения прогресса, которое приводит Бари и которое в той или несколько измененной форме общепринято начиная с XIX в. Идея прогресса обычно тождественна представлению о возможности безграничного развития науки и техники, беспредельного экономического роста и о неразрывно связанных с двумя предыдущими условиями политических изменениях, ведущих к демократизации общества, равенству всех людей и, наконец, к идеальному состоянию человеческого общества. Все эти представления в массовой культуре переплетаются, образуя современное понимание прогресса. Однако в приведенном комплексе понятий Эдельштейн считает существенным для античности только одобрение и внедрение нововведений, а также совершенствование науки и культуры [188, с. XXIX]. Такая трактовка прогресса позволяет ему включить в группу приверженцев идеи более широкий круг античных авторов, чем это мог себе позволить Бари.

Второй, и, как представляется, более весомый, аргумент Л. Эдельштейна — указание на фрагментарность дошедших до нас источников в области идейной истории античности и невозможность в силу этого воспроизвести во всей полноте жизнь античного общества, которая в известных нам произведениях древних авторов отражена односторонне и пристрастно [188, с. XXXII]. И действительно, сохранившиеся произведения античных авторов, включая Платона и Аристотеля, следует считать образцами консервативного мышления. Но даже если принять предположение о вероятной утрате и гибели большинства работ сторонников идеи прогресса, то и в этом случае естественным было бы ожидать критического отношения к подобным идеям консервативных античных мыслителей, работы которых до нас дошли. Тем не менее, как уже говорилось, ходячей формулой политической жизни античности было сохранение и восстановление «законов предков».

Краткое замечание Аристотеля в «Политике» [32, 1268в] об отсутствии единого мнения о пользе улучшения «отеческих законов» нельзя считать полемикой с предполагаемыми сторонниками идеи прогресса, так как он рассматривает вопрос об установлении наилучшей и стабильной формы правления, а не о постоянных политических изменениях. Вот почему аргументация Л. Эдельштейна неубедительна и в этом плане. Все, что

он пишет о признании полезности технических нововведений и благ цивилизации пресократиками, Платоном, Аристотелем, Лукрецием, Сенекой, не отрицал и Бари, который, однако, не считал это четко сформулированным представлением о прогрессе. Эдельштейн отмечает, что Платон, Ксенофонт, Аристотель, Исократ были реакционерами в политике, а Платон требовал контроля над искусствами и наукой [188, с. 111—112, 130], но это не мешало ему считать, что античные мыслители разрабатывали идею прогресса, поскольку признавали полезность научных и технических новшеств [188, с. 83, 84].

В своей книге Л. Эдельштейн не пытается четко поставить проблему взаимоотношения политических идей и научно-технического прогресса в эпоху античности. Он подчеркивает принципиально отличный интеллектуальный и эстетический характер античной культуры, успехи которой нельзя измерить статистикой экспорта—импорта или выпуска промышленной продукции. Таким образом спор переносится в совершенно иную сферу. Если отрицать применимость принятых ныне критериев прогресса к античной цивилизации, то дискуссия становится невозможной, почва для нее исчезает. Ведь прогресс для людей XX в. — это в первую очередь все то, что измеряется статистикой технического и промышленного роста и воспринимается через динамику непрерывных политических изменений. Взаимосвязанная рационализация общественных макроструктур, включая целенаправленные меры для развития технико-экономического комплекса, представляется более корректной областью сопоставления. Но и в плоскости оценки данных явлений невозможно обнаружить идеи прогресса в древности.

Ряд возражений против установившегося взгляда об отсутствии в античности представлений о прогрессе выдвинул американский социолог Р. А. Нисбет [234]. Он тоже обвиняет Дж. Б. Бари в использовании только одной концепции «прогресса», и именно той, которая была распространена в Европе в XVIII—XIX вв. и представлена в трудах М. Кондорсе, Г. Спенсера и др. Нисбет утверждает, что греки одинаково положительно относились и к политическим изменениям, и к реформам в духе Солона и Клисфена. Он подчеркивает, что идея деградации после «золотого века» была распространена в античности не более, чем сейчас в Европе [234, с. 46—48]. Конечно, представления о цикличности общественного развития характерны не только для античности, но могут быть прослежены и у многих мыслителей нового времени, которых всегда считали сторонниками идеи прогресса, в том числе у К. Маркса *.

* Многие исследователи, в частности, отмечали, что у Маркса способы производства (рабовладельческий, феодальный, капиталистический и т. д.) прогрессивно сменяют друг друга в истории человечества, однако каждая из этих общественных формаций (конечно, кроме последней, социалистической) развивается по циклу: возникновение — расцвет — загнивание — кризис — разрушение в результате насильственной революции.

Однако для Нисбета нет принципиальной разницы между идеей прогресса в новое время и греко-римскими представлениями о циклическом развитии человеческого общества и космоса. Он сводит развитие идеи прогресса к истории «метафоры роста».

Для античности представление о росте и развитии основывалось на наблюдениях за сезонными циклами в живой природе и повторяющимся движением небесных светил [234, с. 7, 13, 17—21]. Прогресс и вырождение — две стороны одного и того же цикла возникновения и упадка. Через 2000 лет, считает Нисбет, аналогия развития общества с расцветом и гибелью живой природы была модифицирована и приспособлена для описания бесконечного прогресса человеческого общества без старости и заката и воплощена в теории «постоянных изменений» как естественного процесса, имманентного любой социальной организации. Для него идеи, оформившиеся в представление о социальной эволюции, та же «метафора роста», проходящая через все интеллектуальное развитие западной цивилизации — от Аристотеля и Лукреция до Конта, Спенсера, Тайлора и Маркса [234, с. 211, 212].

Несомненно, представления об историческом развитии по замкнутому кругу-циклу распространены и сейчас. Идея циклическости развития цивилизаций присуща также историческим взглядам О. Шпенглера и А. Тойнби. Однако эти концепции не являются господствующими, как это было в древности. Вопреки мнению Нисбета широкое распространение идеи циклического развития государств в древности скорее связано со своеобразием истории Греции и Рима, чем с общими представлениями о развитии, возникшими из наблюдений за изменениями в природе и движении небесных тел. Более того, идеи циклического исторического развития удовлетворительно объясняются самой историей античных государств, политической борьбой и состоянием техники. Если рассматривать эти взгляды не как «метафору роста», а как модель реального исторического процесса, который наблюдал, например, Полибий, то, естественно, возникает вопрос, был ли этот процесс тем, что теперь принято называть прогрессом.

Исследование отдельных периодов античной истории создает общую картину замедления технического развития — от быстрого освоения техники Древнего Востока в архаические времена к почти полной остановке процесса накопления новых технических знаний в первые века нашей эры. После стремительного подъема греческой цивилизации, возникновения городов-государств в период расцвета после греко-персидских войн наступила длительная эпоха стагнации с повторяющимися политическими кризисами, характерной чертой которой были постепенное уменьшение числа технических нововведений и падение интереса к ним. История развития античной техники совершенно не похожа не только на акселерацию технического прогресса в новое время, но и на медленный, хотя и неуклонный рост тех-

нических знаний и внедрение новшеств и изобретений в средние века.

Сложнее, однако, ответить на вопрос, были ли греки творцами нового в экономической области. Сравнительные исследования древних монархий, осуществленные К. Полани и его последователями, по-новому раскрыли характер их хозяйства. Существенно важным элементом античной экономики, во многом определившим своеобразие ее развития, эти исследователи справедливо считают рынок. Сначала в городах Ионии и Коринфе, позднее — в более развитой форме — в Афинах появляется рынок (агора), где шла розничная торговля продовольствием и действовал механизм установления цен на товары через спрос и предложение. В последующий период происходит имитация афинского развития, но уже в более широком масштабе в эллинистических царствах, на Родосе, Делосе и в Риме. К. Полани считал, что рыночный механизм начал действовать наиболее активно только в III в. до н. э. в открытом порту Делоса, где определялись цены на зерно и рабов [242, с. 87]. Наблюдавший возникновение рыночной экономики в Афинах Аристотель не понял ее значения и отнесся к ней отрицательно. Позднее эллинистические монархи обнаруживают стремление к установлению монополии на производство ряда товаров и к государственному руководству хозяйством. Развитие идет не к расширению рыночных отношений, а к их сужению в результате государственного вмешательства. В условиях технической стагнации наличие частной собственности, товарно-денежных отношений и даже установление талассократии * как определенном прообразе мирового рынка не могли привести к зарождению капитализма.

Развитие капитализма, подготовившего промышленную революцию и создавшего единый мировой рынок, последователи М. Вебера рассматривают как продукт исключительно западноевропейской экономической истории, результат эволюции специфических европейских институтов и особенностей европейской духовной жизни. В период между мировыми войнами его взгляды распространились не только в Германии, но и в США. Этому способствовала широкая эмиграция ученых из Европы в Америку после прихода к власти нацистов в Германии. В 50-е годы работы М. Вебера переводятся на английский язык, что в еще большей степени повлияло на американскую политическую экономию и социологию. Наглядный тому пример — биография и деятельность К. Полани, экономиста венгерского происхождения, который в 20—30-е годы жил в Вене. В 1934 г. он эмигрировал в Лондон, а в 1940 г. переехал в США. Его работы представляют интерес с той точки зрения, что в них можно

* Этот греческий термин употреблялся в античную эпоху для обозначения господства в Средиземном море или в его части какой-либо морской державы — Афин, Карфагена, Массилии (Марселя), Рима.

очень ясно проследить синтез взглядов М. Вебера с идеями ранних институционалистов.

Основная работа К. Полани «Великая трансформация» написана и опубликована в разгар второй мировой войны [243]. На первых же ее страницах автор заявляет, что собирается выяснить причины возникновения цивилизации XIX в., основой которой стал саморегулирующийся, свободный от государственного вмешательства рынок, создавший невиданное до того материальное изобилие. Выяснение особенностей рынка и его роли в истории различных цивилизаций сам Полани рассматривал как шаг вперед в развитии экономико-социологических идей, изложенных в работах М. Вебера.

Кроме саморегулирующегося рынка К. Полани считал важным для возникновения и стабильности капиталистической цивилизации XIX в. наличие следующих трех институтов. Это, во-первых, равновесие сил в Европе, которое после окончания наполеоновских войн способствовало длительному мирному периоду, лишь изредка нарушавшемуся краткими военными столкновениями. Во-вторых, это буржуазное либеральное государство, осуществлявшее минимальное вмешательство в экономическую жизнь. В-третьих, золотой стандарт, который способствовал развитию международного рынка благодаря удобству обмена валют различных государств [243, с. 3]. Становлению и падению этих институтов посвящена книга К. Полани.

Главным событием промышленной революции К. Полани считал формирование рыночной экономики и подчеркивал, что рынки являются необходимым условием подъема машинного производства. Возникшее новое общество Полани называет коммерческим и считает его основой не разделение труда в процессе производства, а новую мотивацию поведения его членов, научившихся торговле, обмену [243, с. 40, 42, 44]. Историю становления рыночного механизма Полани излагает очень близко к взглядам Бюхера и Вебера. Однако поскольку Полани не только объяснял возникновение цивилизации, базирующейся на саморегулирующемся рынке, но и касался ее кризиса в период 1914—1944 гг., он дает и критику либеральной экономической школы, с тем чтобы доказать утопичность самой идеи саморегулирующегося рынка.

Особенностью сложившейся цивилизации, по мнению Полани, являлось то, что она впервые в истории человеческого общества открыто признала прибыль основным принципом поведения, оправдывающим действия людей. Грубая утилитарность оттеснила на второй план элементарные истины политической науки, унаследованной от древних, в первую очередь контроль за социальными изменениями и заботу о самосохранении общества.

Рыночная экономика, утверждал К. Полани, может свободно функционировать лишь в том случае, если все средства производства покупаются и продаются на рынке. В этом случае

использование земли, рабочей силы и денег должно определяться спросом и предложением. Но, по мнению Полани, ни земля, ни труд, ни деньги не являются товарами и их употребление как товаров только фикция и ведет к разрушительным для общества последствиям. Включение земли и рабочей силы в рыночный механизм ставит под угрозу природную среду и здоровье людей, резкие колебания курса валют угрожают экономике. Поэтому одновременно возникли две встречные тенденции: к экспансии саморегулирующегося рынка, поддерживаемой торговыми кругами (и либеральной экономической школой), и к протекционизму, выразившемуся в фабричном и социальном законодательстве, регулировании денежного обращения. Последняя тенденция поддерживалась самыми различными группами населения: землевладельцами, рабочими, частично промышленниками. Развитие саморегулирующегося рынка, по Полани, было остановлено мерами, направленными на самосохранение общества [243, с. 71—73, 141].

Кризис рыночной экономики, по мнению К. Полани, наступил внезапно из-за интернационализации торговли, массовых перевозок зерна и сельскохозяйственного сырья, концентрации земельных ресурсов. Это привело к изменениям в аграрном хозяйстве Европы, к ликвидации свободной торговли и ограничению рыночной экономики протекционистскими мерами. Со времени аграрного кризиса и депрессии 1873—1886 гг. нации, по словам Полани, стремились оградить себя от внезапных колебаний в мировой торговле и денежном обращении. Колониальная экспансия явилась следствием этих изменений, результатом ограничения свободного рынка в Европе, попыткой поддержать рыночную экономику в изменившихся условиях за счет зависимых стран [243, с. 214].

В достаточно модифицированном виде институты рыночной экономики просуществовали до первой мировой войны, во все большей степени нуждаясь в политической поддержке европейских правительств. «Тем не менее, — пишет Полани, — институциональное отделение политической сферы от экономики было определяющим для рыночного общества и поддерживалось, несмотря на возникающие напряжения. Это служило еще одним источником разрушающего давления» [243, с. 218]. Ограничение сферы действия рыночных механизмов экономики повлекло за собой, как отмечает Полани, возвращение методов раннего капитализма — государственного регулирования и таможенных барьеров.

Хотя К. Полани подчеркивал органическую связь своих исследований капиталистического общества с творчеством М. Вебера, представляется, что его пессимистическая оценка перспектив рыночной экономики, данная в период второй мировой войны, не соответствует веберовской трактовке институционализированных рыночных форм хозяйства. Это подтверждается формированием нового либерального комплекса идей, опирающего-

ся на неконсервативные доктрины в области практической деятельности и веберовское наследие в сфере сравнительного анализа экономических систем и перспектив развития современной цивилизации.

Существенную разработку экономические аспекты концепции М. Вебера получили в произведениях К. Полани, вышедших в 50-е годы. В этих работах он предстал одним из основателей современной экономической антропологии. Эта наука, возникшая на стыке институциональной экономической теории, социологии, истории и этнографии, активно используется для реконструкции и изучения социально-экономических структур раннеклассовых обществ и современных развивающихся регионов. Как пишет канадский социолог А. Ротштейн, «свою основную задачу Полани видел в расширении концептуального аппарата настолько, чтобы он мог стать необходимой базой для сравнительного и эволюционного изучения экономики в различной социальной и исторической обстановке» [249, с. 117] *.

В статье «Экономика как институционализированный процесс» К. Полани обобщил свои взгляды на экономическое развитие и особенности докапиталистических общественных систем. Он предложил описывать и классифицировать различные типы экономики, в том числе примитивные и архаичные, по типу институционализации в хозяйственном процессе торговли, денег, рынка и их взаимодействия.

Он считал, что эмпирически можно установить три варианта институционализации, которые, как и типы правления у Вебера, не связаны с историческим временем и в различных сочетаниях могут встречаться в любую эпоху.

Первый тип институционализации Полани назвал *reciprocity*, т. е. взаимный обмен на натуральной основе. Он соответствует симметричным социальным структурам, которые основаны, как правило, на родстве (действительном или воображаемом) различных общественных групп, производящих разные продукты. Такая экономика характерна для племенного строя, но ее элементы встречаются не только в архаичных общественных структурах. Второй тип институционализации — перераспределение (*redistribution*). Оно характерно для высокоцентрализованных общественных структур, к которым Полани относил как докапиталистические, так и социалистические общества, где произведенные продукты перераспределяются по установленным правилам в соответствии с обычаями, нормами или произвольными решениями из центра. Третий тип — рыночная экономика (*exchange*). Необходимым условием ее существования является формирование цен в результате взаимовыгодных сделок неза-

* К. Полани и особенно представители его школы (Д. Далтон и др.) резко противопоставили себя ортодоксальной экономической антропологии, базирующейся на предпосылках неоклассической теории. Исследованию деятельности атомизированных хозяйствующих субъектов Полани и его последователи предпочли «институциональный» анализ.

всисмых участников, свободных от внешнего вмешательства [242, с. 251—253]. Все эти типы, по мнению Полани, могут существовать параллельно в одном обществе и не рассматриваются им как последовательные исторические стадии.

Разница между капитализмом и социализмом, с точки зрения Полани, заключается также в разных путях институционализации новой техники — через рыночный механизм или благодаря сознательному планированию. Развивающиеся страны, таким образом, могут использовать альтернативные методы индустриализации. Подобный подход Полани считал важным для понимания степени взаимосвязи и относительной независимости техники и экономических институтов.

Еще в своей ранней работе «Великая трансформация» американский социолог рассматривал конфликт между экономическими и политическими институтами, между условиями функционирования рынка и социальными потребностями. Он пришел к выводу, что экономика, основанная на предпринимательских интересах, представляет собой исключительный феномен, не имевший места (вопреки мнению экономистов XIX в.) в других эпохах. Полани предполагал, что индустриальная цивилизация сможет существовать дальше лишь при условии, что земля, труд и деньги будут изъяты из сферы свободной конкуренции и таким образом функции рынка ограничатся. «Мы являемся свидетелями развития наций, при котором экономическая система перестает определять законы общества, и примат общества над этой системой обеспечен», — писал он [243, с. 251].

Большое внимание К. Полани уделял торговле, виды которой соответствуют трем типам институционализации экономики: дары, преобладающие при обменах между родственными и племенными группами; государственная торговля по твердо установленным ценам при распределительной экономике; и, наконец, частная торговля, связанная с антагонизмом и борьбой между продавцом и покупателем, характерная для рыночной экономики. Деньги, торговля и рынок, по мнению Полани, не обязательно сосуществуют, они могут в определенные периоды экономической истории действовать отдельно друг от друга, поскольку являются самостоятельными экономическими институтами [242, с. 249, 261—262].

Концепция Полани была принята социологами как основа для изучения экономики древних обществ и нынешних освободившихся стран. Эта концепция, дополнявшая взгляды М. Вебера, в экономических вопросах сохраняла характерный для последнего европоцентризм, упор на исключительность капиталистического развития в Европе, опирающегося на саморегулирующийся рынок.

Рационализацию мышления и поведения, о которой писал М. Вебер, американские социологи Т. Парсонс и Н. Смелсер трактуют как тенденцию к развитию все более высокого уровня структурной дифференциации социальных систем. Количествен-

ный аспект экономического роста в длительной перспективе сказывается на изменениях в институциональной структуре, которые не являются чисто экономическими. Поэтому «экономическая теория, как таковая, не может объяснить общественной эволюции за большой период, и только социология обладает адекватной концепцией изменений» (см. [238, с. 306]).

Это не первая попытка социологизации экономической теории; их уже делали многие ученые, начиная с Т. Веблена и кончая К. Полани. Новое у Парсонса—Смелсера — использование терминологии общей теории систем — науки, родственной кибернетике, которая быстро развивалась в 50—60-е годы. «Наше основное предложение, — писали они, — рассматривать экономическую теорию как специальный случай общей теории социальных систем, которая, в свою очередь, является одной из главных отраслей общей теории действий» [238, с. 295]. Системные исследования рассматриваются западными учеными в качестве универсальной метатеории, своего рода новой альтернативы марксизму. Свойства и поведение сложного социального объекта выводятся из его гипотетической структуры.

Т. Парсонс и Н. Смелсер широко используют такие термины, как «структура», «структурная дифференциация». Они определяют «организацию», или «структуру», системы как существенные внутренние условия стабильного равновесия, изменения которого за определенные пределы приводят к нестабильному равновесию и, возможно, к изменению структуры [238, с. 248].

Несмотря на расплывчатость формулировки, ясно, что западные социологи ставят знак равенства между организацией и структурой, а также между равновесием и стабильностью системы. Разбор значения этих терминов позволяет лучше представить взгляды Парсонса и Смелсера на общественное развитие. Изменения в системе, сначала только количественные, считают они, могут нарушить ее равновесие, вызвать нестабильность и привести к изменениям в структуре самой системы, которые позволяют поддержать равновесие в новых условиях. Достигается это модификацией институтов системы. «Мы считаем возможным, — отмечают Парсонс и Смелсер, — определить проблему структурных изменений в экономике и других социальных системах как проблему институциональных изменений» [238, с. 248].

Однако из этого, по всей видимости, широкого подхода к социально-экономическим сдвигам вытекают довольно известные выводы. Процесс изменений в институциональной структуре экономики — это «структурная дифференциация», т. е. усложнение организации, связанное с растущим разнообразием экономических и социальных функций в обществе с развивающимися хозяйством и техникой. Примером такого структурного изменения Парсонс и Смелсер считают отделение собственности от контроля в американских корпорациях. Переход от феодализма к капитализму — это, на их взгляд, также дифференциация

между политической и экономической подсистемами. «Современный тип экономики, — подчеркивают они, — развился благодаря последовательным шагам по пути дифференциации из менее дифференцированной социальной структуры» [238, с. 288].

Представление о развитии как функциональной дифференциации позволило Парсонсу и Смелсеру игнорировать различия и противоположность между капиталистической и социалистической системами, хотя именно изучение дифференциации и интеграции социальных организаций должно было высветить принципиальные отличия тоталитарных и демократических обществ. Они считают, что рост государственного сектора в экономике не исключает роста частного, развитие государственного контроля вовсе не является несовместимым с «несоциалистической» экономикой, а рационализация, усложнение и специализация процесса управления свойственны любой развитой индустриальной экономике. Авторитет Парсонса, одного из ведущих американских социологов, способствовал превращению этих чрезвычайно абстрактных взглядов на проблемы социально-экономического развития в господствующие среди институционалистов — экономистов и социологов (в частности, Д. Кэслер, С. Эйзенштадт, Э. Шилс, Д. Гэлбрейт).

Параллельно в 60—70-е годы западные ученые подвергли острой критике взгляды Т. Парсонса за их неисторизм, статичность и т. п. (см., например, [76, с. 112—153]). Представляется, что новое прочтение Парсонса в последние годы объясняется «веберовским ренессансом», лучшим пониманием взаимосвязей между творчеством этих крупнейших социологов. М. Вебер подчеркивал, что создание новых структур в значительной степени зависит от харизматических групп и личностей, а их институционализация от рутинизации харизмы. На каждой ступени структурной модификации, по мнению последователей Вебера, возможны различные реакции на проблемы дифференциации: 1) регресс; 2) частичные изменения без создания стабильной структуры; 3) формирование структуры в соответствии с возникающими требованиями. Дифференциация структуры способствует увеличению потенциала общественных систем, но это, подчеркивал Парсонс, еще не означает институционализации нововведений — результаты дифференциации могут остаться неиспользованными. Кроме того, не все изменения системы ведут к созданию более дифференцированного и приспособленного к условиям окружающего мира социального порядка. Перспективы имеются только в тех случаях, когда хотя бы часть изменений в обществе проявляет способность к институционализации дифференцированных социальных и символических систем (см. [189, с. 339—357, 375—386]).

Растущая дифференциация создает и проблемы интеграции. Необходимость в нормативных и организационных системах постоянно изменяется и усложняется. Это в сочетании с возникновением новых элит поддерживает нелинейность, многовари-

антность развития. Анализ взаимодействия процесса дифференциации и формирования элит дает понимание шансов институционализации различных принципов интеграции и конкретных структур на данном уровне дифференциации. Такой методологический подход, на наш взгляд, сможет способствовать исследованию конкретных исторических ситуаций и возможных вариантов модернизации.

Наиболее общей проблемой модернизации является создание дифференцированных регулирующих и управляющих механизмов и способность институционализированных структур к изменениям и абсорбции нового в пределах больших, чем первоначально заданные. Представляется, что оптимальная равнодействующая различных социально-экономических интересов в процессе модернизации может быть достигнута не за счет реализации харизматических программ, отражающих приоритеты отдельных лидеров конкретных группировок, а в условиях поддержания общей тенденции к рационализации общественных структур, т. е. сочетания дифференциации и нового качества интеграции, перехода от линейных зависимостей, типичных для пирамидальных структур, к обратным связям, характерным для современных социумов.

Основатель кибернетики Н. Винер обращал внимание на то, что адекватно представить систему функционирования общества можно, только исследуя сигналы и средства передачи информации. Управление и связь направлены против преобладающей в природе тенденции к разрушению организованного, имеющего смысл. Накопление информации преодолевает тенденцию энтропии к возрастанию и создает локальные зоны организации в мире. Результат данного процесса — ультрастабильные системы, которые сохраняются, изменяя свою структуру и поведение. Ультрастабильность достигается при помощи многочисленных обратных связей в системе. Возникновение любой ультрастабильной системы, по Винеру, — процесс обратный энтропии. Такое развитие Винер рассматривал как прогресс. «Идея прогресса, — писал он, — противоположна идее энтропии» [52, с. 50], но вместе с тем предостерегал от пассивной веры в «прогресс как этический принцип».

Следовательно, увеличение информации в системе является прогрессом и может быть в определенных случаях измерено путем неэнтропии. Подобная постановка вопроса у Винера совпадает с распространенным в социологии представлением о сложных дифференцированных общественных структурах как более развитых и современных. Несомненно, в общественной системе, характеризующейся разделением власти и независимостью хозяйственной деятельности от прямого вмешательства администрации, информации (в том числе обратных связей) будет больше, чем в пирамидальной общественной структуре со строгим подчинением «низов» «верхам».

Концепция «ультрастабильной общественной системы», т. е.

такой, которая сохраняется, сама изменяя свою структуру и подведение, использовалась некоторыми социологами для описания социальных изменений с конвергенционистских позиций. Данная концепция не рассматривала революционные, кризисные ситуации, или «нестабильное состояние системы», которые так характерны для развивающихся стран. Последователь М. Вебера и Т. Парсона западногерманский ученый Д. Кэслер попытался использовать известную *AGLI*-схему американского социолога для систематизации веберовского понятия харизматического правления и его бюрократизации (подробнее см. [65, с. 13—24]).

Схема, которую Д. Кэслер называет «инструментально полезной», представляет собой модель общества любого типа и состоит из четырех подсистем: *A* — экономическая (средство адаптации к внешней среде системы); *G* — политическая, определяющая цели применения ресурсов; *I* — интегративная, объединяющая социальный контроль и юридические нормы; *L* — подсистема, включающая культурные, религиозные, мотивационные нормы, и др. (см. [211, с. 167—168]).

Связи между подсистемами, по мнению Кэслера, отражают динамику их взаимодействия и позволяют применять данную схему не только для анализа статических состояний. Любую общественную систему западногерманский социолог предлагает рассматривать как саморегулирующийся, поддерживающий себя в состоянии гомеостатического равновесия механизм. Революция, т. е. разрушение системы, происходит, по Кэслеру, тогда, когда возникает перегрузка общественной системы, нарушается равновесие, а ее параметры выходят за допустимые пределы [211, с. 215—216].

Д. Кэслер и не пытается разработать собственную классификацию революций. Он видит свою задачу в создании единой модели послереволюционного развития, приложимой к любым событиям нового времени. Для этого он использует элементы и терминологию системного подхода, которые позволяют абстрагироваться от конкретных исторических ситуаций и игнорировать многообразие революционных движений.

По мнению западногерманского социолога, после любой революции подсистема *A* (экономика), как и вся общественная система, проходит стадию структурных изменений. Д. Кэслер вслед за У. Ростоу поддерживает тезис о необратимости послереволюционного развития экономической подсистемы в направлении индустриального общества и невозможности возвращения к традиционному (аграрному) хозяйству. Решающим фактором, обеспечивающим необратимость данного процесса, является структурная дифференциация общества и его подсистем.

Д. Кэслер в отличие от М. Вебера не ставит вопрос о возможности существования индустриального общества, управляемого традиционными методами. Из развитой им схемы Парсон-

са следует, что после революции творческое усвоение нововведений, создание сложного бюрократического аппарата с более высокой степенью разделения труда ведет к повышению уровня структурной упорядоченности. Подсистема *G* (политическая) ставит перед подсистемой *A* задачу мобилизации ресурсов для экономического обеспечения послереволюционных элит и финансирования государственного аппарата. Подсистема *I* санкционирует доступ к должностям, а также процесс распределения предметов потребления. Подсистема *L* передает в подсистему *A* многоступенчатую иерархическую структуру управления производством и рынками. Социально-экономические изменения сводятся, по Кэслеру, к поискам нового стабильного режима функционирования общественной системы, которая по своей структурной упорядоченности, т. е. рациональной бюрократизации, фактически не отличается от предыдущей, предреволюционной и даже превосходит ее.

Израильский социолог С. Эйзенштадт более последовательно, чем Д. Кэслер, который трактует послереволюционное развитие как однолинейный процесс, автоматически ведущий к капиталистической рационализации всех общественных структур, отстаивает точку зрения М. Вебера. Концепция «неопатримониализма» С. Эйзенштадта претендует на объяснение авторитарного характера режимов ряда освободившихся стран, поощряющих только такие формы промышленной, коммерческой и политической активности, которые существенны для укрепления и легитимации правления элитарных группировок [190].

Относительная автономия различных институциональных сфер общественной системы является, по Эйзенштадту, важным фактором трансформации на начальной стадии модернизации. По мнению этого социолога, можно выделить основные причины, стимулирующие или, наоборот, блокирующие социальные сдвиги: «Это отношения между доминирующей системой ценностей и политическими институтами, положение политической системы в стратификационной структуре, степень внутренней сплоченности и социальной автономии в основных социальных группах и стратах конкретного общества» [191, с. 258]. Так, в Китае идеологическая идентичность между культурным и политическим порядком была стабилизирующим фактором имперской системы, связанной с бюрократически-помещичьим классом.

Мусульманскую цивилизацию, по мнению Эйзенштадта, характеризовала идентичность религиозной и политической общин. В результате появляются религиозные движения большого масштаба и невозможность возникновения новых политических институтов там, где традиции ислама были особенно прочны. Так же как в Китае, отмечает С. Эйзенштадт, в мусульманском мире социальная стратификация зависела от государства. В Индии не существовало связи между политической системой и религиозными символами, что и облегчило модернизацию на начальной стадии. Однако позднее, по мнению израильского со-

циолога, не сформировались общие символы, которые интегрировали бы элементы новой культуры и старой традиции, создали бы относительно прочную коллективную идентичность и обязательства перед ней. Трансформация великих азиатских цивилизаций облегчается, по Эйзенштадту, при относительной автономии социальных, культурных и политических институтов. Культурная автономия дает возможность развиваться новым символам и легитимировать создание центральных политических институтов, а социальная автономия позволяет структурировать новое организационное ядро без разрушения прежнего.

С. Эйзенштадт критикует эволюционистские теории XIX в. за то, что они объясняли развитие человеческого общества как прямолинейное движение по универсальным стадиям и отказались от детального анализа механизма и самого процесса изменений, имманентного конкретным социумам или институтам. Изменения внутри общества, и особенно движение от одного общественного типа к другому, являются, по мнению ученого, многовариантными, выражаясь в различных стадиях и формах структурной дифференциации. Возникновение по мере развития общества более дифференцированного социального и организационного порядка Эйзенштадт рассматривает не только как средство увеличения адаптационного потенциала, но и как фактор, усложняющий интеграционные связи общественной системы. Таким образом, возрастание уровня структурной упорядоченности модернизирующегося общества не является для Эйзенштадта столь бесспорным, как для Кэслера.

Западные ученые чрезвычайно осторожно относятся к изменению, а тем более разрушению институционализированного порядка. Это выразилось в отходе части социологов от представлений о стадийности социально-экономического развития в определенные периоды истории человечества и формировании концепций повторяющихся во времени общественных структур. Из этого исходит, в частности, меновая теория К. Полани, которая признает существование трех типов организации обмена, потребления и управления хозяйством вне зависимости от исторической эпохи и способа производства материальных благ. Вместе с идеей М. Вебера о традиционной, харизматической и рационально-легальной формах правления такой теоретический подход избавляет западных исследователей от необходимости ссылаться на концепцию «целенаправленного прогресса».

Исживание упрощенного эволюционистского взгляда на историко-экономический процесс в рамках веберианской макро-социологии позволило акцентировать внимание на многообразии форм и направлений социальной динамики и в то же время выделить технический прогресс в широком смысле этого термина, рационализацию общественных структур как многовариантный путь преодоления более распространенного в прошлом и настоящем чередования традиционного и харизматического порядка.

Вместе с тем данный подход не является чисто технократи-

ческим, как может показаться на первый взгляд. Он позволяет, во-первых, увязать прогресс с технической, экономической, управленческой, политической и социальной рационализацией средств осуществления определенных (а не мессианских) целей — средств, которые так же безразличны классовым интересам, как понятия добра и зла, и во-вторых, трезво оценить значение прогресса как «самоцели исторического процесса» в прошлом, настоящем и, вероятно, будущем.

Концепция «прогресса как самоцели» является, по существу, зоной, находящейся вне критики. «Мода» на прогресс оказалась чрезвычайно долговечной, так как отказ от идеи прогресса, превратившейся в ходячий штамп массовой культуры, ассоциируется с отрицанием всякого развития. В концепцию «прогресса как самоцели» можно либо верить, либо отвергать ее, поскольку доказать ее правильность или ложность невозможно. Причем сторонники этой концепции не сознают (или делают вид, что не сознают) очевидное: теоретические конструкции, не поддающиеся верификации, превращаются в символ веры, предмет идеологического выбора. Но ведь поборники идеи прогресса одновременно отрицают наличие идеологического компонента в социальных исследованиях. Налицо элементарная методологическая ловушка — необходимо или отказаться от концепции «прогресса как самоцели», или признать, что идеология является компонентом социальных наук. Н. Винер писал: «Наше поклонение прогрессу можно рассматривать с двух точек зрения: с фактической и этической, то есть с точки зрения, создающей критерии для одобрения и неодобрения... можно верить в прогресс как факт, не веря в прогресс как этический принцип» [52, с. 53—54].

Если же попытаться проследить идейные истоки той философии истории, которая впоследствии получила название «прогресс», то придется обратиться к трактату Бл. Августина «О граде божием», где он обосновывает историческую необходимость и неизбежность всех прошлых и будущих событий как части глобальной схемы единого пути развития [234, с. 65—81].

В новое время идея прогресса становится составной частью различных идеологий, хотя и отражает реальное и неуклонное развитие техники в этот период. С одной стороны, идея прогресса, прогрессивности предстает как самоцель, служащая для придания смысла политическим действиям и используемая в различных идеологиях как элемент легитимации системы правления. С другой стороны, прогресс рассматривается как техническое средство для осуществления целей, которые ставятся другими сферами социальной активности, и сам по себе не представляет конечной ценности. Н. Винер считал этическую трактовку прогресса признаком слабости рода человеческого и в то же время накопление информации, т. е. научных и технических знаний, усложнение и дифференциацию социальных структур он рассматривал как процесс, противоположный эн-

тропии и, следовательно, поддерживающий локальные зоны организации в окружающем нас мире.

Прогресс, если оставить в стороне представление о нем как о целенаправленном движении к утопии, это переход от линейных к обратным связям в общественной системе, возрастание потенциала ее реструктурирования, степени самонастройки в процессе модификации в ответ на изменения внутренних и внешних условий функционирования.

Вероятно, рациональные критерии прогресса связаны не столько с ростом технической оснащенности общества, тем более что импортируемая новая техника может подпирать и тоталитарные режимы, сколько с характером управляющих и регулирующих общественных механизмов (подсистем), определяются их дифференцированностью, способностью к изменениям вплоть до полной самотрансформации, абсорбцией нового в политической и экономической сферах. При этом следует отметить, что генерировать технический прогресс могут только непиримидальные структуры. Однако технический прогресс в узком смысле этого термина не является универсальным критерием развития. Не говоря уже о том, что такой прогресс чужд искусству, так как, например, использование более совершенных технических средств в живописи отнюдь не гарантирует повышения качества художественных произведений; в хозяйственной деятельности также нет однозначно «прогрессивных» ориентиров развития. Избирательная политика темпов роста производства вообще или производства предметов потребления и улучшения качества жизни дает противоположные результаты. Это возвращает нас к проблеме «цель — средства».

Если вслед за польским ученым О. Ланге уподобить счетно-решающему устройству не только рынок, но и всю общественную систему, то прогресс, как следует из сказанного выше, можно трактовать как переход от простых к более сложным моделям вычислительных машин, пацеленным на максимизацию обрабатываемой информации, поиск сбалансированности между различными общественными подсистемами и форм их взаимодействия с внешней средой, увеличение рациональности не только экономических, но и социальных отношений, хозяйственной и социальной эффективности в каждый данный момент для реализации потенциала максимально возможного количества членов общества *. Конкретные цели возникают в процессе

* Здесь намеренно введено понятие «социальная эффективность» вместо пресловутой «социальной справедливости», под которой подразумевается оптимальная, с точки зрения индивида и общества в целом, возможность реализации его потенциала в культурной, общественно-политической и экономической жизни. Такой подход избавляет от погоня за эфемерным равенством, которая уже не раз в истории оборачивалась равенством рабов, подконтрольных тоталитарному государству. Если же истолковывать социальное равенство с позиции системной социологии, то достижение этого идеального состояния означало бы дезинтеграцию и распад дифференцированных общественных структур, приближение к социальной энтропии.

самих социально-экономических изменений и не должны ставиться истории «извне». Конца истории, который подразумевают телеологические концепции «прогресса как самоцели», пока не предвидится. В вероятностной вселенной, несмотря на общую тенденцию к возрастанию энтропии, сохраняются многообразные варианты развития человеческого общества.

4. Институциональные концепции становления «индустриальной системы»

На протяжении нынешнего столетия институциональное направление в экономических и социальных исследованиях, методологически близкое, как уже отмечалось, к веберианской социологии, не раз привлекало к себе внимание. Оно служило своеобразным катализатором мышления в академических центрах западной ортодоксальной науки. Институционализм сформировался как специфическое течение политэкономии на американской почве (Т. Веблен, Д. Коммонс, У. Митчелл, Дж. М. Кларк, Р. Тагвелл, Г. Минз), но вместе с тем прочные узы его связывают с западноевропейским континентом (идейно-теоретические предпосылки в Германии, фабианская традиция в Англии, «социологическая школа» во Франции) (подробнее см. [33; 77]).

В 70—80-е годы институционализм переживает свое второе рождение и претендует на системный и глобальный анализ экономических и социально-политических факторов общественного развития. Провозглашение междисциплинарного холистического анализа одним из основных принципов парадигмы институционализма отражает претензии данного направления на своего рода идейное лидерство в посткейнсианскую эпоху. Это объясняется прежде всего тем, что на нынешнем этапе структурных сдвигов мировой системы институционалисты пытаются разработать теоретическую основу хозяйственной и социальной политики, стратегии преодоления экономической отсталости бывших колоний. «Как макросоциологи, так и институционалисты, — пишет А. Гручи, — полагают, что существует фундаментальная логика в эволюции общества и что анализ этой логики может прояснить некоторые черты грядущего постиндустриального общества» [199, с. 67].

Исходными моментами институционального анализа были такие новые явления в мировом капиталистическом хозяйстве, как концентрация и централизация производства и капитала, ограничение сферы действия рыночного механизма регулирования экономики, упорно отрицаемые ортодоксами. Развитие техники и совершенствование технологии, их влияние на экономическую и социальную структуру капиталистического общества, находившиеся в центре внимания Т. Веблена и его последователей, привело к зарождению методологии технократизма, без

которой сегодня невозможно представить ни одно западное течение экономической мысли.

Издержки и временные «лаги» в процессе адаптации общественных институтов к новой технике и технологии являются, по мнению ученых, основным источником трений и противоречий социального развития. Важное место в их взглядах занимает рассмотрение предпосылок, путей и методов приспособления системы в целом и ее звеньев к новым условиям и потребностям.

Наиболее важными для понимания общественной динамики институтами, по мнению западных ученых, являются наука и технология, корпорация и государство. Хотя термин «институт» используется уже более полувека, он никогда не был четко определен. Им обозначают различного рода организации, правила, регулирующие экономические взаимоотношения, этические нормы. «Как и вся человеческая культура, — писал Т. Веблен, — материальная цивилизация — это совокупность институтов — институциональных предприятий и институционального роста. Но институты — это продукт обычаев» [255, с. 163]. Социально-экономическая структура общества институционалистами трактуется как комплекс взаимосвязанных институтов, под которыми они понимают различного рода явления базисного и надстроечного характера. Изменения в общественном сознании, переход от традиционных иррациональных форм поведения к рациональному мышлению во всех областях деятельности, в том числе экономической, ведут, по их мнению, к ускоренному техническому развитию, а следовательно, к постепенной трансформации социально-экономических структур.

Несмотря на критику саморегулирующегося рынка, институционалисты полагают, что капиталистическое хозяйство, подчиненное политическим институтам и руководимое в соответствии с политико-экономическими целями государства, остается непревзойденным образцом общественного устройства и моделью для развивающихся стран.

Институционалисты выступают за определенное перераспределение ресурсов в пользу государства, за решение в рамках правительственного регулирования экономики таких острых социальных проблем, как массовая бедность и «несбалансированное изобилие», улучшение здравоохранения, образования, экологической обстановки, повышение качества жизни в целом. Иррациональное использование невосполнимых природных запасов и усиление региональных диспропорций, в том числе увеличение разрыва между «богатыми» и «бедными» нациями, — эти проблемы также требуют, по мнению современных институционалистов, теоретического осмысления и практического решения в ближайшее время. Справедливое перераспределение власти и доходов в обществе мыслится ими как важный предохранительный клапан для социального недовольства.

Несмотря на то что институциональное направление доста-

точно разнородно, его представители объединились на платформе ряда общих методологических и концептуальных посылок. Это социологизация теории в целом, рассмотрение изменений как составной части социально-экономических процессов, технологический детерминизм, признание необходимости частного государственного контроля над экономикой (подробнее см. [64, с. 114—125]).

Институционалисты выступают за государственное регулирование социально-экономического развития освободившихся стран, причем в отличие от представителей ортодоксальных школ особое внимание уделяют неэкономическим факторам модернизации. Основные надежды на «управляемую эволюцию» институционалисты связывают с созданием компетентных государственных органов, способных реализовать экономические планы. Но это отнюдь не означает, что все они являются сторонниками расширения государственного сектора. Основной инструмент преобразований в освободившихся странах, по их мнению, это частнопредпринимательская корпорация, сотрудничающая с государством в общенациональных интересах.

В области разработки конкретных доктрин и стратегий роста освободившихся стран западные политики продолжают опираться на теоретический багаж неоклассического и неокейнсианского направлений, хотя акценты сместились в пользу рекомендаций неоклассиков. Что же касается историко-экономических и сравнительных исследований, требующих междисциплинарного подхода, то здесь используется макросоциологический инструментарий, разработанный М. Вебером, К. Полани, Т. Парсонсом и институционалистами-экономистами. Как пишет С. Вернер, «представив идеально-типический метод, Вебер попытался тем самым урегулировать противоречия между историками, экономистами и теоретиками» [259, с. 75].

Особенности подхода современных институционалистов к общественной динамике проявляются в попытках выявить причины экономической отсталости стран Азии, Африки и Латинской Америки. Помимо использования количественных показателей (валовой внутренний продукт, доход на душу населения и т. д.) западные исследователи рассматривают ряд качественных параметров социально-экономического развития этих стран, характеризующих их общество как традиционное.

В этой связи С. Эйзенштадт отмечает, что «традиционное общество трактовалось как статичное, слабо дифференцированное и специализированное, с преобладанием механического разделения труда, низким уровнем урбанизации и грамотности и развитой аграрной сферой, где занято большинство населения. Наоборот, современное общество виделось как обладающее высоким уровнем дифференциации с высокой степенью органического разделения труда, специализации, урбанизации, грамотности и открытости для средств массовой информации, охваченное постоянным стремлением к прогрессу. В политической

области традиционное общество характеризовалось правлением традиционных элит, опирающимся на „небесный указ“, тогда как современное общество основывалось на широком участии масс в политической жизни, что не приемлет традиционного обоснования власти и обязывает руководителей ориентироваться на такие светские ценности, как справедливость, свобода и эффективность. Кроме того, считалось, что традиционное общество ограничено устойчивыми культурными горизонтами, а современное общество представлялось динамичным в культурном отношении и ориентированным на изменчивость и инновацию» [189а, с. 10].

Англичанка Ф. Моулдер, на наш взгляд, верно констатирует, что основы концепции традиционного общества, получившей распространение в конце 50-х—начале 60-х годов, благодаря У. Ростоу и некоторым другим комментаторам, были заложены М. Вебером, хотя забывает уточнить, что в традиционной форме правления немецкий ученый выделял два «чистых» подтипа — патримониальный и феодальный (подробнее см. [157, с. 329—381; 266, с. 341—359]).

В концепции традиционного общества Ф. Моулдер дифференцирует описательные многофакторные исследования, с одной стороны, и идеальнo-типические конструкции, тяготеющие к Т. Парсонсу (Р. Холт, Д. Тернер), М. Веберу и К. Марксу (Н. Джакobs, Б. Моор, К. Витфогель), — с другой [228, с. 12]. Таким образом, основоположник научного коммунизма становится как бы соавтором моделей традиционного общества, как, впрочем, и миросистемной парадигмы. Ф. Моулдер принадлежит к той школе западных интеллектуалов, которая в 70-е годы попыталась сформулировать альтернативную миросистемную парадигму*.

Концепции традиционного общества справедливо акцентируют внимание на роли социокультурных факторов, блокировавших развитие Востока и ответственных в исторической ретроспективе за его отсталость. Исходя из этой теории контакты с индустриальными обществами обеспечивали стимулы и предпосылки экономического роста, отсутствовавшие на Востоке: транспортную, организационную и социальную инфраструктуру; капитальные ресурсы и современную технологию; рынки для товаров традиционного экспорта, т. е. создавали необходимый потенциал развития.

С точки зрения теоретиков миросистемной парадигмы, в том числе Ф. Моулдер, становление мирового капиталистического

* «Периферийная школа» возникла в 40—50-е годы на латиноамериканской почве (Р. Пребиш и его коллеги по ЭКЛА), затем получил распространение ее более радикальный афро-европейский вариант (концепция «зависимости»), частично опиравшийся на работы П. Барана, А. Г. Франка и Ф. Кардозо (наиболее известные представители С. Амин, А. Эммануэль). В настоящее время данное направление завоевало популярность в среде левых интеллектуалов практически во всех развитых странах (Э. Валлерштайн, В. Борншир и др.).

рынка и колониальной системы привело к прямо противоположным результатам. Уже на ранних этапах этого процесса неевропейские народы были превращены в поставщиков аграрно-сырьевой продукции для индустриальных центров и рынки для промышленных товаров. Ремесло и сельское хозяйство сильно пострадали, вводилась узкая международная специализация колоний и зависимых стран, построенные железные дороги и банки обслуживали только интересы метрополий и т. д. Таким образом страны Востока стали сателлитами, чья экономическая слабость полностью определяется характером их мирохозяйственных связей. П. Баран отмечал, что «Индия, предоставленная сама себе, могла бы со временем найти более короткий и, уж конечно, менее кровавый путь к более богатому и процветающему обществу...» [154, с. 150]. Однако доколониальное прошлое не дает оснований для таких абстрактных умозаключений.

Диаметрально противоположный подход макросоциологов и институционалистов, с одной стороны, и представителей миротсистемной парадигмы — с другой, к исследованию проблем экономической отсталости и роста высвечивает их трактовки общественной динамики в Китае и Японии. Е. Решауэр и Д. Фейербенк отмечали, что «не может не вызывать удивление значительная дифференциация в характере реакции стран Восточной Азии на западное проникновение в прошлом столетии... Эти различия в основном должны быть отнесены за счет структуры традиционных обществ, так как внешнее воздействие было в основном одинаковым» [247, с. 670]. Леворадикалы же убеждены, что ответ на вопрос о причинах успешного развития Японии заключается исключительно в благоприятной для нее внешней политической и экономической обстановке, которая способствовала приходу к власти режима, ориентированного на капиталистическую модернизацию. Проведение такого курса якобы стало возможно благодаря конкуренции империалистических держав и их незапамятному культурному влиянию внутри страны, не приведшему к реакции отторжения западных ценностей [228, с. 8].

Один из представителей макросоциологической школы, А. Обельский, исходя из известной парсонсовской схемы, определил три разновидности условий для генерации экономического развития: необходимые, начальные и достаточные. К необходимым условиям он относит «культурные» предпосылки в их парсонсовском понимании, которые являются хотя и латентными, но наиболее общими. В начальные условия включены социально-политические структуры, активизация которых зависит от «достаточного» воздействия внешней среды. При необходимом минимуме «культурных» предпосылок акселерация общественных изменений определяется комбинацией начальных и «достаточных» условий. В японском примере доза «достаточных» условий должна быть большей, чем на северо-западе Европы.

При сравнительном анализе развития Китая и Японии Е. Решауэр, Д. Фейербенк, А. Крейг и Н. Джакобс акцентируют внимание на факторах, способствовавших быстрой капиталистической трансформации последней: островном положении, небольшой территории, военизированном характере правящего класса, дифференцированности социальной структуры, прагматизме мышлении, особенностях религии и права наследования, национализме, относительно высоком экономическом уровне традиционного общества накануне «старта» и др. (см. [207]). В конечном счете переход японского общества от феодализма к капитализму стал возможен благодаря неспособности сегуната контролировать рост торговли и формирования на данной основе буржуазной прослойки.

Частное предпринимательство на Востоке никогда не выступало в качестве системообразующего элемента. Более того, выступая проявлением страсти к наживе, к личному обогащению за счет общества, оно было противоположно в экономическом и нравственном аспекте традиционным ценностям. Пережитки этого отношения можно встретить и по сей день. В силу ряда причин капитализм не мог самостоятельно развиваться в рациональной форме в восточных обществах в результате изменения ценностных критериев и ориентиров. Однако это не исключает возможности привнесения капитализма извне в виде готовой схемы институтов и поведения. М. Вебер отмечал, что капитализм может существовать и без духа капитализма, как фаталистически приемлемая необходимость в современном мире или относительно оптимальное средство достигнуть сравнительно лучших целей, но уже не как выражения стиля жизни, полного значения для личности.

При таком подходе вопрос о несовместимости традиционных ценностей и капиталистического предпринимательства отходит на второй план. Из психологического постулата, подчеркивает американский ученый Н. Смелсер, рациональность становится нормой поведения, она институционализируется, становится ценностью структуры и входит в ткань общественной жизни. Капиталистическая модель организации хозяйства рассматривается учеными прагматически — как средство реализации оптимального варианта модернизации.

Одним из важнейших стимулов для трансформации традиционных обществ М. Вебер считал внешнее давление. В свете такой интерпретации хода исторического процесса некоторые теоретики, в частности У. Ростоу, рассматривали колониальную экспансию как необходимый и положительный фактор, толчок, способствовавший движению отсталых стран от традиционализма к современному обществу. Автор «некоммунистического манифеста» писал, что «колонии часто захватывались не ради достижения основных целей национальной политики и не ради устранения экономического соперника, а ради заполнения вакуума, т. е. для того, чтобы организовать традиционное общество,

которое неспособно организовать себя так, как это необходимо для современного импорта и экспорта, в частности обеспечения производства на экспорт» [248, с. 109]. Под воздействием извне, в результате экономических и политических контактов или военных конфронтаций в традиционном обществе меняются характер общественной психологии, культура, социальные приоритеты, проявляется «импульс к изобретательству», стимулирующий индустриальные сдвиги.

Известный американский экономист А. Гершенкрон анализирует особенности индустриализации во Франции, в Германии, России на рубеже XIX и XX вв. [196, с. 6, 7], с тем чтобы на основе опыта отставших в промышленном развитии стран Европы дать рецепты для модернизации хозяйства бывших колоний. Отличия процесса индустриализации в отсталых и развитых странах, по мнению Гершенкрона, зависят от степени отсталости и выражаются в специфике производственной и организационной структуры промышленности, показателях роста, интеллектуальном климате или «идеологии» индустриализации. Они являются также результатом применения иных институциональных инструментов для проведения индустриализации. К институциональным инструментам, которые отсутствовали в ходе промышленной революции в Англии, американский ученый относит участие банков и государства в финансировании данного процесса. Индустриализацию в период Второй империи во Франции Гершенкрон рассматривал как пример финансирования промышленного развития с помощью нового типа банков, в частности «*Credit mobilier*» братьев Перейра.

Индустриализация в Англии, утверждает Гершенкрон, происходила за счет накопления торгового капитала, модернизации сельского хозяйства и самой промышленности. Практика индустриализации в странах континентальной Европы, в отличие от английской, использовала банки и кредит как специфический инструмент индустриализации отсталых стран, считает Гершенкрон [196, с. 14]. В Германии роль банков сказалась на организационной структуре промышленности, на концентрации и картелизации. Однако банки могли эффективно действовать, только если отсталость не превышала определенных пределов. При росте разрыва между передовыми и отсталыми странами для его преодоления Гершенкрон предлагает такой институциональный инструмент, как вмешательство государства.

По мнению Гершенкрона, в царской России функции ускорителя экономического прогресса взяло на себя государство, движимое своими специфическими военными и политическими нуждами и интересами. Когда основные трудности индустриализации были преодолены, промышленные концерны в Германии освободились от влияния банков, а в России, наоборот, перешли из-под правительственной опеки под контроль банков [196, с. 21—22].

Пытаясь отразить все многообразие процесса индустриализа-

ции в XX в., Гершенкрон различает индустриализацию автономную и насильственную, вынужденную, мотивированную политическими или экономическими причинами и целями, с преобладанием развития производства средств производства или предметов потребления. Ученый утверждает, что отсталость не поддается измерению, так как не определяется каким-либо одним фактором (производством или доходом на душу населения) и вообще является относительной величиной. Тем не менее на практике, подчеркивает американский экономист, можно построить шкалу отсталости, расположив страны в определенной последовательности и даже сгруппировав их по данному признаку.

Отсталое общество, считает Гершенкрон, нуждается в идеологии, которая помогла бы преодолеть традиционные и эмоциональные препятствия. Во Франции XIX в. такой идеологией, по его мнению, было учение Сен-Симона, приверженцами которого стали многие банкиры (в частности, И. Перейра). В России в конце XIX в. формой идеологии становится марксизм [196, с. 23—26]. Запоздывание индустриализации создает условия для возникновения социальных конфликтов огромного масштаба, отмечает американский ученый и приводит пример России, где «запоздавшая промышленная революция вызвала революцию политическую» [196, с. 38—39].

По мнению Гершенкрона, в экономической истории России наблюдалось три индустриальных рывка: в конце XIX в., накануне первой мировой войны, в ходе социалистической индустриализации. Однако советский опыт, подчеркивает американский ученый, находится вне сферы европейской индустриализации прошлого столетия и демонстрирует определенное сходство с экономической политикой Петра I. «Советский эксперимент наглядно показывает, — отмечает Гершенкрон, — те страшные последствия, которые может принести экономическая отсталость в современный мир» [196, с. 29].

Популярность марксизма в освободившихся странах французский ученый Р. Арон объясняет тем, что конфронтация между «богатыми» и «бедными» внутри наций теперь как бы перенесена в интернациональную сферу — между «богатыми» и «бедными» нациями. А последние, вслед за Марксом, считают, что развитие одних стран определяется и оплачивается отсталостью других. Эта иллюзия, считает Арон, одна из главных причин роста влияния социалистической идеи. В индустриальном обществе, пишет ученый, не существует противоречий между интересами слаборазвитых и передовых государств. Более того, экономический прогресс развитых стран является гарантией успехов остальных [151, с. 24].

Р. Арон утверждает, что историческая схема У. Ростоу слишком ограничена и неопределенна, мало что дает для анализа в реальных условиях. Так, понятие «традиционное общество», по мнению французского ученого, нельзя применять од-

новременно к архаичным структурам племен Новой Гвинеи и к древним цивилизациям Китая и Индии. В послевоенные годы, продолжает Арон, стали рассматривать длительные периоды, вековые изменения макроэкономических показателей как предмет изучения и теоретического осмысления. Он считает, что западные исследователи К. Кларк и Ж. Фурастье определили количественные параметры развития и популяризировали идею перемещения рабочей силы из «первичного» во «вторичный» и «третичный» секторы хозяйства. Экономический рост зависит, по их мнению, от снижения занятости в «первичном» секторе (сельское хозяйство и горное дело) в пользу «вторичного» (обрабатывающая промышленность) и «третичного» (торговля, общественные услуги, здравоохранение и образование). Это и есть, как считает Р. Арон, переход от традиционного общества и отсталого хозяйства к современному обществу и развитой экономике.

Свой интерес к проблемам экономического роста Р. Арон объясняет желанием рассмотреть тот круг вопросов, который был в центре Марковского анализа капитализма, в первую очередь теорию накопления, и противопоставить исторической тенденции капиталистического накопления собственную теоретическую модель. «Вместо капитализма я выбираю индустриальное (научное, техническое или рациональное) общество как принципиальную историческую концепцию... Кроме этой концепции я затем выделил несколько различных типов индустриального общества и предложил модели и фазы роста. Эти четыре концепции — индустриального общества, их типов, моделей и фаз роста — представляют последовательные стадии теории» [151а, с. 235].

Основное внимание французский ученый сосредоточивает на определении природы и типов индустриального общества, к которым ведут стадии роста. «В этом историческом значении, — поддерживает Р. Арона его американский коллега Д. Белл, — „коммунизм“ — не „следующая стадия в истории“, а просто одна из нескольких альтернативных моделей индустриализации» [156, с. 74].

Теория развития должна, по мнению Р. Арона, помочь определить, в каком смысле человечество соединено технологическим умением, а также объединено или разъединено идеологическими вопросами.

Современная теория развития, пишет он, базируется на трех трактовках, каждая из которых дает частную интерпретацию самого понятия: 1) статистических показателях экономического роста за длительные периоды; 2) контрасте между богатыми и бедными странами; 3) сопоставлении советской и западной экономики. Французский ученый предлагает применять термин «рост» к общему или подушевому увеличению материального производства; термин «развитие» к изменениям, затрагивающим институциональную структуру общества; а «прогресс» — к раз-

втию, если оно, по всей видимости, соответствует конечным целям экономики [151, с. 10].

Р. Арон считает, что применение термина «капитализм» ко всем несоциалистическим обществам неправомерно, так как капитализм XIX в. и второй половины XX в. глубоко различны. Огромные изменения в технике и организации производства, усиление корпоративной структуры бизнеса, необходимость «планирования» привели, по мнению ряда институционалистов, к качественно новой стадии в эволюции капитализма. Она характеризуется принципиально иными движущими силами, закономерностями, целями и мотивами.

Подобного рода односторонние представления, игнорирующие преемственность основных политических и экономических структурных характеристик западного общества со времен А. Смита и их принципиальное отличие от социалистических, наиболее полно отражены в работах Д. Гэлбрейта. В центре его анализа мифическое сходство методов планирования и организации двух социально-экономических систем. По мнению Гэлбрейта, это сходство определяется прежде всего огромными масштабами производства, необходимостью крупных вложений капитала, внедрения современной техники, усовершенствования методов производства, контроля над спросом и предложением. Тогда регулятором общественного производства и при капитализме и при социализме якобы становится не рынок, а планирование. Разница между ними заключается скорее в применяемых методах, чем в преследуемой цели [60, с. 428].

Американский экономист пытался обосновать теорию конвергенции, исходя из формальных признаков, часть которых присуща всякому промышленно развитому обществу. В отличие от Д. Гэлбрейта Р. Арон писал: «Когда около десяти лет назад я начал сравнительное изучение советского и западного типа систем в их экономических, социальных и политических аспектах, я даже не представлял, что сходство может быть принято за идентичность или что через несколько лет появится тенденция преуменьшать значение различий либо предполагать неизбежную конвергенцию враждебных систем в промежуточной форме, поименованной „социальной демократией“» [151, с. 21].

Хотя технико-административные субструктуры обеих систем несколько сблизились, как верно отмечал Р. Арон в конце 60-х годов, но даже если советское планирование станет пользоваться какой-то формой рыночной экономики для рационализации системы, это еще не уничтожает монополии одной партии и идеологии, а поэтому не произойдет конвергенции с западными формами. Французский ученый прямо призывал к идеологической конфронтации. В период «модной» в 60-х годах «деидеологизации» он выступал против концепции «конца идеологии». Арон считал, что взгляды на исторические изменения, подобные взглядам Гэлбрейта, страдают односторонностью, так как предполагают движение по направлению к одной цели. «В действи-

тельности в разных странах,—подчеркивает французский ученый,—организация труда и орудий производства, распределение трудовых ресурсов между различными видами работ: сельским хозяйством, промышленностью и коммерческой деятельностью — в корне отличаются» [151, с. 11]. Из Азии советская и западная экономика кажутся только двумя версиями индустриального общества, продолжает Р. Арон. Но вопрос в том, как и в каком направлении воздействуют на общество политические режимы и идеология.

Освободившимся странам Р. Арон предлагает использовать японский опыт эпохи Мэйдзи, когда просвещенная часть традиционного правящего класса провела модернизацию государственных институтов, права, образования. Авторитарный режим создал представительные учреждения и расширил индивидуальные свободы, осуществил аграрную реформу.

Исходя из японского опыта, Р. Арон формулирует условия, необходимые для модернизации «третьего мира»: 1) создание современного государства, в котором гражданское управление и законодательство организовано рационально; 2) распространение западного образования; 3) возникновение класса предпринимателей. Р. Арон отмечает, что далеко не всегда правящий класс способен пойти на такого рода преобразования, но это реальная возможность некоммунистического пути развития. Однако он считал маловероятным, что освободившиеся страны в процессе модернизации смогут сочетать представительные институты, всеобщее избирательное право и активное участие масс в управлении: более вероятны авторитарные и однопартийные режимы [151, с. 38].

Хотя современные институционалисты не берутся предсказывать детально следующую стадию развития индустриальной цивилизации, они анализируют ее будущий характер «с точки зрения логики экономических реформ, которые происходят из логики индустриального развития». В то же время, считает американец А. Гручи, нельзя сбрасывать со счетов политические, идеологические, психологические и физические факторы, так как «объяснение экономической системы предполагает не только изучение внутренних процессов этой системы, но и изучение влияния культурного комплекса на экономику» [199, с. 65, 58]. Институционалисты полагают, что при всех условиях в рамках общественной системы существует причинная обусловленность между ее различными элементами. Их модель развития сводится к переходу от традиционного общества к индустриальному путем модернизации и дифференциации экономической и социальной структуры. Такая модернизация, обоснованная различными формами национальной идеологии, должна без внезапного разрушения старых связей и структур провести отсталую страну через стадии роста, пройденные в свое время западноевропейскими государствами. Процесс этот, по представлениям институционалистов, лимитирован временем, необходимым для

рационализации сознания людей освободившихся стран, которые еще продолжают мыслить в категориях традиционализма. Только рационализация сознания позволит им освоить новую технику, а новая технология создаст условия для структурной трансформации.

Национальное хозяйство рассматривается в институциональных моделях как система, открытая в трех отношениях: социокультурном, экологическом и международном. Возросший уровень взаимозависимости отдельных подсистем мирового хозяйства, углубление международного разделения труда отмечается большинством ученых, начиная от неоконсерваторов и кончая сторонниками концепций «периферийной экономики». Так, один из наиболее известных теоретиков «экономики предложения», А. Лэффер, считает, что «исходным понятием для анализа международных рыночных отношений должна быть глобальная экономика, состоящая из высокоинтегрированных страновых хозяйств» [217, с. XVI]. Однако, отталкиваясь от ряда общих эмпирических наблюдений, представители различных школ по-разному моделируют проведение крупных социальных объектов: динамику мировой системы, ее регионов, в том числе развивающихся стран, приходят к противоположным социально-политическим оценкам, рекомендациям в области экономической деятельности.

5. Структуралистские теории «мировых систем»

В современном западном обществоведении можно выделить три основных типа моделирования мирохозяйственных связей. Первый тип восходит к интеллектуальным традициям неоклассической школы в экономике и структурному функционализму в социологии. Этот подход ориентирован на сохранение существующих отношений мировой капиталистической системы и достижение стабильного развития за счет частичных структурных модификаций. Второй тип базируется на теоретическом багаже институционально-социального направления и левого кейнсианства. В моделях, разрабатываемых представителями данных научных течений, с учетом новых геополитических реальностей обосновывается необходимость энергичной перестройки международных экономических отношений, корректировки рыночного механизма и т. д. Акцент делается на глобализации экономических процессов, особо подчеркивается значение международных организаций, «смешанной» мировой экономики, регулируемой наднациональными институтами (подробнее см. [63]).

Третий тип моделирования основывается на так называемых теориях «мировых систем», сформировавшихся в русле концепций «периферийной экономики». Они исходят из методологиче-

ского принципа структурализма, в соответствии с которым характер функционирования социальных объектов (элементов мировой системы) не может быть адекватно представлен в процессе анализа их как независимых переменных. Более того, сложившиеся в мировой системе целые структуры определяют параметры ее частей. Будучи примененным к историческому материалу, начиная с XVI в., т. е. с момента формирования мирового рынка, такой методологический принцип, по мнению теоретиков «мировых систем», позволяет по-новому подойти к изучению социально-экономических процессов на глобальном, региональном и страновом уровне. Представители этого направления зачастую выступают за радикальную перестройку международных экономических отношений. В отличие от неоклассических, неокейнсианских и институциональных концепций модернизации «периферийная школа» наибольшее внимание уделяет внешним по отношению к национальной экономике социально-экономическим и военно-политическим процессам. «Слаборазвитость» трактуется как неизбежный результат формирования мирового рынка и исторического развития передовых капиталистических государств, оборотная сторона их процветания, и в этом смысле она не «отсталость», которая является результатом торможения внутренней социальной динамики*.

Общим для разных школ методом исследований новейшей истории мирового хозяйства стал структурализм и связанный с ним тип моделирования. Такие авторы, как Леви-Стросс, рассматривают структуру как содержание конкретного предмета в логически организованном виде. Она представляет факт реальности и не является абстракцией. С ростом интереса к моделям** стали уделять больше внимания структуральным объяснениям. Удовлетворительное объяснение явления при помощи модели (постулированной или построенной на основании наблюдений) указывает на реальность предполагаемой структуры и служит доказательством ее адекватности. Создание моделей социальной реальности подразумевает метод анализа общественных явлений, отличный от классических причинных объяснений. Структуральные представления побуждают не

* Между институциональным направлением и «периферийной школой» тем не менее много общего. Как верно замечает американский ученый Д. Стрит, «их объединяет междисциплинарный подход, использующий достижения социологии, истории, политики, экономической теории для исследования процесса развития» [253, с. 244—245]. См. также [273, 1983, № 1].

** Модели могут быть материальными и идеальными (вещественными и знаковыми), по способу выражения — формализованными, т. е. выраженными формальным математическим языком (математические матрицы, уравнения, таблицы), неформализованными на естественных языках, знаковыми (карты, чертежи, схемы, графики и т. п.). Вообще модель это создание искусственного аналога действительно существующему явлению. Путем последовательной детализации модели и сверки ее поведения с эмпирически наблюдаемым явлением уточняют модель и исследуют сложную систему, не поддающуюся прямому детальному наблюдению.

к поиску причин тех или иных явлений, а к исследованию механизма их функционирования.

Исследования, посвященные глобальному анализу динамики мировой системы и ее структурно-функциональных изменений, достаточно разнообразны. Вопросами становления и развития мировой экономики занимался Э. Валлерштайн, накопления капитала во всемирном масштабе — С. Амин, А. Франк, неэквивалентного обмена между центром и периферией — А. Эммануэль, влияния иностранных инвестиций и торговли на хозяйственный рост освободившихся стран — В. Борншир, Х. Чейздан, «больших циклов» в мировой экономике — А. Франк, А. Бергесен и др. Хотя их исследования значительно отличаются по предмету, методике, временному охвату, авторы разделяют общие положения.

Они считают, что мировая система первична по отношению к национальным государствам, т. е. мировая экономика, международные политические институты и отношения обладают собственной логикой развития, структурной динамикой, которые могут быть моделированы. Мировая система, по их мнению, определяет характер развития и, что более важно, слаборазвитости отдельных обществ, входящих в глобальные структуры. В то же время потенциал страны определяется скорее ее иерархическим положением в международном разделении труда, чем эндогенными факторами роста. Для левых представителей миросистемной парадигмы преодоление слаборазвитости это не вопрос изменения социально-политических и экономических институтов, а мобильности в рамках глобальной классовой иерархии. По мнению американского ученого А. Бергесена, критерием принадлежности к данной парадигме является отказ от агрегированной трактовки экономических и политических отношений между государствами и рассмотрение мировой торговли, миграции капиталов и т. д. в контексте транснациональных общественных структур. Миросистемный глобализм заявляет о себе как о новом этапе эволюции обществоведения, пришедшем на смену «социологии», опиравшейся на работы Маркса, Вебера, Дюркгейма и в свое время заменившей утилитаризм классической школы в лице Гоббса, Локка, Смита, Рикардо и Милля.

В конце XV—начале XVI в., по мнению известного американского социолога Э. Валлерштайна, наметились основные контуры «мировой европейской экономики». Ее основой было не военно-политическое принуждение, характерное для имперских объединений, а хозяйственные и культурные взаимосвязи, которые способствовали интеграции формирующихся национальных государств, союзов городов и т. п. в рамках мировой системы, еще далеко не глобальной, но представлявшей начальную форму «современного» типа международных отношений.

Э. Валлерштайн полагает, что крупные государственные образования, аналогичные европейской «мировой системе» и ба-

зировавшие на преобладании экономического компонента, существовали и ранее (Китай, Персия, Рим), но затем трансформировались в жестко централизованные имперские объединения. Политически централизованная империя, по Валлерштайну, сильна и слаба одновременно. С одной стороны, высокий уровень централизации гарантирует экономические и финансовые поступления из периферии в центр (налогообложение, монопольное положение государства в торговле и пр.). С другой стороны, гражданская и военная бюрократия как неотъемлемый элемент высокоцентрализованных структур поглощает значительную часть этих поступлений, особенно в условиях внешнеполитической напряженности, внутренней предреволюционной ситуации, когда непомерно разбухают военные расходы.

К числу факторов, способствовавших формированию «мировой европейской экономики», Э. Валлерштайн относит колониальную экспансию и предшествовавшее ей расширение географических границ европейских государств путем крестовых походов, реконквисты, колонизации Прибалтики. С 1150 г. в «дуалистической» хозяйственной структуре западноевропейского феодализма акценты сместились в пользу городской рыночной экономики (на этой основе развились специализация и международное разделение труда), государственного бюрократического аппарата, способного осуществлять активную налоговую политику, содержать наемные армии и т. п. Американский социолог не забывает упомянуть и изменение хозяйственной ситуации после эпидемии «черной смерти» (XIV в.), в частности фиксацию рентных платежей, а затем революцию цен и связанное с ней перераспределение доходов.

Наименее логичным в этом перечне выглядит присутствие централизованного бюрократического аппарата как необходимого условия становления капитализма. Справедливо отметив негативную роль бюрократии в имперских структурах, Э. Валлерштайн противоречит себе дважды, так как абсолютистская государственность сложилась в Западной Европе позднее (XVII в.), чем большинство других означенных им предпосылок формирования «мировой европейской экономики». Вмешательство государства в экономику в рамках политики меркантилизма было направлено не только на введение новых налогов, подавление самоуправления городов и укрепление прерогатив королевской власти в целом, но и на расширение внешней торговли и развитие мореплавания. Последнее наряду с такой традиционной формой внешней политики, как территориальные захваты, играло существенную роль в становлении капитализма. При этом государство преследовало собственные цели, так как налогообложение новых сфер деятельности сулило ему прямую выгоду и расширяло довольно узкую по сравнению с Востоком финансовую базу центральной власти. Однако там, где традиционная политика контроля и регламентации торгово-ремесленной деятельности не была ограничена успешной оппозицией

буржуазных кругов, капиталистическое развитие было деформировано и даже повернуто вспять (Испания, Португалия, в меньшей мере Франция).

Имперская патримониальная и рационально-капиталистическая бюрократия осуществляет прямо противоположные функции. В отличие от феодально-абсолютистской новый тип бюрократии подконтролен обществу, он не является предпосылкой становления капитализма, а формируется в ходе его развития. Этого Э. Валлерштайн, несмотря на знакомство с творчеством М. Вебера, не усвоил. Немецкий ученый писал: «С победой формалистического юридического рационализма на Западе наряду с прежними видами господства появился тип легального господства, основная, хотя и не единственная разновидность которого есть бюрократическое господство. Решающим признаком этого является то, что подчинение теперь основано не на преданности харизматической личности — пророку, герою или освещенной традицией личности властителя, а на лишенном личного характера объективном „служебном долге“, который, как и право на власть, определен посредством рационально установленных норм (законов, предписаний, правил) таким образом, что легитимность господства находит свое выражение в легальности общих, целенаправленно продуманных, корректно сформулированных и обнародованных правил» (цит. по [113, с. 74—75]).

В полной мере эффект предшествовавших изменений сказался, по Валлерштайну, в 1450—1640 гг. Американский ученый вслед за Ф. Броделем разделяет концепцию «двух XVI столетий», подразделяя период на 1450—1550 и 1550—1640 гг. К концу XVI в. «мировая европейская экономика» включала Северо-Западную Европу, христианскую часть Средиземноморья, Центральную Европу, Балтийский регион, а также испанскую и португальскую Америку. Частично в нее были интегрированы опорные пункты в Африке и Филиппины. Район Индийского океана, Османская империя и в меньшей степени Россия оставались автономными. Сама «мировая европейская экономика» образовала две подсистемы: средиземноморскую и северо-западную европейскую, которые были центрированы соответственно вокруг Северной Италии и фландрско-ганзейских торговых коммуникаций [257, с. 15—68].

До XVI столетия в истории человечества доминировали «мировые системы» имперского типа. Отличительной особенностью нового времени Э. Валлерштайн считает тот факт, что современный тип мировой системы, охватив весь земной шар, продолжает базироваться на экономическом фундаменте, или, по его терминологии, «мировой экономике», не проявляя явных тенденций к образованию единой имперской структуры. Мировое капиталистическое хозяйство, несмотря на его иерархическое построение (центральные, полупериферийные и периферийные регионы), не ликвидировало политического плюрализма и

национальных государственных границ в силу значительной маневренности экономики, позволяющей сохранять функциональное обособление политической и хозяйственной сфер и добиваться высоких темпов роста материального благосостояния в государствах центра.

Альтернативу мировому капиталистическому хозяйству Э. Валлерштайн видит в социалистическом строе, призванном, по его мнению, стать третьей по счету формой «мировой системы», в рамках которой под руководством «всемирного социалистического правительства», будет достигнута более высокая производительность и осуществлено перераспределение в глобальном масштабе [257, с. 348]. Таким образом, весь ход общественного развития сводится им к последовательному переходу от «мировой системы» имперского типа к «мировой экономике» и в перспективе к «мировому социализму», который в трактовке американского социолога весьма напоминает докапиталистические империи Востока. Трудно сказать, на какие интеллектуальные запросы или социальные слои ориентирована подобная схема мировой истории. С одной стороны, она доходчива и инструментальна для представителей теперь уже не такой «новой левой», а с другой — служит сторонникам неоконсерваторов для запугивания угрозой мирового коммунистического господства.

В целом исследование Э. Валлерштайна, вероятно, не заслуживало бы детального анализа, если бы, во-первых, на Западе его творчество не рассматривалось как одно из последних и наиболее достоверных научных достижений леворадикальной мысли. Во-вторых, по количеству и репрезентативности цитат этот двухтомник вполне может заменить библиографический справочник.

Много внимания Э. Валлерштайн уделяет проблеме «кризиса XVII столетия». Эта тема в последнее время рассматривается в ракурсе концепции «длинных волн», которую представлятели миросистемной парадигмы, опираясь на работы Н. Д. Кондратьева и И. Шумпетера, пытаются использовать в исследовании динамики и ритмов хозяйственных, торговых, политических, культурных и демографических сдвигов на значительных временных отрезках [258, с. 3—34].

Еще в 1913 г. голландский экономист Д. ван Гельдерен обратил внимание на изменения в хозяйственной динамике, которые он определил как «большие экономические циклы» (около 60 лет). Его соотечественник С. де Вольф на основе тщательного статистического анализа в 1924 г. подтвердил выводы Д. ван Гельдерена. Независимо от них русский ученый Н. Д. Кондратьев в 1922 г. сформулировал аналогичную концепцию. Неудовлетворенный своими первыми результатами, Кондратьев собрал и проанализировал все временные ряды, какие были ему доступны, за длительные периоды. Результаты его работы, которые во многом совпадают с выводами Д. ван

Гельдерена и С. де Вольфа, были опубликованы в России в 1925 г. (см. [81, с. 28—79]).

Н. Д. Кондратьев начинает с «длинных волн» в динамике английского индекса оптовых цен, демонстрирующих подъем с 1789 по 1814 г., падение до 1849 г., подъем до 1873 г., падение до 1896 г., подъем до 1920 г. Похожие «волны» обнаруживаются в изменении курса французской ренты, английской консоли, а также заработной платы английских и французских рабочих. Переходя к рядам агрегированных величин в ценностном и натуральном выражении, ученый первоначальные данные выражает в расчете на душу населения, подбирает математические линии уровней, вычисляет отклонения от этих уровней и сглаживает отклонения при помощи девятилетней подвижной средней. Такие сглаженные отклонения обнаруживают «длинные волны» в динамике импорта, экспорта, оборота внешней торговли, вкладов в сберегательные кассы во Франции, депозитов Французского банка, в изменении добычи (или потребления) угля во Франции, Англии, Соединенных Штатах Америки, Германии и др. (подробнее см. [95, с. 231—233]).

Анализируя полученные результаты в целом, Н. Д. Кондратьев пришел к выводу, что с конца XVIII в. западный мир пережил две с половиной «длинные волны» (табл. 1).

Таблица 1

Динамика развития западного мира по Н. Д. Кондратьеву

«Волны»	Начальная точка	Высшая точка	Конечная точка	Приблизительная продолжительность, число лет
Первая	Конец 80-х — начало 90-х годов	1810—1817 гг.	1844—1851 гг.	50—60
Вторая	1844—1851 гг.	1870—1875 гг.	1890—1896 гг.	40—50
Третья	1890—1896 гг.	1914—1920 гг.

Хотя Кондратьев считал, что полученные им статистические результаты делают существование «длинных волн» весьма возможным, он не выдвигал теоретической гипотезы для их объяснения. Эта задача для современных исследователей остается открытой (см., например, [106, с. 71—86; 143, с. 62—82]).

Еще известный американский ученый У. Митчелл отмечал, что «мы строим различные гипотезы относительно длительных тенденций экономического развития, поскольку они проявляются в движении населения, производства, перевозок, обмена и т. п. Эти гипотезы выводятся путем причинного объяснения и связаны с ним. Однако одними лишь рассуждениями мы не в состоянии определить, в какой мере они соответствуют истине» [95, с. 228]. Главная проблема, как отмечал У. Митчелл, состоит в том, чтобы установить, какие виды колебаний присущи

экономической деятельности, обособить их, установить регулярность повторения и построить теорию, которая объяснила бы все виды колебаний и выявила бы их отношение друг к другу. Сам автор не претендовал на обобщающую концепцию, считая это делом будущего. Однако, сравнивая статистические данные за достаточно длительный период с экономическими циклами, он приходит к выводу о существовании долговременных тенденций экономического развития. У. Митчелл писал: «Можем ли мы выбрать кривые, математические свойства которых соответствуют нашим причинным гипотезам, применить их к временным рядам и под влиянием первых результатов такого применения, быть может, изменить наши гипотезы, испробовать затем другие кривые и, когда наконец мы добьемся хорошего совпадения, утверждать, что мы пролили новый свет на природу экономического развития?» [95, с. 228]. Как нетрудно заметить, приближается к такому построению часто встречающееся среди экономистов истолкование линий изменения уровня как «кривых роста».

Наиболее ценное содействие пониманию «вековых уровней», установленных эмпирически, было оказано, по мнению Митчелла, историками народного хозяйства. Они детально изучили аграрную и промышленную революцию, историю открытия, утилизации и источника естественных богатств. «Чистая» же экономическая теория была занята преимущественно «статическими» проблемами, с которыми проблема «вековых уровней» не имеет ничего общего. «Экономическая динамика, — отмечал У. Митчелл, — рассматривалась как очень обманчивая область, и неудачи выдающихся умов, которые подходили к ней, вооруженные светом теории, обескураживали» [95, с. 237].

Историки и социологи не утруждали себя столь тщательным статистическим анализом данных при выделении «длинных волн» общественного развития, как экономисты. Французский историк Ф. Симпанд выделял два цикла европейского развития, включавших феодальный период: первый — 1000—1450 (1500) гг.; второй — 1450 (1500)—1750 гг., исходя в основном из оценочных суждений. В каждом из них выделяются фазы подъема и кризиса. Соответственно для первого цикла подъем приходится на X—XIII вв., а кризис охватывает 1300—1450 (1500) гг. Во втором цикле фаза подъема падает на 1450 (1500) — 1650 гг., а спад — на 1650—1750 гг.

Такая периодизация в экономической области основывается на фрагментарных данных, характеризующих индексы цен, заработной платы, торговых оборотов. Оценки для XII в. колеблются от констатации глубокого хозяйственного и социально-политического кризиса (Р. Мунье) до замедления темпов экономического роста, да и то не во всех европейских странах (П. Шаню, Э. Валлерштайн). Если историки-экономисты, обрабатывая огромный объем эмпирических данных, пытались выявить материальную основу «длинных волн» в капиталистиче-

ском хозяйстве, то историки-социологи, по существу, растворили «длинные волны» в умозрительной концепции «длительной временной протяженности» Ф. Броделя.

В капитальном труде Ф. Броделя «Материальная цивилизация», дающем панораму событий мировой истории XV—XVIII вв., применяется концепция «длительной временной протяженности» (*longue durée*). Он исследовал «вечную» проблему генезиса капитализма, или, если воспользоваться терминологией западных социологов, переход от традиционного общества к современному. В поисках приблизительных исторических границ, которые позволяют провести между ними водораздел, Бродель отодвигает время возникновения элементов капитализма, или «предкапитализм», к XIII в. «История, — писал французский ученый, — есть corteж, шествие, сосуществование способов производства, которые мы слишком склонны рассматривать в последовательности веков истории. Фактически же эти различные способы производства тесно связаны друг с другом» [43, с. 28].

Первое впечатление, что автор в своем исследовании идет от материала, достаточно обманчиво. Рисуя широкими импрессионистскими мазками картину мировой истории, он добивается зрительного эффекта полноты и насыщенности «структур повседневности». Но в массе интереснейших эмпирических наблюдений контуры этих структур, направления их эволюции, качественные сдвиги, разрывы в постепенности выглядят размытыми и едва уловимыми, что вполне соответствует исходным позициям этого виднейшего представителя новой французской истории.

Капиталистическая трансформация европейского общества проходила, по Броделю, микроскопическими шажками. Разрыв в постепенности, новое качество возникло в эпоху промышленной революции. Таким образом, современное общество, совершив «взлет», по его мнению, утверждается не ранее конца XVIII в., хотя предпосылки этого процесса формировались в течение шести-восьми столетий. В этом одно из принципиальных отличий броделевского видения историко-экономического процесса от точки зрения автора данной работы. Исторические условия генезиса капитализма складывались в течение достаточно длительного исторического периода, но основная их масса «накопилась» в XIV—XVII вв. Причем суть этих предпосылок определялась структурными особенностями западноевропейского феодализма. В XVI—XVII вв. капиталистическое развитие Северо-Западной Европы становится необратимым. Такие политические события, как буржуазные революции в Нидерландах и Великобритании, победа над феодальной реакцией, возглавляемой Габсбургами, служат достаточно четкими историческими вехами.

Разрыв в постепенности происходит не позднее середины XVII в., хотя изменения коснулись прежде всего социально-по-

литической структуры общества. Темпы роста экономики, соотношение трех основных секторов хозяйства, конечно, не позволяют охарактеризовать тогдашнюю Англию как современное общество, или общество, находящееся в процессе «взлета». Буржуазная революция открыла простор для дальнейшей экспансии капиталистического уклада, зародившегося в специфической социально-политической среде западноевропейского феодализма. Экономические результаты прорыва в капитализм скажутся позднее, в XVIII и даже XIX в. Однако английское общество в XVII в. уже не было традиционным.

Размежевание между традиционным и современным обществом, между Востоком и Западом произошло гораздо раньше. Здесь можно согласиться с условной датировкой XIV—XV вв., что в какой-то мере совпадает с хронологией Броделя, который, однако, не отождествлял «предкапитализм» с переходом к более динамичному современному типу эволюции общественных структур*.

Таким образом, хотя элементы «предкапитализма», по Броделю, возникли в XIII в., т. е. раньше, чем принято в соответствии с реальными фактами считать в марксистской историографии, их системообразующий эффект сказался только в эпоху промышленной революции. «Длительность периода» становится для Броделя самодовлеющей ценностью, смещающей границы реального исторического времени, которое, несмотря на цикличность и дискретность, особенно характерные для Востока, в западноевропейском регионе впервые начинает выпрямляться в рассматриваемый французским ученым период XV—XVIII вв., наращивая темп и проявляя все большую синхронность экономических, социальных и политических сдвигов.

Для современных историко-социологических исследований характерны попытки концептуализировать «длинные волны» в рамках обобщающих теорий общественного развития, которые призваны дать ответ на вопрос, когда происходит разрыв в постепенности, или «всемирно-исторический переход от феодализ-

* Следует отметить специфику концепции капитализма Ф. Броделя. Дихотомия «индустрии и бизнеса» Т. Веблена, заимствованную затем Дж. Гэлбрейтом в форме более гибкого взаимодействия между «рыночной и индустриальной планирующей системами», французский ученый переносит на историю хозяйства, противопоставляя рыночную экономику, или «предкапитализм», собственно капитализму. Там, где кончается рынок и начинается монополия, Бродель находит «истинный» капитализм. В зоне «противорынка» располагается для него по преимуществу зона капитализма [44, т. 2, с. 219—220]. Это сдвигает временные и проблемные границы дискуссии о генезисе капитализма. Для Броделя «предкапитализм» в форме товарного хозяйства существовал во всех регионах мира. Однако, как будет показано в следующей главе данной работы, новое, рыночное качество товарно-денежные отношения приобретают только в рамках сословных монархий, т. е. специфических социально-политических структур Западной Европы, а взаимосвязанная экспансия рынка и технического прогресса обеспечивает на северо-западе Европы переход к собственно капитализму. Уникальность роли рынка как сложнейшего социально-экономического института, присущего только европейской цивилизации, отвергается Ф. Броделем.

ма к капитализму». Э. Валлерштайн считает, что можно выделить три основных подхода с соответствующими датировками: 1500, 1650 и 1800 гг. Последняя дата связывается с промышленной революцией в Англии, буржуазной революцией во Франции и отстаивается представителями «новой исторической школы» во Франции во главе с Ф. Бродемом. Середина XVII в. завершается победой буржуазной революции в Англии, и, наконец, с 1500 г. разворачивается процесс становления мирового рынка и европейской экспансии; этот период сторонники миросистемной парадигмы считают началом новой истории и колониальной эры.

А. Бергесен и Р. Шёнберг в качестве универсального критерия для характеристики своей модели волнообразного развития колониализма предлагают использовать хронологию основания колоний, возглавленных губернаторами. Всего, по их данным, было основано 390 колоний, из них Великобританией — 172, Францией — 75, Испанией — 59, Португалией — 38, Нидерландами — 23, США — 8, Германией — 7, Италией — 5, Японией — 5, Данией — 3, Бельгией — 2, Швецией — 2, Россией — 1 [254].

Первая колония была создана в 1415 г. в Сеуте (Средиземноморское побережье Африки). До конца столетия появилось только шесть новых колоний. После 1500 г. темпы колонизации резко ускорились, и если рассматривать этот процесс по количеству ежегодно создаваемых колоний, то «пиковые» периоды приходились на XVII в., вторую половину XVIII, середину и конец XIX в. Первый цикл, когда количество колоний составило 147, продолжался с 1415 по 1770 г. К 1825 г. их число сократилось до 81. Второй цикл начался в 1826 г. и достиг максимума в 1921 г. (168 колоний). Деколонизация по времени гораздо более локализована — это первая четверть XIX в. и период после второй мировой войны. Первого «пика» она достигла в 1921 г. (30 колоний), затем в 1947 г. (17) и в 1960 г. (23).

А. Бергесен выдвигает концепцию «длинных волн» по аналогии с Кондратьевым и Шумпетером (табл. 2). По его мнению, анализ их взаимодействия может способствовать раскрытию «генетического кода» внутренней логики развития мировой экономики. Он выделяет периоды колониальной экспансии, войн, гегемонии отдельных держав, свободной торговли, протекционизма, изменения форм предпринимательства [284, 1982, т. 34, № 1, с. 28—32]. «Волны» колониализма и неоколониализма у него накладываются на периоды усиленной конфронтации между государствами центра и роста протекционизма. По времени гегемонии Англии (1815—1870) и США (1945—1973) совпадают с расцветом свободной торговли и деколонизацией. В 70-е годы ослабление позиций США в мировом хозяйстве сопровождалось усилением противоборства, протекционизма, эрозией движения неприсоединения, ростом угрозы третьей мировой войны. Таким образом, «волны» неожиданно замыкаются в порочном круге, преодолеть который, используя «логику» Бер-

Таблица 2

«Длинные волны» развития мировой системы *

Период	Ситуация в центрах	Положение на периферии
1500—1815	Мультицентризм — не-стабильность, династиче-ские и торговые войны	Усиление политического контроля; «первая вол-на» колонизации, воз-главляемой Испанией и Португалией, сконцентри-рованная в Америке; гос-подство меркантилизма
1815—1870	Моноцентризм — стабиль-ность	Ослабление политическо-го контроля; деколониза-ция Латинской Америки; ослабление меркантилиз-ма и рост свободной торговли
1870—1945	Мультицентризм — не-стабильность, межгосу-дарственная конкуренция	Усиление политического контроля; «вторая вол-на» колонизации во гла-ве с Великобританией и Францией, сконцентри-рованная в Африке и Азии; ослабление свобод-ной торговли и рост нео-меркантилизма
1945—1973	Моноцентризм — стабиль-ность	Ослабление политическо-го контроля; деколони-зация; образование ГАТТ
1973 — до настоящего времени	Мультицентризм	Усиление политического контроля; новые формы зависимости (продоволь-ственная, технологиче-ская, финансовая и т. п.); рост протекционизма

* [254, с. 241].

гесена, невозможно, так как и усиление и ослабление американского империализма ведет к усугублению бедственного положения периферии.

Взаимодействие международных политических, военных экономических, научно-технических, ресурсных факторов мирового развития влияет на состояние сообщества в целом, соотношение сил, внутреннее положение отдельных государств. Более сложные модели стратификации включают мировые, региональные, автономные центры силы, а также несколько типов зависимых стран. Отношения между ними не только строятся на основе субординации и контроля, но и имеют характер кооперации и конфликта (подробнее см. [208, с. 117—129]).

Современная мировая капиталистическая система формировалась в течение последних 500 лет. Иерархическое международное разделение труда послужило, как считает швейцарский

ученый В. Борншир, основой для сегодняшнего олигополистического политического и хозяйственного контроля центра над периферией. Что раньше определялось как относительно независимые национальные общества (современные и традиционные), теперь рассматривается как дифференцированные части интегрированной мировой экономики. Промышленные государства могли стать таковыми за счет имманентного потенциала роста и доминирующих позиций в мировой торговле и хозяйстве, в то время как модернизация других была лимитирована их взаимодействием с мировой системой.

Мировая капиталистическая система кроме экономики включает две другие важные подсистемы: военно-политическую и социокультурную. В течение длительного периода военно-политическая подсистема доминировала, по мнению В. Борншира, над экономической. Мультицентризм, противоборство между центрами военной и экономической силы увеличивали динамизм капиталистического развития. Военно-политические отношения «центр—периферия» представляли нормальное для мировой системы состояние в течение четырех-пяти столетий. Однако по мере институционализации капиталистических хозяйственных структур экономическая подсистема приобретает решающее значение, хотя эластичная комбинация военно-политических и социокультурных элементов продолжает играть важную роль в ее функционировании [284, 1982, т. 34, № 1, с. 39—42].

Появление современных средств коммуникации привело к широкому распространению культуры центра на периферии. Общие ценности политического эгалитаризма и экономического развития создали, по мнению В. Борншира, частично интегрированную мировую социокультурную подсистему. После второй мировой войны диффузия идеалов этой подсистемы обеспечивала необходимые предпосылки для развития капитализма.

Первоначально ситуация складывалась благоприятно, так как оппозиция периферии была направлена против политического контроля центра, а не против экономической интеграции. Но разрыв между возросшими ожиданиями и достигнутыми результатами снова, как считают теоретики «мировых систем», поставил интегрирующую ценность капиталистического развития под вопрос. Противоречия между нормативными ориентирами мировой системы, выраженными в декларациях ООН, и реальностями капиталистического хозяйства привели к утрате легитимности рыночной модели в глазах значительного числа политических лидеров развивающихся стран.

В последние 10—15 лет структурно-функциональная перестройка мирового капиталистического хозяйства оказывает возрастающее воздействие на «третий мир». Она характеризуется рядом взаимосвязанных факторов: новым витком научно-технической революции, углублением международного разделения труда в рамках деятельности транснациональных корпораций и банков, ростом взаимозависимости национальных экономик, пе-

ремещением страновых и региональных уровней мировой промышленной иерархии, модификацией валютно-финансового механизма. Важные изменения происходят также в механизме современного капитализма, разработке и реализации экономической стратегии. Отказ от перераспределительной модели, бюрократизация экономики в сторону усиления рационализирующего эффекта рынка сопровождается поисками новых организационных форм хозяйственной деятельности, начиная с предприятия и кончая сферой международных экономических отношений.

Возросли возможности экономического и политического давления на периферию по каналам ТНК, манипулирования учетными ставками, путем трансферта технологии, торговли оружием, продовольствием и т. д. В этой связи внимание теоретиков «мировых систем» привлекает прежде всего роль ТНК и кумулятивное воздействие различных видов зависимости на социально-экономическое положение «третьего мира». Среди леворадикалов укрепилось представление о «блокировании» развития периферии центрами империализма через механизм неэквивалентного обмена мирового рынка или накопления капитала во всемирном масштабе. Эволюция периферии трактуется как смена форм зависимости: традиционной аграрно-сырьевой разновидности новейшими технологическими и финансовыми вариантами. Таким образом, акцент делается на специфичность развития латиноамериканских и афро-азиатских обществ; появляются модели альтернативного «третьего» пути их развития, опоры на собственные силы и даже автаркии.

Термин «неэквивалентный обмен» уже стал своеобразным штампом, некритически применяемым в научных работах. Какое же содержание вкладывают в это понятие ученые? О «неэквивалентном обмене» говорят применительно к эпохе становления и развития колониальной системы, характеризуют отношения «центр — периферия» на современном этапе, причем для некоторых леворадикальных авторов «неэквивалентный обмен» является исходным пунктом их теоретических конструкций (А. Эммануэль, С. Амин) (подробнее см. [128]).

Применительно к послевоенному периоду аргументация сторонников концепции «неэквивалентного обмена» выглядит еще менее убедительно, чем в отношении истории развертывания колониальной системы, когда мировое экономическое пространство было весьма неоднородным. Но и в тот период называть «неэквивалентным обменом» торговые операции европейцев в Азии можно с большой натяжкой, так как за восточные товары платили «звонкой монетой». Другое дело, что соотношение цен на различные группы товаров резко отличалось в Японии, Китае, Индии и Европе. Играя на разнице региональных цен на пряности, фарфор, текстиль, различном соотношении покупательной способности золота и серебра в Европе и Азии, коммерсанты извлекали огромные прибыли. Эти прибыли добывали не путем грабежа и открытого обмана примитивных об-

ществ. Именно последний вариант «торговых» отношений справедливо было бы определить как «неэквивалентный обмен», но не переносить его затем на современные международные связи.

Модели «мировой системы», создаваемые в рамках «периферийной школы», объясняют состояние и динамику исследуемого мирового хозяйства в терминах «центр — периферия» как исторически сложившейся системы, дальнейшее развитие которой определяется ее структурой. Метод основывается на моделировании структуры интерпретируемой сущности, иерархии политических, экономических, информационных связей. Структуральные представления побуждают к поиску корреляционной взаимозависимости между явлениями, а не их рассмотрению в причинно-временной последовательности. Принцип монистического примата экономического развития заменяется многофакторным взаимовлиянием.

Модели, разрабатываемые авторами теории «мировых систем», безусловно, способствовали лучшему пониманию истории формирования мирового рынка и хозяйства, механизма современных типов зависимости, их взаимодействия и привлекли внимание к проблеме обратного влияния мировых хозяйственных и военно-политических структур на состояние отдельных стран и регионов. Однако эти концепции очень статичны в отношении реальной действительности, они не дают подлинной перспективы развития, не раскрывают сложнейших процессов, происходящих в освободившихся странах, ограничиваясь постулированием их зависимого положения. Жесткая иерархия не является основополагающим принципом построения больших недетерминированных систем, например мирового хозяйства. Кроме того, следует заметить, что функционирование системы не имеет обязательно избирательного свойства накапливать положительные результаты исключительно в отдельных подсистемах.

Перед модернизирующимся обществом с особой остротой возникает проблема выбора целей и средств социально-экономического развития. При всей своей внешней инструментальности схема «цель — средства» явно недостаточна для объяснения функционирования общественной системы в целом. С этим связан переход от целевой формулы отдельных действий в плоскость больших систем. В условиях множественности ориентиров и соответственно противоречивых требований к средствам только мотивы ограниченного количества социальных групп принимаются как цели всей системы, а цели других групп нейтрализуются или дискредитируются. Таким образом, мотивационные структуры системы не совпадают с ее целями, способствуя тем самым преобладанию пирамидальных механизмов регулирования, блокирующих модернизацию. Поэтому нормативные идеологические установки не могут быть основным принципом организации системы и символом ее единства.

Кибернетическое понятие цели общества относится к поддержанию постоянного системного взаимодействия, процесса самона-

стройки и перепланировки вопреки негативному влиянию внутренних и внешних переменных факторов. Для большинства развивающихся стран только еще стоит проблема достижения структурной целостности, или «величины», к поддержанию которой стремится система, за счет регулярных самоизменений. Длительное и стабильное функционирование системы достигается управлением по результатам деятельности, которые компенсируют изменения среды. Необходимость решения множества задач в сложных ситуациях с эвристически адаптивной техникой нацеливает систему на реализацию стратегий, направленных на повышение уровня структурной упорядоченности и соответственно редуцирование сложности и изменчивости.

В этом смысле внутренняя дифференциация и интеграция общественной системы представляются наилучшей моделью целеполагания, создающей к тому же рациональный масштаб коррекции достигнутого действия. Возникновение подсистем означает выигрыш в критическом пределе выживания за счет увеличения способности к приспособлению. Возмущающие воздействия локализируются в частях системы, не передаются на целое, так как из-за определенной независимости частей ретранслируется только эффект (информация), который имеет функциональный смысл или превосходит по силе пороговый предел. Уже это создает выигрыш во времени. Внутренняя дифференциация увеличивает адаптивность, поскольку предохраняет от коренной ломки структуры системы и тем самым поддерживает способность к обучению и сохранению опыта приспособления в подсистемах и соответственно в системе.

Наоборот, отсутствие дифференциации приводит к ослаблению «горизонтальных», например рыночных, интеграционных связей, возможности адаптации и принятия эффективных решений. Стремление к интеграции общества с низким уровнем дифференциации способствует преобладанию «вертикальных» военно-политических связей в рамках пирамидальных структур. С этим связан выбор направлений модернизации — преимущественно харизматического или рационально-легального.

Харизматические явления связаны в основном с макрообщественными структурами (политика, религия, идеология), и такие структуры сами имеют тенденцию к превращению в харизматические символы. В настоящее время харизматическое правление получает мандат на преобразования экономической и социальной жизни, как правило, от «прогрессивистской» идеологии. Аппелляция к наукообразным идеологическим символам дезориентирует массы, подрывает формирование устойчивых рациональных экономических мотиваций, приводит к проповеди хозяйственной «эсхатологии». Сползание к харизматическим формам реакции на кризисные ситуации поддерживает перманентную политическую и экономическую нестабильность модернизирующегося общества, институционализацию пирамидальных тоталитарных режимов, неспособных решать хозяйственные и

социальные проблемы с учетом интересов большинства членов общества рациональными средствами и методами, генерирующими технический прогресс и экономический рост, создающими тем самым условия повышения уровня и качества жизни.

Неспособность большинства модернизирующихся обществ самостоятельно развивать заимствованную на Западе технику и технологию говорит о том, что политическая система должна гарантировать известную степень юридической защищенности и парламентской свободы, социальной мобильности, рациональности и соучастия населения для осуществления процесса технической, а значит, и социальной модернизации.

Между стабильностью (устойчивостью) социальной системы и постоянными нововведениями нет принципиального противоречия, так как постоянство одних переменных связано с высокой активностью других. Наиболее активно действующей стабилизационной переменной современного мира является научно-технический прогресс, способствующий сохранению политической и социокультурной общности многих стран. Стабильность гарантируется только постоянными новшествами, а структурная модификация превращает поиск нового стабильного состояния в процесс самонастройки общественной системы, существенную роль в которой играют регулирующие механизмы. Это возвращает нас к проблеме типологии социальных систем.

Границы и критерии перехода от статичных к стабильным и ультрастабильным общественным системам связаны с уровнем и характером дифференцированности и интегрированности подсистем, со способностью к обработке информации и принятию на данной основе решений с учетом их возможных последствий, количеством и качеством коммуникаций, сочетанием «вертикальных» и «горизонтальных» связей между подсистемами, положением и ролью центральных регулирующих механизмов в стратификационной структуре, типами взаимодействия между отдельными подсистемами, центральными регулирующими механизмами и внешней средой, усложнением форм адаптивного поведения и, наконец, способностью системы на основе указанных параметров к частичной или полной самотрансформации без нарушения целостности, т. е. революции и утраты культурно-цивилизационной идентичности.

Степень и характер дифференциации и интеграции общественной системы, преобладания линейных зависимостей или обратных связей, рационализации макроструктур — это важнейшие показатели перехода от статичности к стабильности функционирования, на основе повышения адаптивного потенциала реструктурирования и модификации в ответ на изменения внутренних и внешних условий равновесия и в конечном счете критерии прогресса, находящиеся вне сферы телеологии и идеологического выбора. Исторические особенности и условия перехода от статичных к стабильным общественным системам будут рассмотрены в следующей главе.

ТИПОЛОГИЯ ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА В РАМКАХ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЗАПАД—ВОСТОК

1. Факторы ускоренного социально-экономического развития Западной Европы

В последние годы типологические исследования позднего феодализма проводились медиевистами — как западниками, так и востоковедами. Так, в статье Е. В. Гутновой и З. В. Удальцовой на историческом материале рассматриваются четыре типа феодальных структур и характеризуются наиболее общие структурно-функциональные признаки западноевропейской модели [112]. В работе Л. Б. Алаева аналогичная цель была реализована для восточных обществ, причем параметры, использованные для типологии, значительно усложнены [30]. Новая методика, примененная востоковедами при сравнительном анализе, помогла уточнить многие конкретно-исторические черты восточных обществ, но затруднила построение общих моделей основных типов восточного феодализма. Наконец, результатом еще одной попытки сравнительного изучения особенностей различных обществ явилась концепция «формационного региона» М. А. Барга и Е. Б. Черняка [112]. Их подход, безусловно плодотворный с методологической точки зрения, представляется, однако, чрезмерно абстрактным, во всяком случае для целей, поставленных автором данной работы.

Среди последних типологических исследований докапиталистических обществ, нацеленных на выявление комплекса факторов, обеспечивших генезис капитализма в Западной Европе, широтой охвата сопоставляемых социально-политических и экономических структур выделяются работы Л. С. Васильева [46; 47]. Следует отметить, что по многим параметрам (уникальность европейских структур в античный период и в позднем средневековье, акцент на социально-политическую подсистему общества и др.) позиция Л. С. Васильева весьма близка автору работы. Однако и здесь прослеживаются принципиальные расхождения, Л. С. Васильев абсолютизирует роль античного наследия в формировании позднефеодальной западноевропейской структуры, а следовательно, в происхождении капитализма. В частности, он отмечает, что европейский путь следует рассматривать как «антично-капиталистический с явным и все усиливающимся господством частнособственнических отношений в

качестве ведущих структурообразующих»; практически он приравнивает античные и средневековые города, постулирует такие поведенческие мотивы греко-римского мира, как частнособственническая инициатива, предприимчивость [47, с. 65—75].

Остается только удивляться, что эти факторы наряду с гражданским обществом, частным правом не обеспечили развитие капиталистического способа производства на культурной и материальной базе греко-римского мира, во времена поздней империи использовавшего в области управления методы восточных монархий. И дело не только в широком применении рабского труда. Принципиально иными по сравнению с позднесредневековой Европой были социально-политическая структура общества, идеологический климат, роль городов, не говоря уже о положении непосредственных производителей.

Такие присущие исключительно европейскому обществу черты, как восприятие труда в качестве религиозной обязанности, правовое сознание, чувство исторического времени, во многом восходят к иудейско-христианской традиции (см., например, [74, с. 126—133; 79, с. 43—52]). Устранение магического воздействия на божество и потусторонние силы рационализировало деятельность человека в соответствии с божественным законом. Пророки рассматривали созданный единым богом мир не как вечный и неизменный, а развивающийся в результате деятельности людей и ответных действий божества. В Западной Европе впервые возник утопический роман, переместивший «золотой век» человечества в будущее, сформировалась прогрессистская идеология, наконец, что особенно важно, возникли элементы рациональной целенаправленной военной, экономической и технической политики.

Греческие и римские авторы идеализировали традиции и нормы прошлого, опыт которого послужил им моделью для осмысления настоящего. Развитие и создание нового в политике, экономике, искусстве не рассматривалось как самоцель и благо само по себе. В государстве, где ремесленники, торговцы и земледельцы, т. е. все связанные с производственным процессом и обменом, не признавались полноправными гражданами, не было условий для изобретательства, целенаправленного технического прогресса. Платон и Аристотель провозглашали согласие граждан и справедливость в условиях строго регламентированного, всегда неизменного социального и политического строя. Поэтому отвергалось все, что могло нарушить внутреннее равновесие общества: торговля, развитие денежного хозяйства, гегемония над другими полисами, бесконтрольный рост населения. Практика античного полиса предлагает и средства стабилизации: перераспределение земельной собственности, государственных доходов, аннулирование долгов, вывод колоний и даже регулирование браков и деторождения.

Конечно, нельзя отрицать значение античного наследия, преемственность европейской цивилизации. Но нельзя и реконст-

руировать генезис капитализма, выделив один ведущий фактор этого процесса. Вместе с тем представляется, что важнейшие из них коренились в особенностях социально-политической подсистемы позднефеодалного западноевропейского общества.

Таким образом, назрела необходимость проведения исследования на «среднем» уровне абстракции, который учитывал бы как конкретный исторический материал, так и устойчивые структурно-функциональные особенности изучаемых социумов в рамках сопоставления по линии Запад—Восток (а не только Запад—Запад или Восток—Восток). При этом наиболее сложным и интересным историческим отрезком времени выступает эпоха формирования предпосылок возникновения капитализма, становления мирового рынка, начальной колониальной трансформации восточных обществ.

Модели позднего феодализма в системе Запад—Восток представляют собой идеально-типические конструкции, выражающие в обобщенном виде наиболее характерные генетические черты западноевропейского и восточного феодализма. Такие модели позволяют выявить динамические элементы в структуре позднего феодализма на межрегиональном уровне, в качестве исходного материала для генезиса капиталистических отношений. Для историка-страноведа очевидна условность подобных высокоагрегированных моделей. Различные формы феодальной зависимости существовали в рамках одной страны, например во Франции. На региональном уровне разнонаправленность эволюции европейского феодализма особенно ярко проявляется в крепостничестве «второго издания», хотя окончательное оформление данного варианта феодализма опосредовано становлением мирового рынка.

Идеальный характер общепринятой модели восточного феодализма четко высвечивается при наложении ее на конкретно-исторические процессы в китайском обществе. Китайский вариант развития феодализма представляется равноудаленным как от западноевропейской, так и от ближне- и средневосточной специфики. Типы позднего феодализма, рассматриваемые в данной работе (западноевропейский, китайский, мусульманский), являются наиболее «чистыми». Индийский феодализм, смешанный в структурном отношении, намеренно исключен из анализа.

Типология западноевропейского, мусульманского и китайского феодализма строится на синхронном временном срезе XIV—XV вв., что соответствует периоду развитого и позднего феодализма и господства сословно-представительных монархий в Европе, и XVI в., т. е. времени генезиса и экспансии капиталистического уклада, укрепления абсолютистской власти. Однако в ходе анализа и конструирования типологии выделялись и некоторые сквозные во времени генетические черты восточного и европейского обществ.

Сопоставлять социально-экономический и военно-политиче-

ский потенциал Европы, Китая, Ближнего Востока, Индии в канун промышленной революции в целом было бы некорректно (см. [57, с. 184—216]). К началу XVIII в. после поражения в битве под Веной начался процесс вытеснения турок из Восточной Европы и Причерноморья; Китай оказался под властью чужеземной династии, опиравшейся на варварские периферийные племена; Индия частично подверглась европейской колонизации, а империя Великих Моголов начала распадаться. И хотя уровень развития производительных сил в некоторых странах Азии не уступал европейскому, это не имело существенного значения: в XVI и XVII вв. эти страны топтались на месте или регрессировали, а европейские развивались высокими темпами.

Для исследования автономного капиталистического развития выбранные временные рамки являются наиболее оптимальными. Последующие общественные сдвиги на Востоке невозможно анализировать вне связи с европейской колониальной экспансией и становлением мирового рынка. На этом основании указанный выше период рассматривается как «поздний» и во временном и в формационном плане. Гипотетические рассуждения о том, какой путь восточный феодализм мог бы проделать вне связи с европейским фактором, представляются нереалистичными и теоретически бесплодными. Советский востоковед Г. Ким подчеркивал, что «сейчас уже нельзя отрицать структурную разницу между Востоком и Западом, которая выразилась и в разных темпах развития, и в различии его уровней, скажем, к XVII веку... Многих не устраивает подход: если мы не видим на Востоке некоторых институтов, появившихся в средневековой Европе, значит, Восток до них не дошел. По их мнению, отсутствие городов-коммун и сословных монархий на Востоке свидетельствует не об отставании, а об особенностях „восточного феодализма“» [75, с. 62—63].

Реализация поставленной задачи предполагает комплексное сравнительное изучение производительных сил, экономического базиса западных и восточных обществ, природно-географических, экологических, демографических условий динамики различных общественных систем, специфики социальных и политических структур, внешнеполитических и военных факторов развития.

Сопоставительный анализ в рамках Запад—Восток может быть проведен по следующим ключевым параметрам:

- 1) характер политико-административных и сословных структур феодальных обществ, иначе говоря, структурно-функциональные особенности социально-политической подсистемы общества;

- 2) воздействие культурно-цивилизационных, правовых, религиозных отличий на формирование поведенческих стереотипов, в первую очередь в экономической области, а также на макроуровне влияние религиозно-идеологических нормативов на политическую и экономическую подсистемы;

3) особенности применяемой техники и технологии, в первую очередь в сельском хозяйстве, и социально-экономических (производственных) отношений, возникающих на этой базе;

4) экономическая и политическая роль городов, формы экономических связей между городом и деревней, становление внутреннего рынка;

5) влияние экологической среды на становление и эволюцию экономической подсистемы общества;

6) внешние военно-политические и торгово-экономические условия развития, образование мирового рынка.

Оценка перечисленных параметров на абстрактно-теоретическом уровне должна выявить причины ускоренного технико-экономического и социально-политического развития Европы, генезиса капитализма в рамках западноевропейской модели феодализма, вскрыть факторы технического прогресса и появления элементов рыночных отношений, взаимосвязь и взаимовлияние рынка и техники в процессе капиталистической эволюции.

Было ли западноевропейское развитие до промышленной революции самоподдерживающимся, являлась ли колониальная экспансия обязательным элементом капиталистической трансформации Западной Европы, или ее обеспечивали иные «встроенные» механизмы (экспансия национальных рыночных отношений, абсолютистская форма правления и т. п.)? Существовала ли возможность попятного общественного движения, вернее, когда она окончательно ликвидируется в ходе промышленной революции или ранних буржуазных революций XVI—XVII вв., направленных против внутренней и внешней феодальной реакции, носителями которой были Габсбурги, стремившиеся к созданию мировой католической империи?

Конечно, большинство сформулированных вопросов приводится в порядке их постановки. Еще никому не удавалось и вряд ли в обозримой исторической перспективе удастся осветить все проблемы в рамках сопоставления Запад—Восток и выявить предпосылки становления капиталистических общественных структур. Но в последнее время наблюдается постоянный интерес к данной тематике. И это не случайно. Журналы «Народы Азии и Африки», «Новая и новейшая история» продолжили традиции широких дискуссий 20—30-х и 60—70-х годов по спорным вопросам обществоведения (см. [31; 70]).

Сравнительный анализ позднефеодальных обществ выявляет особенности их технического развития, эволюции частнособственнических отношений, становления элементов рыночного регулирования хозяйства, роль колониальной экспансии, взаимосвязь и взаимообусловленность данных процессов в различных регионах. Такой анализ позволяет определить причины того, что формирование механизма самоподдерживающегося экономического роста на базе технического прогресса, частной собственности на средства производства и рыночного регулирования происходило только в Европе.

Замедленное развитие на Востоке техники и экономики в целом создавало ситуацию политической нестабильности деспотии при постоянстве культуры и традиций. В результате ухудшения экологической среды и роста населения борьба за передел ограниченных объемов общественного продукта принимала характер острых социальных конфликтов и войн, приводивших к разрушению производительных сил. Правящие круги искали выход в завоеваниях (Османская империя) или самоизоляции (Китай), в расширении сферы внеэкономического принуждения, но отнюдь не в хозяйственных реформах.

В Западной Европе в условиях децентрализации и плюрализма, многообразия феодальных форм борьба внутри правящего класса постепенно привела к отбору наиболее жизнестойких социально-политических и хозяйственных институтов, обеспечивавших экономический рост и совершенствование военного дела за счет технического прогресса. К числу таких институтов следует отнести городское самоуправление, сложившийся рынок, а также более защищенное правовое и экономическое положение непосредственных производителей.

Особенность европейского феодализма — иерархическая структура власти и собственности, построенная в форме военной системы. Условные феодальные владения уже к концу I тысячелетия н. э. превращаются в наследственные. В руках феодалов концентрируется административная, судебная и экономическая власть, они вмешиваются в хозяйственный процесс и получают ту или иную форму ренты с непосредственных производителей. Военное давление арабов из Испании приводит к тому, что феодальное ополчение при Карле Мартелле становится конным и приобретает характер тяжеловооруженного рыцарского войска, сохранившийся до позднего средневековья. В Германии аналогичное изменение произошло несколько позднее, в результате мадьярских набегов. Таким образом окончательно сложилась феодальная иерархия с сословным кодексом поведения, фиксацией прав верховного сюзерена по отношению к своим вассалам, что резко контрастирует с положением военного сословия в мусульманском мире и Китае (см. также [147, с. 101—112]). Процесс ослабления контроля сюзерена над верхними этажами феодальной иерархии привел, как известно, к длительному периоду феодальной раздробленности. Так, к концу XI в. под управлением короля Франции практически оказался только его собственный домен.

Обратное развитие в западноевропейском регионе тесно связано с возникновением городских общин-коммун. Формирование городских центров шло различными путями — на месте античных городов или вокруг бургов крупных феодалов, чаще всего духовных, которые пользовались еще большей автономией, чем военные лены.

Первоначально городские укрепленные пункты служили дополнительной опорой крупных феодалов против центральной

власти и в междоусобной борьбе, источником доходов от ремесленного производства и сферой торговых операций. Для экономически окрепших городов было характерно рано выразившееся стремление к самоуправлению, неподсудности сеньориальному суду и созданию собственного городского права (например, магдебургское городское право получает распространение как в Священной Римской империи, так и за ее пределами). Одновременно с крестовыми походами происходит освобождение городов от власти феодалов: в одних случаях города выкупают свои права у духовного или светского сеньора, в других королевская власть поддерживает их вооруженную борьбу со своими вассалами, что было весьма характерно для Арагона в Испании. Политическое усиление городов нарушает равновесие сил между сюзеренами и вассалами в пользу короны, город становится, по определению академика С. Д. Сказкина, коллективным феодалом, заинтересованным в усилении центральной власти. Города имели разные статусы — территориальные, имперские, вплоть до автономных союзов.

Советский исследователь О. Г. Большаков предлагает универсальное определение средневекового города как населенного пункта, «основной функцией которого является концентрация и перераспределение прибавочного продукта» [42, с. 10]. Представляется, что это определение высвечивает принципиальное различие между городами и их ролью в общественной структуре на Западе и Востоке. Своеобразие развития средневекового города в Западной Европе как автономной политической ассоциации подчеркивал М. Вебер. Городские коммуны объединили бюргеров на индивидуальной основе (а не как членов родовых групп или каст), но были и профессиональными ассоциациями верующих христиан. Вебер отмечал отсутствие городских коммун на Востоке и акцентировал внимание на роли христианства в разрушении разнообразных ритуальных барьеров, мешавших объединению людей в независимую городскую общину.

Особенностью западноевропейского общества на макроуровне было отсутствие автократии, моноцентристской структуры светской, духовной и экономической власти. Помимо военно-феодальной иерархии, переплетаясь с ней, существовала духовная иерархия. Меч светский, которым владела феодальная элита, имел свою параллель в «духовном мече», той силе, которой в европейской структуре обладала церковь (о доктрине «двух мечей» подробнее см. [139, с. 135—157]). Она, с одной стороны, осуществляла функции идеологической легитимации феодального строя, а с другой — играла роль посредника между властью имущими и эксплуатируемым населением, хотя сама по себе тоже была крупным феодальным собственником. Последнее особенно характерно для Священной Римской империи, где существовали фактически два верховных сюзерена — святой престол и германский император.

В Германии, а также во Франции конфликт между взаимо-

дополняющими, а иногда и параллельными структурами феодальной власти нередко выливался в открытую борьбу императорской власти с папством за инвеституру, т. е. право назначать епископов. Именно в этой обстановке феодального сепаратизма, борьбы светской и церковной иерархии могли пробиться ростки свободных городских коммун, политического и религиозного свободомыслия.

С европейской структурой власти резко контрастирует единовластие, которое существовало в арабском халифате, в Османской империи, где светский глава был в то же время главой духовной иерархии. Не было в западноевропейском обществе и того, что в эпоху Просвещения получило название цезарепапизма применительно к Византии, где император мог сместить неугодного ему константинопольского патриарха и вмешивался в догматические религиозные споры.

В европейской модели феодализма центральная власть имела ограниченные возможности для вмешательства в социально-экономическую жизнь из-за отсутствия развитой бюрократии типа китайской или непосредственных хозяйственных мотивов, как в восточных странах с поливным земледелием, где регулирующая деятельность государства была необходима для создания и поддержания каналов, дамб, распределения воды между различными группами населения. Эта функция на Востоке не могла игнорироваться даже в периоды феодальной раздробленности и экономического упадка.

В условиях позднего феодализма в Европе борьба между королевской властью, феодалами, городами и крестьянством привела к относительному равновесию сил между структурными элементами общественной системы. Структура этого динамического баланса сил функционально обеспечивала возможность технического и экономического прогресса, создав базу для материальной заинтересованности крестьян и ремесленников в результатах своего труда и ограничив требования феодалов. Подобное равновесие формировалось постепенно. Его политической формой стала сословная монархия с выборными учреждениями.

Основой баланса сил были феодальное сословие, представленное военной и духовной иерархией, а также государственной бюрократией, позиции которой усиливались по мере перерастания сословно-представительной монархии в абсолютистскую; самоуправляющиеся города — коммерческие и ремесленные центры, чьи привилегии впоследствии были поглощены абсолютистской властью; непосредственные производители, еще находившиеся в различных формах личной и экономической зависимости от феодалов, но зачастую уже близкие к частновладельческому юридическому статусу (наследственные держания, фиксированные рентные платежи и т. д.). (О положении крестьянства подробнее см. [71].)

Давление феодального класса на непосредственных произво-

дителей в Европе никогда не достигало масштабов, характерных для стран Востока, что объяснялось хозяйственными причинами. Общие размеры прибавочного продукта, получаемого феодалами, были ограничены, поскольку европейские условия не позволяли снимать несколько урожаев с одного участка. На Востоке же «соотношение необходимого продукта, шедшего на воспроизводство рабочей силы крестьянина, его семьи и хозяйства, и продукта прибавочного, отнимавшегося феодалами, было более благоприятным для эксплуататоров... Нет никаких сомнений, что более высокая норма феодальной эксплуатации являлась дополнительным источником силы и власти феодалов над крестьянами (и нарождавшимися буржуазными элементами), обстоятельством, способствовавшим сохранению феодальной эксплуатации и затруднявшим переход к отношениям капиталистического порядка, обстоятельством, питавшим тенденцию к застою в феодальных обществах Востока» [115, с. 78].

В то же время возможность внеэкономического давления европейского правящего феодального класса на крестьянство лимитировалось характером военной организации. После битвы при Пуатье (732 г.) получила распространение тяжеловооруженная рыцарская конница, однако она была малочисленна из-за очень высокой стоимости ее экипировки. На Востоке против массовых крестьянских выступлений и городских восстаний гораздо более эффективными оказались многочисленные наемные войска, которые вербовались, как правило, среди кочевников и жестоко подавляли оппозицию султанской власти в городе и деревне.

Центральная власть на Западе отвечала потребностям полицентричной системы. Европейский баланс сил начал нарушаться с усилением бюрократизации абсолютистской государственности. Таким образом данный фактор действовал в течение XIII—XVI вв. Расцвет городов, который придал европейской модели ее окончательный и весьма специфический характер конурбационной и динамической социально-экономической системы, приходится на период зрелого и позднего феодализма.

Такая модель западноевропейского феодализма обеспечила взаимосвязанные процессы модернизации всех уровней и структурных элементов общественной системы. Еще кумулятивный эффект технических нововведений VIII—IX вв. позволил существенно повысить производительность труда в земледелии. Непосредственные производители, экономическое давление на которых осуществлялось до определенного предела, зафиксированного в нормах обычного, а позднее писаного права, были гораздо больше заинтересованы в применении технических новшеств, чем райя на Востоке, так как прирост прибавочного продукта, происходивший благодаря особенностям западноевропейского общества, частично доставался им, а не только феодалам. Рост общественного продукта и его диверсификация способствовали институционализации товарно-денежных отношений в го-

родах, частично поддерживавших экономические требования крестьянства. Таким образом, структура европейского феодального общества создавала больше возможностей для проявления инициативы крестьян и торгово-ремесленной прослойки городского населения, перехода от дистрибутивной (распределительной) к рыночной модели хозяйства.

Принципиальное значение при сопоставлении западных и восточных обществ имеет уровень дифференцированности политических и социальных структур на верхних этажах общественной пирамиды. Дробность восточной структуры на средних и нижних этажах не исключала успешного функционирования механизма дистрибутивной экономики, подчиненной жесткому политико-идеологическому контролю со стороны центральной власти. Природные условия производства на Востоке позволяли поддерживать политико-административную целостность внешнеэкономическими методами в гораздо большей степени, чем в Западной Европе. Вмешательство государства в экономические процессы, в свою очередь, блокировало или замедляло общественное разделение труда и технический прогресс, обуславливало несостыкованность отдельных элементов хозяйственной структуры, очаговый характер рыночных механизмов. Устойчивость пирамидальной конструкции восточных обществ резко контрастировала с полицентричной структурой западноевропейского феодализма, в рамках которой стали возможны постепенная замена распределительной экономики рыночными связями между товаропроизводителями и отдельными социальными группами, достижение нового качества интеграционных процессов.

Примерные исторические границы, в рамках которых закладывались основы для капиталистического старта, охватывают период XIII—XVI вв. В это время внедрялись многочисленные технические и технологические нововведения в хозяйственную и военную практику, зарождались современные формы научных знаний, углублялось общественное разделение труда, развивались торговля и кредит, формировались национальные и региональные рынки, происходил переход от мелкого ремесленного производства к мануфактуре [107]. Но эпоха «демократического» феодализма была недолговечной.

Переломными для политического и экономического строя европейских государств оказались XVI—XVII вв., когда происходило подавление сословных учреждений (кортесов в Испании, генеральных штатов во Франции), самоуправления городов и становление абсолютных монархий. *«Абсолютная монархия возникает, — писал К. Маркс, — в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой»* [1, с. 306].

Абсолютизм содействовал дальнейшей политической и эконо-

номической консолидации европейских государств, росту промышленности, торговли и мореплавания. Неудивительно, что политика абсолютных монархий традиционно ассоциируется с хозяйственным подъемом, деятельностью, направленной на стимулирование капиталистической эволюции [144, с. 42—58]. Но так происходило до определенного предела, за которым последовало вмешательство бюрократии в экономическую жизнь, что было равносильно наступлению феодальной реакции. В период расцвета абсолютизма во Франции при Людовике XIV даже обсуждались проекты использования формально существовавшего права королей на земли всех их подданных по типу авторитарных методов восточных деспотий. «Возникшая в результате поражения феодальных сословий, — отмечал К. Маркс, — и принимавшая деятельнейшее участие в их разрушении, она (абсолютная монархия. — В. З.) стремится теперь сохранить хотя бы *видимость* феодальных перегородок. Если в прошлом она покровительствовала торговле и промышленности, одновременно поощряя тем самым возвышение класса буржуазии, и видела в них необходимые условия как национальной мощи, так и собственного великолепия, то теперь абсолютная монархия повсеместно становится поперек дороги торговле и промышленности, превращающимися во все более опасное оружие в руках уже могущественной буржуазии» [1, с. 308].

Деятельность абсолютистского государства, выражавшего коллективные экономические и политические интересы наиболее реакционной части формировавшейся феодальной бюрократии и традиционной феодальной знати, особенно ярко проявилась при правлении династии Габсбургов в Испании, Германии и Нидерландах. Помимо усиления нажима на крестьянство осуществлялись попытки ограничить экономические возможности торгово-промышленных сословий, свести к минимуму завоевания буржуазии, поставить под контроль капиталистический уклад в целом путем введения дополнительных налогов и усиления бюрократической регламентации хозяйственной деятельности, а также военными методами. Все это неизбежно подрывало складывающийся механизм рыночного хозяйства.

В Англии последняя из династии Тюдоров, королева Елизавета, еще способствовала развитию торговли, колониальной деятельности и корсарским набегам на испанские владения. Но испанская абсолютистская политика Стюартов уже воспринималась протестантскими кругами как папистское наступление против «избранного» английского народа. Габсбурги, подавив восстание комунерос (1520—1521) в Испании, пытались чисто феодальными методами выжимать деньги из Нидерландов. Введенные ими дополнительные средневековые арабские налоги (алькабала) послужили в конечном счете катализатором первой буржуазной революции, которая прервала процесс рефеодализации.

Во Франции противоречия между королевской властью и

буржуазией обострялись не так быстро, поскольку в периоды религиозных войн и Фронды государство выступало гарантом централизации. В результате в стране сложился мощный бюрократический аппарат, интегрировавший дворянство мантии [90, с. 55—70]. Формирование этого союза было одной из причин того, что Франция запоздала в капиталистическом развитии по сравнению с Великобританией.

В советской литературе иногда подчеркивается высокое развитие ремесла, городских центров, уровень централизации и административных достижений в Османской империи [93, с. 92—109]. Однако эти факторы сами по себе еще не создавали предпосылки для формирования и развития жизнеспособного хозяйственного организма. Так, города на Востоке являлись прежде всего военно-административными центрами, которые не имели собственного самоуправления и были экономически зависимы от потребления военной элиты.

Деспотическая центральная власть на Востоке, по мнению некоторых западных ученых (Э. Валлерштайн, Ф. Моулдер и др.), должна была приводить к национальной или региональной консолидации, созданию исторического пространства для бюрократически регламентируемого экономического роста. Однако вместо ускорения развития подавлялось всякое движение и инициатива. Власть создавала широкие возможности для административного вмешательства в экономический процесс, произвольных реквизиций. Частновладельческие отношения хотя и существовали в мусульманских странах, но юридически не были достаточно защищены. Ф. Энгельс отмечал, что «турецкое, как и любое другое восточное господство несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности» [18, с. 33]. Права наследования не имели даже ближайшие сподвижники султана, причем не только на феодальные земельные держания или откупа, но и на личное имущество, военную добычу. Купечество, часто инонациональное (евреи, армяне, греки), подвергалось вымогательству со стороны янычар.

Личность самого султана и олицетворяемая им власть нередко становились игрушкой в руках янычарской верхушки. Султаны были вынуждены грабить население для удовлетворения потребностей своей гвардии, что весьма напоминает существование преторианской гвардии в Риме или гвардии халифов в Багдаде.

Таким образом, деспотическая центральная власть была важнейшим фактором, определявшим особенности мусульманского феодализма. Власть не ограничивалась ни признанной легальной традицией, ни юридической нормой. Формально существовало традиционное право шариат, но оно практически не

стесняло светскую власть в экономической сфере. Иерархия подобная европейской отсутствовала или произвольно устанавливалась властью султана. Не существовало наследственного сословного деления подданных: по отношению к власти все являлись рабами или, что одно и то же, были равны (подробнее см. [53; 67, с. 133—149]).

Несмотря на наличие крупных городов, развитого денежного хозяйства и нередко более высокой, по сравнению с Западом, культуры, в мусульманском феодализме невозможно обнаружить предпосылки для социальной эволюции в направлении капитализма. Более того, развитие товарно-денежных отношений на Востоке способствовало усилению центральной власти, так как позволяло содержать крупные наемные армии. В Западной Европе, где королевский двор кочевал от одного вассала к другому, в силу натурального характера экономики сложились условия для ее децентрализации, появления самоуправляющихся городских коммун, формирования полицентричной структуры общества в целом.

Суть в том, что феодализм — это иерархия, базирующаяся на дистрибутивной экономике. Новое качество товарно-денежные отношения стали приобретать только в рамках полицентричной западноевропейской модели, постепенно вытесняя распределительные механизмы рыночными.

Одним из недостающих компонентов капиталистического развития на Востоке было также отсутствие этнического и культурного единства, необходимого для формирования национальной государственности и рынка. Нашествия кочевых племен обуславливали нестабильность государственных образований и примитивизацию экономических отношений. На Ближнем и Среднем Востоке только новое иранское государство Сефевидов напоминало национальное, но и оно включало племенные образования неиранского происхождения, которые содействовали примитивизации общественного строя, разрушению ирригационных систем. Когда вожди этих племен захватывали верховную власть, в Иране поднималась очередная волна феодализации.

В Западной Европе феодальные междоусобицы, а позднее борьба национальных государств, в том числе за колониальное и торговое преобладание, выявили их «стимулирующий эффект» для развития техники и инженерного дела, заложив основы европейского превосходства на море и на суше. В отличие от Востока в Европе войны происходили между государствами, находившимися примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития, и хотя вели к значительным людским и материальным потерям, не сопровождались рефеодализацией общественных структур.

На одном временном срезе потенциал капиталистического развития мусульманского и европейского феодализма был сопоставим из-за очередной волны рефеодализации, прокатившейся

по Ближнему и Среднему Востоку, Северной Африке, Балканам вследствие османской экспансии, разрушения материальных и культурных ценностей, перетряски частновладельческих отношений. Существенным фактором была национальная и религиозная рознь между военной элитой и товаропроизводящими группами населения, жестокое подавление балканских славянских народов. Османская империя усилила внеэкономическое принуждение и давление на непосредственного производителя, что в конечном счете вело к разрушению производительных сил. Эта особенность мусульманского феодализма может рассматриваться как долгосрочный фактор развития данного региона.

Развитие Западной Европы и Востока можно представить более выпукло при сопоставлении в динамике. И. М. Смилянская отмечает, что «эволюция ближневосточного общества отличалась замедленными темпами. Помимо общего отрицательного воздействия на развитие производительных сил неблагоприятной демографической ситуации и связанных с ней признаков экологического кризиса, наблюдавшихся в этом районе в позднее средневековье и на рубеже нового времени и проявившихся в сокращении массива пригодных к обработке земель (что вызвало наступление кочевого населения на земледельческие районы), на темпы социально-экономического развития воздействовали специфические черты общественного строя. Консолидация господствующего класса на базе государственного аппарата позволяла поддерживать высокий уровень эксплуатации налогоплательщиков (этому же способствовал механизм налогообложения: долевым разделом урожая и изменение денежных налоговых ставок вместе с переменами денежного курса). Происходившее время от времени разорение крестьян обуславливало относительную стагнацию производительных сил в сельском хозяйстве. Высокий уровень эксплуатации земледельцев и централизованный характер распределения прибавочного продукта затрудняли вовлечение крестьянского хозяйства в рыночные связи. Государственные регламентации городской экономической жизни, экономическая и внеэкономическая эксплуатация городского торгово-ремесленного населения затрудняли накопление капитала торгово-ремесленными верхами. Открытый характер господствующего класса создавал возможность для торгово-ремесленной верхушки, предпочитавшей участие в феодальной эксплуатации налогоплательщика вложению средств в предпринимательство, пополнять ряды господствующего класса» [129, с. 193—194].

Китайская модель феодализма представляет особый интерес, который поддерживается в последние годы новыми публикациями (см., например, [268]). Д. Нидхам подчеркивает пионерную роль Китая в техническом развитии средневекового общества [233]. Широко известно также мнение о значительном распространении частновладельческих отношений в эпоху Мин. В чем же причина инерционности китайского развития?

Признавая тот факт, что в Китае были сделаны многие технические открытия, в то же время приходится констатировать, что они не адаптировались китайской экономикой. В самом общем виде ответ на поставленный вопрос заключается в том, что механизм государственного вмешательства деспотической власти в экономические процессы и конфуцианская идеология стали препятствием на пути социальной модернизации. Комбинация авторитарического правления с идеологическим контролем вымуштрованных на конфуцианской традиции чиновников блокировала всякое внедрение нововведений. Гипертрофированное развитие государства, засилье бюрократии в экономической, политической и культурной областях затормозили становление капитализма как системы в целом.

Если искать аналогии в развитии Китая и Европы или, вернее, сравнивать китайскую специфику с европейской, то структура китайского общества окажется ближе всего к бюрократическим формам поздней Римской и Византийской империй, а официальная конфуцианская идеология будет сравнима с позднеантичным стоицизмом и платонизмом, дополненными классическим наследием времен Гомера. Как и у античных авторов (Платон), в конфуцианстве преобладает идеалистическое представление о цикличности исторического развития, утверждается необходимость следовать древним образцам в политике и повседневной жизни, нежелательность и опасность любых социально-культурных изменений.

Вместе с тем императорская власть в Китае, хотя и имела деспотический характер, функционировала в иной культурной среде по сравнению с мусульманским Востоком. «Смягчению» китайского варианта способствовала политика бюрократии, связывавшая традициями действия императора. Существовал даже специальный институт цензоров и советников, призванных увещевать правителя действовать в соответствии с канонами.

Характерная для китайского феодализма иерархическая структура гражданской власти подчинялась императору. Кроме денежных выплат и условных земельных пожалований, бюрократия владела землей по праву, близкому к частному. Положение в обществе военной иерархии было ниже литературно-образованной бюрократии. Гражданская власть всегда доминировала над военной, что проявлялось не только в более низком социальном статусе последней и субординации, но и в постоянном дефиците средств на военные нужды, пренебрежении бое-способностью войск, приводившей не раз к поражениям в борьбе с кочевниками (подробнее см. [39, с. 116—145]).

Противоречия между бюрократической и военной элитой в начале XV в. сфокусировались на отношении к морской экспансии Китая в «южных морях». Ответ на гипотетический вопрос, который ставится в ряде работ зарубежных исследователей, — почему Китай прекратил морские экспедиции в районы Индийского океана и восточноафриканского побережья, хотя обладал

для этого неизмеримо большими по сравнению с португальцами материальными и людскими ресурсами, — можно найти в особенностях социально-политической структуры китайского общества и функциях государственной гражданской бюрократии. Гражданская элита, опасаясь усиления армии, проводила курс на ограничение военных операций и расходов, на изоляцию Китая от внешнего мира.

Однако в момент прихода к власти династии Мин после успешного антимоңгольского восстания бюрократия перестала пользоваться абсолютным влиянием. Основатель династии Чжу Юань-чжан (1368—1398), как и его окружение, происходил не из традиционной бюрократии. На годы правления его преемника Чжу Ди (1402—1424) приходится наиболее активная экспансионистская политика Китая в отношении Монголии, Маньчжурии, Индокитая. Раньше принца Генриха Мореплавателя — между 1405 и 1430 г. китайский адмирал Чжен Хэ предпринял семь экспедиций в Индию, на Суматру, в район Персидского залива и Восточную Африку. Его флот составлял 62 корабля и имел на борту около 37 тыс. солдат [268, с. 111]. Эти экспедиции преследовали не только дипломатические и торговые цели, но и должны были способствовать распространению конфуцианской идеологии и укреплению престижа правящей династии (подробнее см. [40]).

Вскоре такие мероприятия были пресечены, а строительство китайского флота и частная морская торговля ограничены законом. К середине XV в. в Китае окончательно возобладали идеология и политические интересы традиционной гражданской бюрократии. Примерно тогда, когда португальцы только овладевали техникой кораблестроения многомачтовых судов, в Китае их производство, которое осуществлялось на протяжении нескольких веков, было запрещено и приравнено к государственному преступлению, а документация о морских походах уничтожена.

Тем не менее противоречия внутри правящего феодального класса отступали на второй план перед борьбой с крестьянством и торгово-купеческой прослойкой. Хозяйственные интересы и политические амбиции данной социальной группы явно не вписывались в композиционно безупречную картину китайского бюрократического феодализма. Бюрократия препятствовала свободной хозяйственной деятельности, укреплению торговой прослойки, опасаясь появления конкурирующей элиты, не связанной ни с административной, ни с военной структурой. Враждебное отношение к купечеству нашло свое отражение в литературных произведениях позднеминской эпохи.

Кроме ограничительной роли государства в развитии частновладельческих отношений существовал отрицательный социальный климат — неприятие идейных и технических нововведений. Приобретение богатства в результате частнопредпринимательской деятельности не вело к повышению социального статуса. Культурно-цивилизационные мотивации экономического

поведения и новаторской деятельности индивидуума в конфуцианской идеологии не отвечали эталону веберовской протестантской этики: дух капитализма был оттеснен духом чиновничества и соблюдения традиций.

Бюрократизация и регламентация хозяйственной жизни, отсутствие простора для формирования рыночного механизма, социально-экономическая этика конфуцианства являлись факторами, сдерживавшими эволюцию китайского общества в направлении капитализма. Часть перечисленных факторов представляет собой отсутствующие компоненты европейской модели. Однако облик китайского феодализма с интересующей нас точки зрения определяли не отсутствующие компоненты, учитывая, например, степень распространения частновладельческих отношений, а наличие такой специфической черты, как дистрибутивная экономическая деятельность, осуществляемая государственными чиновниками.

По сравнению с мусульманским миром в Китае частновладельческие отношения были гораздо более развиты. Там существовало право наследования земельной собственности бюрократами-чиновниками и помещиками, а также крестьянская наследственная аренда. Китайская модель характеризовалась отсутствием судебных и административных иммунитетов и наследственных сословных привилегий у различных типов земельных собственников. Исключение составляла часть титулованной знати (см. [39, с. 146—153]). Безусловная частная собственность, как и государственные пожалования (условная собственность), контролировались разветвленным бюрократическим аппаратом. Такая модель, несмотря на права частных собственников, блокировала социальную трансформацию капиталистического типа.

Конечно, редистрибутивность охватывала не всю китайскую экономику. Существовали элементы рыночного регулирования хозяйства. Кроме того, продвинутость в области техники, технологии была большей, чем на мусульманском Востоке. Вплоть до XVI в. европейцы заимствовали у китайцев технологии производства ряда изделий (например, фарфора). В. И. Павлов справедливо подчеркивает, что «по некоторым важным отраслям (пряжание, ткачество, металлургия, горное дело) китайское ремесло, бесспорно, превосходило индийское и сближалось с позднесредневековым ремеслом Европы. И все же в китайском ремесле стойко сохранялась ориентация на потребление класса феодалов, хотя и с поправкой на необычную даже для Востока массовость запросов на художественные изделия... В результате наиболее производительная техника сложилась в отраслях, выполнявших заказы не столько сферы локального обмена, сколько централизованной системы казенного распределения» ([104, с. 192; подробнее см. [133]).

Что же мешало формированию предпосылок для развития? Если для мусульманского Востока ответ на этот вопрос достаточно ясен, то китайский вариант феодализма рассматривается

некоторыми учеными как вполне подходящий материал для капиталистической эволюции.

Среди западных исследователей, опирающихся при социологическом конструировании процесса становления мирового рынка и хозяйства на миросистемную и неомарксистскую парадигму, распространено мнение о бюрократизации политических и социальных структур общества как необходимой предпосылке экономического прогресса и индустриализации. Так, упомянутые уже Э. Валлерштайн и его английская коллега Ф. Моулдер полагают, что в ходе экспансии европейских государств Китай частично утратил преимущества для развития капитализма в лице государственной бюрократии и тем самым лишился потенций эндогенного капиталистического развития [228, с. 200; 257, с. 63]. Остается только удивляться, почему восточные деспотии, и прежде всего Китай, обладая столь мощным бюрократическим аппаратом и отлаженной фискальной системой, не вышли на капиталистический старт раньше Западной Европы? Как утверждает Ф. Моулдер, усиление центральной власти и бюрократизация государственного аппарата в Японии после революции Мэйдзи способствовали быстрой трансформации общества в направлении капитализма. Сопоставление причин отставания Китая и стремительного прогресса Японии, проводимое Моулдер, не помогает уточнить сущность реальных процессов, но зато раскрывает суть теоретических блужданий леворадикалов, неадекватно воспринявших концепцию М. Вебера.

Вебер писал: «Следует различать *материальную* рационализацию отправления правосудия патримониальным властителем, стремящимся осчастливить своих подданных в утилитарном и социально-этическом отношении подобно тому, как это делает глава семьи, от *формальной* рационализации, проводимой образованными юристами посредством установления общих для всех „государственных подданных“ правовых норм. Как ни размыты границы при той и другой... разница, безусловно, существует. И возникновение современного западного „государства“, как и западных церквей, было в значительной степени делом юристов» (цит. по [113, с. 74]). Э. Валлерштайн и Ф. Моулдер отождествляют «патримониальную бюрократию» (термин Вебера) и бюрократию буржуазного государства, тогда как они осуществляли прямо противоположные функции. Поэтому бюрократизацию, которую Валлерштайн трактует как предпосылку успешного развития, следует считать основной причиной статичности общественной системы.

Бюрократическое вмешательство в Китае выражалось прежде всего в том, что государство пыталось перераспределить прибавочный продукт в свою пользу через налоговую систему. Характерно, что налоги в рассматриваемый период, да и вплоть до XIX в., взимались с крестьян, ремесленников и даже торговцев преимущественно в натуральной форме, несмотря на довольно развитое бумажноденежное обращение. Монополизи-

ровав добычу благородных металлов, правительство не спешило ее развивать, чтобы не способствовать переходу к металлическим средствам обращения. Это стеснило бы возможности государства в установлении цен на продукты и в манипуляциях с ассигнациями.

С античных времен в Китае также существовала (хотя временами и отменялась) государственная монополия на соль и железо, а позднее вводилась монополия на другие товары (чай, шелк, фарфор). Торговля с иностранцами тоже находилась в руках государства. А. А. Бокшанин отмечает, что производство в императорском Китае XV в. было ориентировано на создание потребительных стоимостей, а не товаров [39, с. 231—265]. В этом и заключалась дистрибутивность, несмотря на наличие денежного обращения и рынков. В таких условиях бюрократия могла обогащаться без рискованных нововведений и военных экспедиций. В. И. Павлов подчеркивает, что на Востоке «обратное воздействие потребления и обмена на производство амортизировалось, гасилось и в конечном счете утрачивало стимулирующую потенцию, поскольку оно опосредовалось системой распределения с ее огромной концентрацией преимущественно земледельческого прибавочного продукта и (что еще существеннее) жесткой и упорядоченной зарегулированностью общественных законов и нормативов... Любые попытки ввести систему распределения типа феодально-абсолютистской с превращением всех налогов в денежные, с регулированием денежной эмиссии при устранении местных натуральных индивидуальных отношений и системы натуральных повинностей отвергались консервативной реакцией или попросту не были подготовлены общественным развитием» [104, с. 201—207].

Статичность общественной системы, характерная для Китая и других докапиталистических обществ Востока, предполагает не абсолютное отсутствие изменений, а подавление импульсов развития (технического прогресса, элементов рыночного регулирования) при помощи распределительных функций государства. Такая статичность социально-экономических структур существовала на Востоке повсеместно до европейской колониальной экспансии.

Эндогенный процесс развития Японии был прерван открытием ее портов европейскими державами после двух с половиной веков политики искусственной изоляции, проводившейся сегунатом. Внешняя изоляция имела двойственное влияние на политическое и экономическое положение страны. В долгосрочном плане политическая централизация и последовавшая за ней изоляция, безусловно, себя оправдали, иначе Японию вполне могла бы постигнуть судьба Филиппин, Индонезии и других азиатских государств, включенных в колониальную систему Европы. С одной стороны, изоляция привела к стагнации производительных сил в некоторых секторах хозяйства, связанных с экспортом (см. [103]). Но с другой — вследствие относитель-

ной политической стабильности активизировалось производство, ориентированное на формирующийся внутренний рынок. Была достигнута более высокая производительность труда в сельском хозяйстве, начали возделываться новые для страны культуры: картофель, сахарный тростник, хлопок, табак. Расширились площади под тутовыми и лаковыми деревьями. В сельское хозяйство устремился купеческий капитал.

В отличие от большинства других азиатских стран Япония быстро восстановила политический и экономический суверенитет и в кратчайшие сроки прошла тот путь развития, на который Великобритании потребовалось три столетия. Несмотря на кажущееся отсутствие предпосылок, в Японии началось ускоренное капиталистическое развитие.

В последние годы внимание ученых-японистов привлекает эпоха, непосредственно предшествовавшая революции Мэйдзи, т. е. период сегуната Токугава, а также особенности японского феодализма в целом. Безусловно, конечный результат развития феодализма обеспечил внутренние условия, которые наряду с внешними факторами сыграли существенную роль в стремительном капиталистическом старте Японии.

Тем не менее сравнивать Японию накануне преобразований Мэйдзи с Великобританией перед промышленным переворотом, на наш взгляд, некорректно. Хотя английская промышленность в середине XVIII в. еще находилась на стадии мануфактурного производства, в стране уже сформировались крупные индустриальные центры, осуществлялась крупномасштабная внешняя торговля, ареал которой охватывал практически весь мир. Экономическое положение Японии в XIX в. скорее можно сравнить с состоянием Великобритании тремя столетиями ранее, когда она находилась на европейской периферии, была преимущественно аграрной страной со слабо развитыми местными промыслами и вывозила на внешний рынок в основном шерсть и олово на кораблях континентальных стран.

По утверждению некоторых современных западных экономистов, Япония начала свое движение к индустриальному перевороту с промежуточных позиций. Уровень развития «протоиндустрии» в стране не достигал западного в соответствующий период истории, но превосходил показатели некоторых современных азиатских и африканских государств. Если судить по ВВП на душу населения, то в «третьем мире» в 1960 г. он составлял 250 долл., а в Японии в 1860 г. — 175 долл. [153, с. 10, 12]. Тем не менее характеристика уровня и динамики производительных сил, развития инфраструктуры, степени распространения товарно-денежных отношений в Японии периода Токугава, данная в статье В. В. Макаренко (см. [91, с. 80—110]), представляется завышенной. На этот счет существуют различные точки зрения. Однако для оценки потенциала социальной модернизации японского общества эта проблема является второстепенной.

Специфика социально-политических структур сегуната в сравнении с восточными деспотиями обеспечила возможность успешного заимствования и адаптации передовых технических, экономических и организационных достижений европейской цивилизации на базисном и надстроечном уровне. Имитации способствовала благоприятная внешнеполитическая конъюнктура, но она была бы невозможна без соответствующего внутреннего механизма, стимулировавшего модернизацию. Структура японского феодализма являлась более гибкой и, как показали события второй половины XIX в., когда раскрылся в полной мере его генетический код, более динамичной и ориентированной на нововведения, чем структура традиционных азиатских социумов.

Для того чтобы проиллюстрировать «вторичное» значение исходного уровня производительных сил в обеспечении ускоренного развития Японии после ее «открытия», необходимо обратиться к сравнительному анализу, но уже позднего западноевропейского и восточного феодализма.

С точки зрения социально-политических структур японское общество не было равноудаленным от Востока и Запада, несмотря на его культурный инфильтрат (буддизм). Вопрос о том, аналогична ли социально-политическая подсистема японского общества эпохи Токугава абсолютистской государственности Западной Европы, довольно праздный. Здесь важно то, что в Японии на протяжении всего средневековья не сформировался механизм центральной деспотической власти, осуществляющей тотальный контроль над военно-политической, идеологической (религиозной) и экономической сферами. Напротив, наблюдались дифференциация светской (сегунат) и духовной (император) власти, различные формы субординации, временами самоуправление городов, разнообразие экономической политики в отношении непосредственных производителей, торговой купеческой прослойки.

Можно спорить о том, почему в Японии сложилась столь отличная от традиционного Востока структура. К примеру, дифференциация реальной светской и сакральной власти, вероятно, объясняется сохранением ранних форм, аналогичных «разделению труда» между королевской властью и институтом мажордомов в эпоху Меровингов, или восходит к более древнему ранговому членению функций в протогосударствах типа чифдом. Однако для анализа интересующих нас проблем важно, что сложившаяся к концу правления Токугава социально-политическая структура японского общества обеспечила экономическое пространство для ускоренной капиталистической модернизации.

Рассуждения о том, «что было бы, если...», безусловно, малопродуктивны. Тем не менее такого рода исторические экскурсы можно встретить при оценке эндогенных возможностей перехода азиатских государств к капитализму. Продолжая эту тему, хотелось лишь отметить, что если бы Япония своевременно

не попала в орбиту влияния мирового капиталистического рынка, то нельзя исключить возможность ее сползания к континентальным формам азиатского деспотизма, заблокировавшим социальные сдвиги в Китае и других странах.

В упоминавшейся статье В. В. Макаренко дана подробная картина экономического развития Японии накануне реформы Мэйдзи в региональном аспекте. Существенным является интерпретация особенностей функционирования социально-экономических структур центральных и периферийных областей страны. В сфере влияния бакуфу, где уровень развития производительных сил и товарно-денежных отношений был наиболее высоким, В. В. Макаренко усматривает слабость феодальной системы и ее неспособность обеспечить условия для экономического роста из-за отсутствия отлаженного бюрократического аппарата, эффективной налоговой системы, создающих условия для формирования механизма централизованного редистрибутирования. Такая политика осуществлялась в менее развитых княжествах Сацума и Тесю, которые, как справедливо отмечает автор, были частично интегрированы в формирующийся национальный рынок в качестве периферии, так сказать, местного аналога «крепостничества второго издания».

Именно южные дайма впоследствии приняли наиболее активное участие в модернизации японского общества. Однако утверждать на этом основании, что бюрократический механизм является необходимой предпосылкой для капиталистического развития, означает, во-первых, поменять местами следствие и причины, а во-вторых, универсализировать специфику становления «вторичного» капитализма. Представляется, что автор не критически воспринял ряд тезисов Ф. Моулдер, которая не усматривает разницы между рационально-капиталистической и неопатримониальной бюрократией. В то же время распространенное представление о том, что предпосылки европейского капиталистического развития складываются в период абсолютистской государственности, а не сословных монархий, упорно заставляет исследователей искать в японском материале те структуры, которые были наиболее близкими абсолютизму. Но в Японии, стране позднего капиталистического старта, феодально-бюрократические элементы играли иную, чем в Европе, роль. Их деятельность в качестве агентов модернизации детерминировалась внешними условиями.

Что касается внутренних предпосылок, то здесь немаловажную роль сыграла, как уже отмечалось, близость западноевропейской и японской моделей феодализма. Эта близость просматривается на всех уровнях развития феодального общества: природные условия; изоляция от внешних факторов; длительный период отсутствия сильной централизованной власти, а впоследствии ее дифференцированность; характер зависимости крестьян от феодалов; закрытое, иерархически структурированное сословие самураев; временами самоуправление городов; по-

явление буддистских сект, исповедующих рационалистическую философию; наличие социальных групп, готовых осуществлять политику модернизации на принципиально новой, капиталистической основе.

Казалось бы, для ускоренного развития Японии внешние факторы были неблагоприятными. Соглашения о капитуляциях лишили страну таможенных барьеров. Неэквивалентный обмен вызвал экономический хаос. Более того, стала реальной угроза потери политического суверенитета. Именно в этих условиях происходят преобразования Мэйдзи, имевшие ярко националистскую окраску. Под лозунгами противодействия иностранному вмешательству в революции приняли участие совершенно разные политические силы: широкие слои крестьянства и деклассированные самураи, зарождавшаяся буржуазия и наиболее реакционные феодальные круги — южные дайме, которые традиционно боролись против режима сегуната. Легитимность власти сегуна для японцев была весьма сомнительна.

Император всю писаную историю страны оставался сакральным главой нации, что, безусловно, содействовало политическому перевороту, который рассматривался как возвращение к традиции. Однако после восстановления власти императора контакты с иностранцами не только не ограничились, что было в тот момент неосуществимо, но и всемерно расширились, продолжая политику Токугава. Начался период целенаправленного развития экономики, регулируемый государством и призванный победить европейцев в конечном счете их же оружием.

Преобразования Мэйдзи привели к ликвидации феодальной раздробленности, крупного феодального землевладения. Прежние удельные княжества были реорганизованы в провинции, непосредственно подчиненные центральной власти. Потерявшим свои права феодалам выплачивалась компенсация. Социально-экономические реформы (территориальная консолидация, ликвидация внутренних таможенных барьеров, развитие транспорта, открытие портов, ликвидация части ограничений для капиталистической трансформации сельского хозяйства) создали благоприятный климат модернизации, условия для развития капитализма «снизу».

Отмена мелочной регламентации хозяйственной жизни привела к существенному росту продуктивности аграрного сектора экономики на прежней технической базе. Об этом свидетельствует, в частности, резкое увеличение темпов роста населения, которое с 1870 по 1920 г. возросло примерно в 2 раза и достигло 60 млн. человек, хотя в период Токугава оставалось стабильным в течение двух веков *. Одновременно увеличивалось

* Первые переписи населения в Японии стали проводиться с середины XVIII в. с интервалом в шесть лет. В течение всего периода Токугава оно оставалось стабильным на уровне 25—28 млн. человек. По приблизительным подсчетам, в городах проживало около 4 млн. человек (Киото, Осака, Эдо — наиболее крупные центры). Данные переписей, отмечает американский ис-

производство основной сельскохозяйственной культуры — риса. Главной статьёй экспортных доходов был шелк-сырец. Еще в 1928 г. на него приходилось 37% стоимости экспорта (в 1868 г. — 40%) [103, с. 229]. У. Маккорд считает, что после революции Мэйдзи основным источником накопления служило сельское хозяйство [220, с. 280—281]. Эту позицию разделяют и многие японские экономисты. Так, К. Окава полагает, что перекачка средств в промышленность могла осуществляться только за счет роста продуктивности сельского хозяйства. Д. Накамура, Т. Ошима и другие, не отрицая решающей роли аграрного сектора как источника инвестиционных ресурсов, подтверждают, что высокий уровень накопления в стране был достигнут прежде всего благодаря перераспределительной политике.

По данным Окавы и Розовского, среднегодовой темп роста сельскохозяйственной продукции в период Мэйдзи не превышал 2% [280, 1960, октябрь, ч. 2, с. 45]. Д. Накамура оценивает этот прирост не более чем в 1%, что едва превышало темпы роста населения (0,8—1,3%) до 1914 г. [231, с. 119—153]. Таким образом, сельское хозяйство не только не могло обеспечить значительные поступления иностранной валюты, но и не всегда покрывало потребности национального рынка, вызывая необходимость импорта продовольствия. Ввоз продовольствия (в основном риса и сахара) в 1894—1903 гг. составил 24% общего объема импорта, поглотив 28,6% экспортной выручки [150, с. 120].

Сельское хозяйство, по мнению новозеландского ученого Р. Матра, не играло в Японии традиционной роли в обеспечении ресурсов для индустриализации [224, с. 60]. Конечно, если традиционную роль сельского хозяйства выводить из английской модели, то идентичного развития событий не обнаружится. В странах «вторичной» модели, в том числе Японии, индустриализация была в гораздо большей степени результатом целенаправленной политики, которая включала импорт капитала и технологии, а также создание «внутренней колонии» за счет сельского хозяйства.

Средства, изымавшиеся из аграрного сектора, наряду с государственными займами, которые размещались в основном за границей, послужили основным источником накопления в период форсированной капиталистической модернизации. Значительные финансовые ресурсы сосредоточили в своих руках та-

следователь Д. Орчард, безусловно, неполны. По целому ряду переписей отчеты утрачены, за некоторые годы сложно определить, учтены ли «внекастовые» контингенты. Два дайме не включали в списки детей моложе 15 лет. Наконец, самураи и их слуги также не учитывались. В 1721 г. — году первой переписи — население страны немного превосходило 26 млн. человек. Через 125 лет, в 1846 г., оно достигало 26,9 млн. Стабильность населения подтверждает, что эпоха Токугава, в том числе на последнем временном отрезке, не была периодом бурного экономического роста, развития средств сообщения и т. п. Более того, за 150 лет — с 1690 по 1840 г. — в Японии было 22 голодных года, из которых одиннадцать сопровождалось большими жертвами, особенно в 1827 г. [103, с. 137].

кие старинные торговые дома, как Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда. Начавшаяся Японией в конце XIX в. внешняя экспансия и отмена в 1899 г. неравноправных соглашений с колониальными державами также способствовали успешному становлению японской промышленности.

Утверждение в японской промышленности государственных и акционерных форм собственности содействовало более полной капитализации накоплений, которые давал традиционный (в первую очередь аграрный) сектор. Государство значительные средства направляло на развитие производственной инфраструктуры таких отраслей промышленности, как судостроение, металлургия, машиностроение, а также легкой промышленности. Еще в 1870 г. Япония вовсе не имела железных дорог, а к 1927 г. их протяженность уже превышала 18 тыс. км [103, с. 216]. Можно сказать, что почти все новые отрасли промышленности были обязаны своим существованием правительственной инициативе. В большинстве случаев государство передавало прибыльные предприятия частным компаниям, продолжая выступать в качестве активного фактора в народном хозяйстве (субсидирование и предоставление налоговых льгот).

В Японии подобная структура возникла в ходе промышленной революции, направляемой «сверху» путем адаптации мировых научно-технических достижений. Становление государственно-монополистических отношений явилось ответной реакцией Японии на экспансию мирового капиталистического рынка и хозяйства. Однако новое качество общественной системы проявилось в постепенной замене распределительных механизмов, типичных для докапиталистических структур, по преимуществу рыночными. Иными словами, суть изменений заключалась в консолидации национального рынка, который направлялся и регулировался государством.

Японская модель ускоренной капиталистической индустриализации демонстрирует значительные возможности страны-имитатора заимствовать как технический, так и организационный опыт передовых государств*. Но трактовать японскую модель

* В России, контакты которой с Западом носили гораздо более продолжительный и органичный характер, модернизация «сверху», переплетаясь с национальной традицией, вызвала в то же время реакцию отторжения западных ценностей и политики царского правительства среди части интеллигенции, т. е. потенциального носителя и проводника идеологии модернизации. Она приняла форму поиска мессианско-эсхатологической перспективы: славянофилы, народники, анархисты, марксисты. Проникновение элементов западного рационализма не привело к широкому распространению либерального движения и демифологизации общественного сознания. Это, пожалуй, первый пример восстания против культурного «империализма» Запада. Здесь напрашиваются параллели с «третьим миром», где импульсы модернизации, более спрессованные в историческом времени, привели к расцвету исламского фундаментализма в форме харизматической реакции на западное проникновение. Правда, в России неприятие западных ценностей обуславливалось скорее не ускоренной, а замедленной модернизацией и обернулось в конечном счете ее провалом.

как один из вариантов «вестернизации» общества, как «догоняющее» развитие, вероятно, было бы упрощением, тем более что опыт современных освободившихся стран показывает, что одного желания копировать западный образец недостаточно. Успех Японии во многом объясняется оптимальным синтезом традиционного и современного в эпоху Мэйдзи. В период восстановления императорской власти функции регулирования общественного производства еще основывались на корпоративных феодальных привилегиях, отношениях с политической властью и не перешли к рыночному механизму распределения ресурсов и доходов.

Насаждение государственно-монополистических форм в японской экономике проводилось рядом бывших феодальных кланов и рассматривалось ими как продолжение социально-правовых традиций японского общества в новых условиях. Те силы, которые пришли к власти в результате переворота 1868 г., первоначально не являлись выразителями интересов буржуазии, но, решая политические задачи, связанные с независимостью страны, они были вынуждены развивать экономику теми методами и средствами, которые стали доступны после включения Японии в мировую капиталистическую систему.

Сравнительная типология позднего феодализма и сопоставление уровней технико-экономического развития позволяет проследить роль в становлении капитализма таких структурообразующих элементов, как колониальная экспансия и образование мирового рынка. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали значение создания нового исторического пространства для поступательного движения человеческого общества: «В противоположность Греции и Риму феодальное развитие начинается на гораздо более широкой территории, подготовленной римскими завоеваниями и связанным с ними вначале распространением земледелия» [19, с. 22]. Пространством для развития капитализма стал весь земной шар, хотя необходимые для этого социально-экономические и технические предпосылки сложились на северо-западе Европы.

Процесс первоначального накопления стимулировался экспансией товарно-денежных отношений, становлением рыночных форм международных связей. Как писал К. Маркс, «товарное обращение есть исходный пункт капитала. Историческими предпосылками возникновения капитала являются товарное производство и развитое товарное обращение, торговля. Мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии новую историю капитала» [7, с. 157]. Однако этим историческим условиям возникновения капитализма, по мысли Маркса, не исчерпываются. «Капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы,

и уже одно это историческое условие заключает в себе целую мировую историю» [7, с. 181].

Распространение товарно-денежных отношений в эпоху позднего феодализма способствовало общественному разделению труда, появлению необходимого для мануфактурного производства рынка сбыта, а также дальнейшей специализации, внедрению новых орудий труда и технологии, т. е. совершенствованию производительных сил общества. Но товарно-денежное хозяйство может обслуживать социально-экономическую структуру как феодального, так и рабовладельческого общества, не приводя к развитию капитализма. Поэтому товарное производство — необходимое, но не достаточное условие возникновения капитализма.

Товарно-денежные отношения существовали в различные периоды феодализма, причем в I тысячелетии н. э. денежное хозяйство активнее функционировало на Востоке. Представляется, что на Западе перерастанию традиционных форм товарно-денежного обращения (товары и услуги простых товаропроизводителей, деятельность купеческого и ростовщического капитала, налоговые изъятия и денежная рента) в рыночную систему хозяйствования, поощряющую технический прогресс и рационализацию общественных структур, способствовали социально-политические институты европейского общества*.

Для того чтобы выявить, каких же именно компонентов недоставало восточным обществам для реализации гипотетических потенций капиталистического развития, вероятно, целесообразно определить в отношении понятия «капитализм». В нашем представлении это стабильная самонастраивающаяся общественная система, ориентированная на постоянный самоподдерживающийся экономический рост на базе технического прогресса, рационализации макроструктур, частной собственности на средства производства и рыночных механизмов регулирования хозяйства. В политической сфере эта система в развитой форме характеризуется дифференцированными формами государственной власти, наличием формального рационального пра-

* К чему приводит несовпадение таких предпосылок капиталистического развития, как прогресс техники, с одной стороны, и элементов рыночного регулирования — с другой, отчетливо иллюстрирует экономическая история античного мира. В Древней Греции и Риме полностью отсутствовали стимулы для совершенствования техники, не было идеологических представлений, хотя бы отдаленно напоминающих идеи технического и социального прогресса. Это равнодушие к развитию техники совершенно справедливо объясняли раньше и объясняют сейчас применением рабского труда. Если ныне фантасты и утописты мечтают о создании роботов, которые освободили бы человека от тяжелого труда, как физического, так и умственного, то в античном мире эта проблема была решена обращением людей в «говорящие орудия». «Если бы каждое орудие могло выполнять свойственную ему работу само по данному ему приказанию или даже его предвосхищая... господам не нужны были бы рабы», — писал Аристотель [32, с. 381]. Античность, таким образом, с самого начала оказалась у той цели, к которой современная индустриальная цивилизация только стремится.

ва, гарантирующего неприкосновенность частной собственности и равенство граждан перед законом.

Исходными компонентами капиталистического развития являются технический прогресс и наличие рыночных товарно-денежных отношений. В европейской модели позднего феодализма они взаимообуславливали друг друга и были связаны, как показано выше, со структурными особенностями социально-политической подсистемы общества, а также окружающей природно-географической средой. «Не области тропического климата с ее могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда» [7, с. 522].

В схематичном виде комплекс факторов, приведших в конечном счете к генезису капитализма на северо-западе Европы, выглядит следующим образом. Децентрализация и плюрализм форм, присущие западноевропейскому феодализму и связанные с особенностями природно-географической среды, поддерживали устойчивую тенденцию к институционализации дифференцированных пирамидальных общественных структур. Эта тенденция отчетливо проявляется в формировании исключительно европейской социальной организации — сословной монархии. Полицентричная структура сословных монархий, характеризующаяся балансом сил ее отдельных элементов, создает предпосылки для перехода от традиционной дистрибутивной экономической политики к рыночной организации, в рамках которой торговля и денежное хозяйство активизируют технический прогресс, превращая его в новую европейскую традицию. Естественно, что обрисованный механизм не смог бы успешно «заработать» без подключения чисто европейских культурно-цивилизационных особенностей (христианства, прежде всего «протестантского духа», и античного наследия, в частности рецепции римского права). Таким образом в Западной Европе наметился переход от статичных социальных образований к стабильным саморегулирующимся общественным системам, не имевшим аналогов в предшествовавшей истории человечества, включая греко-римскую.

2. Предпосылки европейской колониальной экспансии и образования мирового рынка

Колонизация имела место не только в новой истории. Завоевания и подчинение чужеземных территорий широко были распространены в древности и средние века. Походы Александ-

ра Македонского, римских императоров, тюрков и монголов, арабские завоевания в раннее средневековье на суше и на море дают представление об этом явлении мировой истории. Уже по причине его широкого распространения значение терминов «колонизация», «колониальная экспансия» не может быть однозначным. Например, греческая колонизация была связана с ограниченными природными ресурсами и преследовала цель сохранения внутренней политической и экономической стабильности за счет эмиграции. Позднее термин «колонизация» стали применять в отношении как собственно переселенческих колоний, так и захватнической внешней политики вообще. Конечно, эти процессы зачастую взаимосвязаны, но дифференцировать их возможно исходя из первоначальных мотивов и последующего взаимодействия с местными экономическими и социально-политическими структурами.

Отличительной особенностью европейской колониальной экспансии явилось то, что она была неразрывно связана со становлением капитализма, мирового рынка и мирового хозяйства, т. е. с началом мировой истории и революцией в географических и космологических знаниях человечества.

До XVI в. отдельные культурные регионы мира развивались самостоятельно и в очень слабой взаимосвязи. Знания о различных цивилизациях были отрывочными, а торговые и культурные контакты между ними непостоянными. Положение резко меняется с наступлением эпохи Великих географических открытий, которые послужили установлению связей между цивилизациями на Земле.

Возникает вопрос, почему толчок к колониальной экспансии исходил из Западной Европы, а не из других стран Евразии с более древней культурной традицией. Данную проблему можно рассматривать в двух планах. Прежде всего, как вопрос о причинах зарождения капитализма именно в Западной Европе *, который включает анализ особенностей европейского развития от античности до нового времени. В данной работе он может рассматриваться только частично. Основная задача состоит в том, чтобы дать ответ на более узко поставленную проблему: что толкнуло европейские государства на колониальную экспансию в XV—XVI вв. и обеспечило ее длительный и нарастающий характер; как Европа и Северная Америка превратились в центр мирового хозяйства, а древние культурные регионы стали периферией с разной степенью зависимости? В то же время многие территории, заселенные племенами, находившимися на стадии первобытнообщинного строя, были заселены европейцами (в этом случае термин «колонизация» сохраняет первоначальное значение). Решение поставленной задачи позволяет

* В советской историографии можно отметить значительное число конкретно-исторических и теоретических исследований переходной эпохи от феодализма к капитализму. См. [54; 58; 62; 83; 109; 110; 111; 120; 121; 127; 130; 137; 138].

уточнить наши представления о характере формирования колониальной системы и ее роли в процессе становления и модификации мирового рынка и хозяйства.

К XV в. в Евразии сложились четыре-пять культурных регионов с развитой цивилизацией. На северо-западной окраине это была Европа; на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке — Османская империя и другие мусульманские государства; на Дальнем Востоке, Юге и Юго-Востоке — Индия, Китай, Корея, Япония, Индокитай и Индонезия. Кроме Западной Европы только Османская империя и Китай, казалось, обладали материальными и человеческими ресурсами, необходимыми для широкой внешней экспансии и капиталистического развития. Из них Османская империя не была заинтересована в географических открытиях и заморских экспедициях по весьма простой причине. С раннего средневековья она и другие исламские страны находились в центре Евразии, на торговых путях из Китая и Индии в Европу. В XV в. она была втянута в военные действия в Юго-Восточной Европе; государство Тимуридов угрожало Китаю и начало экспансию в Индии. Традиционные для военно-феодальных кругов исламских стран формы экспансии — расширение территории и захват ценностей и рабов — не нуждались в изменениях. Их привлекали не новые земли, а цивилизованные регионы.

Казалось, что предпосылки создания всемирных коммуникаций и мирового рынка мог бы прежде всего реализовать мусульманский мир, расположенный между Европой, с одной стороны, Индией и Китаем — с другой. Еще в период арабского халифата мусульманские купцы выполняли приблизительно такие же функции, как впоследствии европейцы. Они продвигались вдоль восточного побережья Африки вплоть до Занзибара, откуда вывозили черных рабов. На юге от Сахары они открыли россыли золота, которые затем привлекли внимание португальцев. Их корабли посещали порты Китая и Индонезии.

Еще в XV в., несмотря на то что политическая гегемония в мусульманском мире перешла в руки турок-османов, арабы контролировали торговые пути вдоль восточного побережья Африки, в Индию вплоть до Малакки и берегов Китая. Известно, что мусульманских купцов Магеллан застал на Филиппинах. Но морская экспансия, осуществляемая арабами, не привела к широким социально-экономическим изменениям, возникновения капитализма за ней не последовало. Это в значительной степени ответ на вопрос о взаимосвязи между колониальной экспансией феодального общества и развитием капитализма как внутренним социально-экономическим процессом.

Выгоды, которые мог получить Китай от внешней экспансии, также не идут ни в какое сравнение с тем, что приобрели европейцы. Китай мог существовать в условиях автаркии. Огромные естественные ресурсы и человеческий потенциал позволял ему не зависеть от внешней торговли в «южных морях»,

(китайская терминология), существовавшей с древних времен и без государственного вмешательства. В XV в. китайская бюрократия пыталась ограничить внешнюю торговлю и проникновение своих подданных в Индонезию. Зарубежные страны были в большей степени заинтересованы в импорте китайских товаров, чем китайское правительство в их экспорте.

Западная Европа в это время являлась наиболее бедным, зависимым от внешней торговли, а также подвергавшимся наибольшей угрозе извне регионом. Поэтому европейская колониальная экспансия в XV—XVI вв. была не только результатом экономического развития, но и реакцией на относительно нехватку необходимых для выживания естественных ресурсов.

Если абстрагироваться от формационных критериев и попытаться сопоставить европейские и азиатские общества по уровню экономического и технического развития, то Европа в период от крушения Римской империи до начала XIII в. может быть отнесена к отсталой периферии евразийского региона. Безусловно, это можно было бы сделать более смело, если бы в нашем распоряжении имелся такой универсальный синтетический показатель, как ВВП на душу населения. Тем не менее многочисленные разрозненные данные о состоянии сельского хозяйства, ремесленного производства, их технической вооруженности, о развитии торговли, денежного обращения явно свидетельствуют о слабразвитости Европы в период средневековья.

Первым результатом Великих географических открытий для Западной Европы было превращение ее в перекресток мировых торговых путей, а также ликвидация мусульманского преобладания в Индийском океане и «южных морях». Европа заняла позиции в центре той шахматной доски, на которой начала разыгрываться многовековая борьба за военное, торговое и промышленное преобладание в мире. Эта ее позиция в значительной мере предопределяла победу. Изменение природно-географических условий было достигнуто техническими средствами.

Еще в XII в. Запад был экспортером сырья (железо, лес) и рабов, импортируя с Востока готовую продукцию и пряности. К XIV в. ситуация в значительной степени изменилась. Европейские страны стали вывозить текстиль, бумагу, мыло в восточные страны. Одной из причин этого, пишет К. Чиполла, была частичная механизация производства в текстильной и бумажной промышленности при помощи водяных мельниц. Импортируемый текстиль, отмечалось в арабских источниках, по своему качеству уступал местному, но был значительно дешевле [169, с. 222]. Однако более значительным был тот факт, что в 1378 г. груз одной из венецианских галер, направившейся на Восток, включал механические часы. Развитие точной механики, а также металлургии, производства оружия было отличительной чертой европейского технического прогресса. Когда в 1517 г. португальцы прибыли в Кантон, китайский чиновник отмечал, что «основная опасность исходит от их артиллерии,

превосходящей все что-либо известное со времен древности» [169, с. 222].

К началу XVI в., по мнению К. Чиполлы, Европа стала наиболее развитым регионом мира. Это мнение разделяет и Л. Уайт, который считает, что примерно к 1500 г. «промышленный потенциал и уровень квалификации европейцев превосходили азиатский, не говоря уже об Африке или Америке...» [27, с. 157]. Такие оценки в то же время не должны вводить в заблуждение в отношении пассивного баланса последующей торговли с Востоком, который покрывался серебром и золотом Нового Света.

Повышение производительности сельского хозяйства, развитие металлургической, судостроительной, военной и отраслей легкой промышленности подводили под общественные отношения в Европе новую материальную базу. Становление точного машиностроения после изобретения первого автоматического механизма (часов), распространение книгопечатания, развитие картографии, навигации и астрономии, эволюция научных представлений о происхождении земли революционизировали техническое и научное мышление европейцев. Попытки изменения и даже «улучшения» окружающего мира при помощи целенаправленных технических нововведений получали широкое признание в качестве универсального средства достижения социальных целей, что нашло отражение в утопических проектах преобразования общества, начиная с Ф. Бэкона.

Созданию соответствующего социального климата способствовало также распространение этики протестантизма, отмеченное М. Вебером. Аскеза протестантов-пуритан находила выражение в методическом осуществлении своего профессионального признания, и в этом своем значении она создавала практические импульсы к действию. Роль господствующей идеологии в данной исторической ситуации как нельзя лучше выявляет тормозящее влияние конфуцианства на развитие китайского общества.

Однако в начальный период идеологическими предпосылками для европейской экспансии были традиционная проповедь крестового похода против мусульманского мира, а также острая внешнеполитическая ситуация и чисто торговые интересы европейских держав, выступавших на исторической арене в конце XV — начале XVI в. в качестве политически централизованных единиц.

Проблема обеспечения военной и политической безопасности Европы, а также стабильности ее внешнеэкономических связей резко обострилась во второй половине XV в. [68, с. 68—84]. Вслед за падением Константинополя в 1453 г. экспансия Османской империи распространилась на Северную Сербию (1459 г.), Боснию и Герцеговину (1463—1466), Черногорию и Албанию (1470 г.). «Я не вижу на горизонте ничего хорошего», — писал в это время папа Пий II [169, с. 224]. Между тем

почти одновременно на флангах европейского континента Россия сбросила монгольское иго (1480 г.), а Испания объединилась и ликвидировала последнее арабское владение на Пиренейском полуострове — Гранаду (1492 г.). Тем не менее внешняя угроза сохранялась, и это особенно хорошо понимали в Испании и Португалии, неоднократно испытывавших на себе волны арабской и берберской экспансии.

Широко распространено мнение, что непосредственным толчком для Великих географических открытий и последующей западноевропейской торговой и колониальной экспансии послужила турецкая блокада торговых путей в Индию. Но это верно лишь отчасти, так как Египет, через который продолжала осуществляться трансконтинентальная торговля, был захвачен турками только в 1517 г. Скорее турецко-мусульманское продвижение на Балканах и в Средиземном море (захват Кипра и Крита) помимо экономического и военного давления создавало идеологический климат для поисков европейскими государствами новых путей на Восток. Для Португалии и Испании, отмечал Г. Ким, в «идейной мотивации экспансии важное место принадлежало крестоносной традиции утверждения „истинной веры“» [75, с. 60].

Приоритет в области географических открытий и колониальной экспансии принадлежит, как известно, пиренейским государствам. Еще в 1415 г., после взятия Сеуты на североафриканском побережье, начинается медленное, растянувшееся почти на столетие продвижение Португалии вокруг Африки. Это движение первоначально было следствием Реконксты. Пиренейские государства пытались продолжить борьбу на Африканском континенте, но климатические условия в Магрибе оказались слишком тяжелыми. Португальские войска во главе с принцем Генрихом Мореплавателем потерпели поражение от берберских племен и переключились на поиск пути в Индию вдоль западного побережья Африки.

После завершения процесса политической централизации западноевропейские государства распустили феодальные дружины и частично наемные войска, которые использовались в междоусобных и межгосударственных столкновениях. «Безработица» на низших этапах военно-феодальной иерархии способствовала усилению агрессивности феодализма. Наемная армия, состоявшая в основном из обедневших дворян, в условиях хронического бюджетного дефицита представляла угрозу как для казны, так и для своего собственного населения. Естественно было направить ее вовне, как во времена крестовых походов. Франция начинает серию итальянских войн, окончательной целью которых якобы являлся Ближний Восток; Испания направляет конкистадоров в Новый Свет, а португальцы организуют морские походы.

В отличие от крестовых походов западноевропейская экспансия разворачивалась на более высоком уровне: военная тех-

ника включала суда, пушки, аркебузы, холодное оружие, использовались рациональные методы ведения военных действий, восходящие к античным тактическим приемам. Таким образом, предпосылки успехов закладывались в ходе экономического развития региона.

Чрезвычайно интересным представляется сопоставление португальской и китайской экспансии в направлении «южных морей», что примерно соответствует Юго-Восточной Азии. Если китайское проникновение туда в эпоху династии Мин (которое наиболее активно осуществлялось в первой трети XV в., всего за 70—80 лет до португальцев) было нацелено на создание системы «номинального» вассалитета [40, с. 60—109], то европейцы действовали с целью получения конкретной экономической выгоды. Несмотря на огромную мощь флота и наличие в регионе этнических торговых колоний, китайцы довольствовались обменом миссиями, символической данью, взимаемой с местных феодалов, признанием с их стороны верховной власти императора. Португальцы же, а позднее голландцы, обладавшие меньшими людскими и военными ресурсами, имея в тылу растянутые коммуникации, смогли установить контроль над оживленной международной торговлей в Индийском океане.

Представляется, что китайская политика установления «номинального» вассалитета детерминировалась не отсутствием материальных и военных предпосылок, а скорее опасениями, что более активная внешняя экспансия может привести к чрезмерному развитию торговли и частнопредпринимательской деятельности, нарушению политической стабильности (вернее, статичности) китайского государства, трактуемой в соответствии с конфуцианской идеологией. Китайские власти, раздраженные активностью европейцев у их берегов, в 1521—1522 гг. после 70-летнего перерыва возобновили политику строгого «морского запрета» [40, с. 185].

Напротив, западноевропейская экспансия в «южных морях» и бассейне Индийского океана преследовала цель установления фактического, а не мифического политического господства. Это господство охватывало не только евроазиатскую, но и внутриазиатскую торговлю. Японская медь, продукция «островов пряностей», персидские ковры и шелк, индийский текстиль и т. д. циркулировали между Китаем и Индией, Африкой и Юго-Восточной Азией на судах, принадлежавших европейцам или имевших «пропуска», выданные за соответствующую плату. Установление европейского контроля над торговлей в регионе имело для восточных обществ далеко идущие последствия: оно не только нарушало автономию их развития, но облегчило в будущем их территориальное и политическое подчинение колонизаторам.

Борьба за господство на морях происходила и в раннем средневековье. Арабы потерпели поражение от византийцев, остановивших их наступление на Константинополь, в частности

благодаря применению греческого огня. Венеция, Генуя и Арагон боролись за преобладание на Средиземном море. Крестоносцы при помощи итальянских городов совершали походы в Египет, французы — в Тунис, португальцы — в Марокко. Таким образом, традиции заморских войн зарождались еще до начала Великих географических открытий. В Северной Европе происходили походы викингов, позднее утвердилось господство Ганзы на Балтийском и Северном морях. В Азии же, наоборот, спорные проблемы решались на суше. Японцы и малайцы совершали на море лишь пиратские акции, китайцы только на короткий период вышли в море.

Практика морских войн и крупных военно-морских экспедиций, начавшаяся с победы греческого флота над персидским в V в. до н. э., институционализировалась в Европе в целенаправленное развитие, стала составляющим элементом характерного для позднего европейского средневековья динамичного стремления к экспансии. В XVII—XVIII вв. наметившаяся тенденция к установлению контроля над торговлей переросла в политику максимально возможного расширения сфер влияния. Флот был главным орудием в этой борьбе (отсюда происходит термин «морские державы»). Существовало ясное понимание, что господство на морях становится предпосылкой гегемонии континентальной.

Пока европейцы соперничали за господство на море, даже наиболее развитые азиатские государства были обречены на пассивность. В. Бартольд отмечал, что «неудача всех попыток мусульман отнять у европейцев господство на морях наглядно свидетельствовала о культурной отсталости мусульманского мира сравнительно с Европой, что не могло не отражаться и на ходе политической борьбы...» [38, с. 26]. Восточные государства были вытеснены европейцами с мировых торговых путей. Они могли сопротивляться натиску одних европейских держав, только вступая в союз с другими. Предотвратить перемещение мировых торговых путей после установления европейской талассократии могло только подавление капиталистических тенденций и установление габсбургско-католической империи в Западной Европе. Церковно-бюрократическое правление заблокировало бы формирование мирового рынка, развитие конкуренции между европейскими державами, стимулировавшее прогресс военной техники и флота.

Азиатские «великие державы» рано или поздно могли уничтожить европейские форты и фактории на своих территориях, как это произошло с португальскими опорными пунктами. И тогда европейцы утратили бы доминирующие позиции в этом регионе, а мировая история получила бы другое направление. Этот вариант не смог реализоваться не только из-за быстрого роста капитализма в Великобритании и Нидерландах, но и вследствие национальной раздробленности Европы, которую в XVI в. дополнил религиозный раскол. Национальные, экономические и

идеологические факторы противодействовали имперским устремлениям Габсбургов. В Европе не могла сформироваться империя подобная китайской. Именно раздробленность и постоянные междоусобные войны, а не «единообразие», как считает З. Галич [57, с. 184—216], способствовали победам европейцев в Азии и в борьбе с Османской империей.

Тем не менее техническое превосходство европейцев в начальный период их проникновения в Азию сказывалось только на море. Незначительные военные и людские ресурсы сдерживали проникновение в глубь захваченных силой или приобретенных на договорной основе территорий. Португалия была вынуждена ограничиться созданием торговых факторий, которые контролировали и осуществляли поставки пряностей (мускатного ореха, гвоздики, перца и т. п.). Главными базами и перевалочными пунктами в Индийском океане были Малакка и Гоа. «Приблизительно с 1530 г. пряности Азии переходят в исключительное распоряжение португальцев и на короткое время Лиссабон становится важнейшим центром мировой торговли» [85, с. 20].

Установив эффективный контроль над торговыми операциями, в том числе региональными, европейцы не могли осуществить крупные территориальные захваты в Азии, аналогичные испанским в Америке, вплоть до XVIII в. Для финансирования торговли на Востоке продолжали ввозить серебро и золото из Европы и Нового Света (подробнее см. [105, с. 149—183]). Таким образом, общая характеристика раннего этапа колониальной экспансии, как основанной преимущественно на военной силе, грабеже, неэквивалентном обмене и т. п., не может быть полностью распространена на деятельность португальских, а позднее голландских, британских и французских колонизаторов в Индии, Персии и Китае. В этом отношении показательна предыстория португальской фактории в Макао. Через 40 лет после своего первого появления у китайских берегов португальцы при помощи подкупа завладели Макао. Прельстившись взяткой, власти гуандунской провинции Китая предоставили Макао право на «самоуправление». Только в 1887 г. Китай признал его португальским владением [40, с. 182—202].

Европейскую колониальную экспансию, продолжавшуюся до промышленной революции в Великобритании, можно подразделить на два периода: феодальная экспансия Испании и Португалии и раннекапиталистическая экспансия Нидерландов и Великобритании. Если до первой трети XVII в. молодые буржуазные государства могли воспользоваться результатами проникновения феодальных держав на Востоке и в Америке преимущественно из «вторых рук», то впоследствии складывавшийся мировой рынок и колониальная система начинают непосредственно обслуживать потребности европейской капиталистической промышленности и торговли.

Поражение Испании и Португалии в борьбе с новыми коло-

ниальными державами было результатом их отсталого феодального строя и неразвитости капитализма. Они не могли долгое время пользоваться своим монопольным положением на мировых торговых путях и в Америке. Колониальные захваты не стимулировали развитие капитализма в Испании, более того — привели к феодальной реакции, которая разрушила элементы капиталистического уклада в чрезвычайно короткие сроки. К тому моменту, когда Испания начала получать серебро и золото из Нового Света, т. е. в 20-е годы XVI в., подавление Карлом V восстания городов против абсолютизма ознаменовало начало контрнаступления феодализма.

Таким образом, важнейшим итогом раннего этапа колониальной экспансии было установление монополии европейцев на океанских торговых путях и создание огромных колониальных империй в Америке. Основание колоний в Новом Свете способствовало накоплению потенциала экономического развития и дальнейшей экспансии на Восток. В новом, атлантическом экономическом пространстве закладывались предпосылки гегемонии Запада над Востоком.

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОГО РЫНКА И КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

1. Основные этапы становления мирового рынка и колониальной системы

Многие западные историки, социологи и экономисты (О. Конт, Г. Спенсер и др.) представляли себе историческое развитие как движение от сакрального к светскому буржуазному государству. Существенной чертой такого развития было подчинение в той или иной форме западноевропейским государствам почти всего мира. Колониальное угнетение оправдывалось набором идей различных оттенков — от либерально-прогрессивных до откровенно расистских, которые провозглашали европейское развитие прогрессом, а попавшие под политическое и экономическое господство народы — отсталыми, неспособными к самостоятельному развитию. Не случайно современный английский историк Е. Х. Карр писал, что в Англии расцвет веры в прогресс совпал с расцветом Британской империи и промышленности [163, с. 105].

Влияние европейского капитализма на другие страны привлекало пристальное внимание основоположников марксизма. В 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации... Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа» [20, с. 428]. В 1853 г. К. Маркс возвращается к вопросу о судьбе народов колоний в серии статей: «Британское владычество в Индии», «Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности», «Будущие результаты британского владычества в Индии» (см. [3; 4]).

Разрушение национальных традиций в Индии, связей между сельским хозяйством и ремесленным производством под влиянием ввоза английских товаров К. Маркс рассматривал как величайшую социальную революцию в Азии [4, с. 132—135]. Уничтожив индийское хлопчатобумажное производство, английская буржуазия превратила Индию в производителя сырья, главным образом хлопка-сырца. Однако, по мысли

Маркса, разложение кастового строя, политическое объединение, внедрение современных средств сообщения и связи закладывали материальную основу для создания нового индийского общества после свержения английского ига [4, с. 158—159, 228—229]. Анализ Маркса вскрыл двойственный характер влияния колониализма на азиатские страны. Их ремесленное производство, а часто и сельское хозяйство, подчиняясь требованиям мирового рынка, с одной стороны, разрушались, что вело к обнищанию широких народных масс. С другой стороны, усвоение европейской техники создавало предпосылки для совершенно новых путей развития.

Европейская колониальная экспансия начиная со второй половины XIX в. рассматривалась большинством западных историков как цивилизаторская миссия, способствовавшая распространению элементов политической модернизации, современных форм ведения хозяйства и технических нововведений, просвещения, христианства. Одним из выразителей таких представлений был Л. фон Ранке, сформулировавший европоцентристские взгляды в «классической» форме. Концепция Ранке синтезировала христианскую идеологию и буржуазное понимание технического и социального прогресса. Европейская колониальная экспансия интерпретировалась им как непрерывный, постоянно расширяющийся процесс.

Частично это объясняется позднейшим восприятием европейских культурно-цивилизационных ценностей и экономических моделей как универсальных. Однако в XVIII и даже в начале XIX в. оценка европейского вклада в мировую историю и последствий колониальной политики в просветительской и экономической литературе была далеко не однозначной, что не только обуславливалось распадом к концу XVIII в. значительной части испанской, португальской, французской колониальных империй в Америке, но и восходило к первым контактам в XVI и XVII вв. с китайской и индийской культурой.

Создание новых колониальных империй в Азии и Африке способствовало быстрой перестройке европейского общественно-го мнения и утверждению упрощенных однолинейных моделей историко-экономического развития, в рамках которых неоправданно были объединены различные по своему социально-экономическому содержанию этапы колониальной экспансии, начиная с Реконкисты и даже крестовых походов и кончая империалистическим разделом мира и борьбой за его передел.

В последние годы европоцентристская трактовка мировой истории подверглась существенной переоценке. История Европы представляется теперь как одна из фаз глобального процесса, важными составляющими которого являются и неевропейские цивилизации, внесшие не меньший вклад в формирование нынешнего облика планеты. Колониальная экспансия делится на два основных периода: ранняя европейская и последовавшая за промышленной революцией. Такая периодизация

колониальной экспансии связана с выделением доиндустриального этапа новой истории и, конечно, поисками точки отсчета нового времени («открытие» Америки, Реформация и т. п.).

«Европейское превосходство» в контексте социокультурного и технико-экономического развития Евразии наметилось, по мнению У. Макнейла, только к началу XVI в. Этот американский ученый выделяет в истории Евразии период доминирования Ближнего Востока (до V в. до н. э.); период евразийского культурного и экономического баланса (до 1500 г. н. э.) и последующее возникновение нового евроатлантического исторического пространства, в рамках которого западная цивилизация начинает обгонять Восток (см. [221]).

Среди западных ученых существуют значительные расхождения в сравнительной оценке потенциала Запада и Востока. Так, по мнению Л. Уайта, европейская экспансия обеспечивалась технологическим превосходством, которое формировалось в XII—XV вв. не только в результате чисто технического прогресса, но и вследствие появления элементов социокультурного характера. Этой же точки зрения придерживается К. Чиполла (см. [169]). В то же время такие авторы, как Д. Нидхам, позже Ф. Бродель и П. Шаню, подчеркивают высокий уровень развития Китая и ставят вопрос о том, почему мировая экспансия этой державы не упредила европейское проникновение на Восток.

Можно выделить три основных подхода западных ученых к трактовке раннего этапа европейской колониальной экспансии: идеологический, транспортно-торговый, административный. «Идеологический» подход присущ в основном испанским, португальским и австро-германским историкам, выступающим с прямой апологией христианской миссии европейских католических держав [167; 174; 245; 256]. «Транспортно-торговый» аспект связан с концепцией «атлантической цивилизации», разделяемой рядом американских и французских историков. Исследования Ф. Броделя, посвященные роли торговли и коммуникаций в функционировании средиземноморской цивилизации, послужили исходным теоретическим и методологическим материалом для работ этих ученых [160; 166; 223; 226]. «Административная» трактовка ориентирована преимущественно на изучение структурно-функциональных механизмов колониальных империй и, таким образом, предполагает определенную зрелость и институционализированность исследуемых объектов [192; 236].

«Атлантические» нации проложили мировые торговые коммуникации, основали заморские империи и обеспечили континент европейского преобладания как на доиндустриальной стадии колониальной экспансии, так и после промышленной революции. Проблема взаимосвязи экспансии и индустриализации, а также характер ранней колониальной экспансии заслуживают, по мнению западных ученых, более подробного анализа.

Ранняя колониальная экспансия европейских держав не может рассматриваться как «чисто» современный феномен. Этот процесс имеет и ряд характеристик прежних миграций и завоеваний. Хотя многие западные историки, в частности Р. фон Альбертини, трактуют раннюю колонизацию в контексте «традиционных» завоеваний, Э. Шулин выделяет такую специфическую черту, как морской и торговый ее характер, который отошел на второй план в исторических исследованиях из-за переноса акцента на первые открытия и завоевания, а позднее на империалистическую политику. «Европейцы, — отмечает Э. Шулин, — создавали торговые организации, а не колониальные империи» (1283, 1985, т. 6, № 3, с. 261]; см. также [193, с. 6, 310]) и при этом опирались не на военно-техническое превосходство, а на политико-дипломатические преимущества. В ранней колониальной экспансии, по мнению Э. Шулина, необходимо выделять различные компоненты, как восходящие к традиционным формам, так и представляющие элементы колониальной политики образца XIX в. Причем новый тип колониальной экспансии был результатом внутриевропейского развития, а не внешних влияний.

Гипотетический евразийский «культурный баланс» просуществовал до начала XVI в. С этого времени прогресс в области экономики, техники и технологии, естественных наук, вооружений становится европейской привилегией, несмотря на то что Китай, Индия и некоторые другие страны в этот период не испытывали серьезного давления извне. Из-за торможения на Востоке технического прогресса, приведшего в конечном счете к промышленной революции в Европе, нельзя, полагает Э. Шулин, считать, что в Китае эпохи династии Мин или в Японии эпохи Токугава не происходило изменений. На этом основании он характеризует концепцию «традиционного общества» как недостаточную.

Понятия «традиционный» и «современный» возникают в силу неравномерности экономического и политического развития. Дихотомия — современный центр и традиционная периферия — берет начало с образования раннеклассовых обществ, окруженных первобытными. По мере развития человеческого общества традиционность становится все более многослойной. Она представляет институционализированную социально-экономическую структуру, которая функционирует на основе нововведений, теперь ставших обычными, рутинными. В этом смысле капитализм является традиционно рациональной системой.

Концепция «традиционного общества» обычно ассоциируется с представлениями об отсутствии необходимых компонентов для динамического развития, имманентной статичности и т. п. Картина преимущественно натурального аграрного хозяйства дополняется описанием разветвленного механизма бюрократической деспотической власти. Однако статичность предполагает отсутствие всяких изменений. Адекватное применение концепции

«традиционного общества» возможно лишь тогда, когда она предполагает не абсолютное отсутствие изменений в общественной системе, а блокирование изменений, импульсов развития (технического прогресса, товарного производства) или незначительную структурную модификацию, которая означает квазистабильность системы при сохранении ее основных параметров. Именно такая стабильность экономического базиса существовала на Востоке до европейской колонизации.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс вводят периодизацию складывания предпосылок развития капитализма: первый период — конец XV — начало XVI до середины XVII в.; второй период — середина XVII — конец XVIII в.; третий период — с конца XVIII в. (см. [19, с. 58]). Данная периодизация является инструментальной при выделении этапов формирования мирового рынка и колониальной системы.

Технический прогресс, который набирал силу в европейском регионе начиная с XII в., широко реализуется в период с конца XV до середины XVII в., когда произошел качественный скачок производительных сил. Расширение энергетической базы за счет широкого использования водяных и ветряных мельниц, агрикультурные улучшения, сдвиги в технологии обработки металлов, появление точного машиностроения, книгопечатания, овладение техникой строительства специализированных многомачтовых судов, используемых в океанских плаваниях с военными целями, для ловли рыбы, торговых операций, совершенствование огнестрельного оружия и распространение морской и сухопутной артиллерии свидетельствовали не только о достижении паритета с Востоком, но и о том, что по отдельным компонентам технико-экономического развития он начал стремительно отставать от Запада, особенно в области военно-технического потенциала, а также тактики ведения военных операций.

Технический прогресс в европейских странах в первый период становления капитализма сопровождался важнейшими сдвигами в организационной структуре производства, частичным переходом от ремесленного производства к мануфактуре, зарождением на этой основе капиталистического уклада в промышленности, формированием национальных рынков и расширением внутриевропейской, балтийской и отчасти средиземноморской торговли.

Укрепление абсолютистской власти на стадии позднего феодализма и завершение формирования предпосылок капиталистического развития способствовало усилению внешней агрессивности европейских государств. Одним из направлений такой агрессии оказались Новый Свет и некоторые регионы Востока, характеризовавшиеся высокой материальной культурой.

На первом этапе становления мирового рынка развертывается испано-португальская колониальная экспансия, инициаторами которой стали наиболее реакционные и отсталые феодальные державы. Ранний этап колониальной экспансии сопровож-

дался военным грабежом, контрибуциями, основанием факторий, плантаций и т. п. Расширялась мировая торговля путем установления новых маршрутов и торгово-колониальных контактов. Тем не менее на этом этапе колониальная торговля играла незначительную роль в общем объеме коммерческих операций европейцев.

Важными вехами, отличающими наступление второго этапа становления мирового рынка и колониальной системы, были поражение феодальной реакции, пытавшейся при поддержке империи Габсбургов осуществить наступление в европейском масштабе, победа буржуазных революций в Нидерландах и Великобритании и окончательное закрепление лидерства Северо-Западной Европы не только в экономической, но и в военно-политической области, дальнейшее распространение мануфактурного производства и его расцвет в XVII в., укрепление и расширение капиталистического уклада в промышленности и сельском хозяйстве этих государств.

В это же время происходит включение районов Восточной Европы в формирующийся мировой рынок в качестве полупериферии, специализировавшейся на производстве и поставках сырья для промышленности (железная руда, лес) и сельскохозяйственных продуктов массового спроса (зерно), подрывается экономическая целесообразность сухопутной торговли Азии с Европой, итальянские государства утрачивают свои прежние позиции, хотя в XVI в. вопреки распространенным представлениям они участвовали в коммерческих операциях не менее активно, чем Португалия.

Возрастающее значение для развития экономики западноевропейских стран приобретает атлантическое хозяйственное пространство и торговля. Из этого региона помимо серебра и золота начинают поступать продовольственные и сырьевые товары (сахар, табак, индиго, лес, рыба и др.), широкое распространение получает работорговля. В то же время формируются условия для внешней торговли продукцией обрабатывающей промышленности (текстильной, металлургической и др.). Таким образом складываются элементы международного разделения труда, от торговли излишками (экстенсивная коммерциализация) происходит переход к интенсивной коммерциализации. Это относится и к Востоку, хотя в меньшей мере.

Характеризуя ранний этап европейской капиталистической эволюции, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что «мануфактура и вообще все развитие производства достигли огромного подъема благодаря расширению сношений, вызванному открытием Америки и морского пути в Ост-Индию. Новые, ввезенные оттуда продукты, в особенности вступившие в обращение массы золота и серебра, которые радикально видоизменили взаимоотношения классов и нанесли жестокий удар феодальной земельной собственности и трудящимся, авантюристические походы, колонизация, и прежде всего, ставшее теперь возможным и изо

дня в день все в большем объеме совершавшееся расширение рынков до размера мирового рынка — все это породило новую фазу исторического развития...» [19, с. 56—57].

На Востоке инициативу у Португалии и Испании перехватили голландские и британские торговые компании, которые помимо расширения евразийской торговли, дальнейшего вытеснения из региональной торговли азиатов, прежде всего арабов, переходят к созданию плантационных хозяйств и организации принудительных поставок. По мере совершенствования мобильной сухопутной артиллерии и тактики ее применения, выработанной во время тридцатилетней войны в Европе, количественно малочисленные европейцы получили возможность активно вторгаться на территории восточных государств.

Внешние факторы динамизации капиталистического развития Европы неравномерно распределялись в региональном и временном аспектах. Их адекватное иерархическое построение позволяет проследить процесс становления мирового рынка. В XV—XVI столетиях, несмотря на открытие Вест-Индии и Ост-Индии, региональная европейская торговля сохраняла решающее значение для формирующегося капиталистического уклада. Из колоний поступали золото и серебро, пряности, предметы роскоши и пока незначительное количество рабов. В XVII—XVIII вв. происходит диверсификация межконтинентальной торговли, которая стала включать продукцию текстильной промышленности из Азии, продовольственные и сырьевые товары массового спроса из Вест-Индии и Ост-Индии, экспорт продукции обрабатывающей промышленности из Европы в Америку. Конфигурация мирового рынка сложилась к середине XVIII в. в результате установления систематических торговых связей и формирования элементов международного разделения труда между практически всеми частями света, их иерархического построения, централизованного вокруг Северо-Западной Европы.

Важное методологическое значение для понимания социальных и экономических последствий образования мирового рынка имеет концепция «второго издания крепостничества» в странах Восточной Европы. К. Маркс писал: «Народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т. д., вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу...» ([7, с. 247]; см. также [15, с. 327—349]). Становление капиталистического способа производства в странах Западной Европы привело не только к модификации феодальной эксплуатации в относительно отсталых аграрных странах Восточной Европы, но и к созданию зависимых зон в Новом Свете, а позднее и в Азии и в Африке.

Военно-политическая и торгово-экономическая экспансия европейских держав претерпела значительные изменения на протяжении пяти столетий. Если первоначально военное превос-

ходство и военная основа политического и экономического господства были решающими, то впоследствии центр тяжести сместился в сторону различных форм экономической зависимости.

В историческом плане становление и развитие европейского колониализма прошло четыре основных этапа, для которых характерна специфика структурных и функциональных признаков: две фазы ранней колониальной экспансии — феодальная, или традиционная, собственно раннекапиталистическая и капиталистическая колониальная экспансия после промышленной революции в Англии. С массированным экспортом капитала в эпоху империализма начинается качественно новый, четвертый этап взаимодействия центра и периферии, создания устойчивых хозяйственных связей на основе международного разделения труда, формирования интегрированной мировой капиталистической системы, синтезирующей разнопорядковые структурные элементы.

Четыре этапа в истории становления и развития колониальной системы и мирового рынка примерно соответствуют четырем периодам эволюции европейского капитализма: первоначального накопления и генезиса капитализма в Западной Европе (конец XV—середина XVII в.); расцвета мануфактурного капитализма (середина XVII—конец XVIII в.); домонополистического промышленного капитализма (конец XVIII—конец XIX в.); монополистического капитализма (империализма), в ходе первой мировой войны переросшего в государственно-монополистический* (табл. 3). Таким образом, четыре этапа развития колониализма соответствуют преобладанию в экономике метрополий феодальных элементов, торгового, промышленного и финансового капитала. Значительно различаются методы и формы экспансии, ее воздействие на традиционный экономический базис колоний и зависимых стран, с одной стороны, и на темпы капиталистического развития метрополий, формирование мирохозяйственных связей, международного капиталистического разделения труда — с другой.

2. Внутривосточная политическая и экономическая борьба на начальном этапе колониальной экспансии

Проблематика начального периода колониальной экспансии (конец XV—середина XVII в.) включает ряд спорных и еще не выясненных до конца вопросов. Совершенно очевидно, что в

* Следует отметить, что данная периодизация, общепринятая в марксистской литературе, имеет достаточно условный характер, так как основные макроструктурные параметры «свободной рыночной экономики» (политическая сфера, хозяйственный механизм), сформировавшейся в рамках английской модели, по существу, являются стабильными со времен «Славной революции» 1688 г. Представляется, что происходящие изменения можно рассматривать как маятниковые, а технический прогресс и рост социального благосостояния вторичны по отношению к кибернетической структуре системы.

Таблица 3

Этапы становления мирового рынка и колониальной системы и развитие европейского капитализма

Технико-экономическое развитие	Социально-экономическое и политическое развитие	Мировой рынок	Колониальная периферия
Первый период: конец XV — середина XVII в.			
<p>Качественный скачок в развитии производительных сил европейского общества в результате технического прогресса, нараставшего с XII в.; начало перехода от ремесленного к мануфактурному производству; достижение технического паритета с Востоком к концу XIV — началу XV в.; военно-техническое превосходство, особенно на море, к концу XV в.</p>	<p>Поздний феодализм, становление абсолютистской монархии, усиление агрессивности внешней политики; зарождение капиталистического уклада в промышленности и сельском хозяйстве; формирование национальных рынков; наступление католической феодальной реакции во главе с Габсбургами; мультицентризм в экономической и военно-политической сфере; династические войны</p>	<p>Великие географические открытия, экстенсивное освоение новых торговых путей; появление в европейском торговом обороте новых товаров; расширение масштабов традиционной торговли между Западом и Востоком за счет благородных металлов из Америки; расширение работорговли; сохранение решающего значения внутриевропейской региональной торговли в процессе становления капитализма на северо-западе Европы; включение Восточной Европы в намечающуюся конфигурацию мирового рынка в качестве аграрно-сырьевой «полупериферии»; перемещение центра европейской и мировой торговли на северо-запад Европы; политика меркантилизма</p>	<p>Первая волна колониализма, начатого Испанией и Португалией и сконцентрированного в основном в Америке и бассейне Индийского океана; господство внеэкономических методов эксплуатации; разрушение традиционного хозяйственного базиса в Новом Свете; появление плантационных хозяйств и рудников; основание торговых факторий на Востоке и монополизация океанских торговых путей; вытеснение азиатов из внутрирегиональной торговли в Индийском океане</p>

Технико-экономическое развитие	Социально-экономическое и политическое развитие	Мировой рынок	Колониальная периферия
--------------------------------	---	---------------	------------------------

Второй период: середина XVII — конец XVIII в.

Дальнейший рост мануфактурного производства; диверсификация промышленности; появление мобильной полевой артиллерии; углубление национального и формирование международного разделения труда; складывание предпосылок и начало промышленного переворота в Великобритании

Расширение и укрепление позиций капиталистического уклада; господство мануфактурного капитализма; поражение феодально-католической реакции и победа буржуазных революций в европейском масштабе; торговые войны; концентрация экономической и военной мощи на северо-западе Европы; ослабление Испании и Португалии в собственных колониях и утрата монопольных позиций на океанских торговых путях

Интенсификация мировой торговли, рост ее региональной и страновой специализации; переход к активному воздействию на периферийные районы с целью придания им экспортной или импортной ориентации; возрастание значения торговли с Новым Светом и Востоком для динамизации капиталистического развития Европы; диверсификация номенклатуры товаров мирового рынка; увеличение оплачиваемого драгоценными металлами импорта готовой продукции (текстиль и др.) из стран Востока; формирование рынка в Северной и Южной Америке; расцвет работоторговли; завершение процесса формирования мирового рынка в результате установления систематических отношений практически между всеми частями света, их определенной специализации и иерархического построения во круг северо-запада Европы

Вторая волна колониализма молодых буржуазных государств — Нидерландов и Великобритании и феодально-абсолютистской Франции; интенсивное развитие переселенческих колоний в Северной Америке; рост плантационного хозяйства в Восточной Индии и на островах Малаккского архипелага; начало крупных территориальных захватов в Азии с помощью использования мобильной полевой артиллерии и наемных армий; установление европейского превосходства не только на море, но и на суше; трансформация экономического базиса азиатских государств (Индонезия, Индия) под воздействием европейской военной и экономической политики; начало деколонизации Америки

первой половине XVI в. эта экспансия проводилась двумя европейскими феодально-абсолютистскими монархиями, феодальными методами и легитимировалась идеологией, унаследованной от эпохи крестовых походов. Однако уже к концу XVI в. обнаружилось, что наибольшие выгоды от заморских походов и завоеваний капилинали нарождавшиеся в экономической структуре Европы капиталистические элементы и правительства, им покровительствовавшие. Очевидно также, что приток товаров и драгоценных металлов из колоний не стимулировал капиталистической эволюции Испании и Португалии в XVI—XVII вв. Он скорее способствовал консервации феодальных структур в системе этих абсолютных монархий. Поступления денежных средств извне избавляли королевскую власть от необходимости считаться с интересами буржуазии (как налогоплательщика) и позволяли опираться на наиболее реакционные военные и церковные круги.

Первоначально колониальные захваты укрепили позиции сил, сгруппировавшиеся вокруг дома Габсбургов, владевшего в XVI в. кроме Испании и Австрии Нидерландами, Неаполитанским королевством, Миланским герцогством, короной Германской империи, Чехией и претендовавшего на венгерский престол и ряд феодальных владений в Германии. Карл V стремился превратить свои разбросанные владения в «единую всехристианскую империю» [108, с. 323].

Притязания Габсбургов противоречили определившейся уже в Западной Европе тенденции к формированию национальных государств и развитию социально-экономических предпосылок зарождения капитализма. С первой половины XVI в. абсолютная монархия во Франции и распространявшаяся церковная Реформация были главными препятствиями на пути Габсбургов к гегемонии в Европе.

Другой помехой планам создания «всехристианской империи» стала турецкая опасность на Средиземном море и наступление турок на Балканах, их походы в Венгрию и Австрию. Войны с Францией и Османской империей поглощали практически все поступавшее из Америки золото и серебро, а также займы, полученные от немецких и итальянских банкиров.

Несмотря на первоначальные победы над Францией и успешную оборону Вены от турок (1529 г.), стремление к объединению Европы под властью дома Габсбургов оказалось нереальной целью. Северная Африка (Триполи, Тунис и Алжир) после дорогостоящих военных экспедиций испанцев (осада Туниса и Алжира) и длительного сопротивления перешли под власть турецких султанов. В Германии Карл V потерпел поражение от своих вассалов — германских князей, принявших протестантизм. Результатом было отречение его от престола и распад владений Габсбургов на две части — Испанию со всеми ее американскими и итальянскими владениями, доставшуюся сыну Карла V Филиппу II, и Австрию, отошедшую

вместе с короной Германской империи брату Карла Фердинанду I.

Филиппу II, уже не связанному непосредственно германскими делами, удалось некоторое время поддерживать испанскую гегемонию в Западной Европе и католическую контрреформацию. Этому способствовало ослабление Франции в результате религиозных войн (1562—1594). В 1581 г. Филипп II стал также португальским королем, и, таким образом, под его властью оказались все колониальные владения, которыми тогда обладали европейцы. Это были последние крупные успехи Испании. Во второй половине XVI в. политика испанской абсолютной монархии как в европейских владениях и колониях, так и в системе международных отношений приобрела черты откровенной феодальной реакции, подавляющей все элементы капиталистического развития и сопутствующего ему свободомыслия. Результатом этого явилась растущая оппозиция испанской политике и влиянию там, где капиталистическая трансформация происходила наиболее быстрыми темпами — в Нидерландах и Англии.

Ответом на попытку ввести средневековое феодальное налогообложение в Нидерландах было восстание, ознаменовавшее начало первой буржуазной революции, приведшей к освобождению страны из-под власти испанских королей (см. [272, 1981, № 3, с. 64—81]). В это время в Европе решался вопрос, какие элементы общества смогут воспользоваться результатами как собственного экономического роста, так и теми богатствами, которые поступали из Азии и Америки.

Вслед за Нидерландами в борьбу с Испанией вступила Великобритания. Еще в середине XVI в. английские купеческие компании и отдельные судовладельцы вели контрабандную торговлю с колониями Испании в Америке и участвовали в пиратских набегах. Они грабили суда, перевозившие золото и серебро в метрополию, побережье и города на Карибских островах и в «испанской» Америке. Протестантская Англия поддержала восстание нидерландских провинций и в период ослабления Франции стала для Филиппа II и католической реакции основным препятствием в их борьбе с мятежниками и протестантами.

Филипп II стремился разубить узел одним ударом — вторжением в Великобританию. Однако Великая армада — огромный по масштабам того времени флот с десантной армией в 20 тыс. испанских солдат — летом 1588 г. потерпела поражение в проливе Ла-Манш и на Северном море. Через восемь лет, в 1596 г., английские корабли вторично разгромили испанский флот в его собственной гавани в Кадисе. Второй тур борьбы Испании за господство в Европе закончился поражением. Вслед за этим развернулась борьба Нидерландов и Великобритании с монополией Испании и Португалии на торговых путях и колониальных территориях.

Для того чтобы раскрыть причины резкого ослабления первых колониальных держав и изменения соотношения сил в Ев-

ропе, необходимо остановиться на особенностях экономического развития метрополий в XVI в. и их заморских владений.

После открытия Америки испанцами (1492 г.) и пути в Индию вокруг Африки португальцами (1498 г.) в течение первых десятилетий XVI в. испанцы захватили все наиболее культурные и богатые области Центральной и Южной Америки, а португальцы создали цепь фортов и ряд факторий на азиатском побережье и островах подобно тому, как это было сделано на западном побережье Африки. Мексика была завоевана в 1519—1521 гг., Перу, Эквадор и Боливия — в 1531—1533 гг. В 1510 г. португальцы захватили порт Гоа в Индии, а в 1511 г. — порт и город Малакку. Позднее, в 1557 г., после вооруженных столкновений, переговоров и подкупа местной администрации, они получили в аренду острова и порт Макао у южного побережья Китая. В 1580 г. испанцы достигли Японии.

Испанская колонизация в Америке привела к захвату обширных территорий с многочисленным населением. Это удалось сравнительно легко, так как даже наиболее цивилизованные народы Америки в хозяйственном отношении находились на стадии раннего бронзового века и не могли оказать действенного сопротивления захватчикам. Традиционный экономический базис был в значительной степени разрушен в ходе завоевания и формирования колониальных хозяйственных структур. В социально-экономической и политической истории этого региона открылась новая глава, содержание которой определялось преобладанием европейского элемента на всех уровнях общественной системы.

Основным предметом экспорта из Америки в течение почти всего XVI в. были золото и серебро, захваченные у туземцев, а позднее серебро, добываемое на рудниках при помощи принудительного труда аборигенов. Лишь к концу века появились сахарные плантации, на которых работали привезенные из Африки негры-рабы. В испанских владениях первоначально действовала система репартименто, в рамках которой аборигены-индейцы эксплуатировались как рабы. В 1542—1545 гг. была введена новая система — энкомьенда, согласно которой они являлись вассалами короля, но фактически превращались в крепостных испанских колонистов и церкви. Идеологической основой этой политики служило обращение индейцев в христианство. Королевская казна и феодальная знать непосредственно эксплуатировали колонии благодаря использованию монопольных прав короны и участию в бюрократическом управлении захваченными землями (см. [273, 1984, № 7, с. 27—33]).

Португалия, действовавшая в Южной Азии, не могла захватывать столь обширные территории, поскольку ее сухопутная армия была малочисленна и не обладала существенными техническими преимуществами по сравнению с индийскими и китайскими войсками. Используя свой сильный флот, оснащенный артиллерией, португальцы на короткий срок захватили

почти всю торговлю пряностями, шелком и лаками в Индийском океане и «южных морях», а также организовали работоторговлю в Индии (Гоа) и Португалии.

Коммерческие операции с колониями были объявлены монополией короны и велись на судах королевского флота. Частные лица могли участвовать в них только по лицензиям. Вместе с тем лидерство португальцев в торговле пряностями не изменило характера сложившейся в позднее средневековье европейской коммерции. Об этом свидетельствуют данные как о средиземноморской торговле XVI в., так и о составе товаров, доставляемых ежегодно на рынок в Антверпен, где с 1531 г. функционировала первая биржа*. Венецианская торговля пряностями только ненадолго была нарушена португальцами. Вскоре обнаружилось, что португальцы не могут эффективно контролировать морские торговые коммуникации, особенно после того как турки захватили Аден. Цена перца, доставлявшегося вокруг Африки, мало отличалась от цены товара, поступавшего старыми сухопутными маршрутами. С 1550 по 1570 г. обеими путями в Европу доставлялось приблизительно одинаковое количество перца и пряностей. В периоды войн между Османской империей и Испанией торговля пряностями между Востоком и Западом на Средиземном море прекращалась, но в целом процветала до конца XVI в. Лишь голландцам удалось в XVII в. монополизировать торговлю пряностями в Европе, полностью устранив Венецию [26, с. 164—167].

Данные об Антверпене, центре северной торговой зоны, относящиеся к 1555 г., моменту его наивысшего процветания и влияния, свидетельствуют, что европейская экономика большую часть XVI в. функционировала более оживленно и эффективно, но в основном в тех же пределах и по тем же путям, как и до Великих географических открытий. Известно описание Антверпена Гвиччардини, относящееся к 1560 г. (см. [178, с. 308—311]). Он дал оценку приблизительной стоимости и объема представленных на антверпенском рынке товаров. По его данным, годич-

* Упоминания о собраниях купцов в Брюгге, получивших название биржи по имени патрицианской купеческой семьи, в доме которой они происходили, относятся еще к XIII в. Первая международная биржа была создана в Антверпене в 1531 г., несколько позднее, в 1546 г., возникли биржи в Лионе и Тулузе (Франция), примерно тогда же в Аугсбурге и Нюрнберге (Германия) и только в 1570 г. построено здание биржи в Лондоне. В. Зомбарт считал, что биржа возникла в XVI в., потому что именно в это время начали разрушаться средневековые гильдии. В этом смысле биржа стала новой формой организации купечества. Она базировалась не на средневековых сословных связях, а на чисто экономической заинтересованности купцов в деловом сотрудничестве и деятельности вне зависимости от нации и языка. Биржи XVI в. были, конечно, не фондовыми, которые возникли только в первой половине XVII в., а местом оптовой торговли товарами, которые хранились на близлежащих складах. Здесь же выдавались векселя и заключались договоры на страхование имущества. Постепенно эта деятельность вызвала к жизни купеческие корпорации и торговые палаты, которые служили для связи между коммерсантами и государством (см. [252, с. 561—566]).

ная стоимость антверпенской торговли достигала 15 млн. золотых крон. Товарный состав торгового оборота по странам представлен в табл. 4. Отметим, что товары атлантической торговли в нем еще не отражены.

Т а б л и ц а 4

Торговый оборот Антверпена *,
млн. крон

Направление торговли	Оборот
Италия	
Шелк и другой текстиль	3,00
Германия	
Льняные ткани	0,60
Вино	1,50
Балтика	
Зерно	1,68
Франция	
Вино	1,00
Вайда (краситель)	0,30
Соль	0,18
Испания	
Шерсть	0,625
Португалия	
Пряности	1,00
Англия	
Шерсть	0,25
Сукно	5,00

* [178, с. 312].

Однако вскоре экономическое значение Антверпена было сведено на нет в результате буржуазной революции в Нидерландах и блокады устья Шельды в ходе войны. До начала XVII в. характер европейской торговли оставался прежним как на Средиземном море, так и на пути в ганзейские города балтийского побережья.

В Средиземноморье издавна существовала торговля зерном. До 50 тыс. т зерна в год на венецианских, генуэзских и рагузских кораблях завозилось во Флоренцию, Геную, Рагузу, Неаполь, города восточного побережья Испании. Источниками зерна были Апулия и Сицилия, контролируемые Испанией. Сицилия с 1532 по 1578 г. экспортировала ежегодно 10 тыс. т зерна в Испанию и Геную. Лицензия на вывоз стоила от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ цены зерна. Если в Сицилии платили 10 реалов за фанеда (мера веса), то в Аликанте 22,5 реала. Венеция получала зерно из Египта и других стран Ближнего Востока [26, с. 155—159]. Но уже во второй половине XVI в. войны и рост населения привели к прекращению поступления зерна из восточного Средиземноморья. В XVII в. начался импорт его с севера, с Балтики, на голландских и английских кораблях. С 1585 г. стали

завозить в больших количествах в страны Средиземноморья рыбу (нюфаундлендскую треску и сельдь из Северного моря) на голландских судах. В XVI в. продолжалась морская торговля оливковым маслом, вином и сыром. Италия получала сладкое вино (мальвазия) с Крита и Кипра, оттуда же и из Южной Испании поступал сахар; шерсть в Италию в начале XVI в. экспортировала Испания, но в XVII в. конкуренцию Италии составила Фландрия, а поступления второсортного сырья из Северной Африки, из балканских стран и Леванта привели к ухудшению качества и сокращению объема выпускаемой продукции. Шелк-сырец из Сирии и Испании поступал на рынки Мессины и Неаполя. Кожы из Северной Африки шли в Италию и Испанию. Во второй половине XVI в. их стали экспортировать Польша, Россия и даже страны Нового Света.

На Восток продолжали экспортировать кораллы, обработанные в Генуе, медь из Южной Германии, свинец и олово из Англии, бумагу из Генуи, венецианское стекло, песочные часы, которые использовались на кораблях. Шерстяные ткани из Флоренции продавались по всему Средиземноморью и достигали Алеппо. Важной статьей экспорта на Восток были миланское оружие, латы и относительно дешевое вооружение из Южной Германии [26, с. 161—163].

Североевропейская торговля в отличие от средиземноморской охватывала преимущественно товары массового спроса и сырье. На Северном и Балтийском морях в начале XVI в. соперничали две крупные морские силы: Нидерланды и Ганзейский союз немецких городов. Ганза в это время еще пользовалась большими привилегиями. Конкурентная борьба велась за преобладание в торговле зерном, солью и соленой рыбой, шерстяными тканями, лесом. Переориентация в конце XVI в. торговли с Антверпена на Амстердам была невыгодна Ганзе. Мощь голландского флота, дешевый фрахт, как и растущее использование Зундских проливов для перевозок из Северного моря в Балтийское, ставили ганзейские города (особенно Любек) в невыгодные условия. Восточные города Ганзы проявили прямую заинтересованность в голландской торговле, в результате чего Ганзейский союз распался. Таким образом, и в северной торговой зоне изменения произошли не под влиянием открытия Америки, а вследствие поражения феодальной Испании (конец XVI в.) и расцвета Нидерландов. Однако в отличие от средиземноморской торговли, испытавшей в XVII в. упадок, балтийская торговля начала бурно развиваться, в чем была заинтересована молодая голландская и английская буржуазия.

В начале XVI в. через Зундские проливы в течение года проходило около 1,3 тыс. кораблей, а к концу столетия уже 5 тыс. Это были корабли малого тоннажа (менее 200 т). К середине XVII в. количество кораблей уменьшилось до 3 тыс., но грузоподъемность многих из них уже превышала 200 т, большинство этих кораблей принадлежало Нидерландам. В 1670 г.

более 735 голландских кораблей были постоянно задействованы в торговле на Северном и Балтийском морях. Их средний тоннаж составлял около 280 т и, следовательно, общий — 207 тыс. т. Данная величина находилась в пределах от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всего голландского торгового флота. До XVIII в. преобладавшие голландцев в балтийской торговле зерном никто не мог серьезно оспаривать (см. [26, с. 170—171]).

Прямое воздействие открытия Америки на европейскую экономическую политику началось с борьбы за источники золота и серебра, а когда Англии и Франции не удалось основать колонии, аналогичные Мексике и Перу, их флот занялся морским пиратством и набегами на испанские владения. Хозяйственные последствия колонизации Нового Света в Европе очень долго (до середины XVII в.) выражались в поступлении благородных металлов, а не ввозе новых товаров.

Беспрецедентный рост цен в Европе с 1500 г. объясняли широким распространением золотых и серебряных монет. Хотя в XX в. причины этой инфляции пытались пересмотреть, однако монетарная гипотеза была лишь модифицирована, но не отвергнута. В качестве дополнительных причин отмечены: рост европейского населения в XVI—начале XVII в., а также валютные манипуляции европейских правительств, в частности порча монист. Там, где рост цен был особенно стремительным (Испания), в первую очередь страдали ремесленники. Крестьяне, земельные держания которых не были достаточно юридически обеспечены, теряли свои участки или были вынуждены соглашаться с повышением ренты. Однако увеличение массы денег в обращении оказывало стимулирующее воздействие на банковское дело и международную торговлю.

В остальном влияние открытия Америки на европейскую торговлю в течение XVI в. было незначительным. Хозяйственная значимость как северной торговой зоны (Ла-Манш — Северное море — Балтика), так и южной (Средиземное море) не изменилась до конца XVI в. Венецианская торговля и итальянская промышленность продолжали развиваться. Голландское и ганзейское проникновение в Средиземное море наметилось не ранее последних лет этого века.

Благодаря поступавшему из Нового Света золоту и серебру Западная Европа не только покрыла дефицит в торговле с Индией и Дальним Востоком, но и получила возможность импортировать зерно и различное сырье из Восточной Европы. Высокие цены на Западе стимулировали перестройку экономики в отсталых восточноевропейских странах в соответствии с нуждами складывавшегося в Нидерландах, Великобритании и Франции капиталистического хозяйства. Другим следствием притока драгоценных металлов в Европу было падение процентных ставок. В середине XVII в. в Амстердаме можно было получить кредиты из 3% годовых [169, с. 229]. Такой низкий процент был совершенно необычным для европейской экономи-

ки. В античные и средние века денежные займы выдавались под огромные проценты. Изменение положения способствовало активизации морской торговли и развитию мануфактурного производства в начале XVII в.

Испания же использовала поступающие в ее казну из колоний огромные средства на войны за господство в Европе. Содержание наемных армий в то время обходилось очень дорого, и испанское правительство, занимавшее деньги у генуэзских банкиров и Фуггеров, было вынуждено несколько раз объявлять о своем банкротстве. Непроизводительные расходы подрывали не только собственно испанскую экономику, но и капиталистическое предпринимательство в других владениях Габсбургов. К концу XVI в. стало совершенно ясно, что борьбу выигрывает не Испания, а Великобритания и Нидерланды, которые смогли использовать новую экономическую ситуацию в свою пользу. Испания заключила мирный договор с Великобританией и Францией, пошла на перемирие с Нидерландами. В результате голландские и английские колонизаторы появились в Ост-Индии и на Карибских островах. На рубеже XVI и XVII вв. начинает меняться экономический и военно-политический баланс сил и в Европе. Возникает и укрепляется первая буржуазная республика, которая, создав мощный военный и торговый флот, угрожает переломить испано-португальскую колониальную монополию.

В 20-х годах XVII в., когда отношения между Великобританией и Нидерландами ухудшились и Стюарты, правившие Англией и Шотландией, из узко династических соображений стремились к миру с Габсбургами, Испания и Австрия перешли в наступление в Германии с целью подавить самостоятельность протестантских князей в пределах империи, захватить Нижний Рейн, выйти на побережье Северного и Балтийского морей, перерезать важнейшие для Нидерландов торговые пути в Скандинавию и Восточную Европу. Испания рассчитывала таким образом подавить независимость Нидерландов, а Австрия надеялась сделать императорскую власть в Германии реальной силой, осуществить свои планы создания мировой католической державы.

В 1618 г. в Европе началась тридцатилетняя война. Нидерланды возобновили военные действия против Габсбургов в 1621 г., когда закончился срок перемирия с Испанией. В войну, начавшуюся в Германии, постепенно втянулись почти все европейские государства. Дания, Швеция, Франция, защищая национальные интересы, начали военные действия. Только Англия осталась пассивной, оказывая протестантам в Германии незначительную финансовую помощь.

Россия была на стороне врагов Габсбургов в течение всей войны, снабжая их хлебом по низким ценам. Русско-польская война за Смоленск (1632—1634) помешала католической Польше принять участие в войне на стороне Австрии. Война

закончилась поражением Габсбургов и отторжением от Германии значительных территорий в пользу Франции и Швеции. Нидерланды утвердили свой суверенитет. Португалия отделилась от Испании, которая вынуждена была также уступить Франции территории на юге Нидерландов и Русселион.

Наряду с территориальными изменениями в Европе завершились экономические процессы, наметившиеся в конце XVI в. В первой половине XVII в. центр экономической активности окончательно переместился из Италии и Германии в Нидерланды и Великобританию. Подъем новых промышленных районов сопровождался не столько стагнацией бывших областей процветавшего производства в Италии и Германии, сколько их деградацией и рефеодализацией.

И тем не менее последствия войн, территориальная раздробленность, а также перемещение торговых путей из Средиземного моря в Атлантику не могут объяснить хозяйственный упадок большинства северогерманских городов, связанных с балтийской торговлей. Важным фактором возникшего разрыва между развивавшимся Северо-Западом Европы и регрессировавшими Югом и Центром было то, что в старых промышленных районах не произошел переход от цехового ремесла к капиталистической мануфактуре. Цеховые привилегии и ограничения даже ужесточились, в результате чего ранее процветавшее текстильное производство стало неконкурентоспособным.

В такой передовой стране начала XVII в., как Нидерланды, несмотря на сопротивление магистратов некоторых городов (Амстердам), уже не было серьезных препятствий для развития капиталистической мануфактуры. В этих условиях стало возможным беспрецедентное развитие кораблестроения и производства вооружений, широкий выпуск более дешевых видов тканей. Наоборот, в Италии и Германии цеховая организация труда не позволяла освоить новую технологию в развивающейся металлургии, керамическом, стекольном и текстильном деле. Квалифицированная рабочая сила из-за религиозных преследований и цеховых ограничений мигрирует в Нидерланды и Великобританию.

В то время как причины капиталистического развития Нидерландов и Великобритании вполне однозначны, отставание и регресс Италии и Германии обуславливались разнообразными факторами. Кроме политического (постоянные войны, испанское владычество), географического (перемещение морских торговых путей) и экологического (похолодание в Европе в XVII в. затруднило пользование альпийскими горными проходами для торговли между Италией и Германией) значительную роль играл институциональный фактор. Торговая конкуренция и военные поражения не заставили итальянцев отказаться от традиционных взглядов, обеспечивавших экономическое и культурное процветание в предшествующие века. Возникновение отсталых районов в Европе на фоне общего технического прогресса

и внешней экспансии лишний раз подчеркивает сложность проблем экономического развития.

Поражение Габсбургов и католической реакции нельзя понять без анализа технологических и хозяйственных сдвигов в Европе. Первые океанские корабли — каравеллы — появились на Пиренейском полуострове, но в оснащении их артиллерией португальцы еще в XV в. зависели от фламандцев и немцев. Центры литья бронзовых пушек находились тогда в Нидерландах, Германии и Италии [170, с. 30—32]. Попытки наладить собственное производство пушек и подготовку специалистов Португалии не удалось.

Подобное положение в XVI в. сложилось и в Испании, главным образом из-за нехватки специалистов. Хотя многие районы производства артиллерийского вооружения в Европе оказались в пределах испанских владений, но это не послужило для широкого привлечения в Испанию обученных рабочих и создания военной промышленности. Когда Нидерланды восстали, а Италия, отставшая к концу XVI в. в технологическом развитии, оказалась неспособной снабжать Испанию достаточным количеством пушек, то положение стало настолько опасным, что испанцы попытались по контрабандным каналам ввозить пушки из воюющей с ними Англии [170, с. 34, 35]. Одной из причин высоких военных расходов Испании было отсутствие у нее военной промышленности, которая могла бы снабжать ее многочисленные войска и флот.

Великобритания, не получавшая золото и серебро из Америки, вынуждена была совсем по-другому реагировать на обострение борьбы между европейскими державами в XVI в. Уже в 1545 г. англичане добились хороших результатов в литье чугунных пушек, к 1573 г. эта продукция достигла 500—600 т, а к 1600 г. — 800—1000 т. Хотя чугунные пушки по многим параметрам оставались хуже бронзовых (тяжелее, менее надежные), они имели важное преимущество — были в 3—4 раза дешевле. Поэтому к концу столетия чугунные пушки стали для англичан предметом экспорта на континент [170, с. 39—43].

Есть данные, что в столкновении с Великой армадой было задействовано 1972 английские пушки против 1124 испанских [170, с. 57]*. Это составляло превосходство в огневой мо-

* В очерке, посвященном истории артиллерии, Ф. Бродель, ссылаясь на В. Зомбарта, оценивает огневую мощь Великой армады в 2431 пушечных стволов. Данные, приводимые К. Чиполлой, книгу которого также использует Ф. Бродель, представляются более достоверными, хотя бы уже потому, что позволяют рационально объяснить поражение испанцев. Нельзя согласиться с основным выводом французского историка, к которому он пришел, опираясь на многочисленные, но, вероятно, не всегда точные данные. Он пишет, что, «принимая во внимание все продвижения и отступления, артиллерия не колебала границы крупных культурных комплексов...». Таким образом, Ф. Бродель настаивает на равнозначной способности к производству и адаптации военной техники различными государствами Европы и Востока, что, как будет показано, не соответствовало действительности [43, с. 420—422].

сти на 75%. Оно усугублялось новой конструкцией английских кораблей, приспособленных к маневрированию артиллерийским огнем.

Английскую технологию с различной степенью успеха заимствовали голландцы, от которых она распространилась на Вестфалию и Швецию. Развитие шведского производства артиллерийского вооружения было, несомненно, связано с ее участием в Тридцатилетней войне, но после заключения мира Швеция остается крупнейшим экспортером чугунных пушек.

Шведам приходилось вести военные действия в основном на суше, поэтому они первыми стали разрабатывать конструкции легких сухопутных скорострельных орудий, хорошо приспособленных для осады крепостей и сопровождения маневрирующей на поле боя пехоты. Уже в 1629 г. королевский литейный завод в Стокгольме начал производить пушки весом около 123 кг, обладавшие скорострельностью, в 3 раза превышающей быстроту перезарядки мушкетов того времени. К началу XVIII в. вес орудий уменьшился до 116 кг, а скорострельность возросла почти в 3 раза [170, с. 74].

Показательно, что Габсбурги, терпевшие поражения от шведов в Тридцатилетней войне и вынужденные отказаться от своих притязаний в Западной и Центральной Европе, смогли во второй половине XVII в. использовать выработанную в длительных внутриевропейских войнах военную технику и тактику, чтобы нанести поражение туркам под Веной (1683 г.) и, опираясь на союз с Россией, Польшей и Венецией, начать контрнаступление на османские владения на Балканах.

Военное превосходство европейцев стало очевидным не только на море, но и на суше. Тем самым создавались условия не только для захвата в Азии опорных пунктов на побережье, но и для подчинения и колониальной эксплуатации обширных территорий древних азиатских государств.

Одновременно с количественным и качественным сдвигом в вооружениях европейцы увеличивали число и совершенствовали корабли океанских флотилий. Португальские трехмачтовые каравеллы в конце XV в. обычно имели до 15 пушек, а иногда—30—40. Тоннаж каравелл Колумба составлял около 100 т. Когда в первой половине XVI в. поняли выгоду расположения пушек на главной палубе, а не только на наиболее высоких частях корабля (верхней палубе и башнях каравелл) и стрельбы из бортовых люков корпуса судна — портов, то появилась возможность увеличить количество и калибр пушек, не снижая устойчивости корабля. Совершенствовалась и парусная оснастка кораблей в соответствии с условиями океанского плавания.

После увлечения в первой половине XVI в. огромными по тем временам кораблями (водоизмещением около 1000 т) к 1550 г. начали строить галеоны, в конструкции которых синтезировались достижения морского и океанского кораблестроения того времени. Удлиненный корпус, как у галер, усовершенство-

важное парусное оснащение сочетались с более низкой посадкой, чем у каравелл, без возвышений на носу и корме. Галеоны были вооружены, имели хорошую маневренность и применялись для военных и торговых целей. Предполагают, что строительство галеонов началось в Испании, но очень скоро этот тип кораблей был заимствован и усовершенствован англичанами и голландцами.

Страны Средиземноморья, в том числе Испания, не смогли быстро и полностью перейти на новое техническое оснащение своих флотов, отказаться от гребных судов; тактика морского боя включала преимущественно таран и abordаж. В 1588 г. англичане победили Великую армаду, маневрируя и искусно используя свое превосходство в артиллерии. Их корабли были меньше испанских (водоизмещением в среднем около 200 т), экипаж состоял из опытных моряков, а не пехоты, посаженной на корабли [28, с. 477—481].

Народы стран Средиземноморья, в том числе испанцы и турки, остановились на предшествующей стадии развития морского флота и артиллерийской техники. В сражениях даже Испания использовала в основном гребные суда — галеры. Она не смогла создать и большого постоянного королевского военного флота и обеспечить производство пушек в количестве, достаточном для вооружения частных судов, привлекаемых во время войны. В отличие от этого в Османской империи по воле султанов создавались огромные флотилии, а потраченные в боях корабли быстро и дешево восстанавливали принудительным трудом покоренных народов. Суда эти были устаревших типов, в качестве гребцов на них использовались военнопленные. В области производства пушек и использования артиллерии в морском бою турки оставались на уровне XV в. Массивные орудия, стрелявшие каменными ядрами, зачастую были опасны для собственных кораблей. Все попытки турок бороться с португальцами в Индийском океане кончались поражениями, а в XVII в. и на Средиземном море они не смогли сохранить своих позиций [170, с. 84—100]. Неспособность могущественной Османской империи, которая вела длительную военную борьбу с европейцами, перенять технологический опыт противника, говорит о том, что не недостаток информации и материальных средств, а особенности общественного строя мешали модернизировать военные силы хотя бы в той степени, как в Австрии и Польше.

Поражение в Европе феодальных сил, сгруппировавшихся вокруг династии Габсбургов и испанского престола, создавало экономические и военно-технические предпосылки для расширения и углубления колониальной экспансии в странах Азии, Африки, Америки. Все новые европейские страны включались в ожесточенную военную и экономическую конкуренцию. В европейских государствах появились дисциплинированные наемные армии, использовавшие рационально разработанную военную

тактику, усовершенствованную артиллерийскую технику и индивидуальное ручное огнестрельное оружие. В этих условиях европейцы смогли начать территориальные захваты в Индии, Юго-Восточной Азии, на Балканах. На базе технического прогресса колониальная экспансия приобрела необратимый самоподдерживающийся характер. В Европе укрепляются позиции тех сил и государств, которые преуспели в колониальных предприятиях, те же, кто терпел поражения, постепенно сами превращались в объект военного грабежа — европейскую периферию.

Кроме совершенствования вооружений и кораблестроения развитие техники в XVI в. характеризуется улучшением горнорудного дела и широким применением новых видов топлива (каменного угля в Англии и торфа в Голландии). Передовая технология из Германии и Италии проникала в Великобританию и Нидерланды и стимулировала развитие не только рудного дела, но и гончарного, стекольного, металлургического производства, а также книгопечатания. В XVI в. публикуются многочисленные работы по разнообразным техническим дисциплинам. Наиболее известная из них — «De re metallica» немецкого автора Агриколы (1556 г.). Появился новый метод извлечения серебра из руды с помощью ртути. Инженерное дело характеризовалось разработкой и широким применением механических приспособлений и источников энергии (водяных и ветряных мельниц) для облегчения человеческого труда.

Однако основным материалом для производства механизмов оставалось дерево. Поэтому они были крупногабаритными и быстро изнашивались. Развитие металлургии лимитировалось нехваткой древесного угля. Коксующийся каменный уголь для выплавки чугуна еще не применялся, хотя каменный уголь широко использовался для отопления, гончарного и стеклотрубопроизводства. Только в слесарном и часовом деле применялись металлы и постепенно устанавливались стандарты точности, необходимые для дальнейшего развития механики и производства точных приборов. Технология не испытывала еще влияния науки и базировалась на чистом эксперименте. Однако в области совершенствования навигационных приборов, чрезвычайно важных в век географических открытий, была заметна связь математики и астрономии с развитием техники [26, с. 100—105].

Как в мореходном деле, так и в мануфактурном и сельскохозяйственном производстве почти до конца XVII в. лидировали Нидерланды. Особенно быстро там росли выпуск тканей, обработка шелка, привозного вина и табака, изготовление пушек, мореходных приборов и часов. Энергетическая проблема решалась путем широкого применения торфа и строительства ветряных мельниц, количество которых на севере Нидерландов в середине XVII в. достигло 3 тыс. Они производили до 45 млн. кВт·ч энергии в год, что было эквивалентно 50 тыс. лошадиных

сил. По некоторым данным, в то время в год сжигалось количество торфа, дававшее 6 млрд. килокалорий [169, с. 271—273]. Значительная часть ветряных мельниц использовалась на дренажных и мелиоративных работах, в проведении каналов для речного транспорта.

Характерной чертой голландского производства был выпуск массовой дешевой продукции за счет снижения ее качества. Это означало отход от средневековых цеховых и гильдейских стандартов производства и торговли и переход к новым формам конкуренции.

Великобритания в отличие от Нидерландов до Великих географических открытий далеко уступала Франции и Италии как по населенности, так и по промышленному развитию. К середине XVII в. она совершила скачок в экономическом развитии. Уже в первой половине XVI в. из английского экспорта сырье (шерсть) вытесняется сукном и одеждой. В середине века ежегодный английский экспорт оценивался в 750 тыс. ф. ст. Шерстяные изделия составляли 80% всего вывоза, а необработанная шерсть — только 6%. Водоизмещение английского торгового флота в этот период оценивалось в 50 тыс. т, но значительная часть английских товаров еще транспортировалась на иностранных судах. С середины XVI в. получили развитие производство и экспорт новых видов товаров: железа, стекла, шелка, оружия. В 1550 г. было произведено 5 тыс. т железа, в 1600 г. — 18 тыс. т, а к 1650 г. — уже около 23 тыс. т. Добыча каменного угля возросла приблизительно с 210 тыс. т в 1550 г. до 1,5 млн. т в 1630 г. Рост производства железа и угля, как и увеличение масштабов предприятий по числу используемой рабочей силы и объему постоянного капитала, постепенно подготавливал условия для промышленной революции. Концентрация труда и капитала была наибольшей в судостроении, текстильной промышленности. Стоимость строительства уже достигала несколько миллионов фунтов стерлингов, а численность рабочих — сотни человек [169, с. 280—283, 290—291].

С начала XVII в. в Великобритании и Нидерландах основной формой производственной организации становятся капиталистические мануфактуры. Цеховая организация сохранилась только в тех европейских странах, которые в результате войн XVI—XVII вв., ожесточенной экономической конкуренции и внутренней реакции превратились во второстепенные державы с феодальными формами экономики. Условия для развития капитализма в них, как говорилось выше, или не сложились вовсе, несмотря на поток драгоценных металлов и товаров из заморских стран (Испания и Португалия), или там произошло попятное движение от зачаточных форм капитализма к почти натуральному хозяйству, т. е. рефеодализация (Италия и Южная Германия).

Уже назывались причины упадка Италии в конце XVI в.

Обычно это объясняют изменением направления торговых путей, войнами, давлением налогообложения в захваченных испанцами районах, неспособностью промышленности североитальянских городов приспособиться к тогдашним реалиям на европейском рынке в результате конкуренции голландских и английских товаров. Однако регресс Германии нельзя объяснить только изменением морских торговых путей. В XVI и XVII вв. торговля в Северном и Балтийском морях выросла. Потеря значения сухопутных связей с Северной Италией сказалась только на южногерманских городах. Немецкий историк К. Лампрехт считал, что причиной хозяйственного упадка Германии была неспособность городов Ганзейского союза включиться в океанскую торговлю и отстоять в борьбе с Нидерландами и Великобританией свое положение в балтийской торговле, бывшей долгое время их монополией. Несмотря на покровительство Испании, ганзейским городам не удалось адаптироваться к новым политическим и экономическим условиям и даже помешать проникновению английских и голландских товаров на немецкие рынки. Еще раньше они потеряли свои старые торговые привилегии в Англии [84, с. 342—343].

Дело в том, что средневековый союз торговых городов был неспособен бороться с централизованными национальными государствами. Германия оставалась раздробленной и не могла оказать ганзейцам реальной поддержки. Швеция также уничтожила привилегии ганзейских купцов в своих владениях и добилась политической и военной гегемонии на Балтийском море, торговые же выгоды от упадка Ганзы получили голландцы. В конце XVI в. они уже доминировали в балтийской торговле. Только Гамбург и Данциг продолжали развиваться, но они фактически порвали с распавшимся союзом. В XVII в. города Ганзы, за исключением Гамбурга, Бремена и Любека, попали под власть немецких князей или Швеции и потеряли свои привилегии. После Вестфальского мира Нидерланды и Швеция господствовали над побережьем Германии и выходами ее речных систем в море, поэтому она утратила всякое значение в мировой торговле, прекратился ее экономический прогресс, происходило обнищание страны, падение внутренней торговли, возвращение к средневековому натуральному хозяйству. Налоги и другие выплаты стали производиться в натуральной форме, чему способствовало полное расстройство денежного обращения, вызванное усиленной порчей монет князьями, использовавшими свое право чеканки. Иностранные деньги исчезли из обращения. Производство серебра в Германии в результате притока его из Америки и революции цен стало убыточным. Это усугубляло денежный и торговый кризис [84, с. 347—351].

Экономика Германии достигла своей низшей точки во время Тридцатилетней войны (1618—1648). Упадок хозяйственной жизни привел к консервации средневековых цеховых организаций в городах и к закреплению крестьянства на значительных

территориях Восточной Германии. До начала XIX в. Германия была исключена из капиталистического развития, происходившего на Северо-Западе Европы, и превратилась в поставщика продуктов сельского хозяйства.

Вестфальский мир, заключивший Тридцатилетнюю войну, означал новую экономическую и политическую структуру Европы. Центрами капиталистического развития стали Нидерланды, а вскоре и Великобритания. Юго-Восточная Европа по сравнению с Западной представляла феодальную периферию. Промежуточное положение с точки зрения географии и экономики занимала феодальная Франция — централизованная абсолютная монархия, доминировавшая на Европейском континенте в военном отношении. В ней еще не созрели условия для развития капитализма, хотя зачатки мануфактурного производства уже имели место. В сельском хозяйстве сохраняло свои позиции дворянство, а развитие мануфактуры и колониальная экспансия осуществлялись под жестким бюрократическим контролем централизованного государства.

В Англии еще в XVI в. началась капиталистическая перестройка сельского хозяйства, связанная с производством шерсти для Фландрии и Италии. Ускоренному формированию капиталистических отношений способствовали ее выгодное географическое положение на пересечении старых и новых морских торговых путей, а также слабость бюрократических элементов в структуре абсолютной монархии. Важную роль сыграла секуляризация церковных земель, полная ликвидация церковного землевладения, отпадение Англии от католицизма.

Изменялась и социальная структура наиболее развитых районов страны. Борьба с Испанией выдвинула в политической и экономической жизни те общественные группы, от которых зависела победа: купцов и моряков, обуржуазившееся дворянство, завладевшее церковными землями и поэтому боявшееся восстановления католицизма. Имущественное положение данных социальных слоев было связано с развитием капиталистического предпринимательства в Англии и в колониях, с торговыми операциями на море. Они были заинтересованы в продолжении борьбы с Испанией и Португалией.

Однако с начала XVII в., когда в Великобритании власть перешла к династии Стюартов, ее внешняя и внутренняя политика резко изменилась. Стюарты (Яков I и его сын Карл I) стремились примириться и породниться с католическими королями Испании и Франции. Кроме узких династических интересов ими руководило недоверие к социальным кругам, которые разбогатели в царствование Елизаветы I и теперь настаивали на продолжении борьбы с Испанией, захватах в Ост-Индии и Вест-Индии.

Парламент и дельцы лондонского Сити ограничивали расходы двора, фаворитов, не давали деньги на военные авантюры в Европе. Налогообложение еще по средневековой тради-

ции должно было вотироваться парламентом, который упорно сопротивлялся его увеличению без политических уступок со стороны короны. Королевская власть, опираясь на свои средневековые прерогативы, попыталась действовать без согласия парламента. Карл I, стремившийся установить такой же бюрократический деспотизм, который уже процветал во Франции, возобновил средневековые поборы: взимание так называемых корабельных денег, продажу патентов на монопольную торговлю определенными товарами, произвольно устанавливаемые таможенные сборы. Это бюрократическое наступление на капиталистические элементы в экономике обрело форму феодальной реакции. Как и в Нидерландах, инициатива в назревавшем столкновении исходила от феодальных группировок: дворцовой камарильи, традиционного дворянства, сохранивших и восставших при Стюартах влияние католических кругов, высшего духовенства англиканской церкви.

Начались репрессии против непокорных парламентариев и лиц, отказывавшихся платить налоги. Однако восстание в Шотландии, подавить которое было невозможно без вотированных парламентом новых затрат, поставило английский абсолютизм перед кризисом, который разрешился революцией и гражданской войной (1640—1660) (см. также [35, с. 69—88]).

На короткое время Великобритания стала республикой (1649 г.), потом верховная власть перешла в руки лорда-протектора О. Кромвеля. Победившая английская буржуазия нанесла удар голландскому господству на морях в войне 1652—1654 гг. и принудила Нидерланды возместить ущерб, нанесенный британской Ост-Индской компании во времена правления Стюартов. Вслед за этим Кромвель в союзе с Францией напал на старого врага — Испанию (1655 г.). Эти события можно считать переломными в истории борьбы колониальных соперников, началом эпохи «торговых войн», в ходе которых Англия добилась господства на морях, торгового и промышленного преобладания в Европе и, следовательно, во всем мире.

Утверждение капиталистических методов хозяйствования в Нидерландах и Великобритании ознаменовало качественно новый этап в европейской колониальной экспансии. Вместо прямого военного ограбления отдельных стран и эксплуатации населения методами внеэкономического принуждения, характерными для феодальных государств, в колониальной политике конкурентов Испании и Португалии на передний план выдвигаются монопольные компании и переселенческие колонии. Монопольные компании организуют колониальную эксплуатацию на капиталистических основах, условием их существования и успеха становится получение устойчивой и высокой прибыли от торговли и капиталовложений. Но в XVII в. они еще не стремятся к крупным территориальным приобретениям и колониальным войнам, требующим больших затрат.

На юге Азии британская Ост-Индская компания захватила

отдельные опорные пункты на побережье, а голландцы — небольшие острова Зондского архипелага. Европейцы пока избегают прямых столкновений не только с Китаем и империей Великих Моголов, но и со сколько-нибудь крупными азиатскими княжествами. Однако испанские и португальские колониальные владения уже подвергались экспансии со стороны Англии, Нидерландов и Франции в такой же мере, как и побережье Азии и Африки. Борьба за передел колоний начинается с захвата флотом Кромвеля испанской Ямайки (1655 г.).

Ослабление Испании в районе Атлантического океана привело к основанию английских, французских и голландских переселенческих колоний на восточном берегу Северной Америки, захвату многих вест-индских островов и широкой деятельности пиратов. Правда, попытки голландских колонизаторов обосноваться в Бразилии и Суринаме потерпели неудачу.

Одновременно с английскими и голландскими колониальными захватами в Америке происходит переход в их руки работорговли, которую уже до этого вели испанцы и португальцы. Это сопровождалось основанием английских и голландских фортов и факторий на побережье Западной Африки. Английские и голландские колонизаторы вели также контрабандную торговлю с испанскими владениями, нарушая монополию испанской короны.

В середине XVII в. колониальная торговля по своему объему и значению еще уступает европейской. Но ситуация в Европе начинает меняться по мере роста английского могущества. Характерной чертой новой европейской структуры стало господство в торговле и промышленном производстве двух капиталистических держав.

Функции Антверпена перешли к Амстердаму, но и через 100 лет, в 60-х годах XVII в., $\frac{3}{4}$ капитала, обращавшегося на амстердамской бирже, было занято в балтийской торговле [155, с. 27]. Процветание Нидерландов основывалось на кораблестроении, рыболовстве в Северном море, торговле лесом, а также зерном, приобретаемым в Северной Германии, Польше и Южной Европе. Голландская Ост-Индская компания контролировала цены на перец и другие восточные пряности, индийские ткани, чай и кофе. Продукты из Америки не представляли сколько-нибудь значительной части голландских торговых операций. А торговля сахаром и табаком уже тогда уступала английской, и от нее не зависело процветание страны [178, с. 312—313].

Атлантическая торговля имела гораздо большее значение для Англии и Франции, так как они не имели столь крупной доли в европейской коммерции, как голландцы. Англия ввозила и реэкспортировала табак, сахар, североатлантическую треску. Только к концу XVII в. Лондон стал торговым центром, соперничающим с Амстердамом, использующим выгоды ост-индской и атлантической торговли. Сказалось английское

превосходство в численности населения и производительности труда в переселенческих колониях. Американская продукция стимулировала создание новых отраслей промышленности и новых рынков, хотя ее доля в обороте лондонского порта продолжала оставаться весьма скромной (табл. 5). В XVII столетии в Амстердаме и Лондоне не только сходились торговые пути с трех континентов. Развитие заморской торговли способствовало становлению финансовой инфраструктуры капитализма, включая биржи, банки и страховые общества, институционализации международной системы саморегулирующихся рынков на северо-западе Европы.

Таблица 5

Экспорт через лондонский порт в 60-х годах XVII в. *, тыс. ф. ст.

	Стоимость	Направление экспорта		
		Средиземно-море, включая Испанию и Португалию	Прочие европейские страны	Северная Америка. Ост- и Вест-Индия
Всего . . .	2,039	974(48%)	872(43%)	193(9%)
Продукция обрабатывающей промышленности	1,734	918(53%)	641(37%)	175(10%)
В том числе готовые изделия из шерсти . . .	1,512	854(57%)	569(37%)	89(6%)

* [282, 1966, № 3, с. 270—271].

Изменения социально-экономической структуры европейского общества на протяжении XVII столетия привлекают особое внимание в связи с научной дискуссией по вопросу о «кризисном» характере этого периода [34, с. 58—74; 136, с. 126—143]. Французский ученый Р. Мунье, английский историк Э. Хобсбаум характеризовали XVII в. как период «всеобщего кризиса» во всех областях жизни, но главным образом в экономике. Советский ученый М. А. Барг считал, что главным содержанием этого периода было развитие мануфактурного производства, рост централизованных мануфактур, их перебазирование из городов, где еще действовали цеховые ограничения, в деревни. Наряду с централизованной мануфактурой, которая преобладала в металлургии и горном деле, производстве оружия, предметов роскоши, огромное распространение получила рассеянная мануфактура.

Мануфактурное производство доминировало в XVII в. в Англии, Нидерландах, Северной Франции. С его расцветом совпадает и господство идей меркантилизма в государственной экономической политике. В этот же период в сельском хозяйст-

ве возникают крупные капиталистические предприятия, основанные на наемном труде. Нельзя не согласиться с М. А. Баргом, который считает, что все эти процессы, включая буржуазные революции, позволяют характеризовать XVII в. как водораздел между средневековьем и веком утверждения буржуазной цивилизации. Процесс развития капитализма приобрел необратимый характер. Таким образом, сущность «кризиса» XVII в. определялась переходом от феодальной к капиталистической экономике.

Объем и концентрация торговли и мануфактурного производства достигли таких размеров, которые вели к формированию мирового рынка. С середины XVII в., писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», «торговля и судоходство расширялись быстрее, чем мануфактура, игравшая второстепенную роль; колонии начали приобретать значение крупных потребителей; отдельные нации в длительных битвах делили между собой открывавшийся мировой рынок» [19, с. 58]. Они отмечали, что мировой рынок в XVII в. был раздроблен на отдельные части, эксплуатируемые разными нациями при участии монопольных торговых компаний. Но «неудержимо развивавшаяся в XVII столетии концентрация торговли и мануфактуры в одной стране — в Англии — мало-помалу создала для этой страны относительный мировой рынок, а тем самым спрос на ее мануфактурные продукты, который уже не мог быть больше удовлетворен прежними промышленными производительными силами» [19, с. 59]. Спрос, приведший к формированию мирового рынка, и был предпосылкой возникновения крупной промышленности в ходе индустриальной революции.

По мере институционализации капиталистических хозяйственных структур на Северо-Западе Европы стала формироваться интегрированная система товарных и валютно-финансовых рынков. Иными словами, наряду с широкомасштабной торговлей, охватившей весь земной шар, распространение получили биржи, акции, банки и страховые общества. Контуры мирового капиталистического рынка явно обозначились к концу XVII — началу XVIII в.

Династические и торговые войны способствовали не только переделу сфер влияния, но и ускоренному развитию военной техники, которая обеспечила создание колониальных империй на Востоке. Однако важнейшим итогом борьбы на начальном этапе колониальной экспансии стало поражение феодально-бюрократических сил во главе с династией Габсбургов, пытавшейся создать мировую католическую империю, и победа буржуазных революций, направленных против внешней и внутренней феодальной реакции, которая окончательно устранила препятствия для развития капитализма в Европе и создала механизмы саморегуляции политической и экономической подсистем западноевропейского общества.

3. Борьба за господство на море и колониальную гегемонию. Торговые войны

Испанско-португальская колониальная монополия уже в первой половине XVII в. была подорвана голландцами и англичанами. От действий направлявшихся в Индийский океан военных эскадр пострадали прежде всего португальские колониальные владения. Голландцы почти полностью изгнали португальцев из Индонезии, а англичане потеснили их в Индии и заставили покинуть Персидский залив. С 1625 по 1654 г. Нидерланды захватили и удерживали в своих руках португальскую колонию Бразилию. Испанские владения в Америке не пострадали в такой мере, как португальские в Индийском океане. Однако с 1604 по 1640 г. англичане, французы и голландцы захватили ряд малых островов Карибского бассейна, оставленных испанцами, обосновавшимися на больших островах и материке [258, с. 157]. В 1627 г. англичане высадились на о-ве Барбадос, а в 1655 г. — на Ямайке. Около 1659 г. французы заняли западную часть о-ва Эспаньола, где теперь расположено государство Гаити, а также о-ва Гваделупа и Мартиника, Кайенну в Гвиане. Голландцы завладели о-вом Кюрасао и Суринамом на побережье Южной Америки, англичане — Гондурасом в Центральной Америке.

Захват островов на морских путях между Испанией и ее колониями создал международную ситуацию, позволившую английским, голландским и французским пиратам грабить испанские корабли, осуществлять налеты на крупные острова и побережье материка. В течение всего XVII в. грабежи и нападения происходили не только во время войн между европейскими державами, но и в мирные периоды. В американских и азиатских колониях военные действия происходили даже тогда, когда в Европе они прекращались.

Пираты обосновались на Ямайке, Кюрасао, Гаити, несмотря на международные договоры, запрещавшие их деятельность. В XVIII в. пиратские операции сократились, поскольку их действия стали серьезно угрожать интересам самих морских держав и их торговле с испанскими колониями.

Огромный ущерб Испании причиняла контрабанда, осуществляемая при поддержке заинтересованного в ней населения испанских владений. Э. Валлерштайн, описывая сложившуюся ситуацию, приходит к выводу, что Испания и Португалия не смогли реализовать меркантилистскую политику в отношении своих колоний. Конкурентам не потребовалось завоевывать их колонии, чтобы лишить испанскую корону и португальцев значительной части доходов [258, с. 158].

По мере экономического упадка Испании и Португалии, которые уже не могли снабжать свои колонии потребительскими товарами и орудиями труда для плантаций, контрабанда приобретала все большее значение как средство борьбы с колони-

альной монополий. На захваченных островах англичане и французы создали крупные плантации и стали поставлять в Европу сахар, патоку, индиго, табак, имбирь, хлопок и другие товары.

Приблизительно со второй половины XVII в. торговое соперничество между западноевропейскими державами привело к крупномасштабным войнам, которые получили название торговых. Первая англо-голландская война из этой серии (1652—1654) началась после того, как английский парламент принял Навигационный акт (1651 г.), направленный против голландского посредничества в торговле с третьими странами. После того как голландский флот потерпел несколько поражений, англичане смогли блокировать побережье Нидерландов и принудить их признать Навигационный акт, а также возместить ущерб, нанесенный британской Ост-Индской компании в Индонезии. За этим последовало нападение Англии на колониальные владения Испании в Вест-Индии. В это время Испания увязла в длительной борьбе в Германии и в военных действиях против Франции. Перед Кромвелем стояла альтернатива: чью сторону принять в общеевропейской войне. Казалось, он должен был без колебаний выступить против традиционного врага протестантов — Испании. Однако на переговорах с испанским послом Кромвель в качестве условия союза с Испанией потребовал для английских купцов свободы торговли с испанскими колониями, а также свободы от юрисдикции инквизиции. В ответ посол сказал, что это означает требовать «оба глаза его государя», и тогда лорд-протектор принял решение начать войну. Результатом войны с Испанией был захват Ямайки и порта Дюнкерк во Фландрии, откуда английские войска могли угрожать Нидерландам, борьба с которыми была еще впереди. Несмотря на столь скромные результаты, отчетливо выявилась цель борьбы — за торговое и морское преобладание. Реставрация Стюартов (1660 г.) на английском престоле не изменила приоритетов внешней политики Англии.

После захвата Ямайки и Гаити прекратилась английская и французская экспансия в направлении испанских владений. Э. Валлерштайн высказал мнение, что созданные на захваченных островах плантации удовлетворяли европейскую потребность в сахаре, и это делало борьбу за новые территории в тот период неактуальной [258, с. 164]. Тем более что чужие плантации разорялись в ходе непрерывных войн второй половины XVII в.

Вторая англо-голландская война (1665—1667) началась из-за столкновений, происходивших в колониях, и из-за нового Навигационного акта, изданного Карлом II; его условия были для голландцев более тяжелыми, чем акта Кромвеля. Уже в 1664 г. англичане подвергли нападению голландские фактории на западном побережье Африки и захватили Новый Амстердам в Северной Америке. Голландский флот под командованием ад-

мирала де Рюйтера, разгромив англичан, ворвался в устье Темзы. Одновременно в Вест-Индии шли военные действия между англичанами и французами. Англичане предпочли заключить в 1667 г. Бредский мир, по которому они удерживали Новый Амстердам, а Нидерланды получили Суринам в Южной Америке и сохраняли в своем владении захваченный у англичан о-в Пуло Ран (Молуккские острова).

После второй войны англо-голландские противоречия несколько ослабли. Английская буржуазия и парламент видели наиболее опасного для своих интересов потенциального соперника во Франции, которая как раз в это время создает Ост-Индскую компанию (1664 г.), снаряжает крупномасштабные экспедиции в Индию и организует опорный пункт в Пондишери.

Первые экспедиции французов в Индийский океан привели к созданию опорного пункта на о-ве Мадагаскар, но попытки твердо закрепиться в Индии не удалось. В 1672 г. французская армия вторглась в Нидерланды, военные действия начались и в их индийских колониях. Голландцам удалось потеснить французов на индийском побережье, но они удержались в Пондишери. Военные действия продолжались до 1678 г., когда был заключен Нимвегенский мир. В этой войне на стороне Франции участвовала Великобритания. Карл II ежегодно получал денежную субсидию от Людовика XIV, которая поддерживала его финансовую независимость. Однако английский парламент ограничил ассигнования на войну, и уже в 1674 г. Англия прекратила военные действия.

Хотя Франции не удалось добиться победы над Нидерландами, тем не менее 1678—1688 годы стали периодом гегемонии Франции на Европейском континенте. Только после изгнания Якова II из Англии (1688 г.) и присоединения ее к антифранцузской коалиции, состоявшей из Нидерландов, Швеции, Испании и Австрии, ситуация в Европе изменилась: началась новая фаза борьбы европейцев за колонии. Если в Центральной и Южной Америке новые колониальные державы приобретали территории за счет испанских колониальных владений, то в Азии происходило не только вытеснение португальцев, но и абсолютный рост числа населенных пунктов и территорий, захваченных европейцами. Основная борьба разворачивается между голландцами и англичанами, а после вступления в нее Франции конфронтация приобрела характер трехстороннего соперничества.

В XVII в. наиболее успешно действовала голландская Ост-Индская компания благодаря своей полной независимости от государства. Во второй половине XVII в. компания консолидировала свою власть на Малайском архипелаге, укрепив господство на путях в Индию, и в Бенгальском заливе (Андаманские и Никобарские острова). Административным и торговым центром Нидерландов в Индийском океане стала Батавия. Через

века она имела уже три фактории: Сурат, Мадрас и Бантам. В 1657 г., после подтверждения Кромвелем хартии компании, реорганизованная Ост-Индская компания выпустила новые акции и возобновила свои операции. В дальнейшем компания освободилась от жесткого государственного контроля, ее акции свободно продавались и покупались. Большинство кораблей, совершавших рейсы в Индию, компания фрахтовала, своего флота она не имела. В 1658—1688 гг. в Индию было совершено 404 рейса, в среднем 13 в сезон (примерно 5 тыс. т водоизмещения). Уже около 1670 г. ежегодно в Лондон прибывало товаров на 1 млн. ф. ст., половина которых реэкспортировалась на Европейский континент [193, с. 90, 91].

Губернатор Онгьер (1669—1677) отстроил и укрепил Бомбей. Он начал строительство собственного флота, базировавшегося в гавани Бомбея, и создание вооруженных сил, в которые стали набирать евразийцев и индийцев. В это время на юге Индии шла ожесточенная борьба маратхов против Великих Моголов. Моголы имели флот и использовали арабских наемников, но и вождь маратхов Шиваджи, принявший титул раджи, построил флот, состоявший преимущественно из галер. Маратхи несколько раз захватывали Сурат, где находилась английская фактория. Чиновники Ост-Индской компании старались поддерживать хорошие отношения с воюющими сторонами, но незащищенность опорных пунктов вынуждала ее, следуя опыту голландских колонизаторов, применять жесткие меры.

Правление компании решило перенести свою деятельность в Бомбей, расположенный на острове, и в укрепленный Мадрас. Однако компания не имела подобного опорного пункта на побережье Бенгалии, где торговля была особенно выгодной из-за низких цен на основные экспортные товары. Ее фактории на Ганге (Хугли, Патна) возглавлял Д. Чарнок, у которого в 1686 г. возник конфликт с Великими Моголами на финансовой почве. Компания стремилась освободить свою торговлю от любых пошлин со стороны местных чиновников.

В Бенгалии началась война. Чарнок располагал флотилией из 10 кораблей, прибывших в Индию с шестью ротами пехоты в дополнение к нескольким сотням европейских и местных солдат. Эти силы были явно недостаточными, а кроме того, в их составе не было офицеров в чине выше лейтенанта. Приходилось купцов из местного правления компании назначать на должность старших офицеров. В октябре 1686 г. англичане вытеснили могольские войска из Хугли, но нападение на столицу провинции Дакку не имело успеха.

Армия наместника Бенгалии — наваба, решившего взять реванш, состояла в основном из кавалерии, большого числа иррегулярных подразделений, частично вооруженных мушкетами с фитильным замком, тяжелыми пушками для осады крепостей. Английские силы не обладали достаточной огневой мощью, чтобы остановить натиск войск Великих Моголов. Отсутствовала

мобильная скорострельная полевая артиллерия. Треть английских солдат должна была выполнять роль пикинеров, пока мушкетеры перезаряжали свои ружья (штыки были введены только после 1690 г.) [219, с. 23—29]. Англичане вынуждены были оставить Хугли и отступить к побережью залива. С помощью прибывших из метрополии подкреплений удалось эвакуировать уцелевших солдат в Мадрас.

Нападения англичан с целью грабежа на суда, перевозившие мусульманских паломников из Индии в Мекку, вызвали ответные меры со стороны правителя Великих Моголов Аурангзеба. В 1688 г. адмирал Якуб-Хан высадил на острове, где находится Бомбей, 20 тыс. войск с тяжелыми осадными пушками, стрелявшими каменными ядрами и бомбами. Ост-Индская компания, которая не могла противостоять опасной ситуации, капитулировала и приняла условия Аурангзеба. Фирман (декрет) от 1690 г. разрешил компании возобновить торговлю в его владениях, но на условиях признания своей виновности и уплаты штрафа в 150 тыс. рупий (более 15 тыс. ф. ст.). Унизительные условия мира еще более значительно уменьшили популярность компании в Англии [219, с. 29], откуда к тому же был изгнан ее покровитель — король Яков II.

Так бесславно кончилась первая попытка англичан установить непосредственный контроль над индийской территорией и экономикой. Историк Б. Ленман основной причиной неудачи считает военную слабость англичан на суше, где их войска не имели существенных технических преимуществ по сравнению с моголами и уступали им численно. Около 1690 г., после заключения мира, в дельте Ганга была основана Калькутта, ставшая опорным пунктом англичан на северо-востоке Индии, откуда они пытались распространить свое влияние на всю страну.

В это время в Англии противники компании усилили борьбу против ее монопольных прав и потребовали расширения числа пайщиков и увеличения ее капитала путем выпуска дополнительных акций. Новая хартия, изданная в октябре 1693 г. в соответствии с биллем парламента от 1692 г., предполагала удвоение капитала компании, устанавливала право для каждого купца вступить в нее после взноса 5 ф. ст. и ограничивала величину пая 10 тыс. ф. ст. и 10 голосами в собрании пайщиков [193, с. 99]. Однако и такое решение не удовлетворило конкурентов компании. Воспользовавшись финансовыми затруднениями правительства, они предложили ему заем в 2 млн. ф. ст. из 8% годовых за разрешение создать новую Ост-Индскую компанию. Предложение было принято, и король одобрил соответствующий парламентский билль 1698 г. [193, с. 100].

На несколько лет затянулась конкурентная борьба между двумя компаниями, приведшая к дезорганизации торговли с Индией, трудностям в переговорах с индийскими княжествами. Это продолжалось, пока не последовало объединение компаний в апреле 1702 г. под угрозой новой войны с Францией.

Французская Ост-Индская компания возобновила свою торговлю с Индией после Нимвегенского мира (1678 г.). В 1684—1685 г. после смерти Кольбера компания подверглась реорганизации с целью установления более полного контроля со стороны королевской власти. Время до начала новой войны характеризовалось оживлением ее деятельности.

Поражение англичан в Бомбее и Бенгалии и упадок торговли совпали с войной Великобритании в составе Аугсбургской лиги против Франции (1688—1697). Однако французам не удалось использовать выгодную для них ситуацию на индийском побережье. Меркантилистская политика Франции мешала компании, вызывая финансовые затруднения. Особенно невыгодными для компании оказались декреты о запрещении импорта набивных коленкоров и ситцев, которые стали основным экспортным товаром Индии. В это время компания ежегодно направляла только один торговый корабль в Сурат и еще один-два в Пондишери. Дополнительно были основаны фактории в Бенгалии и Сиаме.

В августе 1687 г. французская эскадра была направлена в Сиам, чтобы укрепить влияние метрополии. Там с 1664 г. действовала французская миссия по распространению католицизма. Такое смешение политических, торговых и религиозных целей с самого начала вызвало противодействие голландцев, которые заставили короля Сиама гарантировать им торговые привилегии и экстерриториальные права [193, с. 114—117]. Французская эскадра из шести кораблей, посланная в 1687 г. в Сиам, должна была содействовать осуществлению далеко идущих планов обращения его жителей вместе с королем в христианство.

С согласия короля Нараи французы оккупировали Бангкок и Мергун. Однако это вызвало народное восстание — и французам пришлось покинуть Сиам. С началом новой войны в Европе в Индийский океан направлялись смешанные эскадры из кораблей компании и королевского флота. Однако объединенные французские силы не смогли противостоять голландцам, потеснившим их в Бенгалии и блокировавшим Пондишери эскадрой в составе 19 кораблей. В сентябре 1693 г. Пондишери капитулировал и оставался в руках голландцев до 1699 г. Французские фактории в Бенгалии сохранились только благодаря покровительству Великих Моголов [193, с. 121—122].

Неудачи англичан и французов в Ост-Индии привели к тому, что Нидерланды, ослабленные в Европе, в начале XVIII в. продолжали господствовать в Индийском океане. Это положение существенно изменилось только после окончания войны за Испанское наследство (1701—1713). Война эта была завершающей в длительной борьбе за гегемонию в Западной Европе и преобладание на море. Абсолютистская Франция потерпела поражение от государств, в которых уже утвердился капитализм. Именно качественно новый экономический строй позволил Ве-

Великобритании и Нидерландам одержать победу. Способность успешно вести военные действия к началу XVIII в. определялась развитием промышленности и торговли, возможностями мобилизовать финансовые средства, так как войны стали затяжными и дорогостоящими.

К. Маркс писал Ф. Энгельсу 25 сентября 1857 г. о том, что «история армии всего нагляднее подтверждает правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений. Вообще, армия играет важную роль в экономическом развитии. Например, заработная плата вполне развивается прежде всего в армии у древних... Здесь же впервые применяются машины в крупном масштабе... В армиях же было впервые осуществлено и разделение труда *внутри* одной отрасли производства. Кроме того, в истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского общества» [11, с. 154]. Связь между меняющимися общественными отношениями и финансовыми и техническими возможностями для ведения военных действий хорошо прослеживается в истории войн XVII—XVIII вв.

В первой половине XVII столетия распространение получили наемные войска, которые формировались на время военных действий. На это требовались большие финансовые средства, хотя частично войска содержались за счет непрекрытого ограбления мирного населения. В конце XVII в. армии набирались уже преимущественно путем принудительной вербовки (как и команды военных кораблей). Солдаты оставались в армии и в краткосрочные периоды мира, подвергаясь постоянной муштре. Их удерживало в армии не столько денежное жалованье, сколько угроза жесточайших наказаний за дезертирство.

Совершенствовалась военная техника. На смену копью появился мушкет с примкнутым кольцевым штыком и кремневым замком. В результате увеличилась огневая мощь пехоты, ее способность отражать атаки кавалерии. Возрос технический уровень строительства укреплений. Новым армиям требовалось единоеобразное вооружение, порох, обозное хозяйство, стандартное обмундирование. Все это уже не могло изготовляться ремесленниками; создание регулярной армии стимулировало массовое производство.

Английский историк А. Л. Мортон приводит интересные цифры, относящиеся к XVII—XVIII вв. Участие Англии в войне на стороне Аугсбургской лиги обошлось ей в 18 млн. ф. ст., война за Испанское наследство стоила 50 млн. ф. ст., Семилетняя война обошлась в 82 млн. ф. ст., в то время как все военные расходы в период правления Елизаветы I составили 5 млн. ф. ст. [97, с. 247] *.

* Военные расходы Великобритании возросли с 49 млн. ф. ст. в 1688—1697 гг. до 1658 млн. ф. ст. в 1793—1815 гг., соответственно подскочил государственный долг — с 44 млн. ф. ст. в 1739 г. до 820 млн. ф. ст. в 1815 г. [216, с. 53].

Такие расходы были не под силу феодальным государствам Европы. Во время войн XVIII в. Англия субсидировала своих союзников на европейском материке и вербовала солдат в мелких немецких княжествах. Ост-Индская компания в первой половине XVIII в. создала свою частную армию в Индии из туземных наемников — сипаев. Экономическое превосходство Англии впервые полностью проявилось в войне за Испанское наследство.

Длительная война подорвала военную гегемонию Франции в Европе, вызвала кризис экономики и дезорганизацию финансов страны. Хотя внук Людовика XIV стал королем Испании, но ее объединение с Францией не состоялось и французам не удалось заполучить испанские колонии. По Утрехтскому миру (1713 г.) англичане захватили Гибралтар и о-в Менорку на Средиземном море. Австрия получила испанскую часть Нидерландов и испанские владения в Италии. В Северной Америке к Великобритании перешли спорные территории: о-в Ньюфаундленд, Новая Шотландия, часть Акадии и побережье Гудзонова залива. Франция сохранила за собой Квебек с территориями по р. Св. Лаврентия и Луизиану в низовьях Миссисипи.

По условиям мирного договора англичане получили право на ввоз рабов (африканских негров) в испанские владения в Америке, что позволяло одновременно вести с колониями торговлю и другими товарами. Военный флот Англии занял господствующее положение на морских торговых путях всего мира, а это обеспечивало ей ведущее положение в европейской и колониальной торговле [152, с. 213—215].

Нидерланды, оказавшиеся во время войны в зависимости от Великобритании, почти ничего не получили по Утрехтскому миру. Мирный договор между Великобританией и Францией не учитывал ее интересы. Между тем военные действия на территории Нидерландов причинили стране большой экономический ущерб. В конце XVII в. она утратила экономическое преобладание в Европе и постепенно стала уступать свои позиции в континентальной и колониальной торговле Англии.

Важно проследить тенденции экономического развития Великобритании, приведшего ее сначала к торговому, а потом и к промышленному лидерству в XVIII и XIX вв. Статистические данные по XVII в. чрезвычайно фрагментарны, регистрировался импорт и экспорт товаров только через порт Лондона. Даже в 1640 г. 92% стоимости вывоза приходилось на шерстяные изделия (сукно); продукты питания и сырье (металлы) давали 5%. К концу века на шерстяные изделия падало уже 68,7% всего экспорта [173, с. 142—143].

В первой половине XVII в. английская торговля сукном столкнулась с жесткой конкуренцией Нидерландов на северо-западе Европы и на Балтике, а также с падением спроса. Тем не менее английский экспорт сукна в абсолютных размерах вырос за счет приспособления к новым требованиям — стали вы-

возить меньше полуфабрикатов и больше готовой продукции, а также освоения новых рынков в Средиземноморье.

В Испании и Леванте в конце XVII в. англичане встретились с растущей конкуренцией Франции. Английский ученый К. Дж. Клей считает эти аспекты европейской торговли существенными для объяснения войн Великобритании с Нидерландами и Францией. У Англии существовали не только политические, но и экономические причины, чтобы противиться объединению Франции и Испании под одной короной. Баланс торговли с Испанией и Левантом был для Великобритании положительным, и относительное значение южных рынков для английских купцов постоянно росло. Хотя они продолжали ввозить с Юга вино, масло, соль, сухофрукты, шелк-сырец и красители, но корабли, возвращавшиеся из Кадикса, везли золото и серебро. Только торговля с Португалией в 1698—1702 гг. давала Великобритании в среднем 155 тыс. ф. ст. прибыли. На фоне общего роста английского коммерческого оборота почти полностью прекратилась торговля с Францией из-за высоких тарифов, эмбарго и войн [173, с. 146—151].

Экспорт шерстяных изделий оставался доминирующим в английской торговле в конце XVII в., но наряду с ним, как видно из табл. 6—7, вывозились продукты питания, в частности зерно. Это было результатом подъема хозяйства. Увеличение производства пищевых продуктов явилось предпосылкой дальнейшего промышленного развития и урбанизации.

Таблица 6

Географическое распределение британской внешней торговли
(средние данные за 1699—1701 гг.) *,

Товар	Шотландия, Ирландия	Северо- Западная Европа	Балтика, Скандинавия, Россия	Испания, Португалия, Средиземное море	Дальний Восток	Америка
<i>Экспорт</i>						
Шерстяные изделия	0,9	44,5	6,2	39,4	2,9	6,1
Все товары	3,9	41,9	5,8	33,5	2,8	12,1
<i>Импорт</i>						
Все товары	7,4	24,2	10,0	26,6	12,9	18,9

* Рассчитано по [173, с. 142, 160].

Продукция обрабатывающей промышленности (помимо сукноделия) составляла только 12% всего вывоза. Это свидетельствует, что рост промышленности и возникновение новых отраслей еще не могли значительно изменить структуру английского экспорта. Металлические изделия (скобяные товары), бумага, шелк, бумазая направлялись главным образом в Ирландию и

в американские колонии. Эти товары еще не были конкурентоспособными на рынках европейских стран.

Таблица 7

Структура английской внешней торговли
в конце XVII в. *
(средние данные за 1699—1701 гг.)

Товар	Стоимость, тыс. ф. ст.	Доля, %
<i>Экспорт</i>		
Шерстяные изделия	3045	68,7
Прочие промышленные товары	538	12,1
Продукты питания	488	11,0
Сырье	362	8,2
Всего . . .	4433	100,0
<i>Импорт</i>		
Промышленная продук- ция	1844	31,5
Продукты питания	1969	33,7
Сырье и полуфабрикаты	2036	34,8
Всего . . .	5849	100,0

* [173, с. 144—145, 155—159].

К концу XVII в. Великобритания не только экспортировала свои товары преимущественно в Европу, но и ввозила в основном продукцию промышленности развитых северо-западных стран. Однако наметилась тенденция к падению значения для Англии импорта из Европы благодаря развитию собственной промышленности и увеличению доли товаров, поступающих с неевропейских рынков. В то же время возрос ввоз сырья и полуфабрикатов (железной руды, леса, шелка-сырца, шерстяной и льняной пряжи) для переработки на английских промышленных предприятиях [173, с. 152—154]. Значительно увеличился ввоз предметов роскоши и новых продуктов из Азии и Америки.

В конце столетия $\frac{1}{3}$ импорта страны уже падала на колонии. Благодаря росту импорта сахара из Вест-Индии и пряностей из Ост-Индии Англия перестала зависеть от поставок этих продуктов из Португалии. Часть азиатских и американских продуктов реэкспортировалась в другие европейские страны, особенно хлопчатобумажные ткани, перец, табак, сахар, бобровые шкуры.

В это же время начала развиваться торговля в атлантическом «треугольнике». Металлические изделия, ткани, кожи, огнестрельное оружие, ром вывозились из Англии на побережье Гвинейского залива, здесь обменивались на рабов, которых отправляли в Америку, преимущественно в Вест-Индию. Отсюда

сахар, патока и ром направлялись в Англию или в североамериканские колонии, которые поставляли в Вест-Индию продукты питания и изделия из дерева. На Ньюфаундленд из Великобритании, Испании и Португалии на английских кораблях доставлялась соль, продовольствие, вино, а обратно — в больших количествах рыба.

Среднегодовая стоимость импорта в Англию в 1699—1701 гг. достигала 5,9 млн. ф. ст., а экспорт из Англии оценивался в 4,4 млн. ф. ст. и реэкспорт — в 2 млн. ф. ст. (см. табл. 7). Соответствующих данных по предшествующим десятилетиям нет, но, по расчетам, с 1640 г. экспорт и импорт возросли вдвое, а реэкспорт увеличился почти в 4 раза. Предполагается, что особенно высокими были торговые показатели за 1686—1688 гг., но война с Францией привела к концу столетия к понижению оборота [173, с. 181].

До середины XVIII в., когда была захвачена Бенгалия, Вест-Индия являлась для Великобритании наиболее ценной колонией. Ее товары составляли основу всей атлантической торговли. В коммерческих операциях с Востоком и Африкой проявила заинтересованность небольшая привилегированная группа коммерсантов — пайщиков британской Ост-Индской и Африканской компаний (основана в 1672 г.). Их деятельность подвергалась критике как вызывающая отлив из Великобритании драгоценных металлов. Колонии на Востоке и в Северной Америке считались «дорогостоящими», пока не превратились в рынки сбыта для метрополии [269, с. 3—4].

Ценность вест-индских колоний для европейских держав определялась в основном сахарным тростником. Проникший на острова английский капитал создал там крупное плантационное хозяйство. Для возделывания и рубки сахарного тростника использовался дешевый труд африканских негров-рабов.

Ученый с Ямайки О. Паттерсон в книге «Социология рабства» на большом фактическом материале, извлеченном из архивов, таможенных журналов и других документов, исследует двухсотлетнюю историю рабовладельческого общества на острове. Такое общество, искусственно созданное из негров различных племен, подчиненное одной экономической цели — возделыванию сахарных плантаций, по его мнению, имело следствием нарушение всех основных норм человеческих и производственных отношений. В этом обществе чиновники были законченными преступниками, рабам было запрещено вступать в брак, лишены они были и других прав. Только кучка белых, захвативших всю плодородную землю, получала выгоду от такой жесточайшей системы эксплуатации. Увеличив многократно свой капитал, плантаторы обычно возвращались в метрополию и превращались в абсентеистов, живущих на проценты со своих накоплений. Уже к 1700 г. негры составляли 90% всего населения Ямайки [239, с. 33, 41, 42, 51, 70].

Ямайка, считает Паттерсон, скорее механически соединяла

обособленные плантации, каждая из которых имела собственный аппарат власти, чем составляла единую социальную единицу. Это был тип общества со слабыми связями, где существовали две культуры — афро-ямайская и европейская при полном отсутствии норм поведения и социальных ценностей у господ и подчиненных. Развитие такого общества зависело от производства сахара и условий его сбыта на складывавшемся мировом рынке. О. Паттерсон описывает беспощадную эксплуатацию, которой подвергались рабы. Они работали по 16 часов в день, а в период сбора урожая — до 18 часов. Хозяева не беспокоились об их пропитании, наделяя землей, непригодной для возделывания сахарного тростника. К середине XVIII в. рабы стали единственными производителями и продовольствия для населения острова.

Плантационное хозяйство и рабовладение в Вест-Индии являлись «классическим» показателем влияния капитализма на условия производства в колониях. Плантации пряностей, табака, риса, хлопка в американских и азиатских колониях обрабатывались рабами или закрепощенным местным населением. К. Маркс писал, что плантационное хозяйство — это капиталистическое производство, а плантаторы — «капиталисты, строящие свое хозяйство на рабском труде негров» [9, с. 329]. Тем самым К. Маркс подчеркивал обусловленность рабства в колониях процессом первоначального накопления капитала в метрополиях.

Торговля рабами и их эксплуатация, сбыт новых для Европы товаров стали для буржуазной Англии таким же средством ускорения накопления капитала, как торговые войны и протекционизм. Сначала английские плантаторы в Вест-Индии вынуждены были закупать рабов у голландцев, которые владели укрепленными факториями на западноафриканском побережье, но после издания Навигационного акта 1660 г., запретившего подобную практику, англичане сами занялись этим промыслом [173, с. 175—176].

Экспорт английских товаров и реэкспорт европейских континентальных в Северную Америку стимулировался ростом покупательной способности вест-индских плантаторов. Английские колонии вывозили свою сельскохозяйственную продукцию в Вест-Индию и поэтому смогли стать покупателями европейских товаров. Всем этим видам торговли сопутствовала контрабанда, не отражавшаяся ни в какой документации, но объем которой, судя по различным косвенным сведениям, был значительным. Англичане занялись также перевозками между портами Средиземного моря, где алжирские пираты помещали внедриться голландцам с их более легкими, плохо вооруженными кораблями и конкурировали с голландцами в торговле зерном и лесом между Северной и Южной Европой [173, с. 172—173].

Усложнение на рубеже XVII и XVIII вв. структуры английской и всей европейской торговли, изменения в торговле тек-

стилем, рост вест- и ост-индской торговли, развитие реэкспорта и образование «торгового треугольника» в Атлантике — все это в новых исследованиях определяется понятием «коммерческая революция». Она сопровождалась созданием международной финансовой системы для обслуживания торговых контрагентов (см., например, [179, 184]). В условиях меркантилизма, препятствовавшего экспорту золота и серебра, внедряются известные еще со средневековых переводные векселя. Теперь они применялись для безналичного перевода капиталов в отдаленные пункты для покрытия дефицита торгового баланса. Конечным пунктом предъявления векселей стал Амстердам. Только Испания продолжала погашать свой торговый дефицит металлической монетой, а англичане использовали свои доходы от торговли с Испанией для закупок в Индии, которые по-прежнему требовали наличия драгоценных металлов [173, с. 178—179].

К 1700 г. Лондон как транзитный порт мировой торговли превзошел Амстердам. Через него товары реэкспортировались из английских колоний в Европу и с Европейского континента в Америку. К концу XVII в. реэкспорт составил уже $\frac{1}{3}$ всего экспорта страны. Рост английской торговли объясняется устранением голландского посредничества, увеличением английского флота, введением навигационных актов, ставших основой торговой политики. Английский ученый К. Клей даже считает, что англо-голландское соперничество имело в основном торговый, а не политический характер, в то время как в англо-французской борьбе преобладали военно-политические причины. Такая оценка англо-французского соперничества, продолжавшегося до конца наполеоновских войн и ослабевшего только в начале XX в., явно искажает его экономические аспекты. Правильно было бы подчеркнуть то, что абсолютистская Франция пыталась подчинить своих экономически более сильных соперников, уже перешедших к капиталистическим формам ведения хозяйства (Нидерланды и Великобритания), военно-политическими методами и потерпела поражение.

После Утрехтского мира в течение примерно тридцати лет отмечалось относительно спокойное развитие как в Европе, так и в районах колониальных притязаний европейских держав. Франция была ослаблена в результате военного поражения и внутренними дворцовыми интригами. Пришедшие к власти в Англии виги после заключения мирного договора стремились избегать военных столкновений, чтобы не причинить ущерба торговле, процветавшей в условиях английского господства на морях. Р. Уолпол, руководивший политической жизнью в Англии в этот период, делал все, чтобы избежать вовлечения страны в какую-либо войну на континенте, особенно с Францией.

Однако сохранявшаяся острая конкуренция в торговле и в колониальных захватах с неизбежностью вела к новому туру колониальных войн. Французские и английские владения в Северной Америке, Вест-Индии и особенно в Индии соприкаса-

лись. Английский Мадрас находился близко от французского Пондишери, Чандернагор около Калькутты. Французы, владевшие в Канаде землями вдоль р. Св. Лаврентия и в устье Миссисипи продвигались из Квебека через Великие Озера вниз к Луизиане. Распространение их контроля на внутренние районы материка могло помешать продвижению английских колонистов на запад.

Выгодная торговля мехами стимулировала продвижение французов в глубь материка до середины нынешней провинции Саскачеван. Конкурирующие предприятия англичан в бассейне Гудзонова залива и американских поселенцев в районе Нью-Йорка — Олбани были стеснены. Французы искусно использовали против них индейские племена. Торговля мехами, которая достигла расцвета в 50-е годы XVIII в., не требовала участия значительного числа европейцев. В 1755 г. на территории Канады находилось всего 85—150 тыс. французов. Большинство переселенцев выполняли те же сеньориальные повинности, которые существовали во Франции.

Политика территориальных захватов и наступления на английские колонии создавала напряженность в отношениях между двумя державами в этом регионе, но Франция не имела реальных экономических и военных возможностей для противостояния. В английских колониях, протянувшихся по побережью Северной Америки, в середине XVIII в. проживало 1,5—2 млн. человек (см. [97, с. 260; 101, с. 26]).

Судьба французских колоний решилась во время Семилетней войны, поводом к которой послужило сражение у форта Дюкен в верховьях р. Огайо, который был важным стратегическим пунктом. Первоначально лучше организованные в военном отношении французы имели успех и вторглись в колонию Нью-Йорк. Однако скоро сказалось экономическое и морское превосходство Англии. Морская блокада лишила французов возможности подвозить в Канаду подкрепления. Англичане взяли форт Дюкен в 1759 г., тогда же капитулировал Квебек, а в 1760 г. — Монреаль. По Парижскому мирному договору 1763 г. к Великобритании отошли Канада и область между Аппалачскими горами и р. Миссисипи, а также некоторые французские острова в Вест-Индии.

Гораздо сложнее развивалась англо-французская борьба за преобладание в Индии. До войны за Австрийское наследство (1740—1748) в Индии деятельность торговых компаний сопровождалась обычной конкурентной борьбой. Однако пути британской и французской Ост-Индских компаний и в XVIII в. существенно отличались (см. § 4 данной главы).

Реорганизованная британская Ост-Индская компания после Утрехтского мира быстро расширяла свои операции и к 1722 г. превратилась в самостоятельную торговую державу. Она пользовалась постоянной поддержкой Английского банка и никогда не испытывала недостатка в оборотных средствах. Отношения

отношения с государством также стабилизировались благодаря поддержке парламента.

Крупным успехом английской торговой политики было своевременное осознание важности растущей торговли китайским чаем и установление прямых рейсов из Кантона в Европу. Количество судов с чаем возросло со 100 в 1717 г. до 150 в 1727 г., а их грузоподъемность — с 41 тыс. до 62 тыс. т. В течение трех десятилетий (1713—1743) компания импортировала и продала товаров на 30 млн. ф. ст. больше, чем экспортировала. Дивиденды держателям акций выплачивались регулярно в размере 7% в год [193, с. 129, 130].

В это же время постоянно возрастали английские силы в Бенгалии. Выгодное расположение порта Калькутты на рукаве Ганга—Хугли позволило ему стать центром торговли не только с Европой, но и с другими регионами. В Мадрасе английские губернаторы властвовали практически безраздельно как в городе, так и в его окрестностях. С 1741 г. компания начала чеканить не только серебряные, но и золотые монеты. К 1745 г. стоимость чеканки золотых монет достигла 200 тыс. ф. ст. Из Бомбея велась торговля кофе с Аравией и шелком с Персией; местная торговля осуществлялась на Малабарском берегу. Во всех трех регионах компания не препятствовала своим служащим осуществлять собственные торговые операции; особенно сильно персонал компании был втянут в местную азиатскую торговлю [193, с. 132—135].

В XVIII в. голландская Ост-Индская компания уже не представляла опасности для англичан. Она сконцентрировала свои усилия на торговле пряностями и не поспевала за английской компанией в развитии новых отраслей торговли. Более того, среди пайщиков британской Ост-Индской компании появились голландские имена. Датская и остендская (в Австрийских Нидерландах) Ост-Индские компании в своей деятельности также были тесно связаны с английским капиталом. Реальным соперником англичан в Индии оставалась Франция.

В 1723 г. французская Ост-Индская компания была реорганизована в Постоянную компанию Индии. 1724—1744 годы стали для компании недолгим периодом процветания. «Ножницы цен» на индийские и китайские товары на местных и европейских рынках достигали в среднем 6400 тыс. ливров. После 1736 г., однако, доходы от продажи индийских товаров стали уменьшаться, а от китайских расти. Финансовое положение компании к началу европейской войны в 1740 г. стало ненадежным, но французская власть на Востоке имела тогда более солидную материальную базу, чем в 1713 г. Особенно важными являлись опорные базы французского флота на островах Маврикий и Реюньон. Пондишери в это время представлял собой хорошо укрепленный город с населением около 60 тыс. человек, из которых примерно 1 тыс. составляли европейцы и еврейцы [193, с. 138—139].

В войну за Австрийское наследство Великобритания открыто вступила только в марте 1744 г. Ее поддержка Австрии против Франции заключалась в денежных субсидиях и небольшом экспедиционном корпусе, посланном на континент. Превосходство английского флота исключало возможность непосредственного нападения Франции на Великобританию. Поэтому основные военные действия развернулись в колониях и с особой интенсивностью в Индии.

Весть о начале войны в Европе достигла Индии только в сентябре 1744 г. Губернатор французских владений в Индии Дюпле сформировал войска из наемников-индийцев, обученных по европейскому образцу. С их помощью Дюпле включился в войну между местными князьями.

В течение пятидесяти лет, прошедших со времени неудачных военных действий англичан против Великих Моголов, эта держава распалась на полунезависимые княжества, а вся территория Индии превратилась в арену бесконечных междоусобных войн. Европейцы благодаря своему военному превосходству легко подчиняли себе княжества, которые вынуждали стать «союзниками». Правитель княжества, обратившийся за помощью, должен был субсидировать присланное войско. Для этого доходы с определенных областей отдавались европейским «союзникам». Таким образом французы подчинили Хайдарабад и Карнатаку.

В 1746 г. Дюпле удалось захватить Мадрас. Однако англичане, используя превосходство своего флота, перебросили в Индию большое количество европейских войск, артиллерии, прибыли сюда и хорошо обученные офицеры. В столкновениях вокруг Мадраса впервые выявилось превосходство организованной по европейскому образцу пехоты и полевой артиллерии над азиатским конным войском. Это стимулировало территориальные захваты как французов, так и англичан.

Когда в Европе был заключен мир (1748 г.), по которому Мадрас вернулся к англичанам, военные действия между Ост-Индскими компаниями продолжались. Стороны не спешили вернуть войска, в том числе швейцарских и немецких наемников, в Европу. Борьба шла уже за господство над территориями индийских княжеств. В войне за Карнатаку выделился военный руководитель Р. Клайв, под командованием которого англичане вытеснили из этого княжества французов. Французская Ост-Индская компания согласилась на мир (1754 г.) с англичанами и сохранила за собой Хайдарабад. Однако уже через два года началась Семилетняя война в Европе (1756—1763), и военные действия в Индии возобновились.

На этот раз на Европейском континенте Великобритания субсидировала Пруссию, воевавшую с Францией, Австрией и Россией, а сама продолжала расширять и осваивать колонии. В Индии военные действия развернулись в Бенгалии, чей правитель попытался воспротивиться строительству укреплений во-

хрут английских факторий и захватил Калькутту. Английская экспедиция, прибывшая из Мадраса, легко очистила Калькутту от войск наваба. Однако Р. Клайва не устраивало прежнее положение в Бенгалии, он решил свергнуть наваба и заменить его своим ставленником. В битве при Плессси (1757 г.) он во главе трехтысячной армии англичан и сипаев разгромил 50-тысячное бенгальское войско [193, с. 167].

Вслед за завоеванием Бенгалии последовало беспрецедентное по масштабам разграбление богатейшего индийского княжества. К. Маркс писал: «События Семилетней войны превратили Ост-Индскую компанию из торговой державы в державу военную и территориальную. Именно тогда было заложено основание нынешней Британской империи на Востоке» [4, с. 152]. Хотя из Франции в Индию прибыли подкрепления, положение французов вскоре стало безнадежным. В 1761 г. сдался французский гарнизон в Пондишери. По Парижскому мирному договору Франции вернули только несколько торговых пунктов в Индии, в том числе Пондишери, но без права их расширять и укреплять.

Победа в Семилетней войне завершила борьбу Великобритании за господство на торговых путях, а это означало, что она стала доминировать на формировавшемся мировом рынке. Совершение победы над торговыми соперниками и создания Британской империи с началом промышленной революции не было случайным. Расширяющийся мировой рынок мог стимулировать широкую механизацию производства.

Поистине гимн торговле создал современник этих событий Даниэль Дефо. Еще в 1728 г. он писал: «В общем, если выразить мысль в нескольких словах, то она сведется к следующему: торговля — это изобилие мира, торговля создает различие как между богатым и бедным, так и между разными странами; торговля пестует промышленность, а промышленность порождает торговлю; торговля распределяет природные богатства мира и создает новые формы богатства, о которых ничего не знала сама природа; торговля имеет двух дочерей — производство и мореходство, плодотворное потомство которых в ремеслах, можно сказать, обеспечивает работой человечество» (цит. по [241, с. 21]). Здесь и в других своих произведениях Д. Дефо предстает как типичный идеолог и апологет раннего капитализма, проповедник буржуазной морали, представлений и норм поведения. И, как у любого идеолога, его оценка эпохи односторонняя, необъективная. Он воспринимает развитие мировой торговли как благо для человечества, но закрывает глаза на последствия торговых войн, ограбление и порабощение целых народов.

Военно-политические и экономические факторы становления мирового рынка действовали асинхронно во времени и пространстве. Поэтому нельзя представить данный процесс вне контекста соперничества европейских держав на морских путях,

изолируя ост-индскую торговлю от атлантической, завоевание Нового Света от торгового проникновения в Азию и т. д.

Торговые войны, которые вели Великобритания и другие европейские державы, заложили основы мирового рынка, способного поглощать значительную часть продукции расширявшегося мануфактурного, а позднее и фабричного производства. Структура и характер мирового рынка в XVII—XVIII вв. в значительной мере базировались на военно-политическом компоненте. Новое качество мирохозяйственных отношений получили только после промышленной революции, создавшей их «вторичную», экономическую модель, которая просуществовала без существенных модификаций до конца XIX в.

4. Роль монопольных торговых компаний в формировании мирового рынка

К концу XVI столетия, по мнению американского историка Х. Фабера, португальский колониальный опыт показал, что морская торговля в Индийском океане должна быть организована на основе национальной монополии по крайней мере по четырем причинам: необходимость военной защиты от пиратов, эффективного контроля над передвижением судов для обеспечения торговых привилегий, успешного проведения переговоров в регионе с позиций силы, организации и управления факториями ([193, с. 185]; см. также [44, с. 433—454]).

«[Британская] Ост-Индская компания, — отмечает К. Маркс, — начала с простого стремления устроить фактории для своих агентов и складочные пункты для своих товаров. Для защиты своих факторий и складов она соорудила несколько фортов. Хотя уже с 1689 г. Ост-Индская компания замышляла основать в Индии территориальное владение и сделать доходы с приобретенных территорий одним из источников своих барышей, однако вплоть до 1744 г. она приобрела лишь несколько незначительных районов вокруг Бомбея, Мадраса и Калькутты» [4, с. 154].

Военное превосходство европейцев на море дало возможность еще португальцам легко овладеть торговыми путями, но контролировать можно было только в пределах досягаемости снарядов корабельных пушек. При продвижении в глубь азиатского материка преимущества, которые давала полевая артиллерия в XVI—XVII вв., были малоощутимы прежде всего из-за ее низкой мобильности и скорострельности. Только к середине XVII в. технический прогресс в военном деле позволил европейцам начать завоевания и на суше. Широкомасштабные действия в Азии начались с середины XVIII в.

В июне 1596 г. небольшой голландский флот, состоявший из трех кораблей и яхты, прибыл в порт Бантам на о-ве Ява. Поведение голландской команды на берегу очень скоро изменило

первоначально дружелюбное отношение островитян — и голландцы получили отпор. С грузом перца на борту три судна вернулись в Нидерланды через два с лишним года. Из 249 человек в живых осталось 89. Тем не менее с экономической точки зрения плавание себя оправдало и положило начало двухсотлетию господству монопольных компаний в торговле с Востоком.

До конца 1601 г. восемь компаний — предшественники Объединенной голландской Ост-Индской компании — снарядили 14 флотов, включавших 65 кораблей, и основали пять (помимо Бантама) факторий на островах и две на Малайском полуострове. Кроме того, голландцы достигли берегов Японии, положив начало длительным и весьма прибыльным для них контактам. Наиболее успешной оказалась экспедиция адмирала Я. К. ван Некка. Его возвращение в июле 1599 г. с большим грузом пряностей, от продажи которых была получена беспрецедентная прибыль (400%), стимулировало процесс организации компаний в Нидерландах и Великобритании.

Объединенная голландская Ост-Индская компания была создана 20 марта 1602 г. при прямом содействии Я. ван Ольденбарневелде, великого пенсионария провинции Голландия и правительства Нидерландов после двухгодичных переговоров и борьбы между различными купеческими группировками (см. также [276, 1976, № 4, с. 130—140]). Компании гарантировались монопольные права на 21 год. Помимо исключительного права торговать к востоку от мыса Доброй Надежды и к западу от пролива Магеллана она получила право вести «оборонительные» войны, заключать мирные договоры и союзы, строить форты. Привилегии компании периодически возобновлялись вплоть до ее ликвидации в 1798 г. Таким образом, по отношению к своим контрагентам на Востоке компания выступала в качестве самостоятельного государства.

С начала и до конца своего существования Объединенная голландская Ост-Индская компания превосходила конкурентов по объему коммерческих операций. С середины XVIII в. британская Ост-Индская компания обошла соперницу по политическому влиянию и количеству персонала за счет постепенного расширения правительственно-административных функций на захватываемых территориях. Но по числу акционеров, размеру торговых организаций «дома» и за рубежом, географическому охвату, тоннажу европейского и регионального флота голландская компания лидировала.

Федеральная структура Объединенной голландской Ост-Индской компании складывалась под влиянием и в тесной взаимосвязи с экономическими и политическими условиями северных провинций Нидерландов. Однако она функционировала, опираясь не только на них, но и на немецкий хинтерланд. Из шести вошедших в состав компании камер голландских комиссаров наибольшим влиянием пользовались амстердамская

и зеландская. Им принадлежало соответственно 3,7 млн. и 1,3 млн. гульденов из подписного капитала, собранного при организации компании (6,4 млн. гульденов). Характерной чертой компании был пестрый состав вкладчиков капитала: от эмигрантов из Южных Нидерландов до англичан, немцев, евреев — выходцев из Португалии. Основной капитал пополнялся всего один раз в 1639 г. на сумму 25 тыс. гульденов. Эта компания была одним из первых крупных акционерных обществ в мире (здесь впервые возник термин «акция»).

С середины XVII в. долевое участие (пай) в основном капитале компании стало предметом купли-продажи на амстердамской бирже, созданной в 1611 г., и котирувалось в зависимости от уровня прибылей компаний и выплачиваемых дивидендов (по правилам продаже подлежала доля акций номинальной стоимостью не менее 3 тыс. гульденов; фактически, особенно с 30—40-х годов XVIII в., продавались и менее крупные акции).

Несмотря на формально демократическую структуру и большое количество акционеров-пайщиков (в Амстердаме в 1602 г. их насчитывалось 1143), управление компанией осуществлялось автократическими методами. Рядовые акционеры могли оказывать влияние только на деятельность отдельных камер. 60 директоров, представлявших различные камеры, избирали «совет 17-ти», который осуществлял контроль за деятельностью всех отделений компании. Каждая камера снаряжала суда самостоятельно (всего в 1602—1759 гг. в Ост-Индию было направлено 842 корабля), вела отдельные бухгалтерские книги, но все наиболее важные финансовые вопросы (получение кредитов, продажа акций, выплата дивидендов) решались централизованно «советом 17-ти».

В своей деятельности на местах администрация компании во многом адаптировала португальский опыт, но в отличие от своих предшественников не допускала создания независимых и частично выборных муниципальных советов наподобие тех, что функционировали в Гоа, Макао и других владениях, а также не поддерживала религиозно-миссионерскую деятельность подобно португальской компании.

Голландские заморские фактории подчинялись генерал-губернатору и совету в Батавии. В совет входили шесть членов с правом голоса, а 12 обладали лишь консультативными полномочиями. Из их числа назначались губернаторы и формировался административный аппарат голландских колоний (факторий). Следующей за генерал-губернатором наиболее влиятельной фигурой был генеральный директор, контролировавший все торговые операции. По мере расширения деятельности компании при нем рос секретариат, отчетность которого регулярно направлялась на специальном корабле в метрополию. Прямых связей между отдельными колониями и «советом 17-ти» в Нидерландах практически не существовало. Администрация на индонезийском архипелаге использовала косвенные формы уп-

правления и опиралась на местных феодалов. Только в районе Батавии и побережья Цейлона практиковалось прямое управление «туземным» населением, послужившее прототипом для колонизаторов XIX и XX вв.

Как уже отмечалось, на первом этапе конкурентной борьбы европейских держав за контроль над торговлей пряностями голландцы не достигли существенных успехов. Тогда они приступили к реорганизации деятельности компании. Будущий генерал-губернатор Я. П. Козн в 1614 г. представил «совету 17-ти» программу действий, в которой предлагалось расширить региональную торговлю в Азии, установить монополию на продажу трех видов специй — гвоздики, мускатного ореха и перца, увеличить количество переселенцев из метрополии и шире использовать бесплатный труд местного населения [193, с. 36]. Монополия предполагала ограничение производства гвоздики, мускатного ореха и т. д. Одновременно делались попытки ограничить контрабандную торговлю. В подавлении сопротивления местных феодалов и коренного населения голландские колонизаторы преуспели больше, чем в установлении торговой монополии.

Попытки ввести монополию на торговые операции с пряностями неизбежно приводили к обострению отношений с торговыми конкурентами — англичанами. Это вылилось в открытое военное столкновение (1619 г.) на островах Малайского архипелага, которое закончилось только после достижения соглашения между руководством компаний в Европе. Переговоры начались еще в 1610 г., и первоначально предполагалось объединение компаний, но англичане не решились на этот шаг. В 1619 г. было достигнуто соглашение о разделе сфер влияния и коммерческих квот. Объединенная голландская Ост-Индская компания уступила англичанам $\frac{1}{3}$ торговли пряностями на Молуккских островах, на о-ве Амбон и о-вах Банда и половину торговли перцем на Яве, достигла договоренности с английской компанией в отношении факторий на индийском побережье.

Достигнутый мир с англичанами, хотя и не был прочным, позволил голландцам перейти к интенсивной колонизации в соответствии с планом генерал-губернатора Козна. В начале 20-х годов XVII в. голландцы, решив избавиться от конкуренции, устроили на Амбоне резню, которая вынудила англичан покинуть остров. Захваченные земли распределялись среди голландских колонизаторов. Тысячи местных жителей погибали в ходе сопротивления и от голода (см. также [50, с. 60—70]).

Кроме того, голландцы все более обустроивались на западном побережье Индии. Их фактории функционировали в Сура-те и других пунктах. В Камбее была сооружена верфь. В апреле 1621 г. первое судно, построенное на Востоке европейцами для обслуживания региональной торговли, направилось с грузом риса в Батавию.

С самого начала колонизаторы преследовали цель не толь-

ко установить контроль над региональной азиатской торговлей, но и получать доходы от нее путем введения транзитных пошлин (системы пропусков). Авторство пропускной системы принадлежало португальцам. Голландская Ост-Индская компания ужесточила «правила игры». Помимо монополии на торговлю пряностями и введения пропускной системы она перешла к прямому вытеснению азиатских купцов из региональной торговли. Применялась тактика захвата и конфискации судов, блокады портов и т. п. Если голландские колонизаторы осуществляли региональную торговлю в основном на судах компании, то их конкуренты — англичане — принимали в ней участие на частной основе. Это позволило англичанам в первой трети XVIII в. занять лидирующие позиции в региональной азиатской торговле.

В Бенгалии с 1760 г. под контролем европейцев развернулось строительство судов, которое дополнило ставшие традиционными поставки из Западной Индии, с верфей, принадлежащих индийцам и парсам. К 1790 г. совокупная грузоподъемность торгового флота, базировавшегося в Бенгалии, достигала 100 тыс. т. Из них только 10 тыс. т контролировалось индийцами [193, с. 295—297]. Хотя невозможно точно оценить объемы и стоимость грузов, перевозимых на принадлежащих европейцам судах, в ходе постоянно расширявшейся на протяжении XVII—XVIII вв. региональной торговли и размеры извлекаемых прибылей и присваиваемых пошлин, но можно утверждать, что азиатские купцы были в значительной степени вытеснены из этой важной сферы коммерческой деятельности.

Косвенное представление о ее масштабах во второй половине XVII в. дают финансовые отчеты голландской Ост-Индской компании. Правление компании стремилось часть прибыли от региональной торговли оставлять в колониях для ее дальнейшего расширения. Только под давлением акционеров около 50% дивидендов распределялось в Нидерландах. За 1654—1674 гг. эта сумма составляла приблизительно 21 млн. гульденов, а за следующее двадцатилетие было выплачено 23 млн. гульденов [193, с. 87—88].

Интересы голландских и английских колонизаторов вновь столкнулись в Персии из-за торговли шелком. Англичане поддерживали шаха Аббаса против португальцев и по его просьбе захватили Ормуз. Голландцы, прибывшие в Ормуз в 1623 г., нашли его разрушенным и обезлюдившим и предпочли перенести на материк в небольшой тогда порт Бендер-Аббас. С разрешения шаха доступ к шелку они получили в провинции Исфахан, в то время как англичанам было позволено покупать шелк в Ширване и Гиляне.

Несмотря на сопротивление португальцев и конкуренцию со стороны голландской Ост-Индской компании сеть английских торговых факторий протянулась от Персидского залива до Китайского моря. Демонстрацию военной силы англичане сочетали с дипломатическими усилиями. Значительных успехов при дво-

ре Великих Моголов добился посланец английского короля Т. Рой, который прибыл в Сурат в 1615 г. Хотя формального договора заключено не было, англичане получили фирман на торговлю на территории державы Великих Моголов.

Первоначально капитал британской Ост-Индской компании, организованной в 1600 г., значительно уступал голландской. Первая экспедиция компании финансировалась из суммы в 68,4 тыс. ф. ст., собранных частными вкладчиками (капитал голландской компании составлял 550 тыс. ф. ст.).

По сравнению с голландской британская Ост-Индская компания обладала более компактной и простой организационной структурой. Торговые компании формировались в Англии начиная с середины XVI в. и уже обладали некоторым опытом. В появлении новой торговой компании в 1600 г. принимала деятельное участие левантийская компания. Между 1600 и 1630 г. среди 1318 вкладчиков по подписке было собрано 2,9 млн. ф. ст., из них 415 тыс. ф. ст. вложили представители дворянства. В отличие от голландской номинальный капитал английской компании был «заморожен» только в конце XVII в. благодаря ее противникам и конкурентам. В обращение выпускались акции номинальной стоимостью 100 ф. ст.

В 1702 г. после длительной борьбы с конкурентами была организована объединенная компания, чей номинальный капитал составил 3,2 млн. ф. ст. в облигациях государственного займа, а реальный капитал формировался за счет краткосрочных кредитов Английского банка. Номинальный капитал пополнялся дважды: в 1786 г. на сумму 800 тыс. ф. ст. и в 1789 г. — на 1 млн. ф. ст. (стофунтовые акции продавались за 155 ф. ст. в первом случае и за 174 ф. ст. во втором, а средняя котировка акций на бирже в течение XVIII в. составляла 160 ф. ст.) (см. [193, с. 193—194]).

Добиваясь пролонгирования привилегий, что приводило к пересмотру финансовых договоренностей с правительством Великобритании, компания прибегала к прямому подкупу. В обмен на сохранение монопольных прав в 1744 г. правительству был предоставлен еще один миллионный заем, а в 1766 г. передано 200 тыс. ф. ст., а также снижена процентная ставка по государственному займу у компании. «Влияние, — отмечает К. Маркс, — которое Ост-Индская компания точно так же, как и Английский банк, приобрела посредством подкупа правительства, она была вынуждена... поддерживать все новыми и новыми подкупами» [4, с. 152].

Количество инвесторов за всю историю компании редко превышало 2 тыс. человек. Один голос «стоил» 500 ф. ст., а так как большинство акций находилось в руках дюжины лондонских семейств — коммерсантов и владельцев судов, — это позволяло им контролировать совет директоров из 24 членов, осуществлявший оперативное руководство. Количество интонациональных инвесторов возросло во второй половине XVIII в. Так, гол-

ландцам принадлежали акции на сумму 800 тыс. ф. ст., из них 250 тыс. ф. ст. приходилось на евреев — выходцев из Португалии, еще 100 тыс. владели фламандцы.

Компания располагала филиалами в Индии (бенгальский, калькуттский и бомбейский, в 1773 г. они были объединены) и одним в Китае. Их администрация была напрямую связана с «советом 24-х» в Лондоне. Каждый филиал располагал собственным административным аппаратом и армией. Рассредоточение администрации, незначительное участие служащих в региональной торговле, практика фрахтования судов отличали британскую компанию от голландской, делали ее более гибкой и менее бюрократизированной.

Французская Ост-Индская появилась намного позднее и имела гораздо более короткую экономическую и политическую историю. Как известно, она была основана непосредственно по инициативе Кольбера в 1664 г. и просуществовала до 1769 г. Несмотря на то что еще в 1601 г. французская компания «Сантмало» (Молуккская) организовала первый успешный рейд на острова за пряностями, проникновение французских колонизаторов в Ост-Индию затянулось. Проекты создания компаний, ориентировавшихся на Ост-Индию и Вест-Индию, не были реализованы, а французская Восточная компания, основанная в 1642 г., втянулась в колонизацию Мадагаскара.

Честолюбивым планам Кольбера не суждено было сбыться. Хотя французская Ост-Индская компания учреждалась по типу и подобию голландской, ее структура и деятельность значительно отличались от последней. Социально-экономические условия, существовавшие во Франции, — экономический и таможенный регионализм, дезинтегрированное и политически бесправное немногочисленное купечество, феодально-бюрократическая регламентация и т. п. — наложили непосредственный отпечаток на облик компании. «Камеры», или региональные филиалы, существовали на бумаге, да и то только до 1685 г. Из собранной по подписке суммы свыше 8 млн. ливров большая часть принадлежала короне и феодально-бюрократическому аппарату, причем значительная часть средств собиралась принудительно.

Цепь финансовых неудач и реорганизаций преследовала компанию со дня ее основания. Государственные дотации и назначенный королем совет директоров из 12 человек свели на нет роль частных пайщиков, функционеры компании в центре и на местах были, по существу, государственными служащими. Неэффективное управление, преждевременная выплата дивидендов, катастрофическая заемная политика вменялись в вину компании в правительственном эдикте, по которому она в 1719 г. была слита с предприятием Дж. Ло. Объединенная компания была призвана контролировать всю колониальную торговлю Франции. Чем закончились грандиозные финансовые махинации Дж. Ло, хорошо известно.

В процессе восстановления деятельности французской Ост-

Индской компании в 1721—1723 гг. наряду с прежними привилегиями, факториями, кораблями она получила стабильный источник финансирования за счет королевской табачной монополии. Объединенная компания оказалась в еще большей степени под правительственным контролем, чем ее предшественница во времена Людовика XIV. Фактически находясь на государственном бюджетном обеспечении, она стала получать 4—6 млн. ливров дотаций в год. В период 1725—1755 гг. ежегодно 18—20 кораблей отправлялись из французских портов в Ост-Индию. До 1771 г. (последний год прибытия грузов), отмечает французский историк А. Рейналь, объем продаж компанией восточных товаров в Европе составил 635 963 тыс. ливров, в то время как на их приобретение было затрачено 344 032 тыс. ливров (валовая прибыль компании примерно на уровне 50%) [193, с. 210].

Семилетняя война (1756—1763) и поражение Франции были не единственной причиной ликвидации компании. По мнению американского ученого Х. Фабера, свою роль сыграли коррупция и плохое управление, выразившееся, в частности, в том, что компания не смогла перестроиться и диверсифицировать европейский импорт, а также возросшие после 1747 г. военные и административные расходы.

Х. Фабер считает, что в XVII—XVIII вв. торговля с Азией не обогащала Европу. Экспедиции вокруг Африки стоили так дорого, что она не могла возместить затрат. Общественное мнение в Великобритании и Франции, как и господствующая экономическая теория того времени — меркантилизм, не поощряло расширения ост-индской торговли. Для Франции торговые прибыли, полагает Х. Фабер, безусловно, не окупили затрат на дорогостоящие военно-морские экспедиции в Индийский океан. Тем не менее торговля между континентами была необходима, подталкиваемые политическим соперничеством европейцы продолжали ее вести.

Х. Фабер признает, что отдельные европейцы, в частности англичане, создавали на Востоке крупные состояния, но их деятельность процветала за счет британского налогоплательщика. В целом же ост-индская торговля по сравнению с европейской и атлантической не была источником накопления для европейских государств, и это положение оставалось в силе до второй половины XVIII в. Фабер приходит к выводу, что во второй половине XVIII в. после широких завоевательных компаний в Индии Восток стал служить источником возрастающего богатства Англии. Однако эти завоевания, потребовавшие больших военных и административных расходов, стали возможны, по его мнению, с началом промышленной революции в Европе.

То, что торговля с ведущими азиатскими государствами осуществлялась на эквивалентной основе, подтверждается сохранением на протяжении XVI—XVIII вв. пассивного для европейских стран баланса операций, сальдировавшегося с помощью

благородных металлов, основным источником которых была испанская Америка. Французский историк П. Шаню подсчитал, что 4—5 тыс. т американского серебра достигло Востока в 1570—1780 гг. через Тихий океан и 17 тыс. т в 1503—1650 гг. через Европу и мыс Доброй Надежды. Как полагает Х. Фабер, примерно $\frac{1}{3}$ серебра, добывавшегося в Америке в XVII—XVIII вв., уходила в Азию и, по данным Я. де Вриса, покрывала от 80 до 90% европейского импорта [168, с. 268—269; 183, с. 135]. Легендарные «серебряные» флотилии везли на галеонах столь необходимые для расширяющейся европейской торговли денежные средства. Примерное представление о масштабах ввоза в Европу американского серебра и золота дают данные американского экономиста Е. Гамильтона (табл. 8).

Таблица 8

Испанский импорт серебра и золота
из Америки в 1503—1650 гг. *,
кг

Период	Серебро	Золото
1503—1510	—	4 965
1511—1520	—	9 153
1521—1530	149	4 889
1531—1540	86 194	14 466
1541—1550	177 573	24 957
1551—1560	303 121	42 620
1561—1570	942 859	11 531
1571—1580	1 118 592	9 429
1581—1590	2 103 028	12 102
1591—1600	2 707 627	19 451
1601—1610	2 213 631	11 764
1611—1620	2 192 265	8 856
1621—1630	2 145 339	3 890
1631—1640	1 396 760	1 240
1641—1650	1 056 431	1 549

* [200, с. 42].

Новый Свет был не единственным источником золота и серебра. Еще раньше португальцы получили доступ к западно-африканскому золоту, ежегодная добыча которого на рубеже XV и XVI вв. оценивается В. Лангенбеком в 8 т [85, с. 22]. Голландцам удалось установить прочные отношения с Японией и на протяжении XVII в. получать значительные средства для финансирования импорта из других районов Азии (табл. 9).

Тем не менее голландская Ост-Индская компания ввозила из метрополии в Батавию золотые и серебряные слитки, мексиканские доллары, итальянские дукаты и т. п. для обеспечения торговых операций. Общая сумма ввоза «звонкой монеты» составляла (тыс. гульденов) [169, с. 231]: в 1677—1678 гг. — 2,223; в 1678—1679 гг. — 1,051; в 1679—1680 гг. — 1,578; в

Таблица 9

Голландский импорт благородных металлов
из Японии *,
тыс. гульденов

Период	Серебро	Золото
1640—1649	15 188,7	—
1650—1659	13 151,2	—
1660—1669	10 488,2	4 060,9
1670—1679	—	11 541,5
1680—1689	—	2 983,8
1690—1699	—	2 289,5

* [198, с. 58].

1680—1681 гг.— 1,824; в 1681—1682 гг.— 1,648; в 1682—1683 гг.— 2,148.

Значительная часть мировой торговли в XVI—XVIII вв. представляла, можно сказать, улицу с двусторонним движением. Через Европу в Азию текло американское серебро, а в обратном направлении — высококачественные азиатские товары. Структура азиатского экспорта постепенно менялась и диверсифицировалась в соответствии с европейским спросом, но неизменным оставалось его финансирование, несмотря на все строгости меркантилистской политики. Конечно, такая схема международной торговли является упрощенной. Без атлантической торговли и импорта плантационной продукции из Нового Света невозможно представить формирование мирового рынка.

Сохранившиеся бухгалтерские книги британской Ост-Индской компании дают представление о характере отношений на Востоке. С 1660 по 1699 г. стоимость золота и серебра, вывозимого компанией, значительно превышала стоимость экспортируемых товаров (табл. 10). Паллиативное решение было найдено администрацией компании на Востоке — индийский опиум стали поставлять в Китай.

Количественный рост и диверсификация мировой торговли в XVI—XVII вв. заложили основы мирового рынка, привели к обмену важнейшими товарами между Новым и Старым Светом. Это табак из Мэриленда и Виргинии, тростниковый сахар из Вест-Индии и Бразилии, чай из Китая, кофе из Аравии, с Явы, позднее из Бразилии, хлопок, индиго, рис и др. В XVI—XVIII вв. доминирующее положение в неевропейской торговле занимали колониальные продовольственные товары, а также готовая продукция азиатских стран, прежде всего, текстильная. Сырье для нужд европейской промышленности становилось важной статьей внешнеторговых операций лишь в XIX в.

Первоначально в структуре колониального импорта из Азии на первом месте находились перец и пряности. Так, еще в се-

Таблица 10

Экспорт британской Ост-Индской компании *

Период	Всего, тыс. ф. ст.	В том числе		Доля метал- лов в общей стоимости экспорта, %
		металлы	прочие товары	
1660—1669	1325	879	446	66
1670—1679	3429	2546	883	74
1680—1689	3948	3443	505	87
1690—1699	2887	2100	787	73

* [165, с. 497—498].

редине XVII в. на них приходилось соответственно 50 и 18% ввоза голландской Ост-Индской компании. К концу века их совместная доля упала до 22%, в то время как шелковые и хлопчатобумажные ткани составили 50% импорта, а чай, кофе, красящие вещества и медь — 4—8% каждый [183, с. 135].

«Коммерческая» революция была теснейшим образом связана с «транспортной». В течение XVI столетия 15—17 судов за декаду отправлялись из Лиссабона на Восток, в 1610—1620 гг. из Европы отбыло уже 250 кораблей, половина из которых принадлежала голландским предпринимателям, в 1650—1660 гг. их количество возросло до 400. За два столетия функционирования голландской компании общая численность экипажа на ее судах достигла 1 млн. человек, из которых выжила только $\frac{1}{3}$ [183, с. 131].

Европейцы познакомились с кофе благодаря венецианцам. Возросший спрос на этот продукт стимулировал организацию кофейных плантаций на о-ве Ява. Если в начале XVII в. его ввоз был минимальным, то к 1750 г. достиг 66 млн. фунтов. Чай, впервые ввезенный голландцами в 1609 г., в середине столетия на лондонском рынке стоил от 6 до 10 ф. ст. за фунт. Однако значительный рост поставок чая (15 млн. фунтов в 1766 г.) после открытия Кантона в 1720 г. для всех европейских торговцев привел к его удешевлению [183, с. 136]. Ежегодный импорт чая и кофе в Великобританию в 1700—1714 гг. в стоимостном выражении достигал 10 тыс. и 44 тыс. ф. ст. соответственно, в 1785—1789 гг. — 1810 тыс. и 266 тыс. ф. ст. [169, с. 237]. Важнейшей статьей импорта из Индии стал ситец. К середине XVII в. Великобритания ввозила 240 тыс. штук ситцевого полотна в год, а Нидерланды — 30 тыс., в начале XVIII в. — 861 тыс. и 100 тыс. штук соответственно [183, с. 137]. Впоследствии английский рынок для индийских тканей был закрыт запретительными пошлинами с целью поддержания национальной текстильной промышленности.

Среди азиатских товаров наибольшее внимание в специальной литературе зачастую уделяется такой их экзотической группе, как пряности (мускатный орех, гвоздика и др.), производство которых было локализовано на Молуккских островах и о-ве Цейлон, что облегчало контроль за их вывозом. Однако ни португальцы, ни даже голландцы не смогли установить монополию на торговлю этими продуктами. Европейский спрос на пряности, исчисляемый в 1 млн. фунтов в год, в конце XVII—начале XVIII в. частично удовлетворялся за счет поставок по сухопутному маршруту через Ближний Восток, а также благодаря подвозу на английских и французских судах. Гораздо более важной статьёй международной торговли был перец, основными центрами производства которого являлись о-в Суматра и Малабарский берег. Емкие рынки перца существовали как в Европе (6—8 млн. фунтов в год), так и в Азии. В 1670 г. флот голландской Ост-Индской компании доставил в метрополию 9,2 млн. фунтов черного и 134 тыс. фунтов белого перца [193, с. 236]. Еще в середине XVII столетия их основные конкуренты — англичане — импортировали только около 0,5 млн. фунтов, но после основания факторий в Бенкулу на юго-западном берегу о-ва Суматра они начали теснить голландцев в самом центре зоны их влияния. К 1750 г. плантации, управляемые из Бенкулу, производили более 1 млн. фунтов перца, значительная часть которого направлялась в Китай. Борьба за торговое преобладание приобрела ожесточенный характер в 20—40-е годы XVII в. на Малабарском берегу, где сталкивались интересы европейских колонизаторов, местных правителей и купцов, составивших мощную конкуренцию голландцам.

Английские и голландские фактории основывались в Гуджарате, Бенгалии и на Командельском берегу — центрах индийского текстильного производства, осуществляли вывоз хлопчатобумажных тканей в Европу (особенно после 1650 г.) и другие азиатские страны. Хлопчатосырец играл значительную роль в торговле между Индией и Китаем. Хлопчатобумажная пряжа стала важной статьёй европейского импорта после принятия в 1690 г. ограничений на вывоз индийского текстиля в Англию и Францию.

Растущий спрос на эти виды продукции способствовал установлению прямых связей между Ост-Индскими компаниями и непосредственными производителями, исключив многочисленных посредников и комиссионеров. В последней четверти XVII в. индийские ткачи уже вырабатывали такие ткани, которые по качеству и расцветке отвечали европейским вкусам, сформировавшимся на китайских товарах. Искусство индийских ремесленников было столь высоким, что европейцы смогли перенять их технику и успешно копировать лучшие образцы продукции только во второй половине XVIII в., после введения в Англии усовершенствованных деревянных блоков для нанесения рисунка на ткани.

Импорт шелковых тканей с Востока имеет давнюю историю. Неудивительно, что Ост-Индские компании приняли деятельное участие в торговле персидским, бенгальским и китайским шелком. После столетней борьбы доминирующие позиции в этой области в 30-е годы XVIII в. заняли англичане, сделавшие основную ставку на бенгальский шелк, который хотя и значительно уступал китайскому по качеству, но был дешевле даже аналогичного персидского.

Голландцы помимо европейского рынка, куда они в 1634 г. вывезли 200 тыс. фунтов персидского шелка, осваивали японский рынок, на который они поставляли в основном китайскую продукцию. В 80-е годы XVII в. объем продаж бенгальского шелка на лондонском рынке составлял 100—150 тыс. ф. ст. ежегодно. Однако к середине 30-х годов XVIII в. англичане обошли голландцев почти в 2 раза, импортируя 146 тыс. фунтов против 72 тыс. фунтов в год [193, с. 246]. К этому времени практически все поставки шелка производились из Бенгалии. С целью улучшения качества импортируемого шелка компании привлекали итальянских мастеров для обучения местных ткачей. Были основаны шелкомотальные мануфактуры, под крышей одной из которых в 1715 г. работало 4 тыс. человек. По оценке Х. Фабера, они обеспечивали примерно 20% производимой на экспорт продукции [193, с. 246—247].

Первые плантации сахарного тростника были организованы на о-ве Ява в 1630 г. К середине века голландцы производили уже 1,5 млн. фунтов сахара, а в первой трети следующего столетия — 8 млн. фунтов в год [193, с. 248]. Хотя сахарный тростник произрастал в Китае и Бенгалии, голландская Ост-Индская компания монополизировала азиатский рынок. На Японию, Персию, Индию приходилась львиная доля голландских поставок. Европейский рынок также заполнялся продукцией с Явы, так как англичане сосредоточили свои усилия на Вест-Индии и даже ввели пошлину на азиатскую продукцию. Однако конкуренция плантационных хозяйств Нового Света привела к тому, что ост-индский сахар пользовался спросом на европейском рынке лишь в отдельные периоды: в 30-е годы XVII в. — в самом начале сахарного бума, в 40-е годы, во время войны между Португалией и Нидерландами, когда бразильская продукция не попадала в Европу, а острова Вест-Индии не стали еще крупными поставщиками, и, наконец, во время войны за Испанское наследство. В этот период голландские поставки достигали максимума — 2 млн. фунтов в год. После массовой резни китайцев в 1740 г. в связи с нехваткой рабочей силы и ухудшавшейся конъюнктурой рынка сахарные плантации на Яве пришли в упадок.

Среди объектов мировой торговли в XVII—XVIII вв. особое место занимала медь. Европейский импорт этого металла был незначительным (40—50 тыс. фунтов в год). Большая часть японской меди (не менее 200 тыс. фунтов ежегодно в 1656—

1731 г. и 540 тыс. фунтов в 1680 г.) поступала при помощи голландской Ост-Индской компании в каналы региональной азиатской торговли. По мнению Х. Фабера, ни один из аспектов европейского проникновения в Азию не имел столь далеко идущих экономических последствий [193, с. 249]. Спрос на медь был повсеместным и универсальным, голландцы, по существу, получили в свое распоряжение «готовые деньги». Рост цен на медь в Азии и одновременное удешевление производства медных монет в Швеции способствовали широкому ввозу ее в Индию англичанами в конце XVIII в.

К концу XVII столетия важной статьей европейского импорта из Индии становится селитра, использовавшаяся для производства пороха. Ее загружали на суда вместо балласта. Наибольшее распространение сбор и переработка селитры получили в Бихаре и Ориссе. Из 15 млн. фунтов селитры, ежегодно собираемой в Бихаре, 7 млн. подвергалось переработке и вывозилось в Европу и азиатские страны английскими и голландскими компаниями [193, с. 256].

После появления европейских колонизаторов в Азии широкие масштабы приобрела торговля опиумом, культивируемым в Центральной Индии и Бихаре. Из доходов от продажи опиума англичане, по существу, финансировали значительную часть импорта чая из Китая. Контрабандная торговля опиумом в 90-е годы XVIII в. обеспечивала закупки от 15 млн. до 20 млн. фунтов чая, реализация которого на лондонском рынке давала примерно 2,7 млн. ф. ст. в год. Однако еще в 1613—1683 гг. увеличилось потребление опиума на островах Малайского архипелага — с 200 фунтов до 100 тыс. фунтов. В 1678 г. 75 т опиума поступило на Яву. Этот продукт использовался также для обменных операций в регионе [193, с. 244, 258].

Англичане, первоначально оттесненные голландцами с рынка пряностей, рассчитывали получать значительные прибыли от торговли индиго, культивировавшегося в районе Агры, а также на Коромандельском берегу. До середины XVII в., несмотря на наличие сухопутного пути, доходы Ост-Индских компаний вывозивших в 20-е годы водным путем 2—3 тыс., а в 40-е годы — более 80 т индиго ежегодно, от продажи этого красителя на европейском рынке были высоки [193, с. 259]. Но затем конкуренция продукции из «испанской» Америки, а к концу столетия — из Вест-Индии свела на нет плантационные хозяйства индиго в Старом Свете. Они появились здесь снова только с началом промышленной революции.

В то время как на Востоке европейские компании взяли под контроль торговые операции арабских и индийских купцов без широкого развития своих плантационных хозяйств, атлантическая торговля в Западном полушарии возникала в процессе расширения переселенческих колоний в Северной и Южной Америке и коренной перестройки местных традиционных экономических структур. В соответствии с меркантилистской полити-

кой экономика этих колоний изначально ориентировалась на удовлетворение потребностей метрополий в сырье и продовольственных товарах, и, в свою очередь, они стали рынком сбыта европейской промышленности.

Сахарный тростник был завезен Х. Колумбом в Санто-Доминго во время его второй экспедиции. После того как сахарные плантации получили распространение на островах Вест-Индии и в Бразилии, производство сахара увеличилось с 20 тыс. т в 1600 г. до 200 тыс. т к началу войны за независимость американских колоний (1776—1783), что привело к значительному падению цен на него. Весьма сомнительным «даром» Нового Света стал табак. Плантации Виргинии и Мэриленда позволили англичанам увеличить ввоз табака в Европу с 9 млн. фунтов в 1660 г. до 38 млн. в 1699 г. и 55 млн. фунтов в 1750 г. [183, с. 139]. С XVI в. в Европе начинают применять новый способ обработки тканей натуральным красителем индиго, и к XVIII в. его ввоз из Нового Света становится важной статьей мировой торговли. Но гораздо большее значение имело расширение хлопковых плантаций, продукция которых пользовалась особым спросом в ходе промышленной революции.

Драматическую страницу в истории колонизации Америки открывает работорговля. По оценкам американского исследователя П. Куртина, с 1451 по 1600 г. из Африки было вывезено 275 тыс. рабов, из них 75 тыс. в «испанскую» Америку, 50 тыс. в Бразилию, 100 тыс. на о-ва Сан-Томе и Принсипи (табл. 11).

Таблица 11

Торговля рабами,
тыс. человек *

Направление	1601— 1625 гг.	1626— 1650 гг.	1651— 1675 гг.	1676— 1700 гг.	1701— 1720 гг.	1721— 1740 гг.	1741— 1760 гг.
Европа	12,8	6,6	3,0	2,7	—	—	—
Испанские колонии в Америке	75,0	52,5	62,5	102,5	90,4	90,4	90,4
Бразилия	100,0	100,0	185,0	175,0	292,7	312,4	354,5
Вест-Индия:							
британская	—	20,7	69,2	173,8	160,1	198,7	267,4
французская	—	2,5	28,8	124,5	166,1	191,1	297,8
голландская	—	—	20,0	20,0	120,0	80,0	80,0
датская	—	—	—	4,0	6,0	3,3	6,7
Северная Америка	—	—	—	—	19,8	50,4	100,4
Всего . . .	187,8	182,3	368,5	602,5	855,1	926,3	1197,2
В среднем за год	7,5	7,3	14,7	24,1	42,8	46,3	59,9

* [177, с. 119, 216].

В XVII в. инициатива в области работорговли перешла к голландцам, а позднее к англичанам. Так, Африканская компания была основана в 1672 г., еще до получения асиенто, с целью увеличить английскую долю в работорговле. 500 кораб-

лей компании до 1712 г. доставили вест-индским плантаторам 100 тыс. человек в обмен на товары. Африканцы обменивались в основном на текстиль (57%), огнестрельное оружие и порох (10%), предметы домашнего обихода (9%). По данным К. Чипполы, в обменных операциях текстиль составлял 60%, огнестрельное оружие и порох — 20%, спирт — 10%, прочие товары — 10% [183, с. 141, 139; 169, с. 237].

Монопольные торговые компании, действовавшие на африканском побережье и в Вест-Индии, участвовали не только в работорговле. Их специфической функцией было каперство, морской разбой, контрабанда, подрывавшие испанское владычество. Так, голландская Вест-Индская компания, основанная в 1621 г. с капиталом в 7 млн. гульденов, в 1628 г. за один день «заработала» 11 млн. гульденов после успешного перехвата испанской флотилии [183, с. 137], нагруженной серебром. Однако, безусловно, важнее была та экспортная ориентация хозяйства, которая насаждалась торговыми компаниями в Новом Свете.

Последствия расширения международной торговли на протяжении XVI—XVIII вв. и превращения ее в мировую нельзя оценивать исходя исключительно из фрагментарных количественных показателей не только потому, что они не дают полной картины, но и в силу значительных побочных воздействий формировавшегося мирового рынка на технический прогресс, экономические институты, политические события и др.

Еще в ходе Великих географических открытий в Западную Европу переместился центр мировых торговых путей. Хотя торговые операции с Вест-Индией и Ост-Индией на протяжении XVI—XVIII вв. составляли незначительную часть европейского внешнеторгового оборота, их роль для европейского развития не следует преуменьшать. Такая тенденция наметилась у ряда западных ученых в последние годы (П. Бэрок, Я. де Врис). Возможно, что в какой-то мере это реакция на миросистемные конструкции леворадикалов (С. Амин, А. Г. Франк, Э. Валлерштайн), отрицающих первостепенное значение эндогенных факторов генезиса капитализма.

П. Бэрок, например, отмечает, что «после обзора относительно ограниченной роли третьего мира (в мировой торговле. — В. З.) вызывает удивление его переоценка в ряде теоретических исследований... Наиболее значительный вывод, который мы можем сделать из анализа географической структуры европейской внешней торговли, — это преобладание внутриевропейской торговли и торговли между развитыми регионами... На территории, которые сегодня называют третьим миром, приходилось только около 20% объема европейской внешней торговли в XIX столетии» [287, с. 568, 592]. Дискуссия между П. Бэроком и А. Г. Франком на страницах журнала «Европейская экономическая история» выявила принципиально различную интерпретацию последствий международных экономических отношений. Так, А. Г. Франк, не выдвигая возражений по поводу стати-

стических расчетов П. Бэрока, подчеркивал, что «превышение экспорта над импортом в периферийных районах способствовало накоплению капитала, техническому и экономическому прогрессу развитых сегодня стран... отсталая часть мира из-за превышения экспорта над импортом финансировала другие регионы прямо и косвенно» [287, с. 470].

Бесспорно, что колониальная экспансия и становление мирового рынка оказали стимулирующее воздействие на развитие капиталистического уклада в Нидерландах и Великобритании. Они использовали результаты колониальной экспансии Португалии и Испании, перемещение торговых путей и расширение рынков в самой Европе. Несмотря на то что в колониальной торговле преобладали потребительские товары и благородные металлы, Нидерланды и Великобритания, активно занимаясь реэкспортом и посреднической торговлей, вдохнули новую жизнь в средиземноморскую и особенно балтийскую торговлю. Последняя имела жизненно важное значение для Западной Европы, поскольку через Балтику шли зерно, лес, железная руда, медь и другие сырьевые товары, без которых расширение и перестройка голландской и английской обрабатывающей промышленности были бы весьма затруднены. Таким образом, процесс первоначального накопления приобретал как бы двухступенчатый характер. Выступая посредником в продаже колониальных товаров в других европейских странах, поставляя продукцию национальной обрабатывающей промышленности на рынки Восточной Европы, Испании и ее колоний, а позднее и в собственные владения, Англия и Нидерланды к середине XVII в. оттеснили пиренейские государства на второй план не только в экономическом, но и в военно-политическом отношении. Такие сложные многофакторные последствия становления мирового рынка, безусловно, не поддаются однозначным количественным оценкам, да и сами подсчеты могут стать предметом различных суждений.

Так, западный исследователь Я. де Врис, приводя известную цитату К. Маркса об «идиллических моментах», свойственных процессу первоначального накопления, сопровождает ее статистическими выкладками, призванными доказать более низкую по сравнению с внутриевропейской прибыльность колониальной торговли, в частности работоторговли, и соответственно меньшую значимость для становления капитализма. Среднегодовые доходы от торговли рабами одной из голландских компаний в XVIII в. составляли около 3%, а 18% прибыли, полученные голландской Ост-Индской компанией в 1634—1715 гг., являются, по его мнению, завышенными, так как они исчислялись по отношению к номинальной стоимости акций, а не к фактической котировке на бирже [183, с. 142—143].

К. Чиполла в противовес названным авторам, комментируя нараставшие изменения хозяйственных структур в Великобритании на протяжении XVI—XVIII вв., отмечал, что «междуна-

родная торговля внесла значительный вклад в ее экономическое развитие» [169, с. 294]. Конкретно она способствовала накоплению капитала, необходимого для развития промышленности и внедрения новой технологии в сельское хозяйство, росту городов и индустриальных центров, расширению спроса на английскую продукцию, импорту сырья и на этой основе расширению номенклатуры и снижению цен на продукцию английской обрабатывающей промышленности, развитию транспорта, страхования, банковского дела, т. е. институциональной структуры капитализма в целом.

В ходе исследований и дискуссий о причинах и характере перехода от феодализма к капитализму и факторах промышленной революции в Англии рассматривается, отмечает индийский ученый Х. Алави, как правило, европейский историко-экономический материал, вне контекста колониальной экспансии и колониальной трансформации восточных обществ. Примером более широкого подхода он считает концепцию Э. Валлерштайна, в рамках которой «национальное развитие» предстает в качестве подчиненного элемента «мировой экономики» и «мировой системы».

В центре «мировой системы» в XVI—XVII вв. находилась, по мнению Э. Валлерштайна, Северо-Западная Европа, «полупериферия» включала Южную Европу, а «периферия» — Восточную Европу и Америку. Из этой конфигурации намеренно исключались Россия, Османская империя, Индия и Восточная Азия как районы функционирования самостоятельных «мировых экономик». Только после промышленной революции евроцентристская мировая система интегрирует азиатский регион в качестве периферии со всеми вытекающими последствиями.

Такая модель, несмотря на отказ от традиционного странового анализа, отражает, по мнению Х. Алави, довольно распространенные представления о субординации внешних факторов промышленной революции в Англии, суммирует концепции, исходящие из европейских и атлантических предпосылок динамики капиталистического развития. Суть же заключается в исследовании последствий проникновения Великобритании на Восток, взаимосвязи колониальной экспансии в Индии и промышленной революции.

Некоторые современные индийские ученые акцентируют внимание на изменениях в экономическом базисе доколониального общества, которые могут, по их мнению, рассматриваться в качестве предпосылок «автономного капиталистического развития». Среди них И. Хабиб, который отмечает применение в Индии наемного труда в сельском хозяйстве, проникновение торгового капитала в сферу ремесленного производства; Х. Алави — значительную степень урбанизации, развитие товарно-денежных отношений, взимание ренты (налога) преимущественно в денежной форме начиная с XIII в. Ремесленное производство в городах ориентировалось на потребности не только высшего,

но и среднего городского социального слоя индийского общества, оставаясь не связанным с деревней» [285, 1969, т. 29, № 1; 148].

В течение XVI и особенно XVII—XVIII вв. наблюдался, по мнению Х. Алави, значительный рост как в сельской местности, так и в городах текстильного производства, ориентированного на экспорт. Местные скупщики и комиссионеры практиковали систему денежных авансов (cash advances). Отношения между индийскими ткачами и их кредиторами можно было бы рассматривать как предтечу капиталистической трансформации. Однако, отмечает Х. Алави, тогда не были реализованы ни возможный путь развития капитализма «снизу» за счет аккумуляции сбережений в руках ремесленников и последующего расширения производства с применением наемного труда, ни капиталистическая эволюция «сверху», опирающаяся на активное вмешательство торгового капитала в воспроизводственный процесс.

Европейское проникновение в Индию открыло новую эру в развитии местного производства хлопчатобумажных и шелковых тканей, поставлявшихся на протяжении многих столетий на Ближний Восток, в Африку и даже Китай (производство хлопчатобумажных тканей получило широкое распространение в Китае только в конце XIII в.). Возраставший спрос на индийский текстиль со стороны европейцев привел к настоящему буму в Гуджарате, на Коромандельском берегу и Бенгалии. Ост-Индские компании расширили практику денежных авансов в текстильном производстве и постарались вытеснить местных посредников. Ужесточился контроль над непосредственными производителями вплоть до применения физических наказаний за недопоставки продукции по установленным ценам.

Х. Алави разделяет мнение европейских коллег в отношении характера торговли между Западом и Востоком. «Мировая экономика» в то время базировалась на весьма своеобразном международном разделении труда. Европейцы внеэкономическими, насильственными методами обеспечивали перекачку благородных металлов в Азию, а Индия являлась основным поставщиком готовой продукции. Превосходство европейцев на море гарантировало торговую монополию. Как замечает Х. Алави, сползание Индии к колониальному статусу началось на морских просторах, когда местные торговые суда вынуждены были признать «систему пропусков», навязанную еще португальскими колонизаторами, а затем эффективно применявшуюся голландской и английской Ост-Индскими компаниями для контроля за региональной торговлей.

Для финансирования импорта в 1663—1703 гг. англичане ввезли в Индию благородных металлов на сумму 24 млн. ф. ст. (во Францию — 10 млн., в Данию и Швецию — 2 млн. ф. ст.). В 1708—1760 гг., т. е. в период, непосредственно предшествовавший территориальным захватам, совокупный британский

экспорт в Индию достиг 36,8 млн. ф. ст., в том числе 27,5 млн. ф. ст. (75%) приходилось на серебро и золото, 5,4 млн. — на изделия из шерсти, 1,1 млн. — на медь, 0,3 млн. — на железо, 0,5 млн. — на свинец. В то же время импортируемые из Индии товары реализовывались в Англии в 3—4 раза дороже, чем на месте [148, с. 52—53].

Значение индийского рынка для Великобритании в первой половине XVIII в. подчеркивает тот факт, что ее ежегодный экспорт составлял свыше 700 тыс. ф. ст., тогда как поставки в Африку и Вест-Индию возросли с 14 тыс. ф. ст. в 1739 г. до 303 тыс. в 1759 г. (по данным американского ученого Е. Вильямса). На этом основании Х. Алави оспаривает ставшее традиционным мнение о том, что основные внешние стимулы индустриального развития Англии исходили из атлантического экономического пространства [148, с. 59].

Роль Индии для Великобритании в непосредственно предшествовавший промышленной революции период, а также в ходе ее развертывания не ограничивалась, однако, внешней торговлей. Значительные прибыли, направлявшиеся в метрополию, гарантировали деятельность Ост-Индской компании на местах, доходы ее служащих, а также предпринимательскую активность частных лиц. Систематические сведения о трансфере доходов, полученных от налогов, пошлин, откупов, монополий, региональной торговли и т. п., охватывают период с 1835 г. и представлены в исследованиях индийских ученых (см. [164]). Однако, согласно данным английского исследователя П. Маршалла, из одной Бенгалии до 1757 г. было переведено около 3 млн. ф. ст., а за 1757—1784 гг. — 15 млн. ф. ст. [225, с. 256].

В последние годы правления индийских навабов в Бенгалии налоговые поступления составляли 817 тыс. ф. ст. в год. В 1765—1766 гг. после установления прямого контроля британской Ост-Индской компании налоги дали 1470 тыс. ф. ст., в 1771—1773 гг. — 2341 тыс. и в 1793 г. — 3400 тыс. ф. ст. Кроме того, за 1757—1765 гг. английские войска получили от индийских правителей в виде «подарков» 3770 тыс. ф. ст. [148, с. 43].

Помимо резкого увеличения налогового бремени, приведшего к частичному разрушению производительных сил индийского общества, отток за рубеж ресурсов, которые шли на потребление правящих кругов, способствовал дезинтеграции местной экономики. Парадокс, по мнению Х. Алави, заключается в том, что таким образом покрывались часть дефицита английской внешней торговли, ее военные расходы на местах, финансировались капиталовложения в Англию, а также в самой Индии. К 1792—1803 гг., по данным Х. Алави, перевод ресурсов в метрополию составлял около 2 млн. ф. ст. ежегодно.

По различным оценкам, доля накопления в национальном доходе Великобритании во второй половине XVIII в. достигла 6,5% против 3% в предшествующий период. К 90-м годам она составляла 9%. Рассчитанные французским ученым Ф. Крузе-

том ежегодные валовые капиталовложения выражались в 9,4 млн. ф. ст. в 1770 г. и 16 млн. ф. ст. в 1790—1793 гг., инвестиции в машиностроение за это же время возросли с 0,8 млн. до 2 млн. ф. ст. [176, с. 23, 33]. Учитывая, что ежегодный трансферт прибылей из Индии достигал 2 млн. ф. ст., «трудно избегать заключения, что эта перекачка ресурсов явилась не только основным фактором обеднения страны, но и важным стимулом промышленной революции в Англии» [148, с. 63].

Вытеснение с мировых рынков продукции и последующее разрушение индийской текстильной промышленности имеет свою предысторию, которая не укладывается в прокрустово ложе доктрины «свободной торговли», «невмешательства государства в экономику» и т. п. Эти принципы стали проповедоваться англичанами после завершения промышленной революции, ранние этапы которой, вероятно, можно рассматривать в качестве стратегии импорзамещения, направленной против ввоза индийских товаров.

Протекционистские меры были приняты британским парламентом в интересах хлопчатобумажного производства, основанного в Манчестере в середине XVII в. иммигрантами-протестантами, а также английских производителей шерстяных и шелковых тканей. Импортные пошлины постоянно росли, достигнув в 1813 г. 85%. В 1789 г., уже в разгар промышленной революции, в очередной раз был поднят вопрос о сокращении масштабов ввоза. Администрация Ост-Индской компании в свое оправдание отмечала, что ¹⁷/₂₀ импортируемого ситца и ¹²/₂₀ муслина реэкспортируется [148, с. 57].

Континентальная Европа была основным рынком сбыта индийского текстиля. В течение 1741—1750 гг. ежегодный ввоз только ситца оценивался в 1,2 млн. ф. ст. В 1815 г. совокупная стоимость импортируемых изделий из хлопка достигала 1,3 млн. ф. ст., но к 1831 г. сократилась до 100 тыс. ф. ст. В то же время индийский импорт продукции британской хлопчатобумажной промышленности в 1815 г. находился на скромном уровне — 26 тыс. ф. ст., к 1832 г. поднялся до 400 тыс. ф. ст., а в 1850 г. индийский рынок поглощал уже 25% британского экспорта [148, с. 57].

Изобретения Аркрайта и Харгривса еще не позволяли британской текстильной продукции успешно конкурировать с индийской, и только после внедрения технологии Кромптона в 80-х годах XVIII в. стало возможным вырабатывать муслин из английской пряжи, не уступающий лучшим индийским образцам. После окончания наполеоновской континентальной блокады, прервавшей поставки индийского текстиля в Европу, его место заняла английская продукция. К. Маркс отмечал, что «до 1813 г. Индия была преимущественно экспортирующей страной, между тем как теперь она стала страной импортирующей; и это развитие шло таким быстрым темпом, что уже в 1823 г. валютный курс, составлявший ранее обычно 2 шилл. 6 пенсов за

рупию, упал до 2 шилл. за рупию. Индия, бывшая с незапамятных времен величайшей мастерской хлопчатобумажных изделий, которыми она снабжала весь мир, стала наводняться теперь английской пряжей и английскими хлопчатобумажными тканями. После того как собственные индийские изделия были изъяты из продажи в Англии или стали допускаться лишь на самых жестких условиях, Индию наводнили изделия английской промышленности, облагаемые небольшой и по существу лишь номинальной пошлиной, что привело к гибели местное, некогда столь «славившееся хлопчатобумажное производство» [4, с. 157—158].

Сокращение экспортных возможностей и расширявшийся ввоз английских тканей были не единственными причинами упадка индийского текстильного производства; важные изменения происходили также в структуре внутреннего рынка. Резкое падение спроса со стороны высших слоев индийского общества, деурбанизация, вызванные переориентацией налоговых поступлений вовне, окончательно подорвали позиции некогда цветущей отрасли хозяйства. К примеру, население Дакки, «индийского Манчестера», уменьшилось с 150 тыс. до 30 тыс. человек

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МИРОВОЙ РЫНОК

Промышленная революция XVIII в. продолжает привлекать пристальное внимание экономистов, историков, социологов. Более того, распространение в послевоенные годы эконометрических методов анализа, поступление в научный оборот новых данных привело к тому, что промышленная революция происходившая в Великобритании, превратилась в объект изучения представителей «новой экономической истории».

Отличительной чертой этого направления истории по сравнению с классическими интерпретациями промышленной революции является то, что ее представители, анализируя прошлое пытаются уяснить сегодняшние проблемы экономического роста как в целом, так и применительно к индустриализации и модернизации отсталых регионов мира. Исследования динамики национального дохода, цен, статистические оценки промышленного производства, платежных балансов, внешней торговли и т. п., осуществленные в 50-х годах, составили основу для последующих дискуссий и интерпретаций [195; 203; 205; 250].

Но было бы, конечно, наивным полагать, что только расширение источниковедческой базы и улучшение методов обработки данных смогут поддержать научный интерес к промышленному перевороту. Современная технологическая цивилизация зародилась на Британских островах, но факторы, способствующие ее становлению, видимо, имеют во многом универсальный характер, несмотря на значительную специфику процесса индустриализации в странах-имитаторах.

Географическое положение, природные ресурсы, наличие свободных капиталов и квалифицированной рабочей силы, характер политических и социальных институтов, общественной идеологии, роль национальных и международных рынков — это далеко не полный перечень относительно независимых «переменных», определяющих многофакторный процесс индустриализации в его первоначальном варианте и последующих версиях.

Приливы промышленной революции, неравномерное распределение ее достижений в мировом экономическом пространстве свидетельствуют о том, что технический прогресс не является самоподдерживающимся, а реализуется через сложное взаимодействие с конкретной экономической, социальной и политической средой. Таким образом, обращение к исследованию предпосылок, хода и непосредственных результатов промышленной рево-

люции представляет не только академический интерес, так как позволяет лучше понять механизм взаимосвязи нового ее этапа — НТР — со структурно-функциональной перестройкой мирового капиталистического хозяйства в 70—90-е годы, отношений в системе техника — экономика — социально-политические структуры.

¹ Промышленная революция в Великобритании была тесно связана с процессом формирования мирового рынка. Вопрос о характере взаимосвязи остается дискуссионным. Являлся ли мировой рынок предпосылкой или следствием этой революции? Какое воздействие оказала промышленная революция на институционализацию капиталистических общественных структур, становление мировой системы капитализма? Ответ на последний вопрос представляется вполне очевидным, хотя его постановка актуализируется модификацией мирового капиталистического хозяйства на современном этапе. Первый же требует тщательного историко-экономического анализа, в ходе которого возникают другие, не менее важные аналитические вопросы. Например, почему промышленная революция началась в Великобритании, а не во Франции или Голландии? Однако на вопрос, почему она не «стартовала» в Китае, Турции или Индии, можно ответить с полной уверенностью: там не было и не могло быть условий для зарождения капиталистических отношений, а следовательно, комплекса предпосылок для технологического сдвига.

Роль мирового рынка и колониальной системы в возникновении массового производства при помощи машин представляет наибольший интерес, учитывая основную направленность данной работы. Хотя искусственное вычленение и акцентирование этих факторов капиталистического развития, безусловно, не только обеднило бы, но и деформировало исторические реалии.

Наиболее общей предпосылкой промышленного переворота в Великобритании было, конечно, зарождение капиталистического уклада в структуре западноевропейского феодального общества, ряд особенностей которого рассматривался в предыдущих главах (см. также [37, с. 49—72]). Непосредственным толчком к первоначальному накоплению, предшествовавшему промышленному перевороту, послужил рост спроса на английскую шерсть со стороны фландрских мануфактур в конце XV—начале XVI в. Таким образом, ответ на вопрос, почему промышленная революция началась именно в этой стране, сразу приобретает региональный характер.

Со спецификой западноевропейского феодализма связаны и более существенные предпосылки перехода от ручного труда к машинному. Торговля и ремесло, как уже отмечалось, в средние века процветали и на Востоке. Однако объем и расширение торгово-промышленной деятельности жестко контролировались бюрократическим аппаратом или (и) прерывались волнами примитивной рефеодализации.

Особенности динамического баланса сил западноевропейской феодальной структуры сокращали возможности экономической политики редистрибутирования. Результаты расширения торговли, хозяйственного подъема в наименьшей степени среди европейских государств улавливались центральной властью и бюрократическим аппаратом в Великобритании. Вероятно, в этом частично заключается ответ на вопрос, почему промышленный переворот произошел там, а не во Франции, гораздо более населенной и не менее богатой свободными капиталами и техническими талантами.

Американский ученый Д. Норт отмечает, что более четко определенная система отношений собственности создавала благоприятные условия для промышленной революции именно в Англии, привела к формированию там эффективной экономической организации. Взаимосвязь между структурой собственности и экономическим ростом выражалась в рациональном распределении ресурсов и доходов. Права собственности на технические нововведения (патенты и торговые марки), отсутствие не лимитированного правовыми и законодательными нормами налогообложения и другие факторы стимулировали техническое и организационное новаторство, накопление капитала. Д. Норт подчеркивает различие между упорядочением прав собственности и рыночной моделью регулирования хозяйства. Первое, по его мнению, способствовало интеграции рынков, развитию специализации производства и возрастанию его масштабов [235, с. 158—170]. Упорядочение прав собственности было произведено после победы, одержанной парламентом над Стюартами, и снова в 1688 г. Парламент получил возможность ликвидировать произвольное налогообложение населения, систему монополий и налоговых привилегий отдельным лицам. Если бы не произошло ограничения власти короны, считает Норт, экономическое развитие Великобритании вполне могло пойти по иному пути.

Препятствия для экономического развития, создаваемые старым режимом, вызывали недовольство предпринимательских кругов. Буржуазная революция устранила прежнюю политическую структуру, не соответствовавшую хозяйственным отношениям и распределению собственности в стране*. Однако даже эти события не служат подтверждением классического тезиса о решающей роли конфликта производительных сил и производственных отношений в социальной динамике, так как они уже были буржуазными, несмотря на абсолютистскую политическую надстройку.

* В этом случае политический кризис наступает не вследствие бурного технического прогресса, а из-за остановки в его развитии. Неспособность правительства умерить денежные требования привилегированных групп и справиться с задачами внешней политики в условиях экономического застоя приводит к перевороту. Позднее абсолютистские режимы научились маневрировать, учитывая исторический опыт революций.

Важная черта раннего капитализма заключалась в том, что собственность на землю фактически превратилась в капиталистическую до политического переворота. Английский джентри уже не был представителем «классического» феодального дворянства. Он использовал свое право собственности в рамках капиталистического развития. То же самое в коммерции и мануфактуре — буржуазная собственность появилась до буржуазной революции, т. е. изменения производственных отношений произошли раньше, чем рост производительных сил принял масштабы промышленного переворота.

Как отмечают М. А. Барг и Е. Б. Черняк, «лишь возникшее в результате промышленного переворота капиталистическое фабричное производство оказалось несовместимым ни с преобладанием феодальных отношений, ни с феодальной надстройкой» [36, с. 79]. Однако это положение противоречит реальным историческим фактам. Мануфактурный уклад и капиталистическая трансформация земельных отношений «взрывают» феодальную оболочку гораздо раньше промышленного переворота. Более того, именно победа буржуазной революции в Англии открыла дорогу для развертывания капитализма и формирования адекватной ему производственной базы. Попутно следует отметить, что в Нидерландах буржуазные отношения вполне утвердились без широкомасштабной индустриализации.

Далее, характеризуя ранние буржуазные революции, М. А. Барг и Е. Б. Черняк пишут: «Революции сразу же позволяют укладу превратиться в господствующий способ производства» [36, с. 109]. Не говоря уже о том, что политический переворот не тождествен революции социальной, как убедительно доказал Н. А. Симония (см. [125]), высказанное замечание противоречит собственной позиции авторов по поводу промышленной революции.

Сдвиги в технико-экономическом базисе накапливались в течение всего средневековья. Тем не менее в более богатой и развитой в промышленном и сельскохозяйственном отношении Франции сохранилась феодальная собственность на землю и доминировала государственная мануфактура. Поэтому именно во Франции буржуазная революция сопровождалась массовыми конфискациями земельной собственности и отменой феодальных прав, тогда как в Англии она закрепила юридически происшедшие ранее в этой области изменения. Вряд ли возможно отнести революцию во Франции к категории ранних и потому, что она произошла в период промышленного переворота в Англии, когда французская экономика страдала от английской конкуренции, особенно после заключения Людовиком XVI торгового договора с Англией, чрезвычайно невыгодного для купеческой и промышленной прослойки.

Можно выделить ряд дополнительных факторов, которые привели к победе ранних буржуазных революций в Великобритании и Нидерландах на мануфактурной стадии развития ка-

питализма: 1) потеря феодалами своих функций как военного сословия, что особенно сказалось на флоте, где требовались навыки вождения кораблей и управления артиллерией; 2) развитие торговли, которое не укладывалось в рамки феодальной регламентации и налогообложения; 3) отсутствие развитого бюрократического аппарата; 4) раскол внутри феодального класса (между джентри и придворной аристократией).

Сопоставление предпосылок промышленного переворота в Англии и Франции позволяет лучше понять причины, определившие британское лидерство. Это более развитая и стабильная денежно-кредитная система, включая роль банков, положение национальной валюты и государственных финансов; большая мобильность трудовых ресурсов вследствие ранней ликвидации феодальной зависимости крестьянства и ослабления цеховых ограничений; особенности британской социальной и политической системы со времен «Славной революции»; более благоприятный климат для предпринимательской деятельности, несмотря на интеллектуальное лидерство Франции в эпоху Просвещения, и достижения в области точных наук (например, химия); ориентация ремесла, а позднее и промышленности на производство товаров массового спроса; расширение в XVIII в. британских колониальных рынков в ходе торговых войн, закончившихся ослаблением Франции, и т. д.

Великие географические открытия, перемещение мировых торговых путей благоприятствовали росту и диверсификации национального мануфактурного производства в Англии. Расширение номенклатуры товаров формирующегося мирового рынка, эффект, который оказывала международная торговля на технико-экономические и социальные сдвиги в западноевропейских странах, и прежде всего в Англии, трудно поддается количественной оценке. Без расширения коммерческого оборота невозможно представить ни накопление капитала, ни сам процесс его производительного использования в мануфактурном, а затем и машинном производстве, работавшем в значительной мере на привозном сырье и ориентированном на замещение импорта.

Иллюстрацией к тому, какие качественные сдвиги в социально-экономической структуре общества может вызвать характер включения в международную торговлю, является «крепостничество второго издания» в Восточной Европе. Чтобы оценить далеко идущие последствия ее аграрно-сырьевой специализации, нет необходимости прибегать к статистическим выкладкам клиометристов, результаты которых зачастую предопределены идеологизированным подходом. Пример противоположного свойства, но подтверждающий данную мысль дает экономическая история США (см., например, [145, с. 167—168]). Некоторые западные исследователи отрицают значение внешних рынков для промышленной революции в США на том основании, что экспортная квота в конце XIX в. составляла лишь 6% нацио-

нального дохода. Однако при этом забывают, что, если бы с середины столетия не произошло резкого ухудшения условий мировой торговли на сельскохозяйственные товары, переключение внутренних ресурсов на индустриализацию могло задержаться вплоть до 90-х годов.

Неуловимый для статистики экспорта-импорта эффект мирохозяйственных связей в Великобритании проявился в форсированном развитии капиталистического уклада, институционализации частнохозяйственных и рыночных отношений, формировании предпролетариата. Победа буржуазной революции 1640—1660 гг., спровоцированной наступлением феодальной реакции, и «Славная революция» 1688 г., укрепление международных позиций страны окончательно устранили препятствия на пути развития капитализма в региональном масштабе и тем самым подготавливали условия для промышленного переворота.

В рецензии на работу Гизо К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают: «...С консолидацией конституционной монархии начинается в Англии грандиозное развитие и преобразование буржуазного общества. Там, где г-н Гизо видит только тишину и спокойствие мирной идиллии, там в действительности разворачиваются самые острые конфликты, самые глубокие перевороты. Впервые при конституционной монархии мануфактура развивалась неслыханным до того образом, чтобы затем уступить место крупной промышленности, паровой машине и гигантским фабрикам. Исчезают целые классы населения, вместо них появляются новые классы, с новыми условиями существования и с новыми потребностями. Зарождается новая, более могущественная буржуазия; в то время как старая буржуазия ведет борьбу с французской революцией, новая завоевывает себе мировой рынок. Она становится настолько всемогущей, что еще до того, как билль о реформе передал непосредственно в ее руки политическую власть, она заставляет своих противников издавать законы почти только в ее интересах и в соответствии с ее потребностями. Она завоевывает себе прямое представительство в парламенте и использует его для уничтожения последних остатков реальной силы, сохранившейся за землевладением» [21, с. 222—223].

Во второй половине XVII—начале XVIII в. вырисовываются основные предпосылки промышленной революции: избыток свободных капиталов и свободной от средств производства рабочей силы, внутренний и международный рынки, способные поглотить продукцию массового производства; финансовая инфраструктура, наконец, мануфактура с ее разделением труда на отдельные операции, выполняемые квалифицированными рабочими. Большая часть этих предпосылок сложилась в результате довольно длительного периода капиталистической трансформации общественных структур и только в комплексе могла обеспечить качественный скачок в развитии производительных сил.

Термин «промышленная революция» впервые, как теперь установлено, ввел в употребление французский экономист

Дж. А. Бланки в работе «История политической экономии», опубликованной в 1837 г. [159, с. 389]. Ассоциация с французской революцией несомненна, хотя для характеристики крутых сдвигов в технической области, экономической и социальной жизни Великобритании трудно подобрать более удачное определение. Оно прочно прижилось в западной историко-экономической литературе, несмотря на неоднократные попытки отказаться от него или по крайней мере девальвировать. В частности, американский историк Д. Неф, подчеркивая преемственность и постепенность технологических сдвигов, писал, что «индустриализация Великобритании должна рассматриваться как длительный процесс, уходящий корнями в середину XVI столетия и завершающийся становлением индустриального общества к концу XIX века...» (подробнее см. [61, с. 78—87]).

И дело здесь не только в неприятии концепции качественных изменений, или скачков, нарушении постепенности развития, но и в различных интерпретациях предмета исследования. Потребовалось немало времени, чтобы некоторые ученые пришли к комплексному пониманию промышленной революции как взаимосвязанному процессу технических, экономических и социальных сдвигов. Сейчас большинство западных исследователей определяют временные рамки промышленной революции 1760—1830 годами. У современников событий восприятие целостной картины, безусловно, затруднялось значительными временными лагами между теми или иными изменениями.

Нельзя сказать, чтобы в современной советской экономической и исторической литературе не уделялось внимания промышленному перевороту в разрезе различных стран и регионов. Особенно хотелось бы отметить работу Г. К. Широкова «Промышленная революция в странах Востока». В то же время проведенный журналом «Новая и новейшая история» в 1984 г. «круглый стол» по теме «Промышленный переворот и его социально-экономические последствия» свидетельствует, что страновой подход, преобладающий среди экономистов-историков, существенно лимитирует возможности широких теоретических обобщений, исследование взаимосвязи истории и современности, проблемный сравнительный анализ. Обвиняя в мелкотемье своих западных коллег, организаторы «круглого стола» тем самым игнорируют новый этап в развитии современной науки [276, 1984, № 2, с. 70—71].

Под влиянием «общей теории» Дж. М. Кейнса, неокейнсианских и неоклассических концепций экономического роста произошло определенное переосмысление предпосылок и движущих сил промышленной революции. В самой общей форме дискуссия среди западных ученых сконцентрировалась на дилемме: какие факторы — спроса или предложения — лежали в основе процесса промышленной революции. Постановка исследовательской задачи в такой альтернативной форме ограничивала научные выводы части сторонников «новой экономической истории», так

как фактически блокировала системный анализ причинной взаимозависимости комплексного многофакторного процесса промышленной революции.

Один из известных западных специалистов по британской промышленной революции, Р. Хартвелл, подчеркивает сложность и недостаточную разработанность данной темы, в частности из-за отсутствия систематических статистических данных до начала XIX в. В число факторов, обеспечивших возможность индустриального переворота и динамичного экономического роста, он включает:

- аккумуляцию капиталов в результате увеличения сбережений от торговой деятельности, сельского хозяйства и улучшения функционирования финансовых учреждений, низкий процент, стимулировавший инвестирование капитальных ресурсов в промышленность;

- изменения в технике и организации промышленности и сельского хозяйства, новые усовершенствованные машины и источники энергии, обеспечившие рост объема производства;

- наличие угля, железа и других видов минерального сырья, необходимого для индустриализации;

- рост городского населения за счет его перемещения из сельского хозяйства, которое стало возможным благодаря увеличению производительности труда в первичном секторе, уровня квалификации рабочей силы, наличие предпринимательских и изобретательских талантов;

- влияние роста зарубежных рынков, особенно в Америке и Азии, увеличение спроса на национальном рынке из-за роста населения, реальных доходов, урбанизации, улучшения транспортной системы (уменьшение издержек производства и консолидации рынка), прогрессирующего снижения цен на промышленные товары;

- распространение идеологии свободной торговли и предпринимательства, секуляризм, рационализм и экономический индивидуализм [201, с. 167—168].

Данный перечень содержит ряд экономических, социальных, природно-географических предпосылок, которые следует классифицировать как исходные. В то же время некоторые факторы промышленной революции, перечисляемые Р. Хартвеллом, можно отнести к числу «вторичных», так как они были непосредственно встроены в сам процесс или являлись его следствием (новая техника и технология, падение цен на промышленную продукцию).

К числу универсальных характеристик промышленной революции английский исследователь Ф. Дин относит «распространение и систематическое применение достижений современной науки и накопленных эмпирических знаний в процессе производства на рынок, специализацию и ориентацию экономической деятельности на производство для национального или международного рынка, а не для узких местных или семейных нужд,

отток населения из сельской местности в города, увеличение масштабов производства, изменение его организационных структур, переход от семейных к общественным предприятиям, перемещение рабочей силы из «первичного» сектора в обрабатывающую промышленность и сферу услуг, замещение труда капиталом, возникновение новых социальных классов, определяемых по их отношению к собственности на средства производства, прежде всего на капитальные ресурсы, а не на землю» [181, с. 1].

Целесообразно выделить четыре основных подхода к событиям промышленной революции в Англии: социологический, организационный, макроэкономический и технологический (см., например, [187, с. 3—4, 241—259]). В рамках «социологического» подхода промышленный переворот рассматривается как результат предшествующих изменений в институциональной структуре общества, формирования финансовой инфраструктуры «совершенных» национальных и международных рынков товаров и факторов производства. Арн. Тойнби писал, что «сущность промышленного переворота заключается в замене средневековой системы регламентации, которой до сего времени подчинены были производство и распределение богатства, конкуренцией» [134, с. 86].

«Коммерческое» общество, — подчеркивал К. Полани, — предшествует промышленному перевороту. Экспансия рыночных отношений происходила, по его мнению, начиная с XVI в., но ограничивалась меркантилистской политикой. При меркантилизме росли не только рынки, но и контроль администрации. Возникновение идеи, а позднее и практики саморегулирующегося рынка было, по мысли американского социолога, полной противоположностью основным тенденциям развития. Помимо рынка Полани перечисляет ряд необходимых предпосылок промышленной революции, среди которых наличие угля и железа, умеренный климат, свободная рабочая сила без средств к существованию и т. д. Однако взаимосвязь рынка и промышленной революции у него неоднозначна. Замена ручного труда машинным, становление крупного фабричного производства сопровождалось поступлением в рыночный оборот рабочей силы и земли, что окончательно способствовало утверждению саморегулирующейся системы хозяйствования в Англии XIX в. Процесс качественного изменения доиндустриального коммерческого общества Полани связывает также со специфическим воздействием машинного производства на рыночную систему, развившимся в многопорядковом возрастании объемов национального и международного рынка. Включение земли и людей в рыночный механизм означало, считает Полани, интеграцию природной среды и рабочей силы функционирующим рынком и подчинение общества в целом рыночным законам, т. е. установление контроля рынка над политической и социокультурной подсистемами [243, с. 40—71].

Характерной чертой «организационно-индустриального» подхода к интерпретации промышленной революции является приоритетное внимание к изменениям в структуре и масштабах деятельности промышленных предприятий, иными словами, к возникновению фабричной системы, крупных торговых центров, механизации транспорта и т. д. Среди основателей данного направления — П. Манту. К современным представителям «организационно-индустриальной школы» относятся С. Поллард, Д. Хикс, Г. Ранис и Д. Фей (см. [202; 244; 246]). Последние отождествляли промышленную революцию с резким изменением соотношения между основным и оборотным капиталом в структуре производственных фондов предприятия.

Макроэкономическая школа сложилась под значительным влиянием американского ученого С. Кузнеца. Ее представители, среди которых У. Ростоу, А. Гершенкрон, Х. Перкин, Ф. Дин и У. Коул, основное внимание уделяют изменениям совокупных макроэкономических показателей, таких, как темпы роста национального дохода, международной торговли, валовых инвестиций и др. [182; 196; 240; 248]. «Новая экономическая история» развивается в русле данного направления.

В рамках «технологического» подхода к событиям промышленной революции постулируется первичная ключевая роль технологических открытий и их диффузии в последующих экономических и социальных сдвигах. Наиболее известным сторонником «технологического детерминизма» является Д. Ландес (см. [216]).

Несмотря на условность типологической группировки немарксистских концепций, она имеет определенную аналитическую ценность, так как помогает выявить подход западных ученых в определении хронологических рамок промышленного переворота и его ведущих звеньев. «Социологическая школа» акцентирует внимание на социально-экономических и политических предпосылках и условиях, «технологическая» и «организационная» отдают приоритет периоду 1760—1800 гг., т. е. времени наиболее драматических технических и организационных изменений в базисе ряда отраслей промышленности. Наконец, «макроэкономическая школа» смещает границы промышленной революции к началу XIX в., когда в полной мере стали сказываться хозяйственные и социальные сдвиги в структуре британского общества.

Действительно, макроэкономический эффект промышленной революции проявляется позднее. В этом нет ничего удивительного. На фоне бурно развивающейся хлопчатобумажной, металлургической, угольной и судостроительной промышленности, которые образовали современный сектор экономики, сдвиги в сельском хозяйстве, строительстве, внутренней торговле выглядели значительно скромнее, хотя на традиционный сектор приходилась большая часть ВВП и занятости. По подсчетам Д. Макклоски, традиционный сектор между

1780 и 1860 г. охватывал 79% британской экономики, а в 1760 г.—90%. По данным Н. Крафта, прирост производства в хлопчатобумажной отрасли ежегодно увеличивался на 1,37% в 1700—1760 гг. и на 7,57% в 1760—1800 гг. В металлообрабатывающей отрасли темпы роста достигали 0,6 и 4,1%. В то же время в таких традиционных отраслях, как льняная и кожевенная, качественного скачка не произошло. Объем их продукции увеличивался на 1,25 и 0,25% в первый период и 1,44 и 0,57% во второй. В последнем десятилетии XVIII в. промышленное производство в целом возрастало на 2,11% в год, а объем сельскохозяйственной продукции — на 0,75% [175, с. 6—7; 187, с. 53—74] (см. табл. 12).

Таблица 12

Промышленное производство отдельных секторов экономики Великобритании *

Период	А	В	С	Д	Е	Ф
1751—1760	1				4,4	
1761—1770	2				5,2	
1771—1780	2	36			6,4	
1781—1790	8	42	69		8,0	
1791—1800	14	42	127		10,2	
1801—1814	32	50	248		14,8	
1815—1824	55	58	374		19,9	78
1825—1834	106	66	685		22,6	94
1835—1844	192	76	1304		31,2	135
1845—1854	290	89	2250		48,4	149
1855—1864	369	107	3901		77,1	266
1865—1874	476	145	5732	490	114,0	368
1875—1884	605	156	7390	1360	147,3	484
1885—1894	692	194	7593	3025	175,6	525
1895—1904	748	216	8778	4685	217,8	665
1905—1913	869	233	9824	6510	267,8	759

* [218, с. 72].

Примечание: А — среднегодовое потребление хлопка-сырца (тыс. т)
В — среднегодовое производство и чистый импорт шерсти (тыс. т)
С — среднегодовое производство железа (тыс. т)
Д — среднегодовое производство стали (тыс. т)
Е — среднегодовая добыча угля (млн. т)
Ф — тоннаж судов, построенных в Англии для английских граждан и компаний (тыс. т)

Изменения в экономике, как показывают расчеты клиометриков, происходили не широким фронтом, охватывая в первую очередь отдельные отрасли национального хозяйства, но социальные, политические, правовые и идеологические предпосылки промышленной революции обеспечивали постоянный, нарастающий и необратимый характер эволюции британского общества,

вытеснение традиционного сектора современным капиталистическим.

Была ли Великобритания в XVIII в. страной, где принципы *laissez faire* регулировали хозяйственную жизнь и промышленная революция являлась результатом реализации потенциала, заложенного в свободном предпринимательстве? Вопрос о взаимосвязи рыночного регулирования хозяйства и промышленного переворота обсуждают многие зарубежные исследователи. Однако рынок — это важная, но не единственная предпосылка промышленной революции. Кроме того, «чистой» рыночной экономики, как, впрочем, и полного огосударствления хозяйственной жизни, в природе не бывает.

По сравнению с Габсбургской империей и даже Францией британское государство вело себя в отношении собственных предпринимателей достаточно сдержанно и редко вмешивалось в их коммерческую и промышленную деятельность. Меркантилизм в Англии никогда не принимал таких крайних форм, как во Франции при Кольбере или в Пруссии при Фридрихе Великом, когда государство непосредственно вмешивалось в организацию производства обычно с отрицательным результатом. Арн. Тойнби отмечал, что «политика регламентации и стеснений в значительной степени влияла еще на английскую промышленность в то время, когда писал А. Смит. Правда, внутренняя торговля пользовалась широкой свободой: не было провинциальных таможенных преград, как в тогдашней Франции и Пруссии. А. Смит выделил этот факт как одну из главных причин процветания Англии, а Кольбер, Штейн и другие почитатели английской системы видели в такой свободе идеал, к которому следует постоянно стремиться. Но хотя внутренняя торговля и допускала свободное передвижение товаров, тем не менее существовала еще целая сеть ограничений для передвижения труда и капитала» [134, с. 67—68].

Во время промышленной революции проекты, имевшие большое общественное значение (железные дороги, магистрали, каналы), реализовывались без прямого государственного вмешательства *. Даже «мягкие» формы государственного вмешательства, какие использовались в Нидерландах, в Англии не получили распространения.

Различного рода правила и ограничения, значительная часть которых восходила ко временам Тюдоров и Стюартов, по мнению большинства историков, применялись очень редко. По мере того как экономика становилась все более сложной и диверсифицированной, институционализировались товарные и финансовые рынки, а также рынок факторов производства, а воз-

* На национализации британских железных дорог перед первой мировой войной настаивал У. Черчилль, будучи еще либералом. В качестве аргумента он ссылался на наличие государственных железных дорог в Германии, которые, по его мнению, обеспечивали низкие транспортные издержки для германских конкурентов британской промышленности.

возможности центрального правительства контролировать и регламентировать хозяйственную сферу пропорционально уменьшались. Местные власти имели легальную возможность вмешиваться на основе торговых кодексов, однако они предпочитали этого не делать. Фактическое установление *laissez faire*, за исключением области внешней торговли, упрекнул, считает Х. Перкин, публикацию «Богатства народов» примерно на сто лет [240, с. 65].

Однако внешнеэкономические связи оставались объектом государственного вмешательства еще долгое время. В эпоху наполеоновских войн тарифы возросли до беспрецедентного уровня, достигнув пика в 1822 г. — 64% от стоимости импорта. Их прогрессирующее снижение началось с 1825 г., завершившись отменой хлебных законов в 1846 г. и аннулированием Навигационных актов в 1849—1854 гг. [187, с. 13], хотя различного рода ограничения на ввоз обходились и ранее путем контрабанды и использования лазеек в законодательстве. Так, ограничения на импорт индийского ситца, введенные законом 1721 г. и подтвержденные в 1774 г., не распространялись на бумазею. Из-за сходства этих видов тканей запрещение оказалось малоэффективным и стимулировало благодаря конкуренции технические нововведения в национальной хлопчатобумажной промышленности.

По оценкам Д. Мокира, британский импорт в 80-х годах XVIII в. достигал 19 млн. ф. ст., составляя в текущих ценах 10% национального дохода. Эта пропорция возросла до 25% к середине XIX в. [187, с. 21]. Функция внешней торговли была, по мнению Мокира, двоякой. Первой и более существенной он считает импорт определенных товаров, которые не могли быть произведены вообще или с достаточной эффективностью в Великобритании. Сюда входят хлопок-сырец из Северной Америки, сахар из Вест-Индии, зерно и лес с Балтики и др. Что же касается экспорта, то Д. Мокир рассматривает его как необходимое зло, поскольку вывоз якобы ограничивал масштабы внутреннего потребления. Эту точку зрения, хотя не всегда в такой крайне примитивной форме, разделяет большинство клиометристов. Доказательство, а вернее, постулирование преимущественного значения факторов предложения над факторами спроса служит своего рода признаком принадлежности к парадигме «новых» экономистов-историков. Вопреки очевидным фактам они стараются преуменьшить значение внешней торговли и особенно колониальных рынков для развертывания промышленной революции.

Тот же Д. Мокир отмечает, что в течение всей промышленной революции внешняя торговля Англии росла гораздо быстрее, чем производство и население. За 1700—1800 гг. ее объем увеличился в 6 раз. Особенно высокая экспортная квота была характерна для хлопчатобумажной отрасли. Так, в 1819—1841 гг. это отношение составляло около 50%, затем возросло

с 60% в конце 40-х годов до 70% в середине 70-х годов XIX в. Тем не менее Мокир считает, что если бы внешние рынки не существовали, то производство сократилось бы, но на меньшую, чем размеры экспорта, величину, так как национальный рынок абсорбировал часть продукции по более низким ценам. «Голословное утверждение,— пишет Д. Мокир,— что Британская империя являлась важным элементом промышленной революции, к настоящему времени дискредитировано» [187, с. 22—23].

Клиометристы трактуют спрос как функцию дохода, который, в свою очередь, определяется наличной комбинацией факторов производства. Падение цен на продукцию при одновременном снижении масштабов производства подорвало бы стимулы к инвестированию, а значит, привело бы к сокращению занятости и, следовательно, доходов и спроса. Даже пользуясь их теоретическим инструментарием, нетрудно показать, что внутренняя логика конструкций не поддается проверке. Еще более хрупкими выглядят доводы о минимальной роли международных рынков как предпосылке и условии промышленного переворота при столкновении с реальными фактами. «Можно сказать,— писал К. Маркс в письме к Анненкову,— что до 1825 г. — эпохи первого всеобщего кризиса — нужды потребления вообще росли быстрее, чем производство, и развитие машин было неизбежным следствием потребностей рынка» [10, с. 405].

Сдвиги в совокупном спросе на промышленные товары обеспечивали становление фабричной системы и крупномасштабной экономики. Рост эластичности рынка промышленных товаров достигался за счет увеличения доходов населения, уменьшения цен на продукцию обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства [197, с. 121—138]. В современной западной литературе существуют три концепции, объясняющие изменения кривой спроса, каждая из которых отдает предпочтение собственно росту продуктивности аграрного сектора, экспансии внешней торговли и увеличению населения [187, с. 98]. Хотя цены на сельскохозяйственную продукцию упали в первой половине XVIII в., они вновь начали расти с 1750 г., и эта тенденция сохранялась до конца наполеоновских войн. Р. Ипполито оценивает возможный для роста индустрии эффект от изменения относительного соотношения цен сельскохозяйственной и промышленной продукции в 8% за период 1750—1850 гг. [206, с. 298—312].

Повлияло ли значительное увеличение народонаселения Великобритании после 1730 г. на увеличение спроса во время промышленной революции, можно количественно оценить. Рост населения привел бы к увеличению спроса на несельскохозяйственные товары на 14% в 1751—1801 гг., а в последующие 50 лет — на 29%. Но понятно, спрос зависит не от количества покупателей на рынке, а от их доходов. По расчетам клиомет-

ристов, даже если предположить, что рост населения был экзогенным, т. е. не стимулировался предшествующими улучшениями условий жизни, то его влияние на приращение промышленного производства в первой половине XIX в. составляло не более 10%, а в предыдущий период и того меньше [187, с. 101]. Однако полностью экзогенным рост населения, конечно, быть не мог. Большинство исследователей сходится в том, что ускорение темпов роста населения и ВВП в 40-е годы XVIII в. было взаимно опосредовано.

В Англии и Уэльсе переписи населения не проводились до 1801 г., а официальная регистрация рождений и смертей — до 1839 г. Отсутствие достоверной статистики, безусловно, делает приблизительными оценки, основанные на неполных и косвенных данных (податные и приходские списки). В 1700—1741 гг. в этих регионах Великобритании проживало 5,8—6 млн. человек. В 1741—1751 гг. прирост населения составлял около 3,5% на десятилетие, следующие два десятилетия соответственно по 7%, в 80-х годах — уже 10%, в 90-х — 11% и достиг пика — 16% — во втором десятилетии XIX столетия [181, с. 32]. Таким образом, стагнация населения в начале XVIII в. сменилась бурным ростом, нетипичным для доиндустриальной экономики.

П. Манту приводит следующую оценку перспектив увеличения народонаселения, данную в 1696 г. Г. Кингом: «По всей вероятности, оно в течение ближайших 600 лет, к 2300 г. нашей эры, удвоится: к этому времени Англия будет иметь 11 млн. жителей». Г. Кинг по меркам своего времени был оптимистом. Большинство его современников считало, что население Англии сокращается. Это являлось одной из причин оппозиции палаты общин проведению переписи в 1753 г., когда противники законопроекта утверждали, что перепись населения выявит факт упадка страны, возможно, приведет к ужесточению воинской повинности и в конечном счете уничтожит последние остатки английской свободы [92, с. 290]. Два последних возражения очень красноречиво характеризуют скорее идеологический и политический климат страны, чем состояние ее человеческих ресурсов. Что касается спора об увеличении народонаселения в XVIII в., то он был окончательно разрешен переписью 1801 г., в результате которой выяснилось, что в Англии и Уэльсе проживает 8873 тыс. человек, а в Соединенном королевстве — 14681 тыс. Если принять за основу весьма правдоподобные оценки Г. Кинга, то получится, что за сто лет население в Англии возросло на 60%, а во всем королевстве почти удвоилось.

Среди факторов, содействовавших приращению населения, были, конечно, экзогенные по отношению к экономике. Это снижение уровня смертности в связи с сокращением количества эпидемий и повышением уровня рождаемости, вызванным предшествовавшим понижением детской смертности. Поскольку существенных сдвигов в медицине вообще и профилактике забо-

леваний в частности в тот период не происходило, однозначный ответ на вопрос о причинах «демографического взрыва» найти затруднительно. Некоторые авторы считают, что появление в 1728 г. в Англии крупной серой крысы, которая уничтожила свою черную конкурентку — носительницу чумной бациллы, содействовало прекращению опустошительных эпидемий. Однако этого было бы явно недостаточно, чтобы обеспечить бурный прирост населения без длительного периода урожайных лет (1730—1755) и начавшегося процесса технической и экономической перестройки. С конца 40-х годов XVIII в. ежегодный прирост ВВП достигает 1% против 0,5% в предшествующие 30 лет, а в 80-е годы он поднимается до 1,8% [182, с. 79—82]. Таким образом, в случае с Англией рост населения объясняется в первую очередь экономическими факторами, хотя он, в свою очередь, обеспечивал человеческие ресурсы для строящихся фабрик и заводов, приток населения в колонии и приращение спроса на продукцию обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства.

П. Бэрк оценивает прирост спроса на национальном рынке между 1700—1710 и 1780—1790 гг. в пределах 91—95% против 5—9%, приходившихся на внешний рынок. Но между 1780—1790 и 1860—1870 гг. уже 30% увеличения спроса на продукцию британской промышленности падало на экспортный сектор [218, с. 111]. Однако это, как полагает Бэрк, не отрицает незначительной роли внешней торговли в процессе промышленного переворота, а лишь свидетельствует, что Великобритания по-разному была включена в мировой рынок до и после промышленной революции. Вернее, британцы успешно манипулировали его структурами в национальных целях, и структуры эти модифицировались в течение XVII—XIX вв.

Синтетическим показателем, характеризующим значение экспорта для Англии в период промышленной революции, является его отношение к национальному доходу. Несмотря на то что статистические данные по XVIII столетию составляют предмет различных интерпретаций, оценки крупных специалистов (Н. Крафт, Ф. Крузет и др.), приведенные в табл. 13, показывают рост экспортной квоты с примерно 8% в 1700 г. до 15—18% к 1800 г. Это отношение упало во время наполеоновских войн и в первой половине XIX в., когда значительная часть инвестиций направлялась на развитие инфраструктуры. «Не подлежит сомнению, — подчеркивал английский ученый К. Ли, — что в течение XVIII и XIX столетий экспорт рос быстрее, чем национальный продукт в целом» [218, с. 108].

В структуре экспорта на протяжении XVIII в. доминировали текстиль и продукция металлообработки. В 1770—1840 гг. 70% прироста экспорта приходилось на текстильную отрасль, из них 50% составил «вклад» хлопчатобумажных изделий. За исключением 80-х годов, когда только 16% общего объема хлопчатобумажной продукции было реализовано за рубежом,

доля зарубежных продаж составляла 30% в течение всего XVIII в. и превысила 50% в XIX в. На экспорт шло свыше 40% изделий из шерсти на протяжении XVIII в. и примерно 20—35% — в последующем столетии. Экспорт играл значительную роль в обеспечении спроса и на продукцию других отраслей. Так, согласно последним оценкам, в 40-х годах XVIII в. 8 тыс. т продукции металлообрабатывающей промышленности, или около половины, экспортировалось. Основным рынком были североамериканские колонии. В течение первой половины XIX в. экспорт изделий металлообработки находился на уровне 20—30% общего объема производства [218, с. 108—109]. Именно текстильная и металлообрабатывающая отрасли национального хозяйства в глазах ряда исследователей придали британской индустриализации экспортную ориентацию. Чтобы стать экспортером готовой продукции, Великобритании пришлось проделать длительный путь, в том числе по замещению индийского импорта. В результате ее товары стали дешевле и качественнее продукции искусных ремесленников и мануфактуристов других стран мира.

Т а б л и ц а 13

Отношение платежей по внешней торговле к национальному доходу Великобритании *, %

Год	Экспорт**	Экспорт***	Экспорт****	Импорт****	Сальдо видимой торговли	Сальдо невидимой торговли	Торговый баланс
1700	8,3	7,5—8,5	7,4	11,6			
1730			11,0	16,2			
1760	12,4	11,6	15,0	13,3			
1780	10,5	7,8	8,3	11,2			
1801	15,3	17,8	16,3	26,9			
1811			10,9	16,9			
1821		12,6	12,6	15,7	—3,3	6,2	2,9
1831			10,9	18,2	—4,1	5,3	1,2
1841		11,1	11,4	18,6	—4,7	5,6	0,9
1851			14,2	20,9	—5,6	6,8	1,2

* [218, с. 109].

** Расчеты Н. Крафта [175].

*** Расчеты Ф. Крузета [176].

**** Расчеты Ф. Дин, У. Коула [182].

Экспортная гипотеза промышленного переворота, поддерживаемая Ф. Дин, У. Миншинтоном и другими, нуждается, по мнению Д. Мокира и К. Киндлебергера, в существенной корректировке [213]. Увеличение спроса на мировом рынке первоначально оказало положительный эффект только на английскую промышленность. Другие европейские страны смогли приобщиться к индустриализации позднее. Тем самым противники

экспортной гипотезы подчеркивают значение внутренних условий, или, по их терминологии, факторов предложения, в обеспечении качественного скачка производительных сил в Великобритании. Рост производства и снижение цен на промышленную продукцию были, по убеждению Д. Мокира, результатом накопления капитала, технологических изменений и организационных улучшений. Для XIX в., по которому экономисты-историки располагают достоверными данными, он ссылается на уменьшение экспортной квоты в национальном доходе с 18% в 1801 г. до 11% в 1841 г. и ее незначительный рост — до 14% — к 1851 г. Соответствующее отношение стоимости экспорта к промышленному производству составляло 73, 32 и 42% [187, с. 100]*. Представляется, что второй ряд лучше отражает непосредственную взаимосвязь промышленного переворота с экспортом и говорит не в пользу односторонней позиции Д. Мокира. Что касается британских колоний, то их доля в экспорте начиная с Парижского мирного договора составляла свыше 35%, а после Ватерлоо снизилась до 30%. На этом основании Д. Мокир отрицает позитивную роль колониальных рынков для промышленной революции. Португалия и Нидерланды, несмотря на их наличие, вступили на путь индустриализации позднее Бельгии и Швейцарии [187, с. 101].

Исторические факты, приводимые Д. Мокиром, лишены раз подтверждаются, что в сложном социально-экономическом механизме, обеспечивающем переход от аграрного общества к современному технологическому, существует множество обратных связей между техническими, экономическими, социально-политическими, миросистемными, природно-географическими и демографическими факторами роста. Экономика не является закрытой системой. Ресурсно-экологическая внешняя среда оказывала и оказывает влияние на эволюцию человеческого общества на протяжении всей его истории. Военно-политические и торгово-экономические контакты и столкновения приобретали все возрастающее значение для национально-регионального развития по мере институционализации мировых рынка и хозяйства. Наконец, социально-политическая подсистема общества отнюдь не является нейтральной. Лучше всего это подтверждает то, что пионеры европейской колониальной экспансии не смогли в полной мере воспользоваться ее результатами. В то же время включение в структуру мирового рынка способствовало ускоренному капиталистическому развитию ряда стран-имитаторов.

Гораздо более сбалансированно оценивает роль внешней торговли в промышленной революции Ф. Диф. Она выделяет несколько основных направлений ее развития:

* Волнообразное изменение экспортной квоты в национальном доходе Великобритании, вероятно, отражает характерную для индустриализующихся стран тенденцию. Северная Америка на рубеже XVII и XIX вв. также переживала «золотой век» торговли. Впоследствии происходило освоение расширявшегося в ходе технического прогресса внутреннего рынка капитальных товаров, особенно в США.

1) развитие доиндустриальной экономики тормозилось недостаточной покупательной способностью национального рынка, так как он ограничивает возможности дальнейшей специализации производства, а следовательно, организацию современной промышленности и выпуск массовой стандартизированной продукции с относительно низкими издержками и ценами, доступными для широкого круга потребителей. Этот замкнутый круг можно разорвать только путем выхода на внешние рынки;

2) международная торговля обеспечивала доступ к сырью и способствовала удешевлению продукции британской промышленности. Без хлопка-сырца страна не могла бы избежать зависимости национального хозяйства от шерстяной промышленности, где спрос на продукцию относительно неэластичен, и переключиться на выпуск хлопчатобумажных тканей, рынок для которых был неизмеримо шире. То же самое можно сказать в отношении шведской железной руды, которая использовалась для производства высококачественных изделий из стали;

3) заморская внешняя торговля в течение длительного времени обеспечивала дополнительный приток капиталов для последующего инвестирования в промышленности и сельском хозяйстве;

4) внешнеторговые операции способствовали развитию банковской и кредитно-денежной структур и формированию предпринимательской этики. Система денежно-кредитных учреждений страхования, контроля за качеством и стандартизацией продукции, которая возникла из потребностей международной торговли, оказала организующее воздействие на внутреннем рынке;

5) экспансия международной торговли в XVIII в. привела к росту крупных городов и индустриальных центров, таких, как Лондон, Манчестер, Бирмингем, особенно Ливерпуль и Глазго, развитию транспортной системы [181, с. 67—68].

Проведение в жизнь меркантилистской доктрины в европейских странах вызвало появление и совершенствование таможенной отчетности. Повышенное внимание к внешней торговле, вероятно, было причиной регулярно и централизованно составляемых данных, отражающих динамику английской заморской торговли начиная с 1696 г., а для Шотландии — с 1755 г. Учет производился в постоянных официальных ценах, большинство которых было фиксировано в конце XVII в.

Классической работой, анализирующей статистику развития английской торговли, считают книгу В. Шлоте «Британская заморская торговля с 1700 по 1930 г.» [250]. К сожалению, XVIII век освещен в ней довольно скудно. Это объясняется как пробелами в сохранившейся статистике, так и трудностями ее анализа. В начале своего исследования В. Шлоте указывает на то, что за основу цен, в которых фиксировалась стоимость товаров, проходивших английскую таможню с начала XVIII в., были взяты преобладавшие в 1694 г. средние цены на все това-

ры английской морской торговли. В научной литературе они получили название «official values», т. е. «официальные цены». Поэтому нет возможности точно определить, был ли торговый, а тем более платежный баланс Великобритании в XVIII в. положительным или отрицательным.

До конца XVIII в. вычисления продолжали производиться в «официальных ценах», хотя, совершенно очевидно, они не могли соответствовать рыночным ценам. С 1755 г. в отчетность стали включать также данные о торговле Шотландии, а после 1800 г. — Ирландии. Многочисленные изменения в оценке товаров и их классификации по группам последовали уже в XIX в.

Важно отметить, что сам В. Шлоте указывает на недоступность для него первоисточников и необходимость использования статистических данных во вторичной обработке. Он утверждает, что избегал погрешностей, вносимых в статистику колебаниями цен, благодаря использованию данных о количестве товаров в тоннах, галлонах, штуках и др. Расчетные величины, полученные на основе цен и физических показателей товаров, он назвал «объемами» («volumes»). Это взвешенные величины, рассчитанные на базе коэффициентов, где цены приняты за постоянную величину. Проверить расчеты Шлоте не представляется возможным, поскольку он не приводит примеров вычислений, но и нет никаких оснований сомневаться в его добросовестности.

Чтобы устранить влияние изменения цен на показатели и в то же время получить обобщенный показатель для всей торговли (а не для отдельных товаров), В. Шлоте рассчитывал «объемы» торговли на базе периодов, когда рыночные цены действительно соответствовали средним ценам импорта и экспорта. Эти цены принимались в качестве неизменных. Исходя из данного показателя пересчитывались «объемы» за каждый год в постоянных ценах, складывались «объемы» различных товаров в один общий для всей торговли показатель. Эти серии «volumes» он и считает репрезентативными для динамики всей торговли.

Для анализа динамики английской внешней торговли В. Шлоте сравнивает индексы внешней торговли и промышленного производства за 1700—1909 гг. (табл. 14). Он отмечает, что с 1700 г. в течение 150 лет рост заморской торговли значительно опережал рост производства. Только с середины XIX в. внешняя торговля стала увеличиваться гораздо быстрее промышленного производства. Однако, как следует из таблицы, до 1760 г. торговля росла быстрее, чем в среднем за период. Соотношение индексов возросло с 38,5 до 65. Лишь после этого оно стало колебаться в пределах 50—60, что, вероятно, объясняется ростом внутреннего рынка, связанного с повышением спроса на инвестиционные товары и вложениями в инфраструктуру.

Несмотря на все сложности и неточности, которые возникают при подсчетах торговых и платежных балансов в силу пе-

речисленных факторов, английский ученый Р. Дэвис полагает, что на основе детального анализа по товарным группам и в страновом разрезе возможно прийти к обобщающим оценкам масштабов британской торговли (табл. 15, 16). В первой половине XVIII в., по мнению Дэвиса, текущий платежный баланс Великобритании в мирные годы был положительным. Однако правительственные субсидии и помощь союзникам во время военных действий приводили не только к оттоку капитальных ресурсов за рубеж, но и к накоплению многомиллионного государственного долга, который в значительной степени финансировался голландцами. Тем не менее после войны 1776—1783 гг. часть государственного долга (25—30 млн. ф. ст.) была ликвидирована в достаточно короткие сроки, хотя в этот раз голландские инвесторы не проявили заинтересованности [180, с. 54—55].

Таблица 14

Индексы промышленного производства и внешней торговли Великобритании *
(1913 г. = 100)

Период	Торговля	Промышлен- ное произ- водство	Соотношение
1700—1709	0,5	1,3	38,5
1710—1719	0,6	1,4	42,9
1720—1729	0,8	1,6	50,0
1730—1739	0,9	1,7	52,9
1740—1749	0,9	1,7	52,9
1750—1759	1,0	2,0	50,0
1760—1769	1,3	2,0	65,0
1770—1779	1,4	2,4	58,3
1780—1789	1,5	3,1	48,4
1790—1799	2,4	4,3	55,8
1800—1809	3,4	5,9	57,6
1810—1819	4,3	7,2	59,7
1820—1829	5,3	10,0	53,0
1830—1839	7,5	14,7	51,0
1840—1849	11,2	20,2	55,4
1850—1859	19,0	28,3	67,1
1860—1869	27,3	36,1	75,6
1870—1879	41,4	48,1	86,1
1880—1889	55,3	58,1	92,2
1890—1899	67,1	68,1	98,5
1900—1909	80,8	80,3	100,6

* [250, с. 51].

Статистика не дает ответа на вопрос, как это было достигнуто. Хотя действия англичан после битвы при Плессии могут прояснить многое. Прямое ограбление Индии достигло пика в 1751—1766 гг., продолжало оставаться на высоком уровне вплоть до 1774 г., и лишь затем перекачка ресурсов приняла в основном коммерческие формы. В литературе существуют раз-

Т а б л и ц а 15

Торговый баланс Великобритании по регионам *,
среднегодовые данные, тыс. ф. ст.

Период	Ирландия	Северная Европа	Северо- Западная Европа	Южная Европа	Ближний Восток
1784—1786	—518	—3080	+1559	—200	—195
1794—1796	+ 58	—5165	+2912	—1759	—246
1804—1806	+284	—2253	+1670	—2338	— 71
1814—1816	—1869	—3710	+14517	+1810	—100
1824—1826	—3287	—4442	+1243	+116	—447
1834—1836		—4681	+1450	+1770	+110
1844—1846		—5219	+4605	+1108	+1468
1854—1856		—7527	+2362	—383	+769
1784—1816	—509	—3552	+5165	—622	—153
1824—1856		—5467	+2415	+653	+475

* [180, с. 59].

Афри- ка	Азия	Китай	Австра- лия	Кана- да	США	Вест- Индия	Латин- ская Америка
+ 501	—3070			+ 567	+ 1819	—3001	0
+ 575	—3714		+ 7	+ 826	+ 4694	—3556	—186
+ 1009	—5021		+ 32	+ 586	+ 6243	—4569	— 61
—270	—8601		+ 1	+ 1558	+ 3618	—9383	—3640
—176	—6686		+ 69	—1172	— 59	—4174	+ 2172
—776	—2420	—3790	—220	—818	—3006	—3437	+ 1972
—1205	—470	—3190	—1114	—1866	—6349	—1696	+ 1179
—2186	—3748	—7941	+ 6007	—1163	—9391	—4508	—366
+ 454		—5102	+ 10	+ 884	+ 4111	—5127	—972
—1086		—7061	+ 1186	—1255	—4701	—3454	+ 1240

личные оценки, которые колеблются от 100 млн. ф. ст. (А. Мэдисон) до 1 млрд. ф. ст. (У. Дигби) [185, с. 3; 222, с. 63]. Конечно, не все ресурсы направлялись в Англию, часть средств инвестировалась в самой Индии, а также использовалась для закупок чая и шелка в Китае.

Т а б л и ц а 16

Внешняя торговля Великобритании *,
среднегодовые данные, млн. ф. ст.

Период	Официальные данные	Расчетные данные Дэвиса	Расчетные данные Имлаха
<i>Импорт</i>			
1784—1786	15,7	22,8	
1794—1796	21,9	37,9	
1804—1806	28,2	55,6	57,2
1814—1816	33,6	71,8	67,4
1824—1826	45,4	66,4	58,4
1834—1836	50,4	70,3	72,4
1844—1846	76,6	82,0	84,9
1854—1856	120,8	151,6	
<i>Экспорт</i>			
1784—1786	11,4	13,6	
1794—1796	17,5	24,0	
1804—1806	25,4	41,2	39,1
1814—1816	39,0	48,0	46,3
1824—1826	48,5	39,9	36,3
1834—1836	78,4	46,2	47,4
1844—1846	132,4	58,4	58,8
1845—1856	232,9	102,5	
<i>Резкспорт</i>			
1784—1786	4,5	3,6	—
1794—1796	11,8	8,3	
1804—1806	11,4	9,8	10,0
1814—1816	17,3	17,7	18,1
1824—1826	11,4	9,6	7,7
1834—1836	12,2	10,2	0,2
1844—1846	15,6	10,8	8,8
1854—1856	31,6	21,0	—

* [180, с. 86].

Процесс накопления в период промышленной революции остается дискуссионным. Отсутствие достоверных данных не позволяет судить об источниках инвестиций в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве. Различны оценки и уровня накоплений. Ф. Дин считает, что доля накопления в ВВП возросла с 3 до 5% в течение XVIII в., а Н. Крафт — с 4 до 8%. Только к началу XIX в., как показывает таблица 17, оценки сближаются. При этом возникает ряд традиционных вопросов:

каким должен быть минимальный уровень накопления для выведения экономики на траекторию долговременного роста; где находится область внутренних резервов или внешних источников инвестирования. Естественно, что все эти вопросы могут решаться только для конкретной историко-экономической ситуации. Английский опыт выступает здесь в виде своеобразного эталона или точки отсчета.

Т а б л и ц а 17

Отношение инвестиций к ВВП *,
%

Период	Валовые внутрен- ние инве- стиции	Сбереже- ния	Зарубеж- ные инве- стиции	Накопле- ния
1761—1780	6,9	1,5	0,8	9,2
1781—1800	10,4	2,0	1,2	13,6
1801—1830	10,3	1,1	1,7	13,1
1831—1860	10,4	0,9	2,2	13,5
1856—1873	7,2	0,9	4,5	12,6
1873—1913	8,5	0,9	5,0	14,4

* [218, с. 51].

Р. Дэвис, например, полагает, что ограбление колоний не имело решающего значения для финансирования промышленного переворота, поскольку машинная техника не была на первых порах капиталоемкой. Не отрицая самого факта перекачки ресурсов из Индии, английский ученый считает, что они использовались для погашения государственного долга Великобритании, значительная часть которого была внешней. Подобная аргументация выглядит весьма наивно. Известно, что наряду с такими факторами первоначального накопления, как колониальная система, протекционизм, торговые войны, весомую роль играют государственные долги, которые «гигантски разрастаются в младенческий период крупной промышленности» [7, с. 767].

Международные торговые операции Великобритании накануне промышленной революции охватывали практически весь земной шар, хотя еще во времена Кромвеля страна была моноэкспортером шерстяных изделий. Балансирование торговли представляло сложный многосторонний процесс. Британская Вест-Индия поставляла широкий набор товаров на европейский рынок. Оружие, порох, спирт (ром) и индийский текстиль экспортировались в Западную Африку в обмен на рабов, слоновую кость и золото. Рабы, в свою очередь, продавались в Вест-Индии в обмен на сахар, хлопок, индиго, табак. Благородные металлы и слоновая кость обеспечивали импорт с Востока специй, чая, кофе, шелка, хлопчатобумажных изделий. За колониальные товары на европейском рынке можно было получить

лес, пеньку, железную руду, а с последней четверти XVIII в. — и зерно. Продукция английской обрабатывающей промышленности (шерстяные и хлопчатобумажные ткани, изделия из металла и др.) направлялась в Европу, Северную Америку. Из Северной Америки вывозили лес, рыбу, мясо. Все эти многосторонние сделки обеспечивали высокие прибыли для британских торговцев, плантаторов и промышленников. Ф. Дин считает, что доходы от реэкспорта достигали 15% стоимости товаров. В первой половине XVIII в. английский реэкспорт увеличился на 90%, во второй половине — темпы его прироста возросли более чем в 2 раза по сравнению с предшествующим периодом, что на базе официальных цен выразилось в 3,5 млн. ф. ст. в 50-х годах и 9,5 млн. ф. ст. — в 90-х [181, с. 53—54].

В течение всего XVIII в. импорт Великобритании несколько превосходил экспорт, но торговый баланс сводился с положительным сальдо за счет значительного объема реэкспорта (около 50% экспорта). До 1745 г. импорт в основном покрывал реэкспорт, затем возросла роль импортного компонента в промышленном производстве. До 80-х годов XVIII в. в структуре английского импорта преобладали сахар, табак, чай, кофе. Позднее произошел значительный прирост ввозимого сырья для обрабатывающей промышленности, включая шелк, шерсть, хлопок, железную руду, лес и др. С конца XVIII до середины следующего столетия доля хлопка-сырца составляла 70% совокупного прироста импорта [218, с. 112].

К середине XVIII в. в торговые операции все больше втягиваются отдельные предприниматели. Монопольные торговые компании, препятствовавшие общей либерализации экономических отношений, стали терять свое значение по мере снижения коммерческого риска благодаря развитию страхования и возрастанию мощи британского военно-морского флота.

К этому времени уже $\frac{3}{4}$ общего объема английской экспортной продукции (включая реэкспорт) направлялось на Европейский континент и только половина производилась на британских островах. К концу столетия доля национального экспорта сократилась до $\frac{1}{3}$. Это заставляло искать новые рынки сбыта. Вместе с тем господство Великобритании на морях позволило англичанам занять доминирующие позиции в европейском импорте продукции из Вест-Индии и Ост-Индии. В 90-х годах Европа поглощала от 80 до 90% английского реэкспорта, а на Вест-Индию и Дальний Восток приходилась половина импорта Великобритании.

Существенное значение для экономического развития Великобритании имели динамичные торговые связи с Северной Америкой. Как видно из табл. 18, на этот регион в 1750/51 г. приходилось 11% британского экспорта, тогда как на Европу — 77%. Но уже в 1797/98 г. соотношение резко изменилось: 32 против 30%. Американцы предпочитали британские товары, и дело здесь не только в действии Навигационных актов, так как

и в 1787—1790 гг. 87% импортируемой Северной Америкой продукции обрабатывающей промышленности поступало из бывшей метрополии. В то же время около $\frac{1}{3}$ экспорта этого региона падало на Великобританию.

Таблица 18

Географическое направление британской
внешней торговли в XVIII в. *,
%

	Евро- па	Северная Америка	Вост- Индия	Ост-Индия и Африка
1700/01 г.				
Экспорт	85	6	5	4
Импорт	66	6	14	14
Реэкспорт	85	5	6	4
1750/51 г.				
Экспорт	77	11	5	7
Импорт	55	11	19	15
Реэкспорт	79	11	4	6
1772/73 г.				
Экспорт	49	25	12	14
Импорт	45	12	25	18
Реэкспорт	82	9	3	6
1797/98 г.				
Экспорт	30	32	25	13
Импорт	43	7	25	25
Реэкспорт	88	3	4	5

* [181, с. 56].

Арн. Тойнби также отмечает изменение географии британского экспорта, который вырос с приблизительно 7 млн. ф. ст. в начале столетия до 14,5 млн. ф. ст. в 1760 г. «В этот промежуток произошли крупные изменения в направлении внешней торговли. В 1700 г. Нидерланды были главным рынком, поглощая $\frac{1}{3}$ всего вывоза, а в 1760 г. отношение это уменьшилось приблизительно до $\frac{1}{7}$. Португалия, забиравшая в 1703 г. $\frac{1}{7}$, теперь забирала только около $\frac{1}{11}$. Торговля с Францией была совсем незначительна. С другой стороны, колонии сделались нашим главным рынком и $\frac{1}{3}$ нашего вывоза шла туда. В 1770 г. Америка закупила $\frac{3}{4}$ всего производства Манчестера. В 1767 г. вывоз в Ямайку равнялся приблизительно общей сумме вывоза в английские колонии в 1704 г.» [134, с. 43].

Абсолютные и относительные изменения индекса цен вносящую долю неопределенности в оценки экономистов-историков. Так, британский экспорт между 1702/03 и 1797/98 гг. увеличился на 398% в «официальных ценах», а в средних ценах 1796—1798 гг. — на 421%. Для импорта (включая импорт для последующего реэкспорта) рост в соответствующих ценах составил 423 и 328%. Выводы, которые можно сделать из этого сравне-

ния, очевидны: «официальные цены» несколько занижают стоимость прироста экспорта и, напротив, завышают прирост импорта. Без всякого сомнения, увеличение британского экспорта опережало рост населения страны. Стоимость экспорта на душу населения во второй половине XVIII столетия выросла с 2 ф. ст. до 2 ф. 15 шилл. (в средних ценах 1796—1798 гг.).

Не менее, а скорее более важные изменения происходили в структуре экспорта. Наметился резкий переход от вывоза сырья, сельскохозяйственных и ремесленных товаров к экспорту фабричной продукции. В 1750 г. на зерно приходилась $\frac{1}{5}$ вывоза, а к 1800 г. Великобритания превратилась в импортера этого продукта. На рафинированный сахар в 1750 г. приходилось менее 1% стоимости экспорта, а в 1800 г. — 4,5%. За тот же период доля изделий из шерсти в экспорте упала с 46 до 28,5%, а удельный вес хлопчатобумажных тканей и пряжи подскочил практически с нулевой отметки до 24% [181, с. 62—63]. В первом десятилетии XIX в. эта новая и наиболее динамичная отрасль народного хозяйства обошла шерстяную промышленность.

Хлопчатобумажная промышленность, больше чем какая-либо другая отрасль британской индустрии, зависела от внешней торговли, так как сбыт ее продукции и поставки сырья опосредовались мировым рынком. Такая ситуация была для того времени уникальной, особенно если учесть значение производства хлопчатобумажных изделий для динамики британского экспорта и экономики в целом на рубеже XVIII и XIX вв. Хлопчатобумажное производство, которое было занесено в Великобританию иммигрантами с континента, долгое время не могло составить существенной конкуренции ни индийскому ситцу и муслину, ни отечественным изделиям из шерсти. Цены на импортируемый хлопок-сырец были относительно высокие, а качество товаров (грубые сорта пряжи и тканей, производимых на базе примитивной ручной технологии) низкое. Технические нововведения стали впервые внедряться в этой относительно новой для Англии отрасли, не стесненной остатками средневековых цеховых ограничений и регламентаций и бдительно опекаемой со стороны правительства, которое в шерстяной промышленности, с одной стороны, создавало тепличный климат для ее функционирования, с другой — регламентировало производственный процесс.

Подробный анализ технической стороны промышленного переворота не входит в число основных задач данной работы, тем более что этот вопрос пространно освещен не только в монографической литературе, но и в учебных пособиях. Однако представляется важным проследить непосредственные причины ряда технических нововведений на примере хлопчатобумажной промышленности Великобритании.

Появление машин в хлопчатобумажной промышленности было вызвано в значительной мере конкуренцией индийских высококачественных тканей. Первое важное техническое изобре-

ние было сделано в 1733 г. Кеем, который предложил «летучий челнок», чрезвычайно ускоривший ткацкий процесс. Всеобщее признание он получил в течение нескольких лет. Но это техническое нововведение создало «узкие места» в технологической цепочке хлопчатобумажной промышленности: возрос спрос на пряжу.

«Общество поощрения искусств и промышленности» в 1761 г. предложило награду за изобретение механической прялки — и уже в 1764 г. появилась «Дженни» Харгривса. Затем последовали ватерная машина Арктайта (1769 г.) и изобретение Кромптона (1780 г.). Произведенные в области прядения усовершенствования, как это ни парадоксально, превратили ткачество в отстающую отрасль. Новый ткацкий станок, сконструированный Картрайтом, вошел во всеобщее употребление в 1813 г. после его усовершенствования Хорроксом. «Переворот в способе производства, совершившийся в одной сфере промышленности, обуславливает такой же переворот в других сферах», — писал К. Маркс.

Промышленная революция включает два взаимосвязанных процесса: фундаментальные технологические сдвиги в производстве и распределении товаров; социально-экономические и политические изменения. «Технологическая» революция включала использование новых материалов и источников энергии, изобретение машинной техники, резко поднявшей производительность труда, организацию фабричной системы, которая способствовала углублению разделения труда и его специализации, новые транспортные и коммуникационные средства. Эти технологические сдвиги коренным образом изменили отношения человека с окружающей природной средой (см. «Вместо заключения»).

Переход к массовому производству товаров, расширение мировой торговли, перемещение центра экономической деятельности из «первичного» сельскохозяйственного во «вторичный» индустриальный сектор хозяйства сопровождались важными социальными процессами — ростом численности пролетариата и буржуазии, обострением классовой борьбы, урбанизацией, изменениями в политической структуре общества. Промышленную революцию, подчеркивает М. Кранцберг, следует рассматривать как процесс, а не период времени, относящийся только к английской истории, вследствие ее универсального характера [214, с. 39].

Косвенным, но важным свидетельством этих сдвигов является экономическая и политическая литература того времени, отражающая принципиально иной идеологический климат по сравнению с собственно европейским средневековьем и тем более докапиталистическими обществами на Востоке.

Известный историк экономической мысли Дж. Ингрэм отмечает, что «приблизительно с XVIII в. уже сказывается явное стремление к совершенно новой организации как светской, так

и духовной власти. Прежде всего это стремление выражается в философской и общей литературе периода, а затем в Великой французской революции». По мнению Ингрэма, протестантизм еще в XVI—XVII вв. заложил основы «универсального критического учения», которое было «систематизировано в Англии, а затем распространено по всей Европе и популяризировано главным образом французскими писателями. Дух индивидуализма, характерный для этого учения, в высшей степени соответствовал потребностям времени. Общее сочувствие, с которым были приняты учения об общественном договоре и *laissez faire*, свидетельствует о том, как верно понимали условия, свойственные тогдашней Европе, создатели этих теорий» [69, с. 46—47].

Д. Ингрэм имеет в виду школу физиократов и Адама Смита в экономической области, а также представителей критических учений, начиная с Гоббса и кончая Руссо, опиравшихся на концепцию «естественного права» с целью нападок на существующий общественный строй. «Учение теологической доктрины, — пишет Д. Ингрэм, — согласно которой все изменения вселенной происходят по велениям и по милосердию божественной мудрости для наибольшего счастья человечества, было переработано метафизиками и выразилось в представлении о *jus naturae* — естественном праве — как о некотором благодетельном и исполненном гармонии кодексе, установленном, согласно излюбленной этими писателями сущности — Природою, которая предшествует всем человеческим учреждениям и дает готовый образец, с которым все должно сообразоваться» [69, с. 85].

Социально-политическая доктрина последователей теории «естественного права» исходила из представления об идеальном обществе, состоящем из членов, имеющих равные естественные права. Общественный союз должен был основываться на договоре между индивидами, который, минимально ограничивая их права, обеспечивает взаимное соблюдение интересов*. Несмотря на это общее положение, теория «естественного права» имела множество интерпретаций и применялась в различных областях. В частности, физиократы с ее помощью обосновывали «священное право» частной собственности, свободы торговли и подвергали критике меркантилистскую политику европейских держав.

Меркантилистская система, как известно, обосновывалась в

* Следует отметить также значительное влияние на общественное сознание той эпохи идей Реформации и Возрождения. Структура протестантской общины во главе с выборными пресвитерами, подотчетность этих лиц общине, участие ее членов в управлении, дух свободы, неподчинения авторитетам, экономической предприимчивости могли бы послужить моделью для государственного устройства. Особенно это относится к Новой Англии. В то же время политическую культуру, науку и эволюцию правовой системы в новое время невозможно представить без восприятия и преломления античного наследия через гуманистические идеалы Ренессанса. Естественно, этот круг вопросов не может быть подробно рассмотрен в данной работе. (Подробнее см., например, [72, с. 254—342].)

многочисленных сочинениях сторонников денежного, а позднее торгового баланса, озабоченных проведением целенаправленных мероприятий, стимулировавших накопление капитала за счет развития мануфактурной промышленности, экспортной торговли и даже ограничения потребления*. Многие меркантилисты, особенно позднейшие (конец XVII — первая половина XVIII в.), детально исследовали различные направления внешней торговли Великобритании. Безусловно, выгодными считались левантская, эстляндская, московская, норвежская торговля, а также торговля с Испанией и Португалией, Африкой и Вест-Индией. Сомнительной представлялась ост-индская торговля, ставшая предметом постоянных дискуссий, и, наконец, крайне невыгодной считалась торговля с Францией. В центре внимания находилась конкуренция с Нидерландами и Францией, вылившаяся в серию торговых войн.

Постепенная трансформация английского хозяйства, укрепление позиций индустриального сектора и рост связей с внешним рынком способствовали изменению содержания меркантилистской политики, ее модификации в протекционизм, который, не затрагивая существенно предпринимательскую инициативу и конкуренцию в целом, ограничивался защитой сельского хозяйства и традиционной промышленности от зарубежной конкуренции.

Критика государственного вмешательства в экономику и меркантилистских воззрений получила в Великобритании распространение задолго до А. Смита и физиократов. Д. Норс в «Очерках о торговле» (1691 г.) писал: «Никакие правительственные законы не могут определять цены в торговле, которые должны устанавливаться сами, а если такие законы существуют, то они составляют для торговли большую помеху и заслуживают осуждения... Ни один народ не разбогател через государственные мероприятия, но только мир, трудолюбие и свобода создали торговлю и богатства» (цит. по [119, с. 7]). Работа Д. Норса, отмечает Ф. Энгельс, «представляет собой классическое, написанное с непреклонной последовательностью изложение учения о свободе торговли как внешней, так и внутренней, а в 1691 г. это было, бесспорно, „чем-то неслыханным“!» [16, с. 246].

Д. Рикардо, которого Мак-Кулох познакомил с Норсом, был поражен глубиной его взглядов для той эпохи. Д. Норс писал: «Может показаться странной речь о том, что весь мир в отношении торговли является лишь одним народом или страной, нации которого все равно что отдельные люди; что не может быть торговли невыгодной для общества, так как если какая-либо область торговли оказывается невыгодной, то люди ее прекращают, когда же купцы процветают, то общество, часть ко-

* О том, какой широкий общественный резонанс получили в Англии эти проблемы, свидетельствует «Алфавитный и хронологический список книг и памфлетов по торговле», насчитывающий 2377 наименований, который был составлен И. Месси и доведен им до 1764 г. (см. [94, с. 17]).

торого они составляют, процветает также; что если заставлять людей действовать по предписанному способу, то это может принести пользу лишь тем, кому случайно такой способ подходит, но общество от этого не выигрывает ничего, так как то, что отнимается у одного подданного, отдается другому; что никакие законы не могут устанавливать цены на товары, размеры которых должны и будут устанавливаться сами (но если такие законы издаются и действуют, то они служат препятствием торговле, а потому пагубны); деньги — это товар, которого может быть как слишком много, так и недостаточно, даже до затруднений; что деньги, вывозимые за пределы страны при торговле, увеличивают богатство страны, но тратимые на войну и платежи за границу приводят к обеднению. Короче: все, что делается в пользу одной отрасли торговли или одних интересов против других, является злоупотреблением и уменьшает доход общества» [94, с. 300].

Анонимный памфлет «Соображения об ост-индской торговле», который некоторые исследователи приписывают Д. Норсу, был опубликован в 1701 г. и, как большинство работ того времени, по злободневному поводу. Его автор, критикуя запретительную таможенную политику в отношении импорта индийского текстиля, отмечает, что «торговля с Ост-Индией даст, по всем вероятностям, повод ввести в наших английских отраслях промышленности больше умелости, больше порядка и точности. Она заставит в действительности исчезнуть те из этих отраслей промышленности, которые наименее полезны и наименее прибыльны». Кроме того, торговля с Востоком вызовет, по мнению автора памфлета, специализацию ручного труда и введение машинной техники. «Инструменты и машины, заменяющие человеческий труд, доставляют нам средство производить при помощи меньшего числа рабочих, и, следовательно, дешевле, причем заработная плата не должна стать из-за этого меньшей. Торговля с Ост-Индией доставляет нам товары, произведенные при помощи меньшего количества труда и дешевле, чем в Англии... мы принуждены будем изобретать технические приемы и машины, которые позволят нам производить при помощи меньшего количества труда и с меньшими издержками и таким путем понизить цены производимых изделий» (цит. по [92, с. 103—104]).

Анонимный автор, по существу, сформулировал концепцию «сравнительных преимуществ» и смог предсказать последствия формирования мирового рынка за три четверти века до Адама Смита, который в «Богатстве народов» писал: «Благодаря ей (внешней торговле. — В. З.) ограниченность рынка не препятствует развитию разделения труда в любой отрасли ремесла или мануфактур до высшей степени совершенства. Открывая более обширный рынок для той доли продукта их труда, которая превышает потребности внутреннего потребления, она поощряет их развивать свои производительные силы и увеличивать до максимальных размеров свой годовой продукт и таким образом

увеличивать действительный доход и богатство общества. Такие большие и важные услуги внешняя торговля постоянно оказывает всем странам, между которыми она ведется» [131, с. 24].

Ничего похожего найти в литературе стран Востока в XVII—XVIII вв. не представляется возможным. Более того, и предшествовавшая меркантилистская доктрина развивалась только на европейской почве. Советский историк З. Лапина отмечает, что «проблема, поднимаемая современными исследователями, — вопрос о поисках в учениях и теориях Дальнего Востока, в том числе Китая, чего-либо сопоставимого с европейской наукой, особенно начиная с XVIII в., если не функционально сопоставимого с наукой Запада, то компенсировавшего ее отсутствие». Она приходит к выводу, «что в то время как в Европе философия была матерью всех областей знаний (которые впоследствии превратились в самостоятельные науки), в средневековом Китае родилось специфическое учение об управлении, в котором воедино сошлись многие «науки» (безусловно, еще на донаучном уровне), но именно те и в той мере, в какой они помогали управлению государством» [87, с. 241].

Содержание «конкурирующих» идеологических доктрин на Востоке во многом совпадало и заключалось в призывах усилить эффективность центральной власти, ограничить рост торговли, ослабить стремление частных собственников к обогащению и увеличить, таким образом, доходы казны. Это лишнее раз подтверждает, что, несмотря на наличие разветвленного бюрократического аппарата, особенно в Китае, в восточных обществах не осуществлялось целенаправленной технической и экономической политики роста, которая бы свидетельствовала об автономном зарождении элементов капиталистического уклада или способствовала его имитации. Суть хозяйственной политики восточных государств не менялась. Она, как и прежде, до контактов с европейцами, была нацелена на редистрибутирование продукции.

Становление капитализма и соответствующего ему технологического базиса трудно представить вне специфических условий социально-политических структур Запада. Безусловно также, что ускоренное развитие западноевропейского региона, в первую очередь Англии, было бы невозможно без формирования европейского и мирового рынка. Хотя мировой рынок и та его часть, которая приходилась на колониальную периферию, сыграли системообразующую роль в институционализации мирового капитализма, обратной стороной этого процесса стала деградация восточных обществ, а их постепенная капиталистическая трансформация.

Возобновившаяся после второй мировой войны дискуссия об основных движущих силах промышленного переворота в Великобритании, характере его взаимозависимости с мировым рынком и колониальной системой продолжается и по сей день. В этом нет ничего удивительного с точки зрения не только эконо-

номистов-историков, но и квалифицированных специалистов, занимающихся проблематикой «третьего мира» или международных экономических отношений. Вопросы, возникающие в ходе разработки и реализации стратегий индустриализации в ряде освободившихся стран, актуализируют академические споры.

Однако подобная привязка промышленной революции к современности присуща только наиболее прагматическим мыслящим ученым. Идеологические интерпретации несравненно шире и острее. Глубокие расхождения во взглядах на промышленный переворот в Великобритании, не изжитые несмотря на длительную дискуссию, свидетельствуют об отсутствии у ученых единой, признанной парадигмы, т. е. модели постановки проблем исследования. Альтернативные мнения по наиболее общим вопросам научной теории являются показателем существования конкурирующих школ, каждая из которых ставит под сомнение исходные предпосылки другой. Ситуация конфликта между парадигмами описана в известной книге Т. Куна «Структура научных революций» [82].

Однако если для естественных наук короткий период конкуренции парадигм — результат новых открытий, приводящих к научной революции и замене старой парадигмы новой, то для общественных наук конкуренция парадигм перманентна. Несомненно, этим можно объяснить, что введение в научный оборот новых статистических данных, характеризующих динамику ВВП, валовых внутренних инвестиций, роста населения, многочисленных расчетов внешней торговли, торговых и платежных балансов, экспортной и импортной квот, не только не привело к сближению позиций различных школ, но даже усугубило состояние перманентного конфликта парадигм. И дело, конечно, не в неизбежной до начала XIX в. фрагментарности статистической базы исследований.

Дискуссию по проблеме взаимозависимости промышленной революции в Великобритании и мирового рынка, несмотря на все многообразие ее постановки, можно свести к двум основным моделям. В рамках первого подхода промышленный переворот рассматривается как результат взаимодействия эндогенных национальных факторов, впоследствии копируемый в разных вариациях странами-имитаторами, а экзогенные факторы либо априори исключаются из исследования, либо анализируются в качестве вторичных. В рамках второго подхода промышленная революция в Великобритании изначально «вписывается» в международный контекст и не мыслится вне военно-политических и хозяйственных структур мирового рынка.

Большинство «новых» экономистов-историков, не отрицая самого понятия «промышленный переворот», подвергают резкой критике (причем основанной на солидных статистических расчетах) революционизирующее значение мирового рынка в данном процессе. Однако с их позицией, приобретшей в последние годы на Западе характерные черты господствующей парадигмы,

согласны не только леворадикалы-миросистемники, но и не-
консервативные ученые.

Не подвергая сомнению достоверность самих расчетов «но-
вых» экономистов-историков, представляется, что консерватив-
ные леворадикалы не могут преодолеть устоявшихся стереотипов
в отношении движущих факторов промышленной революции
в Великобритании. Если аргументация радикалов типа Э. Вал-
лэста носит в основном политизированный характер и рас-
считана на безусловный успех в «третьем мире», то «новые»
экономисты-историки минимизируют роль мирового рынка, и
особенно его колониальной периферии, подчеркивая эндоген-
ный характер промышленной революции. Разорвать этот пороч-
ный круг попытался английский ученый К. Ли. Он полагает,
что стоимостные данные об экспортно-импортных операциях Ве-
ликобритании подтверждают второстепенную роль колониаль-
ной торговли в обеспечении спроса. Однако К. Ли подчеркивает
важность этих мирохозяйственных связей, т. е. их структурный
компонент. Вполне понятно, что именно структура импорта и
экспорта имела решающее значение для успешного протекания
промышленной революции. В то же время он обрушивается на
своих коллег за использование устаревшей, на его взгляд, кон-
цепции промышленного переворота как такового. Ссылаясь на
данные клиометристов за XVIII в., он подчеркивает, что темпы
роста ВВП (1—2% в среднегодовом исчислении), накоплений
и т. п. не позволяют говорить о качественном скачке (табл. 19).
Промышленной революции не было, а наблюдался, считает Ли,
постепенный, растянувшийся на многие столетия переход к ин-
дустриальной экономике, который, однако, опосредуется миро-
вым рынком.

Таблица 19

Показатели экономического роста Великобритании *,
среднегодовые данные,
%

Период	ВВП	ВВП на душу на- селе- ния	Заня- тость	Капита- ловложе- ния	Произво- дитель- ность факторов производ- ства	
I {	1700—1760	0,7	0,3	0,4	0,7	0,2
	1760—1780	0,7	0,0	0,7	0,8	0,1
	1780—1801	1,3	0,4	1,0	1,2	0,4
	1801—1831	2,0	0,5	1,4	1,5	0,7
II {	1761—1800	1,1	0,3	0,8	1,0	0,2
	1801—1830	2,7	1,3	1,4	1,4	1,3
	1831—1860	2,5	1,1	1,4	2,0	0,8

* [218, с. 5].

Примечание. I — расчетные данные Н. Крафта,
II — расчетные данные К. Фейнштейна.

номистов-историков, но и квалифицированных специалистов, занимающихся проблематикой «третьего мира» или международных экономических отношений. Вопросы, возникающие в ходе разработки и реализации стратегий индустриализации в ряде освободившихся стран, актуализируют академические споры.

Однако подобная привязка промышленной революции к современности присуща только наиболее прагматически мыслящим ученым. Идеологические интерпретации несравненно шире и острее. Глубокие расхождения во взглядах на промышленный переворот в Великобритании, не изжитые несмотря на длительную дискуссию, свидетельствуют об отсутствии у ученых единой, признанной парадигмы, т. е. модели постановки проблем исследования. Альтернативные мнения по наиболее общим вопросам научной теории являются показателем существования конкурирующих школ, каждая из которых ставит под сомнение исходные предпосылки другой. Ситуация конфликта между парадигмами описана в известной книге Т. Куна «Структура научных революций» [82].

Однако если для естественных наук короткий период конкуренции парадигм — результат новых открытий, приводящих к научной революции и замене старой парадигмы новой, то для общественных наук конкуренция парадигм перманентна. Несомненно, этим можно объяснить, что введение в научный оборот новых статистических данных, характеризующих динамику ВВП, валовых внутренних инвестиций, роста населения, многочисленных расчетов внешней торговли, торговых и платежных балансов, экспортной и импортной квот, не только не привело к сближению позиций различных школ, но даже усугубило состояние перманентного конфликта парадигм. И дело, конечно, не в неизбежной до начала XIX в. фрагментарности статистической базы исследований.

Дискуссию по проблеме взаимозависимости промышленной революции в Великобритании и мирового рынка, несмотря на все многообразие ее постановки, можно свести к двум основным моделям. В рамках первого подхода промышленный переворот рассматривается как результат взаимодействия эндогенных национальных факторов, впоследствии копируемый в разных вариациях странами-имитаторами, а экзогенные факторы либо априори исключаются из исследования, либо анализируются в качестве вторичных. В рамках второго подхода промышленная революция в Великобритании изначально «вписывается» в международный контекст и не мыслится вне военно-политических и хозяйственных структур мирового рынка.

Большинство «новых» экономистов-историков, не отрицая самого понятия «промышленный переворот», подвергают резкой критике (причем основанной на солидных статистических расчетах) революционизирующее значение мирового рынка в данном процессе. Однако с их позицией, приобретшей в последние годы на Западе характерные черты господствующей парадигмы,

«... не только леворадикалы-миросистемники, но и не-
которые консервативные ученые.

Не подвергая сомнению достоверность самих расчетов «но-
вых» экономистов-историков, представляется, что консерваторы
и леворадикалы не могут преодолеть устоявшихся стереотипов
в отношении движущих факторов промышленной революции
в Великобритании. Если аргументация радикалов типа Э. Вал-
лерианина носит в основном политизированный характер и рас-
считана на безусловный успех в «третьем мире», то «новые»
экономисты-историки минимизируют роль мирового рынка, и
особенно его колониальной периферии, подчеркивая «эндоген-
ный» характер промышленной революции. Разорвать этот пороч-
ный круг попытался английский ученый К. Ли. Он полагает,
что статистические данные об экспортно-импортных операциях Ве-
ликобритании подтверждают второстепенную роль колониаль-
ной торговли в обеспечении спроса. Однако К. Ли подчеркивает
важность этих мирохозяйственных связей, т. е. их структурный
компонент. Вполне понятно, что именно структура импорта и
экспорта имела решающее значение для успешного протекания
промышленной революции. В то же время он обрушивается на
своих коллег за использование устаревшей, на его взгляд, кон-
цепции промышленного переворота как такового. Ссылаясь на
данные клиометристов за XVIII в., он подчеркивает, что темпы
роста ВВП (1—2% в среднегодовом исчислении), накоплений
и т. п. не позволяют говорить о качественном скачке (табл. 19).
Промышленной революции не было, а наблюдался, считает Ли,
постепенный, растянувшийся на многие столетия переход к ин-
дустриальной экономике, который, однако, опосредуется миро-
вым рынком.

Таблица 19

Показатели экономического роста Великобритании *,
среднегодовые данные,
%

Период	ВВП	ВВП на душу населе- ния	Заня- тость	Копита- лоложе- ния	Произви- датель- ность фактор ^{ов} производ- ства
I	1700—1760	0,7	0,3	0,4	0,2
	1760—1780	0,7	0,0	0,7	0,1
	1780—1801	1,3	0,4	1,0	0,4
	1801—1831	2,0	0,5	1,4	0,7
II	1761—1800	1,1	0,3	0,8	0,2
	1801—1830	2,7	1,3	1,4	1,3
	1831—1860	2,5	1,1	1,4	0,8

* [218, с. 5].

Примечание. I — расчетные данные Н. Крафта,
II — расчетные данные К. Фейнштейна.

В данном случае К. Ли повторяет ошибки своих же коллег, но уже применительно к другому объекту. Не так важен темп роста, как те структурные сдвиги в экономике, которые он приносит с собой. Для подтверждения этой мысли достаточно обратиться к современным событиям. Ведь НТР — третья промышленная революция на протяжении последних 15—20 лет — привела к качественным сдвигам в структуре мировой экономики, хотя абсолютные темпы роста были ниже, чем в 50—60-е годы. В ведущих капиталистических государствах темпы роста в «кризисные» 70-е годы не превышали 2—3%, а прогнозы Римского клуба и других подобных международных организаций поспешили объявить о «закате» индустриальной цивилизации.

Характерно, что представители названных конкурирующих парадигм находят подтверждение своим посылам в творческом наследии Маркса. В особенности это относится к леворадикальным критикам капитализма и неокOLONиальной эксплуатации. В советской литературе предпочтение отдается первому подходу, так как признание главенствующей роли внешних факторов в промышленном перевороте неизбежно поставило бы под удар постулат о примате производства над распределением, обменом и потреблением, а также «первичности» национальных и «вторичности» международных экономических отношений. Однако анализ реальных исторических фактов не оставляет сомнения в том, что капиталистический мировой рынок складывался до промышленной революции и является необходимой внешней средой для ее успешного развертывания. В работах К. Маркса и Ф. Энгельса, их переписке есть немало мест, которые аналогичным образом характеризуют историко-экономическую ретроспективу. Однако при переходе к абстрактно-теоретическим исследованиям сущности капиталистического способа производства и доказательствам его неизбежного краха К. Маркс рассматривал в наиболее общей форме отношения современного ему капитализма, исключив из анализа второстепенные при такой постановке проблемы объекты. Отсюда различные прочтения и интерпретации его теоретического наследия.

Сама по себе торговая и колониальная экспансия европейских держав не могла гарантировать их ускоренное технико-экономическое развитие, тем более стать основой промышленного переворота в Великобритании, как это подчас изображают леворадикалы. Многочисленные исторические примеры расцвета и деградации имперских образований хорошо иллюстрируют данный факт. Формирование мирового рынка и колониальной системы было следствием превосходства западноевропейских держав в военно-технической и экономической области — превосходства, которое обеспечивалось эндогенными социально-политическими факторами трансформации общественных структур со времен средневековья.

Основные предпосылки промышленной революции в Велико-

Британии сложились к концу XVII в., после победы буржуазных революций, устранивших препятствия для капиталистического развития, однако реализовать их вне структур мирового рынка было невозможно, поскольку «капиталистическое производство поконится на стоимости или на развитии содержащегося в продукте труда как труда общественного. Но это [возможно] лишь на основе внешней торговли и мирового рынка. Таким образом, внешняя торговля и мировой рынок являются как предпосылкой, так и результатом капиталистического производства» [9, с. 262].

В эволюции структур мирового рынка целесообразно выделить несколько этапов. Его «первичная» конфигурация складывается в результате проведения политики меркантилизма, борьбы европейских держав за торговое и колониальное преобладание к середине XVIII в. Промышленная революция, которая в значительной степени была следствием доминирующего положения Великобритании в «первичной» структуре мирового рынка, обеспечивает континуитет ее преобладания в мирохозяйственных связях «вторичной» структуры, центрированной вокруг английской фабричной промышленности, изменившей характер международной специализации многих стран и регионов. Особенно это относится к азиатской периферии. «Создается новое, соответствующее расположению главных центров машинного производства международное разделение труда, превращающее одну часть земного шара в область преимущественно земледельческого производства для другой части земного шара как области преимущественно промышленного производства» [7, с. 462]. Однако Pax Britannica не был долговечным. Внешнеэкономические связи, сложившиеся в ходе промышленной революции, обеспечивали не только преобладание Великобритании на мировом рынке XIX в., но и диффузию новой техники и технологии в мировом экономическом пространстве. «Благодаря применению машин и пара разделение труда приняло такие размеры, что крупная промышленность, оторванная от национальной почвы, зависит уже исключительно от мирового рынка, от международного обмена и международного разделения труда» [2 с. 157]. Там, где социально-политическая среда была наиболее благоприятна для заимствований, стала бурно развиваться национальная промышленность, не только копируя, но и привнося собственные технические и организационные новшества. В Северной Америке, как известно, этот процесс протекал практически параллельно с событиями в Великобритании.

В письме к Энгельсу от 8 октября 1858 г. Маркс, характеризуя бурный рост мировой торговли, связанный с промышленным переворотом, отмечал: «Нельзя отрицать, что буржуазное общество вторично переживает свой шестнадцатый век, такой шестнадцатый век, который, я надеюсь, так же сведет его в могилу, как первый вызвал его к жизни. Действительная задача буржуазного общества состоит в создании мирового рынка,

по крайней мере в его общих чертах, и производства, покоящегося на базе этого рынка. Поскольку земля кругла, то, по-видимому, с колонизацией Калифорнии и Австралии и открытием дверей Китая и Японии процесс этот завершен» [12, с. 295].

Формирование мультицентрической структуры мирового рынка к концу XIX в. отражало реальный экономический и военный потенциал новых полюсов силы, начало борьбы за экономический и территориальный передел мира. «Третичная» структура мирового рынка характеризовалась ростом политической нестабильности и протекционизма, несмотря на углубление международной специализации и кооперации, массивный экспорт капитала, формирование устойчивых производственных связей в рамках мирового капиталистического хозяйства.

Первая мировая война и Октябрьская социалистическая революция в России открыли следующий, «четвертый» этап эволюции мировых структур, продолжавшийся до конца второй мировой войны. Отпадение от капиталистической системы Советской России, дезинтеграция мирового рынка и экономики в период между мировыми войнами, распространение тоталитарных фашистских режимов поставили на грань катастрофы политические, социальные и хозяйственные институты свободной рыночной экономики, западной цивилизации в целом.

К началу 50-х годов XX в. вырисовывалась картина определенной стабилизации мирового капиталистического хозяйства. Экономический подъем в США, Западной Европе и Японии, связанный с развертыванием НТР, опосредуется восстановлением на новой основе финансовых, торговых, военно-политических структур мирового капиталистического рынка и хозяйства, несмотря на сужение сферы его господства.

Специфику «пятого» этапа эволюции мировых структур во многом определяло укрепление военно-политических позиций мировой системы социализма, завершение политической деколонизации и борьба народов Азии, Африки и Латинской Америки за экономическую самостоятельность. Однако послевоенное развитие, и особенно события последних 10—15 лет, свидетельствует, что говорить об автоматическом отступлении мирового капитализма означает противоречить реальным фактам. Неоконсервативное возрождение на Западе отражает не только смену вех в политическом и военно-стратегическом мышлении правящих кругов развитых капиталистических государств, но и изменения, связанные со структурной перестройкой мирового капиталистического хозяйства на базе нового витка НТР в 70—80-е годы, которая означает, по существу, новый, «шестой» этап эволюции мировых структур.

Широкое применение в экономике нашли достижения микроэлектроники, робототехники, информатики, мощный толчок получило ресурсосбережение и производство новых материалов, не за горами экономический эффект от крупномасштабного использования биотехнологии. Пионером во всех этих областях

стал загнивающий капитализм, точнее, его предпринимательский класс, а не поборники высоких темпов роста по валу, осуществляемых под зорким оком планирующих органов, которые озабочены скорейшим достижением социальной справедливости во всех уголках земного шара. Опережающие; по сравнению с социалистическими странами, темпы технического прогресса, успешное политическое и экономическое контраступление в «третьем мире» с особой остротой ставят вопросы о взаимосвязи политических, социальных и организационных сторон экономического роста, сравнительных преимуществах рыночного и планового механизмов стимулирования НТР и хозяйственной адаптации ее достижений.

Локальные зоны возрастания информации, человеческих знаний, а значит, и ее коррелята — негэнтропии, о которых писал основатель кибернетики Н. Винер, постепенно расширяются в нашем мире, однако отнюдь не такими быстрыми темпами, как бы этого хотелось. Жесткие бюрократические социально-политические структуры, закрытые общества продолжают тормозить данный процесс, а значит, и возможность достижения общечеловеческих целей наиболее рациональными и наименее дорогостоящими средствами.

При сопоставлении развития Запада и Востока с неизбежностью возникает вопрос не только о причинах технического отставания последнего, но и о факторах, блокировавших становление современных форм научного знания в азиатских культурно-цивилизационных центрах. При этом необходимо выяснить, чем наука отличается от религиозных и философских представлений об окружающем мире и месте человека в нем или как наука «встроена» в сакральные и идеологические доктрины, наконец, какой характер имеют отношения и обратные связи в системе техника — наука — экономика — социально-политические структуры?

Взаимосвязь развития науки и техники не была однозначной. Например, античное техническое развитие никогда не пошло так далеко, как позволяли накопленные знания. Ряд научных открытий не нашел применения и развития в технических устройствах. Знакомство греков с принципом паровой турбины, с ветряной мельницей не привело к реализации этих знаний в механизмах, пригодных для использования в хозяйственной деятельности.

Однако даже то, что не требовало научных знаний и могло быть осуществлено простыми ремесленниками — подковка лошадей, совершенствование упряжи, — не было изобретено до эпохи раннего средневековья. Средневековое техническое развитие (применение новшеств в сельском хозяйстве и ремесле) начинается с чистой эмпирики, с усовершенствований, вводимых людьми, которые непосредственно участвовали в производстве. Научное же исследование появляется на довольно позднем этапе этого пути и долго отстает от более динамичной технологии. Такой разрыв в развитии теоретических знаний и технических навыков можно объяснить в первую очередь разницей в общественном статусе людей, занятых в трудовом процессе и соответственно их различной заинтересованностью в усовершенствовании орудий труда и своей продукции. Например, подковка лошадей потребовала длительного экспериментирования методом проб и ошибок и была, несомненно, творческим процессом. Такая же ситуация наблюдалась и для многих нововведений времен промышленной революции. Таким образом, «моторную» роль науки вплоть до середины XIX в. не следует переоценивать.

Безусловно, возникновение элементов научного, в нашем по-

нимании точного, рационального, знания было связано с хозяйственными (строительство, ирригация) и религиозными (отправление култов и календарь требовали астрономических познаний) нуждами древних цивилизаций. Говорить о науке как о самостоятельной форме общественного сознания до XVI—XVII вв., на наш взгляд, приходится с известной долей условности, так как наука являлась частью более широких религиозных или философских концепций. По мнению русского ученого В. И. Вернадского, научная революция произошла в Европе в XVII в. «В силу ряда факторов научная революция XVII в., — отмечает советский исследователь И. Гайденок, — превращается сегодня в проблему общеполитическую и культурологическую» [56, с. 5; 114].

Характерной чертой нового типа науки стало объединение общей теории и эксперимента, разработка концепций на основе тщательного анализа эмпирического опыта, а не религиозных или идеологических установок. Галилей был первым ученым в современном смысле этого термина, широко использовавшим в своих изысканиях сконструированные им телескоп, микроскоп и другие приборы. Религиозный компонент исчез из современной науки, однако это не означает, что тип религии не повлиял на эволюцию и становление научных знаний. Такая постановка исследовательской задачи требует ее решения в более широком историко-культурном аспекте.

Развитие науки как особой формы общественного сознания, отличное от религии и идеологии, стало возможно в Западной Европе благодаря дифференцированному характеру ее социально-политических структур, феодальному сепаратизму, национальной конкуренции, религиозному расколу, наконец, рациональной методике жизни, которая, по мнению М. Вебера, происходила из особенностей протестантизма. Протестантизм, отмечал немецкий ученый, покончил с магией, с внемирскими поисками пути к спасению и с мистическим созерцательным озарением как его высшей формой; лишь он дал религиозную мотивацию именно в сфере мирского «призвания», причем в полной противоположности строго традиционалистской концепции профессии в индуизме. Практические импульсы к действию, создаваемые европейской религиозной традицией, стимулировали технический прогресс как средство «управления» окружающей средой, научный интерес к материальному миру, попытки объяснения физического и экономического космоса.

В то же время характер применяемой техники во многом, как справедливо отмечал Л. И. Рейснер, определяется факторами окружающей среды (см. [116, с. 233]). Но техника это не «вторая природа», а средство создания искусственной среды, т. е. экономики. Следовательно, «второй природой» для человеческого общества является экономика.

Когда Ф. Бэкон характеризовал историческое значение таких нововведений, как книгопечатание, применение пороха, и

магнитного компаса, его китайские современники, вероятно, были бы удивлены, что они или, вернее, их предки имеют непосредственное отношение к этим революционизировавшим европейское развитие изобретениям. Как образно отмечал К. Маркс, «порох, компас, книгопечатание — три великих изобретения, предваряющие буржуазное общество. Порох взрывает на воздух рыцарство, компас открывает мировой рынок и основывает колонии, а книгопечатание становится орудием протестантизма и вообще средством возрождения науки, самым мощным рычагом для создания необходимых предпосылок духовного развития» [14, с. 48]. С другой стороны, в Китае не сомневались в превосходстве цивилизации Срединной империи.

В XX в. другой англичанин, Д. Нидхам, пришел к заключению, что и сотни иных технических новинок, включая механические часы, плавку железа, стремена для лошадей и технологии их подковки, появились впервые в Китае [232, с. 154]. Обладая столь многими техническими преимуществами, Китай тем не менее не стал колыбелью современной науки и технологии. Для Нидхама эта проблема остается центральной в истории мировой культуры и цивилизации, хотя исследования английского ученого являются лучшим подтверждением инерционности социально-экономической и политической подсистем китайского общества, неспособного адаптировать собственные нововведения в качестве основы нарастающего технического прогресса.

Д. Нидхам критически относится к характеристикам китайской системы как инерционной, статичной или неизменной. Он предпочитает термины «гомеостатическое», «кибернетическое», или, другими словами, саморегулирующееся общество. Однако если противоречие между стабильностью, т. е. саморегулированием системы, и ее способностью к модификации только кажущееся, то стабильность и статичность — несовпадающие категории. Сложная социальная организация может существовать применяющихся условиях и сохранять свою идентичность, только приспособившись создавать новые структуры, нацеленные на адаптацию.

Стабильность системы определяется в первую очередь наличием в ней многочисленных обратных связей, которые позволяют в определенных пределах реагировать на нарушение условий внутреннего и внешнего равновесия. Представляется, что классификацию общественных систем возможно строить, исходя из характера и количества имеющейся в системе информации и обратных связей. Например, государственные образования древности, в том числе Китая, следует отнести скорее к статичным, чем к стабильным системам. Они могли реагировать на военную угрозу извне, но их способность к пониманию и обработке информации, противоречащей традиционным представлениям, и к внутренним целенаправленным изменениям на ее основе была чрезвычайно ограниченной.

Китайский физик и историк науки Уен-хуан-кин рассматривает исторические особенности эволюции своей страны через призму дихотомического сочетания «нестабильности в протяженности». Он отмечает, что со стороны развитие Китая представлялось стабильным и спокойным. Однако ни одна страна не пережила такого количества крестьянских восстаний, гражданских войн и иноземных нашествий. Несмотря на это, китайская цивилизация сохраняла свои абсорбционные возможности вплоть до середины XIX в. «Нестабильность в протяженности» поддерживалась дихотомией эффективного идеологического контроля и политической и экономической слабости, интегрированностью в области культуры и военной уязвимостью, интеллектуальными традициями и недостатками изобретательности, высокими культурными достижениями в определенных областях и отсутствием всеобъемлющего культурного прогресса и т. д. [268, с. 90—91].

Возникновение современной науки возможно, по мнению китайского ученого, в условиях общей тенденции к модернизации, которая определяется техническим прогрессом в экономике и демократизацией в политической сфере. Выявляя факторы, блокировавшие научное развитие в Китае, он выстраивает ряд логических конструкций. Наиболее распространенным является мнение, что в Китае не было науки, так как в соответствии с национальной системой ценностей он в ней не нуждался. Китайцы отдавали свою духовную энергию соблюдению конфуцианской этики и морали, а не концентрировали свои интересы на преобразовании материального мира. Сам Уен-хуан-кин полагает, что консервация китайской науки на донаучном уровне определялась комбинацией автократического правления и жесткого идеологического контроля, официально дискредитировавших инновационную практику и рациональные исследования в естественнонаучной области [268, с. 103]. Формальная математическая логика и эксперимент так и не получили распространения в Китае. Идеалом общества для конфуцианской идеологии осталась простая структура из крестьянства и бюрократии. В Европе в условиях борьбы светской и духовной власти, Реформации и Ренессанса, напротив, складывался чрезвычайно благоприятный идеологический и социально-политический климат для политического, технического, научного и экономического новаторства.

Социально-экономические условия в Европе претерпели грандиозные изменения за те два с половиной столетия, что прошли со времени Великих географических открытий до промышленной революции. Тем сложнее хронологически достоверно определить последовательность и взаимосвязь научных и технических открытий, экономических изменений и исторических событий. Возникновение современной науки, однозначно датируемое XVII столетием, было подготовлено долговременным процессом технического прогресса и реализацией его достижений в эконо-

мике Западной Европы, хотя столь однозначно установить временные рамки интеграции научного и технического развития представляется затруднительным. На этот счет существуют различные точки зрения, содержащие разброс мнений в пределах двухсот лет — с XVII по XIX в.

Датировка XVII столетием, которая, в частности, восходит к работам В. И. Вернадского, выглядит, на наш взгляд, весьма спорной. Дело здесь, вероятно, в том, что сама наука в тот период, и это констатирует Вернадский, была весьма неоднородной [51, с. 224—226], как соответственно и ее взаимосвязи с техническим новаторством. Математика, физика, астрономия составляли методологическую базу механистических философских концепций, в то время как описательное естествознание (химия, геология, минералогия, экспериментальная физика и др.) имело большую практическую направленность.

Н. Винер, сравнивая промышленную революцию XVIII в. с современной НТР, в которой он принимал самое непосредственное участие, отмечал, что первыми отраслями техники, на развитии которых сказались научные методы, выработанные Ньютоном и Гюйгенсом, были навигация и изготовление часовых механизмов. Несмотря на развитие мореплавания, за два с лишним столетия, прошедших со времени путешествий Колумба, навигация до начала XVIII в. не продвинулась существенно в методах определения долготы. Определение широты с античных времен производилось сравнительно простыми методами по положению Полярной Звезды [52, с. 142, 143].

От правильного определения долготы зависели как безопасность плавания торговых флотилий европейских держав, пересекавших Атлантический и Индийский океаны, так и нередко исход военных столкновений в морских войнах между соперниками за гегемонию на океанских путях и в колониях. Известно, что французские эскадры чаще своих соперников допускали ошибки в кораблевождении и запаздывали с прибытием в колонии в критические моменты борьбы. Проблему точного определения долготы в условиях того времени можно было решить только сравнением местного времени (т. е. наблюдаемого на корабле по Солнцу) со стандартным временем страны, откуда отплыл корабль. Выход был найден в начале XVIII в. двумя совершенно различными методами. Один расчет долготы стал основываться на использовании разработанных к этому времени точных корабельных хронометров, способных в течение всего плавания показывать время без отклонений, превышающих несколько секунд. Другой расчет опирался на создание точных математических таблиц, определявших движение Луны и позволявших мореходу сопоставлять время двумя независимыми способами — по Луне и по Солнцу [52, с. 144].

Часовые мастера, создававшие хронометры, использовали математические формулы Ньютона для конструирования маятников и балансиров. Для наблюдений за Луной потребовались

усовершенствованные секстанты и телескопы, основанные на достигнутых к этому времени знаниях оптики и астрономии. Ремесленники, занимавшиеся разработкой этих приборов, по мнению Винера, составили авангард изобретателей периода промышленной революции. Профессиям часовщика и оптика требовались теперь для производства соответствующих приборов инструменты — токарные станки и делительные устройства, предназначенные для гораздо более точной работы, чем механические устройства, известные в предшествующий период. Эти устройства стали предшественниками машин, с помощью которых можно было создавать другие машины, от них идет линия развития к крупным станкам сегодняшнего дня (см. [52, с. 144]). Поэтому новые изобретения в XVIII в. либо делали часовые мастера и изготовители научных приборов, либо их приходилось привлекать в качестве консультантов и помощников. Уатт первоначально был мастером по изготовлению научных приборов, и это сказалось на его подходе к достижению необходимой точности изготовления поршней и цилиндров паровых машин.

Н. Винер считает развитие навигации и создание необходимых для нее приборов первыми ростками промышленной революции, которая, по его мнению, начинается с изобретения паровой машины и ее разнообразного применения. Сдвиг в области текстильного машиностроения он полагает менее важным явлением [52, с. 145—146]. Соединение ткацких машин с новым источником энергии создало текстильные фабрики, послужившие моделью механизации всей промышленности. Облик такой фабрики с приводными ремнями, валами и блоками сохранялся неизменным почти сто лет, пока не началось широкое внедрение электромоторов. Соответственно изобретения, усовершенствование линии механических передач и станков делали слесари-монтеры и другие специалисты по механике. Соединение таких машин представляло серьезные трудности и не могло быть выражено простой математической формулой, требовало упорной эмпирической работы методом проб и ошибок. Только в XX в. изобретатели систем передач были вытеснены вычислителями электрических цепей. В другой работе Н. Винер замечает, что «инженерами» древности являлись землемеры, астрономы и мореплаватели. В XVII и XVIII вв. инженерами были часовщики и шлифовальщики линз. Античные инструменты, как и часы XVIII в., воспроизводили движение небесных светил, были карманным планетарием и служили требованиям мореплавания. Винер называл их техникой коммерсантов. Паровая машина служила уже нуждам фабрикантов.

Основной областью техники было и остается исследование первичных двигателей. Физика Ньютона была дополнена теорией сохранения энергии (Румфорд, Карно, Джоуль), развивалась термодинамика. Эти исследования способствовали усовершенствованию паровой машины, созданной до них. XIX век

стал веком паровой машины, как XVIII век являлся веком часов, а наше время — веком информации и управления.

Изобретение универсального парового двигателя Уаттом (1781 г.) имело свою предысторию — насосы Сэвери (1698 г.) и Ньюкомена (1705 г.) (подробнее см. [92, с. 263—287]). Машина Уатта не сразу заменила другие источники энергии. Совокупная мощность водяных мельниц, используемых в промышленности, превосходила еще до конца XVIII в. энергию пара. Однако именно введение парового двигателя стимулировало становление современных индустриальных структур. Распространение паровой машины хорошо иллюстрирует взаимосвязь технических нововведений с экономическими и социальными сдвигами, так же как технологическую взаимозависимость различных отраслей промышленности. Изобретение Уатта появилось в период бурного развития угледобывающей и металлургической промышленности, когда было освоено производство металлических поршней и цилиндров, пригодных для его машины. В этот же период ощущалась необходимость замены гидравлических двигателей, которые буквально привязывали фабрики к источникам водной энергии.

К середине XIX в. промышленная революция вступила в новую фазу, охватив многочисленные старые отрасли промышленности, транспорт, сельское хозяйство и вызвав появление новых. Применение специализированного оборудования позволило перейти к выпуску массовой стандартизированной продукции для нужд национального и мирового рынка.

Важной чертой нового этапа промышленной революции было установление более тесных взаимосвязей между фундаментальной наукой и развитием технологии. Характер этой взаимосвязи остается дискуссионным, особенно для первого периода индустриальной революции [214, с. 48—50]. Большинство ранних технических нововведений было разработано экспериментальным путем изобретателями-самоучками, но растущий спрос со стороны промышленности привел к появлению новой профессиональной группы — инженеров. Первоначально словом «инженер» называли людей, которые занимались военной фортификацией. Гражданские инженеры появляются не ранее XVIII в., а их профессиональная специализация обозначается только во второй половине XIX в.

Первой исторической личностью, чья жизнь, образование и профессиональная деятельность может служить наглядным подтверждением интеграции научных знаний и инженерного эксперимента, был Д. Уатт. Хотя и здесь имеются различные точки зрения. Так, Д. Бернал отрицает значимость контактов Д. Уатта и известного шотландского ученого Д. Блэка в процессе разработки технологии универсальных паровых двигателей. М. Керкер подчеркивает, что взаимосвязь науки и технологии при изобретении паровой машины не была однозначной, хотя отдает приоритет накоплению научных знаний как решающе-

му фактору крупных технических открытий [158; 212, с. 381—390].

В истории науки осталось множество выдающихся имен английских ученых и математиков, среди которых — Дж. Пристли (1733—1804), Г. Кавендиш (1731—1810), Д. Блэк (1728—1799), У. Гершель (1738—1822), Дж. Дальтон (1766—1844), Г. Дэви (1778—1829) и М. Фарадей (1791—1867). Но Великобритания отнюдь не обладала монополией на научные открытия. Вклад французов, немцев, американцев в развитие естественных наук в 1760—1850 гг. был не менее значительным. Во всяком случае, различиями в уровне английской и континентальной науки нельзя объяснить британское техническое и экономическое лидерство.

Влияние «чистой» науки на технологический прогресс в период промышленной революции характеризует перечень 50 наиболее крупных нововведений в период 1760—1830 гг., подавляющее большинство которых не имело прямого отношения к научным изысканиям (см. [187, с. 11]). В то же время заслуживают внимания общая прагматическая ориентация английской науки, регулярные контакты между учеными, инженерами и предпринимателями, примером которых может служить знаменитое Бирмингемское общество.

Отличия английской науки от континентальной восходят еще к традициям, заложенным Ф. Бэконом и Р. Декартом. Использование методологии Декарта определило более формальный и абстрактный характер французской науки, имевшей конкретные связи только с военным делом. Ф. Бэкон и его наиболее известные последователи Р. Бойл и Р. Хук подчеркивали практическое значение «естественной философии» для развития общества в целом. Таким образом, косвенное влияние науки на становление инженерного дела, требовавшего навыков проведения экспериментов, точных расчетов и т. п., несомненно. Однако, как отмечает Д. Кардвелл, не меньшее значение имела многовековая традиция производства часов и точных инструментов, воспитавшая многих изобретателей [162, с. 16].

Существуют также различные точки зрения на общий уровень образования как фактора, способствовавшего техническому прогрессу. Однако большинство исследователей сходится на том, что опережающее развитие Великобритании по сравнению с Нидерландами, Францией или Швецией являлось в этой области незначительным и не могло оказать существенного влияния на технологические сдвиги (см. [171]).

Более существенным для понимания механизма промышленного переворота представляется то, что английская экономика успешно адаптировала не только изобретения собственных новаторов, но и не менее важные технические открытия, сделанные на континенте. Среди них промышленный способ получения соды (1787 г.), изобретенный бельгийцем Н. Лебланом, технология белины хлором (1785 г.), предложенная францу-

зом К. Бертолле; получение светильного газа с помощью сухой перегонки древесины (1799 г.), открытое Ф. Лебоном и др. В то же время экспорт британской технологии на континент был ограничен, но не так жестко, как обычно принято считать. Последние исследования показали, что запретительная политика была малоэффективной (см. [209, с. 1—34]). Англичане не обладали монополией ни в области научных знаний, ни в «ноу-хау». Технический прогресс на континенте тормозился менее благоприятной экономической и социально-политической средой.

Возникновение мирового рынка способствовало не только обмену товарами и формированию международного разделения труда, но и (после промышленной революции в Великобритании) новой по масштабу и содержанию торговле технологией, «ноу-хау», обмену научными идеями и открытиями. Распространение новой техники и технологии на промышленность, транспорт, сельское хозяйство в наиболее развитых странах обусловило самоподдерживающийся прогресс благодаря обратным связям в системе «техника — рынок», не встречая более институциональных ограничений социально-политического характера.

Более того, нарастала вторая и третья волна индустриализации, в рамках которых бюрократия вынуждена была не тормозить, а подстегивать модернизацию «сверху», а значит, направлять ее в выборочных сферах, с тем чтобы поддерживать свое положение в военно-политических структурах мирового рынка. Страны «второго эшелона» — Германия, Италия, Россия, Япония — постепенно втягивались в процессы индустриализации и модернизации, копируя и приспособляя к своим условиям прежде всего техническую сторону новой цивилизации и частично ее социально-политические структуры, которые обеспечили на северо-западе Европы и в США развертывание и усложнение капиталистических форм ведения хозяйства.

Мировой рынок, под которым в данном случае понимается «синтез» социально-культурных, технических и торговых достижений всех крупных цивилизаций, вызвал на одном полюсе мира грандиозный подъем техники и экономики, а на другом — не менее грандиозный «демографический взрыв», который под воздействием «демонстрационного эффекта» привел к болезненным деформациям данного процесса в «третьем мире».

Таким образом, становление мирового рынка стимулировало не только технический прогресс в Западной Европе, но и стремительный рост населения в Азии за счет распространения новых сельскохозяйственных культур и, возможно, изменения «климатических ритмов», как полагает Ф. Бродель. Впоследствии эта тенденция поддерживалась диффузией достижений промышленной революции на Востоке и распространением европейской медицины. Запад накапливает технологический потенциал, Восток — избыточное население, часть которого уже не может существовать вне структур мировой системы.

Новозеландский ученый Р. Матра придерживается мнения,

что рост населения в Великобритании со второй половины XVIII в. явился решающим фактором промышленной революции. Давление увеличивавшегося населения вызвало аграрную революцию, а затем и бурный рост промышленного производства. Матра анализирует факторы, которые могли послужить катализатором «демографического взрыва» (улучшение санитарно-гигиенических условий и медицинского обслуживания, вакцинация против оспы, сокращение количества и степени распространения эпидемий и т. п.), и приходит к выводу, что именно эти преимущества вызвали рост народонаселения в Великобритании ранее, чем в западноевропейских странах [224, с. 70—71].

Анализ демографической ситуации индустриализирующейся Европы необходим, по мнению Р. Матра, для уяснения взаимоотношения между развитием техники и увеличением населения в «третьем мире». Актуальность и сложность данной проблемы не вызывает сомнения. Однако если последовательно придерживаться концепции Матра, то промышленный переворот должен был произойти в Китае, Индии или России, где в первой половине XVIII в. также произошел скачок в численности населения.

Взаимосвязь роста населения с техническими и экономическими сдвигами — одна из наиболее сложных и неоднозначных проблем. Экономическая подсистема общества представляет собой искусственную среду обитания, которую человечество создало в целях адаптации к внешней ресурсно-экологической среде. Технологический прогресс — результат нарушения равновесия между обществом и естественной средой и средство компенсировать такие нарушения и адаптировать общество к меняющимся условиям существования. Однако целенаправленное, а тем более самоподдерживающееся техническое развитие — явление достаточно новое и связанное со становлением капитализма. В докапиталистическом обществе нарушение баланса между количеством населения и хозяйственным потенциалом вызывало не технические и организационные нововведения, а массовые голодовки, восстания, эпидемии, обострение борьбы между различными социальными группами и в конечном счете сокращение численности населения, которое сопровождалось политической и экономической стабилизацией.

Возникает вопрос, является ли население и его рост внешним или внутренним фактором динамики общественной системы. На некоторые «вечные» вопросы, в том числе связанные с трактовкой историко-экономических проблем, помогают ответить реалии дня сегодняшнего. «Демографический взрыв» в отсталых регионах мира выпукло высветил, что рождаемость — это внешний по отношению к экономике биологический фактор, который может, как в нашем примере, быть активизирован извне за счет медицинских достижений других стран. В то же время выживаемость населения зависит от адаптационных возможностей хозяйства. Неизбежно часть населения в таких условиях стано-

вйтсь избыточной, неинтегрированной в экономическую подсистему, и в этом смысле она лишняя.

Само по себе давление населения на ограниченные ресурсы отнюдь не является гарантом технико-экономических изменений. Это лучше всего иллюстрирует экономическая и политическая история Китая (см. [98, с. 11—44]) в отличие от России, имевшей в XVIII столетии широкие возможности экстенсивной колонизации. Кроме того, «демографический бум» в «третьем мире» начался не вчера (табл. 20).

Таблица 20

Оценки населения мира *,
млн. человек

Год	Автор	Мир	Европа	Азия	Африка	Америка	Океания
-----	-------	-----	--------	------	--------	---------	---------

1. Оценки XVII—XVIII вв.

1661	Рикколи	1000	100	500	100	200	100
1682	Петти	320					
1685	Воссиус	500	30	300			
1696	Кинг	700	100	340	95	65	100
1696	Николс	960					
1702	Вистон	4000					
1740	Страйк	500	100	250	100	50	
1741	Зюсмильх	950	150	500	150	150	

Год	Мир	Европа, включая Россию	Азия, исключая Россию	Африка	Северная Америка	Океания
-----	-----	------------------------	-----------------------	--------	------------------	---------

2. Оценки современные (минимальные и максимальные)

1650	470—545	103—105	257—327	100	1	2
1750	695—790	144—167	437—498	95—106	1—2	2
1800	905—980	192—208	595—630	90—107	6—7	2
1850	1090—1260	274—285	656—801	95—111	26	2
1900	1570—1650	423—430	857—925	120—141	81—82	6

* [169, с. 242].

В настоящее время, как известно, в результате импорта капитала и технологии в «третьем мире» происходят экономические сдвиги, но современный сектор, созданный в результате этого процесса, вовлекает незначительную часть местных трудовых ресурсов. Конечно, со времени промышленной революции в Великобритании техника и технология качественно усложнились, возросла их стоимость, относительно уменьшились возможности абсорбции трудовых ресурсов и т. д. Но опыт Японии лишний раз подтверждает, что, несмотря на изменение условий индустриализации, а они уже были ко времени японского старта модифицированы, основные ограничители данного процесса находятся в социально-политической сфере.

Возросшая стоимость новых технологий компенсируется еще более возросшей производительностью, сложность обращения с оборудованием для производства массовой продукции также сокращается. В последнее время технология повсеместно рассматривается как весомый фактор роста. Ее тип и характер применения может оказать существенное влияние на социально-экономическое развитие. Собственно, из дискуссий вокруг проблемы нового международного экономического порядка возникла концепция или представление о соответствующей технологии для «третьего мира». Как никогда ранее, от технологических сдвигов и их широкого применения зависит будущее мировой цивилизации, и в первую очередь перенаселенных регионов. Таким образом, проблема выбора технологии приобретает глобальный характер.

В развивающихся странах все шире распространяется мнение, что, не имея собственной научной и технологической базы, они не смогут решить насущные проблемы национального развития. Несколько лет назад на Венской конференции ООН по науке и технологии было отмечено, что непосредственной целью развивающихся стран «должно стать обеспечение национального развития и улучшение условий существования людей в целом» (см. [29]). Генеральный секретарь ЮНЕСКО А. М. Боу в предисловии к книге известного английского ученого Р. Кларка подчеркивал, что «одним из фундаментальных требований нашего времени является доступ развивающихся стран к тем возможностям, которые открывают наука и технология для прогресса и повышения уровня жизни народов» [172].

С середины 60-х годов развивающиеся страны прилагают немалые усилия для создания организационных структур, которые могли бы обеспечить не только повышение общеобразовательного уровня населения, но и проведение научной и технологической политики. Однако, несмотря на некоторые успехи в отдельных государствах, в целом достигнутые результаты оставляют желать лучшего. В 1963—1973 гг. инвестиции развивающихся стран на НИОКР возросли на 50%, а научно-технический персонал составил 12,6% общемирового [227, с. 295]. В 1968—1978 гг. общее число ученых и инженеров возрастало, например, в Азии, на 6% ежегодно. Это, безусловно, характеризует политическую направленность мероприятий правительств освободившихся стран, намеренных расширять эндогенный потенциал развития науки и технологии.

Но пока ученые в «третьем мире» — это, как правило, недостаточно оплачиваемая группа с низким социальным статусом; национальные научные общества продолжают оставаться изолированными от широких международных связей; бюрократические регламентации и процедуры сдерживают исследовательскую работу; соответствующий баланс между фундаментальной и прикладной наукой не достигнут, практически все исследования финансируются из государственных фондов, промышленности

ки и частные инвесторы принимают мало участия в данном процессе (в Индии на них приходится только 14%); обратные связи между НИОКР, экономикой и социально-политической подсистемой общества не достигнуты; взаимосвязи между исследованиями и специфически национальными целями развития конкретных стран также не налажены; импорт иностранной технологии предпочитается, что ставит под сомнение суверенитет при выборе соответствующей технологии; местные научные кадры и технократы играют минимальную роль при выборе импортируемой технологии.

В настоящее время около 90% трансферта технологии осуществляется по каналам ТНК, что обходится развивающимся странам в 50 млрд. долл. ежегодно [172, с. 175]. Одно из исследований ЭКЛА, проведенное в 70-е годы, содержало упрек ТНК в том, что передаваемая технология: 1) излишне капиталоёмка и автоматизирована, в то время как одной из основных проблем региона остается безработица; 2) требует высококвалифицированной рабочей силы, не имеющейся в наличии; 3) основывается на синтетическом сырье при возможности использования местных натуральных материалов; 4) слишком дорога [172, с. 182].

Монополия транснациональных корпораций на передачу современной технологии стала предметом внимания не только освободившихся стран, но и международных организаций. ЮНКТАД, в частности, обвиняет ТНК в ограничении областей использования передаваемой технологии, производственных мощностей и объема выпускаемой продукции; запрещении приобретения конкурирующей технологии и продаж технологии одним национальным партнером другому; продажах ряда технологий в «пакете» и т. д.

Концепция «передачи технологии» стала подвергаться критике и среди западных консервативных ученых, и дело здесь не только в том, что она не передается, а продается, причем нередко по монопольным ценам. А. Долман считает, что любая технология несет на себе экономический, социальный, культурный и экологический отпечаток породившей ее цивилизации. На этом основании, полагает ученый, западная технология, которая требует больших капиталовложений, четкой организации, научных исследований и т. п., не подходит для «третьего мира». Даже экологический код западной технологии, ориентирующий человека на управление окружающей средой, является слишком жестким [186].

Таким образом, нет недостатка в работах, воспевающих «идеальные» качества соответствующей технологии, которая якобы разовьется в освободившихся странах на благо всего человечества. Она будет дешевой, трудоинтенсивной и экологически чистой, относительно легкой в управлении и социально не дезинтегрирующей. Критиковать идеальные проекты — дело весьма неблагодарное. Однако возникает ощущение, что нас опять зо-

вут к «золотому веку», к той прекрасной эпохе, когда Ева не нуждалась в прялке «Дженни», а Адама совсем не волновала проблема трудоустройства. К подобной аргументации прибегал еще один из представителей «неомарксизма» — Г. Маркузе. В 1968 г. он писал, что необходим разрыв «с техническим аппаратом производства, который, по представлениям Маркса, сохранится и в социалистическом обществе» (цит. по [274, 1984, № 5, с. 123]). Но для Маркузе технический прогресс, создающий изобилие материальных благ, это гарантия поддержания социальной стабильности, а значит, основное препятствие на пути к революционным изменениям.

Селективный подход к используемой технологии в процессе разработки конкретных стратегий модернизации может сбалансированно отреагировать на «демографический взрыв» и социальные проблемы развивающихся обществ. Перестройка технической базы должна включать как внедрение специально сконструированных технологий, ориентированных на трудоемкие процессы, реконструкцию старых отраслей, так и применение современных форм техники и технологии научно-технического и индустриального типов и в тех новых секторах хозяйства, где развивающиеся страны обладают наибольшими «сравнительными преимуществами».

В «третьем мире» баланс между потребностями общества и природой (учитывая проблему удовлетворения основных потребностей) в перспективе может быть достигнут за счет совершенствования техники и технологии на фронтальных направлениях развития НТР. Цивилизации со слаборазвитой, медленно прогрессирующей техникой вовсе не гарантированы от нарушения равновесия условий существования с окружающей средой. История античности дает немало примеров того, как уничтожаются леса, истощаются почвы, иссякают водные ресурсы при стабильном или даже уменьшающемся населении. Таким образом, ставка в основном на применение «промежуточной технологии» на периферии вызывает большое сомнение.

Диффузия техники и технологии на периферии происходит путем адаптации мировых научно-технических достижений через иностранный и государственно-капиталистический уклады и частичного смещения в национальный частнокапиталистический и мелкокапиталистический уклады. В аналогичной последовательности разворачивается капиталистическая инфильтрация экономического базиса, распространяются элементы рыночных механизмов регулирования хозяйства, парламентаризм, секуляризация и т. п. Однако этот процесс, как уже отмечалось, не является однолинейным.

Развивающиеся страны находятся еще только в самом начале пути к созданию саморегулирующейся стабильной общественной системы, в силу чего капиталистическая модернизация в «третьем мире» нуждается в постоянном подстегивании со стороны мирового рынка для ослабления перераспределитель-

ной политики государства, которое, являясь гарантом социальных преобразований, зачастую деформирует их. Устранение дистрибутивного вмешательства государства в экономику создает благоприятные условия для роста «низового» капитализма на базе мелкого производства, встроенного в воспроизводственные взаимосвязи многоукладного общества.

Различные варианты «догоняющего» развития имеют особенности по ряду позиций: степени консолидации внутреннего рынка и его совершенности, протекционизма или включенности страны в международное разделение труда, вовлеченности государства в социально-экономические процессы (приоритетные направления хозяйственной деятельности — поощрение национальной предпринимательской активности, привлечение иностранного капитала, создание государственного сектора и т. п.). Наиболее характерной чертой «догоняющего» развития стран-имитаторов является ограниченная роль рынка как механизма распределения ресурсов и доходов и слабость национального частного капитала, компенсируемая различными формами государственного вмешательства.

Распространение различных типов харизматических диктатур (начиная с исламских фундаменталистских и кончая социалистически ориентированными) и бюрократизация уже существующих отражает реальность сегодняшнего экономического и социально-политического состояния значительной части периферии мирового капиталистического хозяйства. Квазимодернизация новоявленных императоров и вождей представляется современному человеку карикатурой на события 30—40-х годов XX в. Однако для пророка из «третьего мира» это верный путь легитимации авторитарного режима, несовместимого с рационально-капиталистической модернизацией.

Эйфория независимости, «демонстрационный эффект» и т. п. привели к ориентировке новых харизматических элит, пришедших на смену остаткам колониальных организационных структур, на политику типа «большого скачка», призванную обеспечить модернизацию в рекордно короткие сроки и любой ценой. Удивительно, что и Запад находил данное положение нормальным. «План Маршалла» для Западной Европы трактовался как адекватная база для экономического курса в отношении освободившихся стран.

Нехватка капитальных ресурсов для финансирования развития является хронической болезнью освободившихся стран. Собственно, в данной проблеме сфокусировалась задача достижения экономической самостоятельности. Помимо обращения к внешним источникам бажным шагом является мобилизация внутренних ресурсов, которая может быть достигнута за счет радикальных аграрных преобразований в сельском хозяйстве и форсирования его развития по капиталистическому пути (фермерские и плантационные хозяйства). Рост производительности в сельскохозяйственном секторе должен гарантировать продо-

вольственные нужды внутреннего рынка (в частности, исключить импорт основных культур, потребляемых в стране), объем которого неизбежно возрастет после аграрной реформы, и обеспечить приток иностранной валюты от экспортоориентированных отраслей.

Основным ограничителем такого рода преобразований, нацеленных на обеспечение тылов модернизации и поступление части капитальных ресурсов, является аграрное перенаселение, устойчивость традиционных социальных и экономических структур, которая воспроизводится хозяйственными, демографическими и политическими условиями отсталого общества. Политически более приемлемым для авторитарных режимов выглядит сохранение элементов традиционных структур, крутая ломка которых чревата непредсказуемыми социальными последствиями, и перекачка через налоговый механизм части ресурсов для финансирования современного сектора. Однако такая модель также может заблокировать капиталистическую модернизацию. Разрастание бюрократического аппарата в ходе рутинизации харизматического режима, гипертрофия экономической и социальной роли государства в модернизирующемся обществе становится препятствием для развития капитализма «сверху» (см. также [86, с. 92—48]).

Опыт Великобритании, и особенно тех стран, которые вступили на путь индустриализации позднее (Германия, Япония), говорит о том, что сильная государственная власть, осуществляющая целенаправленную политику модернизации, необходима. Но степень ее авторитарности и характер вмешательства правительственных органов многих стран «третьего мира» в хозяйственные процессы выходят за рамки рациональности. Для государства целесообразно обеспечить условия институционализации частнохозяйственных капиталистических структур, консолидации национального рынка, развертывания предпринимательской инициативы и т. п., а не осуществлять национализацию практически на пустом месте, проводя мелочную регламентацию и всеохватывающее редистрибутирование. Индустриализация в таких условиях стала терять свое чисто экономическое значение, превращаясь в «идеологию» и средство легитимации правления и действий правящих группировок в глазах широких народных масс.

Политика меркантилизма, как известно, была ориентирована вовне. Протекционизм, субсидирование и т. п., если они рационально дозированы, могут помочь встать на ноги национальной промышленности. Но импортзамещение не должно становиться самоцелью. Пестование неконкурентоспособной, технологически отсталой индустрии может отвечать интересам и политическим амбициям ряда политических элит, обеспокоенных собственным благополучием, а не решением общенациональных задач.

Успешное включение развивающихся стран в мирохозяйст-

венные связи является неременным условием индустриализации и решения острых социальных и экономических проблем. Тем более для отсталых стран, поскольку доступ к современной технологии, капиталам, организационному опыту и т. д. они получают только на мировом рынке. Найти свое место в международном разделении труда — дело не простое, но длительная искусственная изоляция — наихудшее из возможных альтернатив, верный путь к деградации национального хозяйства.

Опыт промышленно развитых стран свидетельствует, что период государственной опеки над промышленностью и протекционизм являются необходимой прелюдией для поворота к «открытой» экономической политике. Модернизация не может проходить по всему экономическому фронту, и в Великобритании длительное время существовала «дуалистическая» хозяйственная структура. Следовательно, модель несбалансированного роста предпочтительней. В перспективе этот путь обеспечивает достижение «сравнительных преимуществ» на мировом рынке теми или иными отраслями народного хозяйства.

Основные ограничители процесса модернизации в отсталых регионах мира сконцентрированы в социально-политической подсистеме. Харизматические и традиционные политические и социальные институты блокируют развитие «сверху», а «демографический взрыв» — «снизу». Перспективы малопредсказуемы: искать причины неудач только в деятельности ТНК и ТНБ, вероятно, наиболее легко выполнимая задача. Сложнее привлечь их ресурсы в целях национального развития. Таким образом, еще одним фактором, лимитирующим капиталистическую модернизацию отсталых обществ, является отсутствие соответствующего идеологического и социокультурного климата — необходимого компонента как промышленной революции в Великобритании, так и «третьей волны» индустриализации.

Переход к рациональной стратегии модернизации отсталого общества предполагает: создание политической, хозяйственной и социальной инфраструктуры для развития капитализма; преобразование сельского хозяйства на капиталистической основе и рост его продуктивности; мобилизацию внутренних ресурсов в целях их производительного использования; проведение политики частичного импортзамещения с последующим выходом продукции на мировой рынок; привлечение иностранного капитала и технологии; подготовку национальных кадров; меры, направленные на ограничение рождаемости.

Дифференциация развивающихся стран, которые и прежде не были однородными в силу исторических и культурно-цивилизационных факторов, по уровню экономического развития и характеру их включения в мировое хозяйство достигла таких масштабов, что исследовать тенденции и перспективы социальной динамики для «третьего мира» в целом стало практически нецелесообразно. Сложность, комплексность задач, стоящих перед развивающимися странами, требует соответствующего под-

хода. Наиболее результативны те модели, которые, используя принцип многофакторности, статистическую базу, предоставляют возможность сбалансированного анализа хозяйственных, социальных, политических, ресурсно-экологических, демографических тенденций развития отдельных стран и разработки конкретных стратегий модернизации.

Становление мирового рынка, промышленная революция в Великобритании создали предпосылки для универсализации экономического и социального развития различных регионов мира. Распространение современной техники и технологии, достижения НТР предоставляют в распоряжение человечества все новые средства для повышения качества экономической и социальной среды обитания.

Универсалистские тенденции настойчиво пробивают себе дорогу, несмотря на огромные различия политических и социальных структур, культурный плюрализм, уходящий корнями в историческое прошлое. Достижение оптимального соотношения между применением современной техники и технологии и цивилизационными особенностями отдельных стран и регионов может гармонизировать решение экономических и социальных проблем, стоящих перед человеческим сообществом в целом и развивающимися странами особенно. В этом контексте изучение прошлого важно не столько с позиций академической науки, сколько для правильного представления о настоящих и тем более будущих процессах. Попытка рассмотреть в ретроспективе всемирно-исторический масштаб событий, предпринятая в данной работе, позволяет лучше понять глобальный характер вопросов, которые сегодня требуют коллективных решений.

Проблема преодоления экономической отсталости — одна из основных глобальных проблем, с которыми сегодня сталкивается мировое сообщество. В ней сфокусировались нищета, голод, неграмотность, «демографический взрыв», политическая нестабильность, рост расходов на вооружение и региональные конфликты, которые до последнего времени поддерживали напряженность в отношениях Востока и Запада.

В послевоенный период произошло реальное ускорение экономического развития освободившихся стран при усилении его неравномерности во времени и пространстве. Достаточно вспомнить «новые индустриальные страны» Азии и Тропическую Африку. Однако впервые за последние 500 лет Юг в целом добился более высоких темпов роста, чем Север.

Как известно, большинство стран «третьего мира» развивается по ресурсоемкой, экстенсивной модели с точки зрения использования ключевых элементов жизнедеятельности. Это связано с тем, что хозяйственные сдвиги в освободившихся странах происходят в условиях наложения различных этапов промышленного переворота и элементов научно-технической революции. Даже в XIX в., когда темпы прироста населения были в 2—3 раза ниже сегодняшних, экстенсивный вариант раз-

вития приводил к вовлечению ресурсов по экспоненте. Таким образом, достижение отсталыми регионами параметров хозяйственной структуры передовых государств при ограниченности ресурсов и напряженной экологической обстановке представляется нереалистичным, во всяком случае в рамках экстенсивной модели роста. Похоже, что экстенсивная модель экономического роста, основанная на экспорте капитала в периферийные районы мира и привлечении дешевых местных сырьевых и трудовых ресурсов, становится все менее привлекательной по мере автоматизации производства и развития наукоемких направлений хозяйства, опирающихся прежде всего на человеческие ресурсы передовых государств.

Общей тенденции энтропии к возрастанию можно противопоставить накопление знаний и информации, совершенствование организации и структурную упорядоченность общественных систем, переход к интенсивной ресурсосберегающей модели хозяйственной динамики за счет развития и адаптации технологий «новой волны» НТР, или, как ее часто называют, «третьей промышленной революции». «Третья промышленная революция» со всей остротой высветила бесперспективность экстенсивных методов хозяйствования и бюрократической регламентации экономики в развивающихся и социалистических странах.

Исследование взаимосвязи между техническим прогрессом (в узком смысле этого понятия) и социальными изменениями неизбежно подводит к более общему вопросу о движущих силах и формах общественного развития (революция или реформа). Представляется, что технический прогресс создает условия для решения социальных проблем на основе экономического роста, увеличения «национального пирога», а не совершенствования технологии распределительных методов хозяйствования. Параметры общественной системы, способной генерировать технический и экономический прогресс, должны обладать потенциалом для самонастройки, структурной модификации без разрывов последовательности развития и утраты накопленной информации. Такой режим функционирования обеспечивает наличие механизмов обратной связи в общественной структуре, ее дифференцированный характер. Стабильность системы в условиях меняющейся внешней среды поддерживается только постоянными нововведениями. Именно нарастающий технический прогресс отличает современное развитие от докапиталистического, придает стабильность политическому строю и социальным отношениям.

Несмотря на внешнюю простоту проблемы, в марксистской литературе доминирует мнение, что развитие техники — наиболее «взрывной» компонент общественного развития, который неотвратимо ведет к социальным революциям.

Только в марксизме осуществился синтез представлений о революции как результате роста производительных сил (технического прогресса) и идеи реализации утопии средствами того же безграничного технического прогресса. Однако победа со-

циалистических революций в странах, где уровень технического развития существенно ниже западноевропейского, и длительное сосуществование государств с различным общественным строем, но примерно одинаковой материальной базой само по себе ставит под сомнение тезис о прямой связи развития производительных сил и социальной динамики. Марксизм бессилен объяснить технический прогресс и рост социального благосостояния в странах с рыночной экономикой, где обещанные революции так и не произошли. Это и понятно. Ведь в кибернетической модели развития общества нет места для революции, так как коренное разрушение ультрастабильных структур сопровождается невозможной потерей информации и тождественно росту энтропии.

Перед отсталыми странами стоит проблема выбора скорее не технологии в узком смысле этого термина, а харизматической или рациональной модели модернизации. Техническая и социальная рациональность, ее сложное взаимодействие со связывающей силой традиции и харизматическими нововведениями представляют переплетение многофакторных влияний и процессов, поддерживающих многообразие путей общественного развития. Хотя взаимосвязанная рационализация всех макроструктур (политическая сфера, право, символический и культурный порядок, хозяйственный механизм) чрезвычайно сложная задача, представляется, что это оптимальный вариант перехода от пирамидальных статичных (докапиталистических и социалистических обществ) к дифференцированным современным, стабильным и ультрастабильным системам, гарантирующим качество жизни на основе постоянных новаций.

Пафос мировой революции, которая создаст новое общество и обеспечит каждого по потребностям, отменив таким образом законы экономики, поблек. Оказалось, что революции не освобождают от груза национальных традиций, исторического прошлого, как не избавляют от безграмотности и бедности.

Марксизм стремился полностью монополизировать идею прогресса. Претензии на исключительное знание направленности исторического процесса и на непогрешимость суждений о прогрессивности или реакционности общественной жизни служили для обоснования харизматической миссии самого учения и его сторонников. Недаром советскую форму правления называют идеократией. Она служит лучшим подтверждением того, что надстройка все-таки сильнее базиса.

Наиболее существенными компонентами идеологии помимо системы методов и средств управления массами и сохранения власти являются ее догматическая часть и мифотворчество. В том числе всеобъемлющие мифы об очистительной революции — страшном суде, грядущем коммунизме — тысячелетнем царстве, эксплуатируемом пролетариате — страдающем мессии, манихейский образ классовой борьбы и т. д. Идеология — это в лучшем варианте комплекс идей, претендующих на объяснение

миропорядка, в худшем — целенаправленная дезинформация в интересах узкой правящей группы. Задача же науки — эмпирическое исследование явлений природы и социальной жизни. В этом контексте параллели между Реформацией и Просвещением в Западной Европе и процессами, происходящими в Советском Союзе, вероятно, правомерны. Однако в СССР предприняты только первые шаги для пересмотра идеологических догм и модернизации политических институтов, т. е. разделения исполнительной, законодательной и судебной власти и ее секуляризации.

Очевидно, что государство не может рационально обозначить приоритеты социально-экономического развития без опоры на информационные сигналы национального, регионального и мирового рынков. Технические инновации и экономический прогресс координируются рыночными механизмами и связаны круговой причинной зависимостью. Причем роль рынка возрастает по мере институционализации современных рациональных общественных макроструктур. Общемировая тенденция развития заключается в отходе от концепций и практики бюрократически регламентируемого экономического роста и «справедливого» распределения доходов в направлении рационализации социальных и хозяйственных отношений при помощи рыночных регуляторов.

Произведения классиков марксизма-ленинизма *

1. Маркс К. Морализирующая критика и критицизирующая мораль.— Т. 4.
2. Маркс К. Нищета философии.— Т. 4.
3. Маркс К. Британское владычество в Индии.— Т. 9.
4. Маркс К. Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности.— Т. 9.
5. Маркс К. К критике политической экономии.— Т. 13.
6. Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок».— Т. 19.
7. Маркс К. Капитал. Том первый.— Т. 23.
8. Маркс К. Капитал. Том третий.— Т. 25.
9. Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»).— Т. 26. Ч. II.
10. Маркс К. Маркс — Анненкову, 28 декабря 1846 г.— Т. 27.
11. Маркс К. Маркс — Энгельсу, 25 сентября 1857 г.— Т. 29.
12. Маркс К. Маркс — Энгельсу, 8 октября 1858 г.— Т. 29.
13. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 гг.— Т. 46. Ч. I.
14. Маркс К. Экономические рукописи 1861—1863 гг.— Т. 47.
15. Энгельс Ф. Марка.— Т. 19.
16. Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Т. 20.
17. Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке».— Т. 22.
18. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма.— Т. 22.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Т. 3.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Т. 4.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Рецензии.— Гизо. «Почему удалась английская революция? Рассуждение об истории английской революции». Париж, 1850.— Т. 7.
22. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов).— Т. 1.
23. Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики». Учение о сущности.— Т. 29.

Материалы международных организаций и конференций; справочные издания; документы

24. Большая Советская Энциклопедия. Т. 59. М., 1936.
25. Перспективная комплексная программа научных исследований «Исторические пути развития народов Азии, Африки и Латинской Америки». — Народы Азии и Африки. М., 1966, № 2.
26. The Cambridge Economic History of Europe. Vol. IV, Cambridge, 1967.
27. The Fontana Economic History of Europe. Vol. I. L., 1972.
28. History of Technology. Vol. III. Oxford, 1957.
29. The United Nations Conference of Science and Technology for Development. N. Y., 1979.

* Труды К. Маркса и Ф. Энгельса цитируются по второму изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

30. Алаев Л. Б. Опыт типологии средневековых обществ Азии.— Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
31. Алаев Л. Б. Формационные черты феодализма и Восток.— Народы Азии и Африки. 1987, № 3.
32. Аристотель. Сочинения. Т. 4. Политика. М., 1984.
33. Афанасьев В. Буржуазная экономическая мысль 30—70-х годов XX века. М., 1976.
34. Барг М. А. Место XVII века в истории Европы.— Вопросы истории. 1985, № 3.
35. Барг М. А. Сравнительно-историческое изучение буржуазных революций XVI—XVIII вв.— Вопросы истории. 1975, № 9.
36. Барг М. А., Черняк Е. Б. Исторические структуры и исторические законы.— Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.
37. Барг М. А., Черняк Е. Б. К вопросу о переходной эпохе от феодализма к капитализму.— Новая и новейшая история. 1982, № 3.
38. Бартольд В. В. Мусульманский мир. Петроград, 1922.
39. Бокшанин А. А. Императорский Китай в начале XV века. М., 1976.
40. Бокшанин А. А. Китай и страны южных морей в XIV—XVI вв. М., 1968.
41. Болохвитинов Н. Н. Климатисты и рабство в США.— Новая и новейшая история. 1976, № 3.
42. Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984.
43. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. 1. М., 1986.
44. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1988.
45. Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. Петроград, 1923.
46. Васильев Л. С. Феномен власти собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур.— Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
47. Васильев Л. С. Что такое «азиатский» способ производства.— Народы Азии и Африки. 1988, № 3.
48. Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1923.
49. Вебер М. История хозяйства. М., 1924.
50. Века неравной борьбы. М., 1967.
51. Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981.
52. Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958.
53. Витол А. В. Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987.
54. Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М., 1968.
55. Гайденок П. П. Социология Макса Вебера.— История буржуазной социологии XIX — начала XX века. М., 1979.
56. Гайденок П. П. Эволюция понятия науки (XVII—XVIII вв.). М., 1987.
57. Галич З. Н. К сравнительной характеристике базисных структур Европы и Азии в канун промышленной революции.— Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986.
58. Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. М., 1965.
59. Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.
60. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969.
61. Ерофеев Н. А. Промышленный переворот: содержание и границы понятия.— Новая и новейшая история. М., 1984, № 6.
62. Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980.
63. Зарин В. А. Буржуазные экономисты о проблемах перестройки мирового капиталистического хозяйства.— Мировая экономика и международные отношения. М., 1985, № 12.
64. Зарин В. А. Институционально-социальное направление буржуазной политэкономии.— Мировая экономика и международные отношения, 1983, № 1.

65. *Зарин В. А.* Институционально-социологические концепции развития общественных структур освободившихся стран.— *Народы Азии и Африки.* 1985, № 1.
66. *Зомбарт В.* Буржуа. М., 1924.
67. *Иванов Н. А.* О типологических особенностях арабо-османского феодализма.— *Типы общественных отношений на Востоке в средние века.* М., 1982.
68. *Ивонин Ю. Е.* Западная Европа и Османская империя во второй половине XV—XVI в.— *Вопросы истории.* 1982, № 4.
69. *Ингрэм Д.* История политической экономии. М., 1897.
70. *Исламов Т. М., Фрейдзон В. И.* Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе.— *Новая и новейшая история.* 1986, № 1.
71. История крестьянства в Европе. Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма. М., 1986.
72. История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. М., 1986.
73. История экономической мысли. Ч. II—III. М., 1964—1970.
74. *Кессиди Ф. Х.* Была ли у древних греков идея истории? — *Вопросы философии.* 1987, № 8.
75. *Ким Г. Ф.* Историография новой и новейшей истории стран Азии и Африки.— *Вопросы истории.* 1986, № 2.
76. *Ковалев А. Д.* Новые интерпретации Т. Парсонса в буржуазной социологии 70-х — начала 80-х годов.— *Новейшие тенденции в современной не-марксистской социологии.* Ч. 2. М., 1986.
77. *Козлова К. Б.* Институционализм и проблемы монополистического капитализма.— *Критика современной буржуазной политэкономии.* М., 1977.
78. *Козырева М. В.* В поисках новых моделей развития (Концепция «основных потребностей»). М., 1987.
79. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.
80. *Колонтай В. М.* Кризис буржуазных теорий развития освободившихся стран. М., 1982.
81. *Кондратьев Н. Д.* Большие экономические циклы.— *Вопросы конъюнктуры.* Т. 1. Вып. 1. М., 1925.
82. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.
83. *Лавровский В. М.* Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX века. М.— Л., 1940.
84. *Лампрехт К.* История германского народа. Т. 3. М., 1896.
85. *Лангенбек В.* История мировой торговли. М.— Л., 1927.
86. *Ланда Р. Г.* Буржуазия и государственная бюрократия в странах Азии и Африки.— *Буржуазия и социальная эволюция стран зарубежного Востока.* М., 1985.
87. *Лапина З. Г.* Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985.
88. *Левковский А. И.* Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г. М., 1956.
89. *Лидлейн Н. А.* Буржуазные теории экономического развития. М., 1978.
90. *Люблинский А. Д.* К вопросу о классовой природе французского абсолютизма.— *Новая и новейшая история.* 1979, № 4.
91. *Макаренко В. В.* Стадиальная характеристика и тенденции внутрирегионального развития японского общества накануне революции Мэйдзи.— *Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока.* М., 1986.
92. *Манту П.* Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М., 1937.
93. *Мейер М. С.* Влияние демографических процессов на социально-экономическую жизнь Османской империи XVI в.— *Зарубежный Восток: вопросы экономической истории.* М., 1986.
94. Меркантилизм. М., 1935.
95. *Митчелл У. К.* Экономические циклы. Проблема и ее постановка. М.— Л., 1930.
96. *Мнацаканян М. О.* Колониализм и его исторические формы. М., 1976.

97. *Мортон А. Л.* История Англии. М., 1950.
98. *Мурузин А. С.* Роль природного и демографического факторов в динамике аграрного сектора средневекового Китая (К вопросу о цикличности докапиталистического производства).— Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986.
99. *Мюрдаль Г.* Мировая экономика. М., 1958.
100. *Мюрдаль Г.* Современные проблемы «третьего мира». М., 1972.
101. Новая история колониальных и зависимых стран. М., 1940.
102. О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XVI вв.). М., 1962.
103. *Орчард Д.* Экономическое развитие Японии. М., 1934.
104. *Павлов В. И.* К стадияльно-формационной характеристике восточных обществ в новое время.— Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.
105. *Петров А. М.* Внешняя торговля древней и средневековой Азии в отечественном востоковедении.— Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986.
106. *Полятев А., Савельева И.* Длинные волны в развитии капитализма.— Мировая экономика и международные отношения. 1988, № 5.
107. *Поршнев Б. Ф.* Очерк политической экономики феодализма. М., 1956.
108. *Поршнев Б. Ф.* Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII века. М., 1970.
109. *Потемкин Ф. В.* Промышленная революция во Франции. Т. I; 2, М., 1971.
110. Проблемы генезиса капитализма. М., 1970.
111. Проблемы генезиса капитализма. М., 1979.
112. Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологическое исследование. М., 1975.
113. Работы Макса Вебера по социологии религии и идеологии. М., 1985.
114. *Рашковский Е. Б.* Зарождение науковедческой мысли в странах Азии и Африки. М., 1985.
115. *Рейснер И. Л.* К вопросу об отставании стран зарубежного Востока.— Вопросы истории. 1951, № 6.
116. *Рейснер Л. И.* Генезис системы «наука—техника—производство» в западноевропейском регионе в XVI—XVIII вв. и оценка перспектив этого процесса в восточных обществах эпохи НТР.— Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986.
117. *Рейснер Л. И.* Развивающиеся страны: очерк теории экономического роста. М., 1976.
118. *Рейснер Л. И.* Разделение труда и способ общения в системе докапиталистических цивилизаций.— Зарубежный Восток: вопросы экономической истории. М., 1986.
119. *Розенберг Д.* История политической экономики. Ч. III. М., 1936.
120. *Рутенбург В. И.* Истоки Рисорджименто. Италия в XVII—XVIII вв. Л., 1980.
121. *Рутенбург В. И.* Очерки из истории раннего капитализма в Италии. М., 1951.
122. *Седов Л. А.* К типологизации средневековых общественных систем Востока (попытка системного подхода).— Народы Азии и Африки. 1987, № 5.
123. *Сентеш Т.* Буржуазные и «новолевые» теории мирового капиталистического хозяйства. М., 1964.
124. *Сентеш Т.* «Третий мир». Проблемы развития. М., 1974.
125. *Симолия Н. А.* Страны Востока: пути развития. М., 1975.
126. *Сказкин С. Д.* Возрождение, гуманизм и реформация.— Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981.
127. *Сказкин С. Д.* Зарождение капиталистических отношений в Западной Европе.— Краткая всемирная история. Кн. 1. М., 1966.
128. *Славный Б. И.* Немарксистская политэкономика о проблемах отсталости и зависимости в развивающемся мире. М., 1982.
129. *Смилянская И. М.* Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока. М., 1979.

130. *Смирин М. М.* Из истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.). М., 1969.
131. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Ч. II. М., 1935.
132. *Старостин Б. С.* Социальное обновление: схемы и реальность (критический анализ буржуазных концепций модернизации развивающихся стран). М., 1981.
133. *Стужина Э. П.* Китайское ремесло в XVI—XVIII веках. М., 1970.
134. *Тойнби Арн.* Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии. М., 1912.
135. *Тягуненко В. Л.* Международное разделение труда и развивающиеся страны. М., 1976.
136. *Черняк Е. Б.* Экономические кризисы в Европе в период мануфактурного капитализма.— Экономическая история: проблемы и исследования. М., 1987.
137. *Чистозвонов А. Н.* Генезис капитализма: проблемы методологии. М., 1985.
138. *Чистозвонов А. Н.* Некоторые итоги рассмотрения проблемы генезиса капитализма.— Средние века. Вып. 34. М., 1971.
139. *Чичерин Б. Н.* История политических учений. Ч. 1. Древность и средние века. М., 1869.
140. *Шейнис В. Л.* Капитализм, социализм и экономический механизм современного производства.— Мировая экономика и международные отношения. 1988, № 9.
141. *Широков Г. К.* Промышленная революция в странах Востока. М., 1981.
142. *Широков Г. К.* Развивающиеся страны в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1987.
143. *Шишков Ю.* О некоторых концепциях экономического развития.— Рабочий класс и современный мир. 1986, № 1.
144. *Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исламов Т. М.* Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения).— Новая и новейшая история. 1985, № 3.
145. *Шотов Б. М.* Об изучении проблем промышленного переворота советскими историками.— Экономическая история: проблемы и исследования. М., 1987.
146. *Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного.* М., 1984.
147. *Юнсов А. С.* Восточное рыцарство (в сравнении с западным).— Вопросы истории. 1986, № 10.
148. *Alavi H.* India: Transition to Colonial Capitalism.— Capitalism and Colonial Production. London — Canberra, 1982.
149. *Albertini R. V.* Europäische Kolonialherrschaft 1880—1940. Zurich, 1976.
150. *Allen G. C.* A Short Economic History of Japan. L., 1946.
151. *Aron R.* The Industrial Society. N. Y., 1967.
- 151a. *Aron R.* 18 Lectures on Industrial Society. L., 1967.
152. *Ashley M.* England in the Seventeenth Century. Harmondsworth. 1977.
153. *Bairoch P.* The Main Trends in National Economic Disparities since the Industrial Revolution.— Disparities in Economic Development since the Industrial Revolution. L., 1981.
154. *Baran P.* The Political Economy of Growth. N. Y., 1957.
155. *Barbour V.* Capitalism in Amsterdam in the Seventeenth Century. Baltimore, 1950.
156. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N. Y., 1973.
157. *Bendix R.* Max Weber. An Intellectual Portrait. N. Y., 1962.
158. *Bernal J. D.* Science and Industry in the 19th Century. L., 1953.
159. *Blanqui Y. A.* Histoire de l'Economie Politique. P., 1837.
160. *Braudel F.* La Méditerranée et le monde Méditerranéen à l'époque de Philippe II. P., 1966.
161. *Bury J. B.* The Idea of Progress. An Inquiry into its Origin and Growth. L., 1924.

162. *Cardwell D. S.* Turning Points in Western Technology. N. Y., 1972.
163. *Carr E. H.* What is the History. L., 1961.
164. *Chandra B.* The Rise and Growth of Economic Nationalism in India. New Delhi, 1966.
165. *Chaundhuri K. N.* Treasure and Trade Balance. The East India Company's Export Trade 1660—1720.—The Economic History Review. 1968, ser. 2 vol. 21, № 1.
166. *Chaunu H. and Chaunu P.* Séville et l'Atlantique (1504—1640). P., 1957—1960.
167. *Chaunu P.* L'Expansion européenne du XIII-e au XV-e siècle. P., 1969.
168. *Chaunu P.* Les Philippines et le Pacifique des Iberiques. P., 1960.
169. *Cipolla C.* Before the Industrial Revolution. 2-nd ed. L., 1981.
170. *Cipolla C.* Guns, Sails and Empires. N. Y., 1965.
171. *Cipolla C.* Literacy and Development in the West. Harmondsworth, 1969.
172. *Clark R.* Science and Technology in the World Development. Oxford—New York, 1985.
173. *Clay C. G.* Economic Expansion and Social Change. England 1500—1700 Vol. II. Cambridge, 1984.
174. Conquete et exploitation des Nouveaux Mondes (XVI-e siècle). P., 1969.
175. *Crafts N.* British Economic Growth, 1700—1831: A Review of the Evidence.—Economic History Review. 1983, ser. 2, vol. 36.
176. *Grouzet F.* Capital Formation in the Industrial Revolution. L., 1972.
177. *Curtin P. D.* The Atlantic Slave Trade. Madison, 1969.
178. *Davies K. G.* The North Atlantic World in the Seventeenth Century. Minneapolis, 1974.
179. *Davis R. A.* Commercial Revolution. L., 1967.
180. *Davis R. A.* The Industrial Revolution and British Overseas Trade. Leicester, 1978.
181. *Deane P.* The First Industrial Revolution. Cambridge, 1965.
182. *Deane P. and Cole W. A.* British Economic Growth, 1688—1959. Cambridge, 1969.
183. *Devries J.* The Economy of Europe in the Age of Crisis. 1600—1750. Cambridge, 1976.
184. *Dickson P.* The Financial Revolution. L., 1967.
185. *Digby W.* Prosperous British India. A Revelation from Official Records L., 1901.
186. *Dolman A. J.* The World Economic System on Third World Environment The Hague, 1982.
187. The Economics of the Industrial Revolution. L., etc., 1985.
188. *Edelstein L.* The Idea of Progress in Classical Antiquity. Baltimore, 1967.
189. *Eisenstadt S.* Social Change, Differentiation and Evolution.—American Sociological Review. 1964, vol. 29, № 3.
- 189a. *Eisenstadt S.* Tradition, Change and Modernity. N. Y., 1973.
190. *Eisenstadt S.* Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism L., 1973.
191. *Eisenstadt S.* Transformation of Social, Political and Cultural Orders in Modernization.—Comparative Perspectives on Social Change. Boston, 1968.
192. *Fieldhouse D. K.* The Colonial Empires. A Comparative Survey from the Eighteenth Century. L., 1966.
193. *Furber H.* Rival Empires of Trade in the Orient 1600—1800. Minneapolis—London, 1976.
194. *Galbraith J. K.* Economic Development. Cambridge, 1964.
195. *Gayer A., Rostow W. W., Schwartz A. J.* The Growth and Fluctuations of the British Economy, 1790—1850. Oxford, 1953.
196. *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962.
197. *Gilboy E. W.* Demand as a Factor in the Industrial Revolution.—The Causes of the Industrial Revolution in England. L., 1967.
198. *Glamann K.* Dutch-Asiatic Trade, 1620—1740. The Hague, 1958.
199. *Gruchy A. G.* Institutional Versus Orthodox Economics and the Interdis

- disciplinary Approach.— Economics and Sociology: Towards an Integration Leiden, 1976.
200. *Hamilton E. J.* American Treasure and Price Revolution in Spain. 1501–1650. Cambridge, 1934.
 201. *Hartwell R. M.* The Causes of the Industrial Revolution. An Essay in Methodology.— The Economic History Review. 1965, ser. 2, vol. 18, № 1
 202. *Hicks J. R.* A Theory of Economic History. L., 1969.
 203. *Hoffmann W. G.* British Industry 1700–1950. Oxford, 1955.
 204. *Hoselitz B. F.* Theories of Stages of Economic Growth.— Theories of Economic Growth. Glencoe, 1960.
 205. *Imlah A. H.* Economic Elements in the Pax Britannica: Studies in British Foreign Trade in the Nineteenth Century. Cambridge, 1958.
 206. *Ippolito R. A.* The Effect of the «Agricultural Depression» on Industria Demand in England 1730–1750.— *Economica*. 1975, vol. XLII, August.
 207. *Jacobs N.* The Origin of Modern Capitalism and Eastern Asia. Hong Kong 1958.
 208. *Jaguaribe H.* The New International System.— Problems of World Modeling. Cambridge, 1977.
 209. *Jeremy D. J.* Damming the Flood: British Government Efforts to Check the Outflow of Technicians and Machinery, 1780–1843.— *Business History Review*. 1977, LI, № 1.
 210. *Kapp K. W.* In Defense of Institutionalism.— Economics and Sociology. Towards an Integration. Leiden, 1976.
 211. *Kasler D.* Revolution and Veralltäglichung. Eine Theorie Postrevolutionärer Prozesse, München, 1977.
 212. *Kerker M.* Science and the Steam Engine.— *Technology and Culture*. 1961, vol. 4, № 1.
 213. *Kindleberger C. P.* Economic Growth in France and Britain, 1851–1950. N. Y., 1964.
 214. *Kranzberg M.* The Technological Revolution and Social Reform. [6. m.]. [6. r.].
 215. *Krause W., Rudolph G.* Grundlinien des ökonomischen Denkens in Deutschland 1848 bis 1945. Berlin, 1980.
 216. *Landes D.* The Unbound Prometheus. Cambridge, 1969.
 217. *Laffer A. B., Miles M. A.* International Economics in an Integrated World. Glenview, 1982.
 218. *Lee C. H. A.* British Economy since 1700. A Macroeconomic Perspective. Cambridge etc., 1986.
 219. *Lenman B.* The East India Company and the Emperor Aurangzeb.— *History today*. 1987, vol. 37, February.
 220. *McCord W.* The Japanese Model.— The Political Economy of Development and Underdevelopment. N. Y., 1974.
 221. *McNeil W. H.* The Rise of the West. Chicago — London, 1963.
 222. *Maddison A.* Class Structure and Economic Growth. L., 1971.
 223. *Magalhães-Goghinho V.* L'Economie de l'empire portugais au XV-e et XVI-e siècles. P., 1969.
 224. *Maitra P.* The Mainspring of Economic Development. L., 1980.
 225. *Marshall P. S.* East India Fortunes: The British in Bengal in the Eighteenth Century. Oxford, 1976.
 226. *Mauro F.* Le Portugal et l'Atlantique au XVII siècle. P., 1960.
 227. *Morehouse W.* The New Levels of Global Power: Science and Technology in the International Political Economy.— *Third World Affairs*. L., 1985.
 228. *Moulder F.* Japan, China and the Modern World Economy. Towards a Reinterpretation of East Asia Development. 1600–1918. Cambridge etc., 1977.
 229. *Myrdal G.* Against the Stream. Critical Essays on Economics. L., 1974.
 230. *Myrdal G.* What is Development? — *Journal of Economic Issues*. 1974, vol. VIII, № 4.
 231. *Nacamura D.* Agricultural Production and Economic Development in Japan. Princeton, 1966.
 232. *Needham J.* The Great Tiration. Toronto, 1969.
 233. *Needham J.* Science and Civilization in China. Vol. I. Cambridge, 1954.

234. *Nisbet R. A.* Social Change and History. Aspects of the Western Theory of Development. N. Y., 1969.
235. *North D. C.* Structure and Change in Economic History. N. Y., 1981.
236. *Parry J. H.* Trade and Dominion, The European Over-Seas Empires in the Eighteenth Century. L., 1971.
237. *Parsons T.* Evolutionary Universals in Society.— American Sociological Review. 1964, vol. 29, № 3.
238. *Parsons T., Smelser N.* Economy and Society. N. Y., 1965.
239. *Patterson O.* The Sociology of Slavery. L., 1967.
240. *Perkin H. S.* The Origins of Modern English Society, 1780—1880. L., 1969.
241. *Plumb G. H.* England in the Eighteenth Century. Harmondsworth, 1972.
242. *Polany K.* The Economy as Instituted Process.— Trade and Market in the Early Empires. Glencoe, 1967.
243. *Polany K.* The Great Transformation. New York — Toronto, 1944.
244. *Pollard S.* Peaceful Conquest: the Industrialization of Europe 1760—1970. Oxford, 1981.
245. *Randa A.* Das Weltreich. Olten — Freiburg, 1962.
246. *Ranis G. and Fey J.* Economic Development in Historical Perspective.— American Economic Review. 1969, vol. LIX, № 2.
247. *Reischauer E., Fairbank J.* East Asia: The Great Tradition. Boston, 1958.
248. *Rostow W.* The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.
249. *Rotstein A.* Karl Polanyi's Concept of Non-Market Trade.— The Journal of Economic History. 1970, vol. 30, № 1.
250. *Schlote W.* British Overseas Trade from 1700 to 1930-s. Oxford, 1952.
251. *Schmoller G.* Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Leipzig, 1904.
252. *Sombart W.* Der Moderne Kapitalismus. München — Leipzig, 1928, Bd. 2. H. 1.
253. *Street J. A.* A Holistic Approach to Underdevelopment — Institutional Economics. Contributions to the Development of Holistic Economics. Boston — London, 1980.
254. *Studies in the Modern World System.* N. Y., 1980.
255. *Veblen Th.* What Veblen Taught. N. Y., 1936.
256. *Verlinden C.* Les Origines de la civilisation atlantique. Neuchâtel.— Paris 1966.
257. *Wallerstein I.* The Modern World System. Vol. I. N. Y., 1974.
258. *Wallerstein I.* The Modern World System. Vol. II. N. Y., 1980.
259. *Warner S.* The Role of Religious Ideas and the Use of Models in Max Weber's Comparative Studies of Non-Capitalist Societies.— The Journal of Economic History. 1970, vol. 30, № 1.
260. *Weber M.* The City. N. Y., 1958.
261. *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Sozial und Wirtschaftsgeschichte. Tübingen, 1924.
262. *Weber M.* General Economic History. N. Y., 1964.
263. *Weber M.* On Law in Economy and Society. N. Y., 1954.
264. *Weber M.* Soziologie, Weltgeschichtliche Analysen, Politik. Stuttgart, 1956.
265. *Weber M.* The Sociology of Religion. Boston, 1964.
266. *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization. N. Y., 1961.
267. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Bd. I. Tübingen, 1956.
268. *Wen-yuan-Qian.* The Great Inertia. L., 1985.
269. *Williams J. B.* British Commercial Policy and Trade Expansion 1750—1850. Oxford, 1972.
270. *Wittfogel K.* Oriental Despotism. New-Haven, 1957.
271. *Zavala S.* New Viewpoints on the Spanish Colonization of America. Philadelphia, 1943.

Периодические издания

- 272. Вопросы истории. М.
- 273. Латинская Америка. М.
- 274. Мировая экономика и международные отношения. М.
- 275. Народы Азии и Африки. М.
- 276. Новая и новейшая история. М.
- 277. American Economic Review. Menasha.
- 278. American Sociological Review. N. Y.
- 279. Business History Review. Boston.
- 280. Economic Development and Cultural Change. Chicago.
- 281. Economic History Review. L.
- 282. Essays in Economic History. N. Y.
- 283. History of European Ideas. L.
- 284. International Social Science Journal. P.
- 285. Journal of Economic History. N. Y.
- 286. Journal of Economic Issues. East Lansing.
- 287. Journal of European Economic History. Roma.
- 288. Technology and Culture. Cleveland.

Августин Б. 54
Агрикола 143
Алаев Л. Б. 84
Амин С. 59, 69, 80, 185
Аристотель 39, 40—43, 85, 110
Аристофан 39
Аркрайт Р. 190
Арон Р. 23, 24, 63—66
Аурангзеб 157

Баран П. 59, 60
Барг М. А. 8, 84, 149, 150, 195
Бари Дж. 38, 39, 41
Бартольд В. 118
Беккер Г. 24
Белл Д. 23, 24, 64
Бергесен А. 69, 77
Бернал Д. 236
Бертолле К. 238
Бланки Дж. 198
Блэк Д. 236, 237
Бойл Р. 237
Бокшанин А. А. 102
Большаков О. Г. 90
Бор Н. 7
Борншир В. 59, 69, 79
Боу А. М. 241
Бродель Ф. 71, 75, 76, 123, 140, 238
Бэкон Ф. 115, 231, 237
Бэрок П. 185, 186, 207
Бюхер К. 24—26, 28, 31, 44

Валлерштайн Э. 59, 69—72, 74, 77, 95, 101, 151, 152, 185, 187
Васильев Л. С. 84
Вебер М. 7, 15, 18, 19, 22—24, 28—34, 36—38, 43, 44, 46, 47, 49, 51—53, 58, 59, 61, 69, 71, 90, 101, 115, 231
Веблен Т. 23, 48, 56, 57, 76
Вернадский В. И. 231, 234
Вернер С. 58
Винер Н. 50, 54, 229, 234, 235
Виттфогель К. 59
Врис Я. де 178, 185, 186

Гайденко П. П. 231
Галилей Г. 231
Галич З. Н. 119
Гамильтон Е. 178
Гвичардини 134

Гегель Г. 9
Гейзенберг В. 7
Генрих Мореплаватель 99
Георгеску-Рёген Н. 23
Гершель У. 237
Гершенкрон А. 62, 63, 201
Гильдебрант Б. 24
Гоббс Т. 69, 220
Гомер 98
Гордон В. 23
Гручи А. 23, 56, 66
Гутнова Е. В. 84
Гэлбрейт Дж. 23, 49, 65, 76
Гюйгенс 234

Дальтон Дж. 237
Декарт Р. 237
Дефо Д. 169
Джакобс Н. 59, 61
Джоуль 235
Дигби У. 214
Дин Ф. 199, 201, 208, 209, 214, 216
Долман А. 242
Допфер К. 23
Дюркгейм Э. 69
Дэви Г. 237
Дэвис Р. 212, 215

Елизавета I 146, 159

Зомбарт В. 24, 28, 134, 140

Ингрэм Дж. 219, 220
Ипполито Р. 205
Исократ 41

Кавендиш Г. 237
Капп К. 23
Кардвел Д. 237
Кардозо Ф. 59
Карл I 146, 147
Карл II 152, 153, 154
Карл V 120, 131, 132
Карно 235
Карр Е. 121
Картрайт 219
Кейнс Дж. 198
Керкер М. 236
Ким Г. Ф. 6, 87
Кинг Г. 206
Киндлебергер К. 208
Клайв Р. 168, 169

Кларк Дж. М. 56
Кларк К. 64
Кларк Р. 241
Клей К. 161, 165
Колумб Х. 141, 184, 234
Кольбер Ж. 158, 176, 203
Коммонс Д. 56
Кондорсе М. 38, 41
Кондратьев Н. Д. 72, 73, 77
Конт О. 38, 40, 42, 121
Коул У. 201, 208
Крафт Н. 202, 207, 208, 214, 225
Кранцберг М. 219
Кромвель О. 147, 152, 156, 215
Крузет Ф. 189, 207, 208
Ксенофонт 41
Кузнец С. 201
Кун Т. 11, 224
Куртин П. 184
Кэслер Д. 49, 51—53

Лампрехт К. 145
Ланге О. 55
Лангенбек В. 178
Ландес Д. 201
Лапина З. Г. 223
Леблан Н. 237
Лебон Ф. 238
Леви-Стросс К. 68
Ледерер Е. 24
Ленин В. И. 7, 8
Ленман Б. 157
Ли К. 207, 225, 226
Лист Ф. 24
Ло Дж. 176
Локк Дж. 69
Лукреций 41, 42
Лэффер А. 67
Людовик XIV 94, 153, 160, 177

Магеллан 113
Макаренко В. В. 103, 105
Маккловски Д. 201
Маккорд У. 107
Мак-Кулох 221
Макнейл У. 123
Манту П. 201, 206
Маркс К. 8—10, 13, 24, 41, 42, 59,
63, 64, 109, 121, 122, 125—127, 150,
159, 164, 169, 170, 175, 186, 190,
197, 205, 219, 226, 227, 232, 243
Маркузе Г. 243
Маршалл П. 189
Матра Р. 107, 238, 239
Милль Дж. 69
Минз Г. 56
Миншинтон У. 208
Митчелл У. 56, 73, 74
Мокир Д. 204, 205, 208, 209
Моор Б. 59
Мортон А. 159
Моулдер Ф. 59, 95, 101, 105

Мунье Р. 74, 149
Мэддисон А. 214
Мюрдаль Г. 17, 23
Неф Д. 198
Нидхам Д. 97, 123, 232
Нисбет Р. 39, 41, 42
Норс Д. 221, 222
Норт Д. 194
Ньюкомен 236
Ньютон И. 234, 235

Обельский А. 60
Окава К. 107
Орчард Д. 107
Ошима Т. 107

Павлов В. И. 100, 102
Парсонс Т. 23, 31, 47—49, 51, 58, 59
Паттерсон О. 163, 164
Перейра И. 63
Перкин Х. 201, 204
Платон 40, 41, 85, 98
Плеханов Г. В. 9
Полани К. 7, 31, 43—48, 53, 58, 200
Полибий 42
Поллард С. 201
Пребиш Р. 59
Пристли Дж. 237

Ранис Г. 201
Рейналь А. 177
Рейснер Л. И. 231
Решауэр Е. 60, 61
Рикардо Д. 69, 221
Робертус К. 26
Ростовцев М. 26
Ростоу У. 31, 51, 59, 61, 63, 201
Румфорд 235
Руссо Ж. 220

Сенека 41
Сеп-Симон А. 63
Симмианд Ф. 74
Симония Н. А. 6, 195
Сказкин С. Д. 90
Смелсер Н. 23, 47, 49, 61
Смилянская И. М. 97
Смит А. 65, 69, 203, 220, 221, 222
Спенсер Г. 38, 41, 42, 121
Сталин И. 11
Стиглер Дж. 24
Стрит Д. 68
Сэвери 236

Тагвелл Р. 56
Тернер Д. 59
Тойнби А. Д. 42
Тойнби Арн. 200, 203, 217
Тюрго А. 38

Уайт Л. 115, 123

234. *Nisbet R. A.* Social Change and History. Aspects of the Western Theory of Development. N. Y., 1969.
235. *North D. C.* Structure and Change in Economic History. N. Y., 1981.
236. *Parry J. H.* Trade and Dominion, The European Over-Seas Empires in the Eighteenth Century. L., 1971.
237. *Parsons T.* Evolutionary Universals in Society.—American Sociological Review. 1964, vol. 29, № 3.
238. *Parsons T., Smelser N.* Economy and Society. N. Y., 1965.
239. *Patterson O.* The Sociology of Slavery. L., 1967.
240. *Perkin H. S.* The Origins of Modern English Society, 1780—1880. L., 1969.
241. *Plumb G. H.* England in the Eighteenth Century. Harmondsworth, 1972.
242. *Polany K.* The Economy as Instituted Process.—Trade and Market in the Early Empires. Glencoe, 1957.
243. *Polany K.* The Great Transformation. New York—Toronto, 1944.
244. *Pollard S.* Peaceful Conquest: the Industrialization of Europe 1760—1970. Oxford, 1981.
245. *Randa A.* Das Weltreich. Olten—Freiburg, 1962.
246. *Ranis G. and Fey J.* Economic Development in Historical Perspective.—American Economic Review. 1969, vol. LIX, № 2.
247. *Reischauer E., Fairbank J.* East Asia: The Great Tradition. Boston, 1958.
248. *Rostow W.* The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.
249. *Rotstein A.* Karl Polanyi's Concept of Non-Market Trade.—The Journal of Economic History. 1970, vol. 30, № 1.
250. *Schlote W.* British Overseas Trade from 1700 to 1930-s. Oxford, 1952.
251. *Schmoller G.* Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Leipzig, 1904.
252. *Sombart W.* Der Moderne Kapitalismus. München—Leipzig, 1928, Bd. 2, H. 1.
253. *Street J. A.* A Holistic Approach to Underdevelopment—Institutional Economics. Contributions to the Development of Holistic Economics. Boston—London, 1980.
254. *Studies in the Modern World System.* N. Y., 1980.
255. *Veblen Th.* What Veblen Taught. N. Y., 1936.
256. *Verlinden C.* Les Origines de la civilisation atlantique. Neuchâtel.—Paris 1966.
257. *Wallerstein I.* The Modern World System. Vol. I. N. Y., 1974.
258. *Wallerstein I.* The Modern World System. Vol. II. N. Y., 1980.
259. *Warner S.* The Role of Religious Ideas and the Use of Models in Max Weber's Comparative Studies of Non-Capitalist Societies.—The Journal of Economic History. 1970, vol. 30, № 1.
260. *Weber M.* The City. N. Y., 1958.
261. *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Sozial und Wirtschaftsgeschichte. Tübingen, 1924.
262. *Weber M.* General Economic History. N. Y., 1964.
263. *Weber M.* On Law in Economy and Society. N. Y., 1954.
264. *Weber M.* Soziologie, Weltgeschichtliche Analysen, Politik. Stuttgart, 1956.
265. *Weber M.* The Sociology of Religion. Boston, 1964.
266. *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization. N. Y., 1961.
267. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Bd. I. Tübingen, 1956.
268. *Wen-guan-Qian.* The Great Inertia. L., 1985.
269. *Williams J. B.* British Commercial Policy and Trade Expansion 1750—1850. Oxford, 1972.
270. *Wittfogel K.* Oriental Despotism. New-Haven, 1957.
271. *Zavala S.* New Viewpoints on the Spanish Colonization of America. Philadelphia, 1943.

Периодические издания

- 272. Вопросы истории. М.
- 273. Латинская Америка. М.
- 274. Мировая экономика и международные отношения. М.
- 275. Народы Азии и Африки. М.
- 276. Новая и новейшая история. М.
- 277. American Economic Review. Menasha.
- 278. American Sociological Review. N. Y.
- 279. Business History Review. Boston.
- 280. Economic Development and Cultural Change. Chicago.
- 281. Economic History Review. L.
- 282. Essays in Economic History. N. Y.
- 283. History of European Ideas. L.
- 284. International Social Science Journal. P.
- 285. Journal of Economic History. N. Y.
- 286. Journal of Economic Issues. East Lansing.
- 287. Journal of European Economic History. Roma.
- 288. Technology and Culture. Cleveland.

Августин Б. 54
Агрикола 143
Алаев Л. Б. 84
Амин С. 59, 69, 80, 185
Аристотель 39, 40—43, 85, 110
Аристофан 39
Аркайт Р. 190
Арон Р. 23, 24, 63—66
Аурангзеб 157

Баран П. 59, 60
Барг М. А. 8, 84, 149, 150, 195
Бари Дж. 38, 39, 41
Бартольд В. 118
Беккер Г. 24
Белл Д. 23, 24, 64
Бергесен А. 69, 77
Бернал Д. 236
Бертолле К. 238
Бланки Дж. 198
Блэк Д. 236, 237
Бойл Р. 237
Бокшанин А. А. 102
Большаков О. Г. 90
Бор Н. 7
Борншир В. 59, 69, 79
Боу А. М. 241
Бродель Ф. 71, 75, 76, 123, 140, 238
Бэкон Ф. 115, 231, 237
Бэрок П. 185, 186, 207
Бюхер К. 24—26, 28, 31, 44

Валлерштайн Э. 59, 69—72, 74, 77, 95, 101, 151, 152, 185, 187
Васильев Л. С. 84
Вебер М. 7, 15, 18, 19, 22—24, 28—34, 36—38, 43, 44, 46, 47, 49, 51—53, 58, 59, 61, 69, 71, 90, 101, 115, 231
Веблен Т. 23, 48, 56, 57, 76
Вернадский В. И. 231, 234
Вернер С. 58
Винер Н. 50, 54, 229, 234, 235
Виттфогель К. 59
Врис Я. де 178, 185, 186

Гайденко П. П. 231
Галилей Г. 231
Галич З. Н. 119
Гамильтон Е. 178
Гвиччардини 134

Гегель Г. 9
Гейзенберг В. 7
Генрих Мореплавателъ 99
Георгеску-Рёген Н. 23
Гершель У. 237
Гершенкрон А. 62, 63, 201
Гильдебрант Б. 24
Гоббс Т. 69, 220
Гомер 98
Гордон В. 23
Гручи А. 23, 56, 66
Гутнова Е. В. 84
Гэлбрейт Дж. 23, 49, 65, 76
Гюйгенс 234

Дальтон Дж. 237
Декарт Р. 237
Дефо Д. 169
Джакобс Н. 59, 61
Джоуль 235
Дигби У. 214
Дин Ф. 199, 201, 208, 209, 214, 216
Долман А. 242
Допфер К. 23
Дюркгейм Э. 69
Дэви Г. 237
Дэвис Р. 212, 215

Елизавета I 146, 159

Зомбарт В. 24, 28, 134, 140

Ингрэм Дж. 219, 220
Ипполито Р. 205
Исократ 41

Кавендиш Г. 237
Капп К. 23
Кардвел Д. 237
Кардозо Ф. 59
Карл I 146, 147
Карл II 152, 153, 154
Карл V 120, 131, 132
Карно 235
Карр Е. 121
Картрайт 219
Кейнс Дж. 198
Керкер М. 236
Ким Г. Ф. 6, 87
Кинг Г. 206
Киндлебергер К. 208
Клайв Р. 168, 169

Кларк Дж. М. 56
Кларк К. 64
Кларк Р. 241
Клей К. 161, 165
Колумб Х. 141, 184, 234
Кольбер Ж. 158, 176, 203
Коммонс Д. 56
Кондорсе М. 38, 41
Кондратьев Н. Д. 72, 73, 77
Конт О. 38, 40, 42, 121
Коул У. 201, 208
Крафт Н. 202, 207, 208, 214, 225
Краницберг М. 219
Кромвель О. 147, 152, 156, 215
Крузет Ф. 189, 207, 208
Ксенофонт 41
Кузнец С. 201
Кун Т. 11, 224
Куртин П. 184
Кэслер Д. 49, 51—53

Лампрехт К. 145
Ланге О. 55
Лангенбек В. 178
Ландес Д. 201
Лапина З. Г. 223
Леблан Н. 237
Лебон Ф. 238
Леви-Стросс К. 68
Ледерер Е. 24
Ленин В. И. 7, 8
Ленман Б. 157
Ли К. 207, 225, 226
Лист Ф. 24
Ло Дж. 176
Локк Дж. 69
Лукреций 41, 42
Лэффер А. 67
Людовик XIV 94, 153, 160, 177

Магеллан 113
Макаренко В. В. 103, 105
Маккловски Д. 201
Маккорд У. 107
Мак-Кулох 221
Макнейл У. 123
Манту П. 201, 206
Маркс К. 8—10, 13, 24, 41, 42, 59, 63, 64, 109, 121, 122, 125—127, 150, 159, 164, 169, 170, 175, 186, 190, 197, 205, 219, 226, 227, 232, 243
Маркузе Г. 243
Маршалл П. 189
Матра Р. 107, 238, 239
Милль Дж. 69
Минз Г. 56
Миншинтон У. 208
Митчелл У. 56, 73, 74
Мокир Д. 204, 205, 208, 209
Моор Б. 59
Мортон А. 159
Моулдер Ф. 59, 95, 101, 105

Мунье Р. 74, 149
Мэддисон А. 214
Мюрдаль Г. 17, 23

Неф Д. 198
Нидхам Д. 97, 123, 232
Нисбет Р. 39, 41, 42
Норс Д. 221, 222
Норт Д. 194
Ньюкомен 236
Ньютон И. 234, 235

Обельский А. 60
Окава К. 107
Орчард Д. 107
Ошима Т. 107

Павлов В. И. 100, 102
Парсонс Т. 23, 31, 47—49, 51, 58, 59
Паттерсон О. 163, 164
Перейра И. 63
Перкин Х. 201, 204
Платон 40, 41, 85, 98
Плеханов Г. В. 9
Полани К. 7, 31, 43—48, 53, 58, 200
Полибий 42
Поллард С. 201
Пребиш Р. 59
Пристли Дж. 237

Ранис Г. 201
Рейналь А. 177
Рейснер Л. И. 231
Решауэр Е. 60, 61
Рикардо Д. 69, 221
Робертус К. 26
Ростовцев М. 26
Ростоу У. 31, 51, 59, 61, 63, 201
Румфорд 235
Руссо Ж. 220

Сенека 41
Сен-Симон А. 63
Симианд Ф. 74
Симония Н. А. 6, 195
Сказкин С. Д. 90
Смелсер Н. 23, 47, 49, 61
Смилянская И. М. 97
Смит А. 65, 69, 203, 220, 221, 222
Спенсер Г. 38, 41, 42, 121
Сталин И. 11
Стиглер Дж. 24
Стрит Д. 68
Сэвери 236

Тагвелл Р. 56
Тернер Д. 59
Тойнби А. Д. 42
Тойнби Арн. 200, 203, 217
Тюрго А. 38

Уайт Л. 115, 123

Уатт Д. 235, 236
Удальцова З. В. 84
Уолпол Р. 165

Уабер Х. 154, 170, 177, 178, 182, 183
Фарадей М. 237
Фей Д. 201
Фейербенк Д. 60, 61
Фердинанд I 132
Филипп II 132
Франк А. Г. 59, 69, 185
Фридрих Великий 203
Фукидид 39
Фурастье Ж. 64

Хабиб И. 187
Харгривс 190, 219
Хартвелл Р. 199
Хикс Д. 201
Хобсбаум Э. 149
Хозелитс Б. 24
Холт Р. 59
Хук Р. 237

Чарнок Д. 156
Чейздан Х. 69
Черняк Е. Б. 8, 84, 195

Чжен Хэ 99
Чжу Ди 99
Чжу Юань-чжан 99
Чнполла К. 114, 115, 123, 140, 185,
186

Шаню П. 74, 123, 178
Шейнис В. Л. 7
Шенберг Р. 77
Шилс Э. 23, 49
Широков Г. К. 4, 6, 198
Шлоте В. 210, 211
Шмоллер Г. 25
Шпенглер О. 42
Штейн 203
Шулин Э. 124
Шумпетер И. 24, 72, 77

Эдельштейн Л. 39, 40
Эйзенштадт С. 23, 49, 52, 53, 58
Эммануэль А. 59, 69, 80
Энгельс Ф. 10, 30, 95, 109, 121, 125,
126, 150, 159, 197, 221, 226, 227

Яков I 146
Яков II 153, 157

CONTENTS

Foreword	3
Chapter One	
Social Development and Modernization Concepts	17
1. A Typology of Western Economic Theory and Development Concepts	21
2. Problems of Social-Economic Development in the Works of German «Historical School»	24
3. Macrosociological Models of Social Change	32
4. Institutional Concepts of Consolidation of an «Industrial System»	56
5. Structuralist Theories of «World Systems»	67
Chapter Two	
A Typology of Late Feudalism in the West—East Correlation	84
1. Factors of Intensified Social-Economic Development in Western Europe	84
2. Prerequisites for European Colonial Expansion and the Emergence of World Market	111
Chapter Three	
The Shaping of World Market and Colonial System	121
1. Main Stages in the Development of World Market and Colonial System	121
2. Internal Political and Economic Struggle in Europe in the Early Period of Colonial Expansion	128
3. Struggle for Supremacy on the Seas and for Colonial Domination. Trading Wars	151
4. The Role of Trading Monopoly Companies in Creating World Market	170
Chapter Four	
The Industrial Revolution and World Market	192
In Lieu of Conclusion: Technology and Science in Social-Economic Development	230
Bibliography	251
Name Index	260

Введение . . .	3
Глава первая	
Концепции общественного развития и модернизации	17
1. Типология западной экономической теории и концепций развития	21
2. Проблемы социально-экономического развития в работах представителей немецкой «исторической школы»	24
3. Макросоциологические модели общественных изменений	32
4. Институциональные концепции становления «индустриальной системы»	56
5. Структуралистские теории «мировых систем»	67
Глава вторая	
Типология позднего феодализма в рамках сопоставления Запад—Восток	84
1. Факторы ускоренного социально-экономического развития Западной Европы	84
2. Предпосылки европейской колониальной экспансии и образования мирового рынка	111
Глава третья	
Формирование мирового рынка и колониальной системы	121
1. Основные этапы становления мирового рынка и колониальной системы	121
2. Внутриевропейская политическая и экономическая борьба на начальном этапе колониальной экспансии	128
3. Борьба за господство на море и колониальную гегемонию. Торговые войны	151
4. Роль монопольных торговых компаний в формировании мирового рынка	170
Глава четвертая	
Промышленная революция и мировой рынок	192
Вместо заключения: техника и наука в социально-экономическом развитии	230
Использованная литература	251
Указатель имен	260
Contents	263

